

Божией милостию архиерей Русской Церкви Сергей Фомин

...В город Вятку позапрошлого века приезжает отец Иоанн Кронштадтский. В толпе людей, встречающих Батюшку, семилетний мальчик Коленька Анисимов. С трудом пробившись к отцу Иоанну, он просит его помолиться о своей умирающей матушке. Отец Иоанн приезжает к ним в дом, служит молебен – и матушка получает исцеление. Это событие определило всю будущую жизнь владыки Нестора...

Митрополит Нестор Камчатский – личность легендарная. В двадцать два года он принимает монашество и, по благословению святого праведного Иоанна Кронштадтского, уезжает на место своего миссионерского служения – на Камчатку. Там, в тяжелейших условиях, жестокие морозы и пургу, переезжая от стойбища к стойбищу на собачьих упряжках, не раз чудом избежав смерти, окормляет он свою дикую, страждущую паству, любит и жалеет её как родных детей: «Они не знали любви Христовой, не были утешены ничьей лаской... Они только боялись...»

Он строит церковь, больницы и школы, переводит на карякский и тунгусский богослужебную литературу и молитвы. За несколько лет – тысячи крещённых камчадалов. В облачении отца Иоанна он служит пасхальную заутреню в колонии прокаженных...

Для помощи бедствующей Камчатке иеромонах Нестор организует благотворительное братство во имя Нерукотворенного Образа Всемиловитого Спаса, причём при активнейшем содействии святого страстотерпца Императора Николая Александровича и Императрицы-Матери Марии Фёдоровны. Любовь и благодарность к Святой Царской Семье он пронес через всю свою жизнь.

Во время первой мировой войны владыка Нестор два года – на передовой, сам выносит раненых с поля боя, ходит верхом в кавалерийские атаки, за что был удостоен высшей духовной

награды – наперсного креста на Георгиевской ленте и орден Святого Владимира...

В 17-м году он идёт с посольством добровольцев в обстреливаемый большевиками Кремль, чтобы примирить враждующих и остановить разрушение Великой Русской

Святыни. Результат – книга «Расстрел Московского Кремля».

В 18-м году епископ Нестор один из возглавителей единственной реальной попытки спасения Царской Семьи. Владыка был первым архиереем, арестованным большевиками. За него молился Священный Собор и вся Православная Россия – и он был отпущен.

Именно с владыкой Нестором святейший патриарх Тихон посылает икону Божией Матери «Державную» одному из немногих оставшихся верным Государю генералу графу Келлеру, когда тот собирает армию для похода на Москву. Он же, епископ Нестор, был послан Патриархом к Колчаку с иконой «раненого» Николы – иконы из расстрелянного Кремля, на которой у Святителя Николая осталась только правая рука – с мечом!

Затем были годы эмиграции в Харбине. Там Владыка создаёт Дом Милосердия, помогая обездоленным русским людям.

Великая Отечественная война была для Владыки в первую очередь войной против русского народа и победа в ней была не победа советской власти, а победа русского народа над жестоким врагом. Владыка был преисполнен гордости за свой народ – и он решает вернуться на Родину. Дальше были почти 10 лет лагерей. В китайских тюрьмах Владыке, как русскому шпиону, вгоняли иголки под ногти; в советских – ломали больную негнущуюся ногу...

В последние годы жизни Владыка был митрополитом Кировоградским и Николаевским. Это было в тяжёлое для Русской Православной Церкви годы хрущевской «оттепели», но в своей епархии он не дал закрыть ни одного храма и только после его снятия были закрыты почти все.

Владыка всегда носил свои царские ордена, а на недовольство советских чиновников отвечал с упором на первом слове: «Мои ордена заслужены...» Этого человека было невозможно сломить. Митрополит Нестор – личность легендарная.

В нашем издании значительно расширено жизнеописание Владыки, в последние годы стали известны многие новые архивные сведения о его жизни.

В настоящее время в Петропавловской и Камчатской епархии собирают материалы для прославления Святителя Нестора.

«...Я Божией милостью Архиерей Русской Православной Церкви и носитель Божией благодати, и моя совесть чиста...»

Митрополит Нестор (Анисимов)

Часть I. Три жизни митрополита Нестора

Миссионер

Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

(Мф. 28:19)

В день празднования иконы Божией Матери «Скоропослушница», 9 ноября 1885 г., в Вятке в семье военного чиновника Александра Александровича Анисимова родился второй сын, названный во Святом Крещении Николаем. Горячей религиозностью, проявившейся с детских лет, он был обязан своей матери Антонине Евлампиевне, дочери настоятеля Вятской кладбищенской церкви, женщине с хорошим светским образованием и в то же время весьма набожной. Частое пребывание в храме, чистая детская молитва – всё это ещё в раннем детстве возбудило в нём желание, может быть, ещё и неосознанное, послужить Господу в священном сане. В этом желании шестилетнего мальчика утвердил местный епископ, предсказавший, что пройдёт время и он действительно станет архиереем.

Ещё в юные годы в стенах Казанского реального училища произошло его знакомство с архимандритом Андреем (Ухтомским)¹, решающим образом повлиявшим на дальнейшую судьбу Николая Анисимова. Сразу же по окончании училища он поступил на миссионерское монгольско-калмыцкое отделение при Казанской Духовной Академии. Именно в это время он был принят в число послушников Казанского Спасо-Преображенского монастыря. Молитва и усиленные занятия восточными языками под духовным руководством архимандрита Андрея – всё это вольно или невольно приближало его к вступлению на predetermined ему Господом путь.

Дело решил случай. Как-то сам Николай передал отцу Андрею письмо от архиепископа Владивостокского Евсевия (Никольского, 1922)², содержащее просьбу прислать на Камчатку миссионера, и тот совершенно неожиданно благословил своё духовное чадо на это служение. 17 апреля

1907 г. 22-летний Николай Анисимов принял монашеский постриг, с именем Нестор (в честь мученика Нестора Солунского, память 27 октября). Постригал его архимандрит Андрей. Вскоре (6 мая 1907 г.) епископом Благовещенским и Приамурским Иннокентием (Солодчининым) (1919)³ он был рукоположен во иеродиакона, а через несколько дней (9 мая) епископом Чистопольским Алексием (Дородницыным, 1919)⁴ – во иеромонаха. Получив благословение от святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, в том же 1907 г., летом, отец Нестор выехал к месту своего будущего служения – на Камчатку, где обосновался в отдаленнейшем тогда посёлении – Гижиге.

Случай этот был не вполне обычный, достаточно вспомнить многочисленные жалобы в дневнике святителя Николая Японского⁵: «О как больно, как горько иной раз душе за наше любезное Православие! Я ездил в Россию звать людей на пир жизни и труда, на самое прямое дело служения Православию. Был во всех четырех академиях, звал цвет молодежи русской – по интеллектуальному развитию и, казалось бы, по благочестию и желанию посвятить свои силы на дело веры, в которой она с младенчества воспитана. И что же? Из всех один, только один отзывался на мой зов, да и тот дал не совсем твёрдое и решительное слово, и тот, быть может, изменит. Все прочие, все положительно, или не хотели и слышать, или вопрошали о выгодах и привилегиях службы. Таково настроение православного духовенства в России относительно интересов Православия! Не грустно ли?»⁶

Когда семья Анисимовых, по воспоминаниям впоследствии близких Владыке людей, находилась в Казани «на пристани в ожидании парохода, раздался голос: “А где здесь камчатский миссионер?”. Иеромонах Нестор отзывался на зов. Ему сообщили, чтобы он немедленно направился в монастырь, где его ожидает нарочный от отца Иоанна Кронштадтского.

В монастыре посланный отцом Иоанном вручил о. Нестору иерейское облачение, сказав, что Батюшка не знает его нового имени, но знает, что он должен быть священником, и посылает

ему своё облачение. Кроме того, он передал о. Нестору неполную бутылочку хереса»⁷.

В 1908 г. именно в этом облачении, подаренном Батюшкой, отец Нестор служил знаменитую (подробно описанную им в воспоминаниях) Пасхальную службу в колонии для прокажённых⁸.

Что касается бутылочки хереса, то, по словам нарочного, «о. Иоанн велел ему передать, что он сам выпил половину этого, а ему [о. Нестору] надлежит испить вторую половину. Впоследствии на Камчатке в тяжёлые минуты болезни одна капля этого хереса являлась для о. Нестора лучшим лекарством»⁹.

Номинально принадлежавшая России Камчатка в ту пору фактически была оторвана от неё. Неграмотные, лишённые весомой поддержки со стороны государства и элементарной медицинской помощи камчадалы не были просвещены и светом Христовой Истины, исповедовали тёмные языческие верования, крайне осложнявшие и без того нелёгкую их жизнь. Единственным «утешением» была водка, которую, несмотря на трудноодолимые препятствия, беспрерывно доставлял сюда «цивилизованный» мир. Американские, английские, японские да и доморощенные авантюристы выменивали на неё у простодушных туземцев ценнейшую пушнину.

За несколько лет неустанной работы иеромонаху Нестору удалось сделать немало. Пред его даром любви и терпения открылись души многих камчадалов. Его проповедь слова Божия была успешна. Тысячи людей, пребывавших в языческой тьме, были им крещены.

И всё-таки силы одного человека, даже такого деятельного, были ограничены.

Отец Нестор решил обратиться к православным русским людям. В 1909 г. он участвовал в Монархическом съезде русских людей, проходившем в Москве с 27 сентября по 4 октября¹⁰. Большинство его заседаний проходило под почётным председательством будущего священномученика митрополита Московского Владимира. «Воскресенье 27 сентября, – сообщали газеты, – всё посвящено было торжеству открытия

Московского съезда монархистов. Утром с 9–12 часов в храме Епархиального дома торжественно была совершена Литургия, а после неё молебен»¹¹. Среди тех, кто служил в тот день, был и «иеромонах Нестор с Камчатки»¹².

Выступать ему пришлось лишь в последний день съезда: кафедру «поочередно занимают представители отдаленных окраин, прибывшие на съезд. Выступали с речами: иеромонах Нестор, протоиерей Мичурин (из Никольска Уссурийского), протоиерей Кузнецов (из Читы), г. Разночинцев (из Красноярска), свящ. Голеновский (из Томска). ... Всё горе, все беды Русской земли, все свои безысходные скорби поведали они этому собранию русских людей. На призыв иеромонаха Нестора, камчатского миссионера, помочь делу духовного просвещения на Камчатке материально, собрание откликнулось щедрыми пожертвованиями»¹³.

Выступление отца Нестора оказало большое влияние на Постановление Монархического съезда русских людей 1909 г. Приведём все его части, имеющие отношение к Камчатке.

В первом отделе («Церковные вопросы») в разделе «Внешняя миссия» было «признано желательным»:

«... 2) Чтобы учреждена была на Камчатке особая кафедра Епископа с нахождением её в Петропавловском селении и чтобы местная министерская школа была преобразована в церковно-учительскую семинарию.

3) Чтобы был увеличен оклад содержания миссионеров Камчатской внутренней миссии, для чего надлежит сравнять их в этом с другими миссионерами Православной Русской Церкви и определить им особые разъездные суммы, соответственно их миссионерским поездкам»¹⁴.

В разделе «Переселенческий вопрос» в пункте 14-м читаем: «На Камчатку население должно быть привлекаемо чрезвычайными льготами»¹⁵. В 20-м говорится: «С большим интересом был заслушан и принят к сведению доклад иеромонаха Нестора, миссионера Камчатки, живущего там около 3 лет, о печальном положении населения как русского, так и инородческого. Переселение в этот край, обильный пушниной, рыбой и минеральными богатствами, возможно

преимущественно для охотников, рыболовов и рудокопов, при условии снабжения полуострова хлебом из плодородных местностей Приморской области и усиления и ускорения пароходного сообщения с полуостровом. Господами края и желанными гостями для камчадалов являются ныне японцы и американцы, снабжающие край в изобилии спиртом, в обмен на пушнину и рыбу»¹⁶.

В пятом отделе «Государственное благоустройство» в специальном разделе «Дальний Восток» проблема эта получила дальнейшее развитие: «Отдаленнейший край наш Камчатка, который в настоящее время подвергается большой опасности захвата со стороны Японии и Америки, должен обратить на себя внимание правительства; японцы и американцы, спаивая инородцев, отбирают у них всю пушнину за бесценок; на севере американцы вполне подчинили своему влиянию чукчей, оказывая им некоторую медицинскую и хозяйственную помощь; принимая их детей в свои школы, американцы настолько влияют на них, что чукчи, ни слова не понимающие по-русски, в большинстве своей массы все говорят по-английски; на всю Камчатку у нас имеется только один врач, да и тот живет на юге, в г. Петропавловске; военная охрана Камчатки совершенно отсутствует, напр., в Гижиге на несколько десятков собачных (вместо конных) казаков имеется только одна шашка; – ввиду сказанного и вместе с состоявшимся уже назначением губернатора обратить внимание на всестороннее изучение Камчатки, быта её населения и её природных богатств; а население необходимо оградить от бессовестной эксплуатации и спаивания его как со стороны скупщиков, так и со стороны нередко самой администрации»¹⁷.

В те же годы у отца Нестора и зародилась мысль о создании Православного Камчатского братства со многими отделениями в крупных городах Российской Империи. Для осуществления этого замысла, с благословения местного архиерея, отец Нестор и выехал в Петербург. Все перипетии хлопот об учреждении Братства описаны в публикуемых воспоминаниях. Здесь скажем лишь, что успех миссии отца Нестора, несмотря на противодействие Святейшего Синода и

особое упорство его тогдашнего обер-прокурора С.М. Лукьянова¹⁸, стал возможен исключительно благодаря личной поддержке Государя Николая Александровича и Императрицы-Матери Марии Феодоровны.

В числе основателей созданного в 1910 г. Православного Камчатского братства во имя Нерукотворенного Образа Всемиловейшего Спаса¹⁹ были: архиепископ Тверской и Кашинский Антоний (Каржавин), епископ Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский), епископ Холмский Евлогий (Георгиевский), епископ Гомельский Митрофан (Краснопольский), епископ Гдовский Вениамин (Казанский), духовник Свято-Троицкой Сергиевой лавры иеромонах Ипполит (Яковлев), настоятель Петропавловского придворного собора протоиерей Александр Дернов, член Государственной Думы священник Савва Богданов, Государственный секретарь А.А. Макаров, член Государственного совета, сенатор, бывший обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер²⁰, академик А.И. Соболевский, профессор Н.И. Веселовский, А.А. Вырубова. В состав учредителей братства входили: А.А. Майков, Г.В. Бутми, А.З. Назаревский, Л.Е. Катанский и другие²¹. Особое участие в деятельности братства принимали князья Жеваховы: Николай Давидович (24.12.1874–1947) – будущий товарищ обер-прокурора Святейшего Синода и его брат Владимир Давидович (1874–1938), впоследствии епископ Могилевский Иоасаф, а также их двоюродный брат – доктор Сергей Владимирович Жевахов. Все трое были удостоены награды Братским крестом 2-й степени, причём князь Н.Д. Жевахов получил награду в марте 1911 г. как учредитель Братства²². Членом Совета Православного Камчатского братства состоял также святой равноапостольный Николай, архиепископ Японский.

Во многих городах Империи открывались отделы Братства. Московский отдел был торжественно открыт 27 октября 1911 г. в Кремле при Чудовом монастыре трудами его настоятеля архимандрита (позднее епископа) Арсения (Жадановского, 1874–1937)²³ под покровительством митрополита Московского Владимира (Богоявленского)²⁴.

С удвоенной энергией отец Нестор принимается за работу на Камчатке по строительству церквей, школ, интернатов, больниц.

Прожив несколько лет среди камчадалов, иеромонах Нестор изучил корякский и тунгусский языки, перевёл на корякский Божественную литургию, частично Евангелие, а на тунгусский – молитву «Отче наш», заповеди Моисея и заповеди Блаженства, молитвы на лов рыбы, на освящение рыбы, рыбных снастей и мрежей (сетей – Ред.), утверждённые Святейшим Синодом в 1910 г. Среди составленных им в то время молитв была и такая:

Спаси и сохрани, Господи, всех любящих и отзывающихся на нужды нашей холодной и голодной Камчатки, умиротвори, Господи, обидящих нас и, благодаря отдалённости края, долгое время беззащитных. Прости, Господи, и ненавидящих нас за наше стремление к церковной, нравственной, трезвой и честной христианской жизни.

В те годы состоялась встреча отца Нестора с прославленным православным миссионером, «Апостолом Алтая», святителем Макарием (Парвицким – Невским)²⁵, митрополитом Московским. ещё в вышедшем в 1910 г. очерке отец Нестор писал о нём: «...Игумен Макарий Невский снискал среди населения Алтая такую любовь, что был у них не только пастырем-учителем, но и судьёю совести. А его духовные стихи знали там и до сих пор знают наизусть почти все дети. Этот неутомимый труженик 28 лет обогревал ниву православного просвещения на Алтае своею поэтической душою, исполненной чувством глубокого благожелания»²⁶.

О встрече со Святителем Божиим отца Нестора мы знаем со слов секретаря последнего:

«Ещё до революции, будучи молодым миссионером на Камчатке среди чукчей и коряков, отец Нестор приехал в Москву и пошёл к митрополиту Макарию.

В приёмном зале толпилось много народа, ожидая выхода Митрополита.

Наконец он вышел и пошёл по рядам просителей. Почти неизменно каждому он говорил:

– А вы идите к викарию, Преосвященный всё это лучше меня знает.

Приблизительно в середине ожидавших стоял отец Нестор. Подойдя к нему, Митрополит спросил:

– А вы откуда, батюшка?

– С Камчатки.

– А что Вы там делаете?

– Я миссионер, веду миссионерскую работу среди коряков и чукчей.

– Миссионер... А вы язык их знаете?

– Корякский знаю, а чукотский ещё нет.

– А Евангелие на корякский язык перевели?

– Перевёл.

– Идёмте ко мне, – проговорил Митрополит и, обернувшись к оставшимся просителям, умоляюще сказал:

– Идите все к викарию, он всё лучше знает. А я вот с миссионером про миссионерство поговорю»²⁷.

За понесенные труды отец Нестор в 1914 г. был возведён в сан игумена.

Объявление войны застало его в России. Об обстоятельствах этого времени узнаем из письма игумена графине С.С. Игнатьевой:

†

Ваше Сиятельство,

Глубокочтимейшая,

добрейшая Графиня София Сергеевна.

Шлю Вам сердечнейший привет и молитвенно призываю на Вас и всё Ваше семейство Божие благословение. Приехал я в Россию со своими серьёзными Камчатскими делами, но обстоятельства, застигшие меня на пороге России, заставляют меня терпеливо ожидать Славного исхода войны для Великой Христолюбивой России и более благоприятного времени для моих серьёзных, имеющих тоже великое Церковное и Государственное значение дел в смысле благоустройства Камчатской области.

Владыка арх[иепископ] Евсевий дал мне отпуск по делам Камчатки на всю зиму, и я полагаю, что будет же возможность

мне хотя долю тех серьёзных дел выполнить, которые, на мой взгляд, не терпят отлагательства. Беспредельно благодарю Вас, добрейшая Графиня, за Вашу неизменную истинно Православно-русскую отзывчивость на нужды и пользу отдаленной Русской окраины Камч[атской] области, Я и мои детки духовные можем только выразить Вам нашу искреннюю благодарность нашей посильной молитвой за всех Вас благодетелей.

Дар Вашего Чертолина Свв. Иконостасы украсили наши маленькие убогие храмы. Ещё раз благодарим Вас и Ваше Богохранимое доброе Чертолино.

Петербургский стан устрояется всё лучше и лучше, в чём много содействовал неусыпно заботящийся Петербургский отдел Братства Камчатского. Спаси Его Господи! Нынешним летом окончательно устроен приют с больницей, аптекой, церковью и богадельней, а также в приюте будут жить дети учащиеся кочующих инородцев. Школа Петбургского стана только лишь всех утешает своими сверхожидаемыми успехами. В Петербурге сочту за счастье и великую для себя честь лично более подробно доложить о моих миссионерских делах.

Есть у меня и горя не мало и весьма существенного, которое, уверен, Вы, как чуткий и добрый человек, разделите со мной и в то же время придёте посильно на помощь. Разговор желаю иметь с Вами добрая Графиня, совершенно конфиденциальный. Я уверен, что горе Камчатки – горе моё – это горе и Ваше. Сейчас не могу я писать об этих скорбях, а лично сообщу Вам всё.

Желательно скорейшего с Вами свидания, но буду терпелив. Сейчас я нахожусь в Вятке у своей дорогой, безгранично любимой мамочки и являюсь в трудное время некоторой поддержкой и для неё. Мой отец и брат Иларию ушли на войну. Спаси и сохрани их Господи и всё православное Русское воинство. Мамочка сильно прихворнула и чувствует большой упадок сил, хотя сильно бодрится.

Где в настоящее время Ваши сыновья, если на поле брани, то да сохранит их Господь и да пошлёт славную победу над гордым и надменным врагом. Слава Богу, что вся Россия сейчас

единодушна и все люди, как один человек, сознают важный исторический момент всемирного переживания. При таком равенстве чувств и действий никто не усомнится в славной победе и Бог сохранит верующих в Его всеильную помощь.

Шлю сердечный привет Ольге Алексеевне, я считаю её Вашей радостью и утешением, спаси её Христос! Прошу передать мой привет всем Вашим сыновьям, которые должны составлять чистую и светлую гордость Вашу. Бог да сохранит всех Вас. Искренне благодарный и всепреданный Ваш посильный молитвенник и всегда готовый к услугам.

Игумен НЕСТОР,

Начальник Камчатск. Дух. Миссии.

Мой адрес: Вятка, Преображенская ул. Дом Нелюбина, кв. Анисимовых. Игумену Нестору Камчатскому.

8 авг. 1914 г.

P.S. Приветствую с наступлением нашего братского Камчатского праздника 16 авг[уста]. Иг. Нестор.

P.P.S. Мамочка шлёт Вам сердечный привет. Иг. Нестор²⁸

Вслед за отцом и братом вскоре ушёл на фронт и отец Нестор. Во время первой мировой войны он два года провёл на передовой. Организовав санитарный отряд «Первая помощь под огнём», отец Нестор сам выносил раненых с поля боя, перевязывал, напутствовал, направлял пострадавших в госпитали и лазареты. Состоя при Лейб-гвардии Драгунском полку, ходил с ним верхом в кавалерийскую атаку, за что был удостоен высшей духовной награды – наперсного креста на Георгиевской ленте, а также орденов Святого равноапостольного Великого Князя Владимира с мечами 4-й степени и Святой Анны 2-й и 3-й степеней также с мечами. В 1915 г. Святейшим Синодом игумен Нестор был возведён в сан архимандрита.

После фронта отец Нестор возвратился на Камчатку. «6 декабря, – говорилось в телеграмме, полученной в 1915 г. из Петропавловска-Камчатского в одной из столичных газет, – миссионером Камчатской миссии, архимандритом Нестором, устроен патриотический вечер в пользу раненых воинов и беженцев. Архимандритом Нестором, как очевидцем войны,

прочитан доклад, сопровождавшийся световыми картинками из эпизодов войны. Зал собрания не мог вместить всех желающих, приехавших на собаках за сотни вёрст послушать высокочтимого в крае пастыря»²⁹.

16 октября 1916 г. архимандрит Нестор по Высочайшему повелению был хиротонисан во епископа Камчатского и Петропавловского и стал вторым викарием Владивостокской епархии. «...Митрополит [Петроградский] Питирим [Окнов], – писала 20 лет спустя харбинская газета, – на основании доклада архиепископа Евсевия внёс в Синод предложение основать Камчатскую епархию. Синод принял проект и архиепископу Евсевию было предложено назвать кандидатов на новую кафедру. Владыка ответил, что кандидат только один – работающий уже 9 лет на Камчатке архимандрит Нестор»³⁰. И действительно, благодаря его трудам в крае к 1917 г. было уже 37 храмов, 38 часовен и 42 школы³¹. Отец Нестор в этот момент только что оправился от тяжёлой болезни, едва не сведшей его в могилу. По срочному вызову отец Нестор выехал во Владивосток, а оттуда в Петроград. По его желанию хиротонию совершили во Владивостоке. Через несколько дней новопоставленный Владыка выехал на Камчатку, куда прибыл ровно в день своего рождения – 9 ноября. Епископу Нестору исполнился 31 год. Знаменательно, что первую архипастырскую поездку по епархии он совершил во время эпидемии чёрной оспы.

Дальнейшие обстоятельства жизни владыки Нестора не нашли отражения в его воспоминаниях. Постараемся, насколько возможно, восполнить этот пробел, используя архивные документы, воспоминания современников и материалы периодической печати.

Расстрел московского кремля

В 1917–1918 гг. епископ Нестор участвовал в работе Всероссийского Церковного Собора и выборах Патриарха. В Москву он отправился в сопровождении делегата от мирян – камчадала Ивана Трифоновича Новограбленова.

В октябре 1917-го уже явственны были таинственные гулы близкого будущего. Зверь рвался из бездны. 21 октября двое нетрезвых солдат попытались осквернить в Кремле мощи священномученика Ермогена. На заседании Собора 23 октября епископ Нестор выступил с внеочередным заявлением: «Вчерашний день мы слышали от протопресвитера Н.А. Любимова о том ужасном святотатстве, которое проявлено в Успенском соборе над ракой со святыми мощами святителя Ермогена. Это начало тех ужасов и святотатств, которые ожидают нас впереди.

В моих руках я держу сейчас с отвращением брошюру “Религиозная язва”. Таких брошюр в настоящее время раздаётся и продаётся среди простого народа очень много. Я не буду её всю читать: здесь столько хулы на Духа Святого, на Святую Троицу! Но позвольте сообщить вам самый конец этой брошюры. Враги Церкви пишут: “Будем надеяться, что скоро наступит тот день, когда распятие и иконы будут брошены в печь, из священных сосудов и кадилниц будут готовить полезные предметы; церкви будут обращены в залы для концертов, театральных представлений или собраний, а в случае, если они не будут годиться для этих целей, то в хлебные магазины или в конюшни”.

За минувшую неделю мне пришлось быть в массе народной и пришлось видеть и слышать много тяжелого и назидательного. Одни ищут веры, подкрепления и утешения в ней, а другие, пользуясь растерянностью народа, проникают в массу народную и разлагают Русский Православный народ. Святотатцы проникают и в храмы. Если бы члены Собора хоть раз в неделю стали ближе к массе народной и пошли бы к народу с молитвою и проповедью, то они лично бы сделали

великое дело и совершили бы дело спасения Православной Церкви»³².

Но...

Начисто отвергнуто бывшее,
Всё родное вдруг отсечено.
С русскою кончает стариною
Вдруг зашевелившееся дно.

Автор этих строк – участник московских событий осени 1917 г. Он не только поэт, но и офицер. Жизненные пути его и епископа Нестора пересекутся ещё раз – на Дальнем Востоке. Пока же он в составе горстки юнкеров, обороняющих Кремль:

Мы заняли Кремль, мы – всюду
Под влажным покровом тьмы,
И всё-таки только чуду
Вверяем победу мы.
Ведь заперты мы во вражьем
Кольце, что замкнуло нас,
И с башни кремлёвской – стражам
Бьет гулко полночный час³³.

С приходом к власти большевиков и началом братоубийства в Москве Собор заседал ежедневно. 31 октября 1917 г. по почину архиепископа Таврического Димитрия (Абашидзе) и епископа Нестора было решено отправить «к воюющим гражданам» посольство, чтобы водворить в Москве мир и спокойствие.

«По зову электрических звонков в 10 час. вечера все живущие в духовной семинарии члены Собора экстренно собрались, по архипастырскому почину Димитрия, архиепископа Таврического, и Нестора, епископа Камчатского, в семинарский актовый зал, чтобы решить вопрос о посольстве к воюющим гражданам с предложением водворить между собой и в Москве мир. Весь зал и хоры быстро заполнились соборянами. Раздались краткие, но сильные и воодушевленные речи упомянутых Владык и других членов Собора. Начали затем выбирать членов посольства. Вдруг проходит вперёд в грустной задумчивости сидевший в одном из последних рядов стульев Тифлисский митрополит Платон и заявляет: «Усердно прошу

зачислить и меня в состав посольства”. ... Окончилось собрание уже в первом часу ночи»³⁴.

Один из участников посольства впоследствии вспоминал: «...Изъявили желание идти Платон, митрополит Кавказский; Димитрий, архиепископ Таврический; Нестор, епископ Камчатский; Виссарион, архимандрит Макариевского-Желтоводского монастыря, протоиереи Чернявский и Бекаревич, крестьяне А.И. Июдин³⁵ и П.И. Уткин; вечером к ряду же отслужили молебен об умиротворении; молились весьма усердно, многие со слезами на глазах. После молебна собрались переговорить, когда и как, с чем идти. Митрополит пожелал взять в руки Святой Крест, белый клобук на голове и омофор на плечах, епископ Димитрий – Святое Евангелие, епископ Нестор и священники – повязки Красного Креста, архимандрит – с иконой святителя Гермогена³⁶; Июдин и Уткин – с флажками Красного Креста; выйти из дома в 9 ½ часа утра.

Уткин и Июдин вечером решили ответить и утром, подготовившись, исповедались и приобщились Святых Таин. Это уже 2-го ноября, попив чаю после обедни, вышли из семинарии. Нас провожали товарищи делегаты со слезами, вероятно, многие думали, что едва ли увидятся больше, как на явную смерть; зашли мы в Епархиальный дом, взяв от Соборного Совета благословение, и пошли на Петровскую улицу. Нас с пением “Святой Боже” провожали многие и молитву эту пели не так красиво и стройно, но весьма умирительно»³⁷.

Вот как описывает события того дня другой очевидец: «Наступило утро 2 ноября. Шёл дождь. ... Около 10 ч. из церкви через соборную палату двинулось соборное посольское шествие во главе с бывшим в белом клобуке, омофоре и епитрахили с крестом в руке митрополитом Платоном. По бокам процессии развевалось два белых флага с нашитыми на них красными крестами. Идут посланцы при пении: “Спаси, Господи, люди Твоя” и направляются в военно-революционный комитет (большевицкий штаб), поместившийся в бывшем генерал-губернаторском доме на Тверской улице. ...

Митрополит вёл переговоры с управляющим делами военно-революционного комитета и в конце беседы стал умолять его прекратить бойню. Так как одни слова не действовали, то Владыка стал умоляюще опускаться на колена, но управляющий делами военно-революционного комитета взял Митрополита за руки, поднял и усадил, заверив Владыку, что особая комиссия работает над вопросом об окончании сражения и что Собор вечером уже узнает о прекращении партийной борьбы. На прощание он взял у Митрополита благословение и проводил его из дома к группе соборной депутации, а затем особый проводник провёл всех на некоторое расстояние в направлении к Епархиальному дому»³⁸.

Во время этой встречи митрополит Платон передал комитету обращение:

Во имя Божие Всероссийский Священный Собор призывает сражающихся между собой дорогих наших братьев и детей воздержаться от дальнейшей ужасной кровопролитной брани. Священный Собор от лица нашей дорогой Православной России умоляет победителей не допускать никаких актов мести, жестокой расправы и во всех случаях щадить жизнь побеждённых. Во имя спасения Кремля и спасения дорогих всем нам святынь, разрушения которых и поругания русский народ никогда никому не простит, Священный Собор умоляет не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу.

Председатель Собора митрополит ТИХОН³⁹.

В этот же день, 2 ноября, как раз во время выступления протопресвитера Н.А. Любимова, призывавшего членов Собора приступить к избранию Патриарха через неделю, чтобы совершить его в Успенском соборе – Доме Пресвятой Богородицы, в соборную палату, где происходило заседание, вошло, в преднесении иконы священномученика Ермогена, посольство, посетившее Московский военно-революционный комитет. При этом весь Собор встал с пением «Заступнице Усердная»⁴⁰.

Среди участников соборного посольства на этом заседании выступал и епископ Нестор: «Я не буду повторять того, что сказано, но подчеркну только то, что я заметил. Когда мы

встретились с вооруженными солдатами, они нас встретили не приветливо, но постепенно мало-помалу, когда приходилось с ними разговаривать, сердце их смягчалось, и оказалось, что к ним можно подойти, и озлобленные солдаты нас слушали. Мы спрашивали: “Зачем вы проливаете кровь мирного населения?” Некоторые солдаты говорили: «Что вы их слушаете: мы люди верующие, пусть они идут к неверующим людям, к юнкерам!” Получалось всё-таки впечатление, что нашими беседами смягчаются их озлобленные сердца. Когда толпа солдат стала с нами разговаривать, немногие постарались оттеснить нас от солдат и запретили им разговаривать с нами. Ясно, что получался благоприятный результат от наших бесед. Этот результат надо развить и не следует останавливаться на том, что нами сделано. Вот ведут разоруженного офицера. “Посмотрите на эту рожу,— говорили в толпе, — они всегда нас толкали вперёд, а сами не шли!”. Я вступился за них и сказал, что это — неправда: я сам был на войне и видел, как офицеры шли впереди солдат. Я вынес убеждение, что солдат можно смягчить и что народ ждёт крестного хода. Нам нужно выйти с народом на общую молитву»⁴¹.

«Я видел Кремль, — писал позднее епископ Нестор,— ещё когда горячие раны сочились кровью, когда стены храмов, пробитые снарядами, рассыпались. Без боли в сердце нельзя было смотреть на эти поруганные святыни»⁴². И далее: «...Какие нужны слёзы покаяния, чтобы смыть всю ту нечистоту, которой осквернили священный Кремль наши русские братья, руководимые врагами!»⁴³

«Вы хотите знать, что сделали “завоеватели” с Москвой... — свидетельствовал в частном письме от 23 ноября 1917 г. художник М.В. Нестеров, — О! Они её сильно покалечили. Тягостное зрелище являет собой Кремль. Успенский собор поврежден двумя снарядами — отверстие в куполе в диаметре 3 ½ аршина. Чудов мон[астырь], Ивановская колокольня и особенно в ней помещающаяся Патриаршая ризница. Там на полу груды стёкол от икон, шкапов, наличников, витрин — всё это смешалось с алмазами, рубинами, всякими драгоценностями. Облачения Царей, святителей порваны, эмали на Евангелии —

разбиты и так далее. Снаружи разбита Беклемишева башня, Спасские и Никольские ворота, на последних сильно пострадал образ. Весь изрешечён Окружной суд, стены Кремля, Николаевский дворец и многое другое. Там же теперь, около Кремлёвской стены, как народ говорит, “под забором”, похоронены “жертвы третьей великой революции”, те бедняги, которых втянули в злое, братоубийственное дело. Крестов на могилах нет, со стен болтаются красные тряпки – «символы и эмблемы» великой революции. Из улиц пострадали: Остоженка, Пречистенка, Арбат с переулками. Особенно Поварская, Никитская и страшное зрелище дают Никитские ворота. Там разрушено три дома, под ними погребено много народа. Наш район тоже был обстрелян. День и ночь мы жили под выстрелами. В мою квартиру попали две пули, едва не убив прислугу. Военные, бывшие на фронте, говорят, что в Москве было тяжелее по одному тому, что стрельба шла со всех сторон. Снаряды и пули летели беспорядочно. На людей охотились, как на зайцев, это мы наблюдали из окон»⁴⁴.

«В чём же сказалась наша самая большая беда? – записал 21 февраля 1918 г. в своём дневнике писатель М.М. Пришвин. – Конечно, в поругании святых народных: не важно, что снаряд сделал дыру в Успенском соборе – это легко заделать. А беда в том духе, который направил пушку на Успенский собор. Раз он посягнул на это, ему ничего не стоит посягнуть и на личность человеческую»⁴⁵.

Отважной горсти юнкеров
Ты не помог, огромный город, –
Из запертых своих домов,
Из-за окон в тяжёлых шторах –
Ты лишь исхода ждал борьбы
И каменел в поту от страха,
И вырвала из рук судьбы
Победу красная папаха.
Всего мгновение, момент
Упущен был, упал со стоном,
И тащится интеллигент
К совдепу с просьбой и поклоном.

Службишка, хлебец, керосин,
Крупы какую-то для детской –
Так выю тянет гражданин
Под яростный ярем советский⁴⁶.

Но и настроение самих юнкеров оставляло желать лучшего. Против кого они выступили, возможно, им и было понятно, но за что, во имя чего – вряд ли. «Настроение нудное, минорное, – вспоминал очевидец осады, служащий Московской Синодальной конторы. – Сочувствия к юнкерам (политического характера) никакого. Пока по силе обстоятельств – в их власти. Покорно ждут, когда от неё избавятся. Да и вообще, пассивность и инерция заметны повсюду. Никакого боевого возбуждения нет, пожалуй, и в самих юнкерах»⁴⁷. Да и как могло быть иначе после клятвопреступного февральского бунта 1917 года, когда Россия отреклась от своего Царя. Страна лишилась стержня. И перерастание «февраля» в «октябрь» было лишь делом времени. Как говорится, снявши голову, по волосам не плачут.

Не все ужаснулись содеянному в Московском Кремле. Иной дух уже завладел многими, призывавшими «всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушать Революцию». «Почему дырявят древний собор? – кликушествовал А. Блок. – Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. ... Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не всё потеряет. Дворец разрушаемый – не дворец. Кремль, стираемый с лица земли, – не кремль»⁴⁸. Недаром, думается, могила творца «Двенадцати», поэмы, неизменно входившей во все советские школьные хрестоматии, оказалась, тем не менее, утраченной на Смоленском кладбище Петербурга⁴⁹.

Во время заседания Собора 8 ноября 1917 г. поступило предложение за подписью 40 соборян, в котором, в частности, говорилось: «Собору необходимо широко опубликовать свои данные о состоянии народных святынь в Кремле: это его обязанность пред всем народом земли православной. ... Необходимо установить громко, во всеуслышание, правильные факты, подтвердив их и фотографическими снимками. Ввиду сего, предлагаем Собору сделать постановление: 1) о

немедленном сфотографировании при контроле Собора повреждённых святынь, 2) о составлении из Членов Освященного Собора комиссии для протокольного описания их повреждений ..., поручив этой комиссии и заботу о наблюдении за фотографированием...»⁵⁰

Предложение было принято. В состав комиссии под председательством митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) вошли: архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков), епископ Камчатский Нестор (Анисимов), протопресвитер Н.А. Любимов (председатель незадолго до этого созданного Всероссийского Православного Братства ревнителей Святынь Московского Кремля), священники С.К. Верховский, И.А. Чельцов, М.Ф. Глаголев, В.Ф. Калиманов, Ф.Г. Кашменский и В.В. Успенский, граф П.Н. Апраксин, директор Московского археологического института профессор А.И. Успенский, а также несостоящий членом Собора наместник Чудова монастыря епископ Арсений (Жадановский)⁵¹.

И ноября 1917 года Собор обратился ко всем чадам Православной Российской Церкви: «В течение ряда дней русские пушки обстреливали величайшую святыню России – наш священный Московский Кремль с древними его соборами, хранящими святыне чудотворные иконы, мощи святых угодников и древности российские. Пушечным снарядом пробита кровля Дома Богоматери, нашего Успенского собора, поврежден образ Святителя Николая, сохранившийся на Никольских воротах и во время войны 1812 г., произведено разрушение в Чудовом монастыре, хранящем святыне мощи митрополита Алексия. С ужасом взирает православный народ на совершившееся, с гневом и отвращением будут клеймить это злое дело потомки наши, стыд покрывает нас пред всем миром, не можем поднять головы от посрамления и горя. Поистине исполняется и над нами слово Иеремиина плача: Сором и мерзостью Ты сделал нас среди народов... Ужас и яма, опустошение и разорение – доля наша (Плач 3:45–47). Но чьими же руками совершено это ужасное деяние? Увы! Нашего русского воинства, частью того воинства, которое мы молитвенно чтим именованьем христоролюбивого, которое ещё недавно являло подвиги

храбрости, смирения, благочестия. А к нему присоединились и некоторые слои московского населения. Совершители этого дела живут теперь среди нас. С грехом страшного кощунства на совести, быть может, упоенные кровавою своею победой, они и не думают о сделанном. Но есть Божий суд и Божия правда, – Бог поругаем не бывает. Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения – кровавая распря строителей, вместо мира и братства народов – смешение языков и ожесточённая ненависть братьев. Люди, забывшие Бога, как голодные волки, бросаются друг на друга. Происходит всеобщее затемнение совести и разума. ... Но не может никакое земное царство держаться на безбожии, оно гибнет от внутренней распри и партийных раздоров, от всего этого беснующегося безбожия. На наших глазах совершается праведный суд Божий над народом, утратившим святую. Вместе с кремлёвскими храмами начинает рушиться всё мирское строение Державы Российской. Ещё недавно великая, могучая, славная, она ныне распадается на части. Покинутая благодатию Божиею, она разлагается, как тело, от которого отлетел дух, и совершается речённое Пророком: И в народе один будет угнетаем другим, и каждый – ближним своим; юноша будет нагло превозноситься над старцем, и простолюдин над вельможею (Ис. 3:5).

Для тех, кто видит единственное основание своей власти в насилии одного сословия над всем народом, не существует родины и её святыни. Они становятся изменниками родины, которые чинят неслыханное предательство России и верных союзников наших. К нашему несчастью, доселе не народилось ещё власти воистину народной, достойной получить благословение Церкви Православной. И не явится её на Русской земле, пока со скорбною молитвою и слёзным покаянием не обратимся мы к Тому, без Кого все трудятся зиждущие град.

Священный Собор ныне призывает всю Российскую Церковь принести молитвенное покаяние за великий грех тех своих сынов, которые, поддавшись прельщению по неведению, впали в братоубийство и кощунственное разрушение святынь

народных. Примем содеянное ими как всенародный грех и будем просить Господа, да пробудит в сердцах их спасительное покаяние и сознание всей вины их перед Богом и русским народом.

Покайтесь же и сотворите плоды покаяния. Оставьте безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междоусобия. Вернитесь на путь Христов»⁵².

Всю вторую половину ноября епископ Нестор работал над составлением своей ставшей впоследствии широко известной книги. Наконец 8 декабря Комиссия по фотографированию и документальному описанию повреждений Кремля во время бывшей междоусобицы на своём заседании заслушала текст брошюры Владыки «Расстрел Московского Кремля»: «Признавая составленную брошюру во всём отвечающей действительности, всецело соответствующей фактической стороне составленного Комиссией акта, притом изложенной в доступной для народа форме, а также признавая чрезвычайную важность немедленного же опубликования в широких народных массах сведений о повреждениях русской святыни – Кремлёвских соборов, Комиссия просит Священный Собор преподать своё Соборное благословение на напечатание таковой брошюры с воспроизведением в ней фотографий кремлёвских разрушений. Издание брошюры берёт на себя сам автор её»⁵³.

Священный Собор на следующий день постановил «разрешить епископу Камчатскому Нестору напечатать составленную им брошюру»⁵⁴.

Выход книги, предназначавшейся «для широкого распространения в народе», не остался незамеченным новыми «хозяевами» России. Патриарху Тихону даже в 1923 г. ставилось это в вину: «Собор, преследуя исключительно контрреволюционные цели возбуждения невежественных масс против новой рабоче-крестьянской власти, сознательно решил лживо изобразить дело так, что все разрушения были произведены умышленно, с оскорбительными для религии целями и именно большевиками. С этой именно целью Собор

издаёт по инициативе епископа Камчатского Нестора специальную книгу под нарочито бульварным провокационным названием: “Расстрел Московского Кремля”, с иллюстрациями, под которыми поставлены надписи вроде следующей: “св. Никольские ворота и образ св. Николая, осквернённые большевиками”. В этой брошюрке, изданной, как значится на её обложке, “с благословения Священного Собора Православной Российской Церкви”, Собор пишет: “ещё становится страшнее, когда вы увидите, что эта вся Российская Народная святыня расстреливалась по прицелу, по обдуманному плану”»⁵⁵.

Отрицательную интерпретацию в «Обвинительном заключении» получила также соборная депутация с просьбой остановить братоубийственное кровопролитие: «Когда же после упорной и кровавой борьбы пролетариат вырвал у белогвардейцев победу, Собор, тревожась за судьбу контрреволюционеров, немедленно послал к военно-революционному комитету специальную делегацию в составе митрополита Платона, впоследствии одного из виднейших деятелей контрреволюционной эмигрантщины, архиепископа Димитрия, епископа Нестора и других, каковая делегация, как это видно из отчета митрополита Платона перед Собором, должна была ходатайствовать о судьбе восставших против рабоче-крестьянской власти юнкеров»⁵⁶.

О настроениях среди православных иерархов и духовенства в первые месяцы владычества большевиков писал позднее в Своих воспоминаниях митрополит Вениамин (Федченков), участвовавший (будучи ещё в сане архимандрита) в Поместном Соборе: «Насколько тревожно была принята нами вторая, февральская революция, настолько, наоборот, уже почти равнодушно отнеслись мы к третьей – большевицкой. Уже привыкли к ним: человек ко всему привыкает. И притом нам казалось, что никакой особой разницы не будет между уже пережитым и только начинающимся. Один архиерей [митрополит Антоний (Храповицкий)] бросил тогда крылатую фразу из Ветхого Завета: Не хватай за головы псов дерущихся [ср.: Притч. 26:17], чтобы самому не пострадать от злобы их. Такое пренебрежительное и постороннее отношение к

боровшимся политическим партиям не было, впрочем, общим нашим настроением. Большинство членов Собора были благоразумны, осторожны и даже уже пассивно-лояльны к тому, что делалось вокруг нас: государство имеет свои задачи, а Церковь – свои. Пока нам лучше быть в стороне, ожидая конца событий. ...

На чьей стороне был я и вообще мы, члены Собора?

Разумеется, юнкера были нам более своими по духу. Не были мы и против народа. Но благоразумие говорило нам, что уже придётся мириться с пришедшей новой жизнью и властью, и мы заняли позицию посередине, и, пожалуй, это было верно исторически: Церковь тогда стала на линию нейтральности, не отрекаясь от одной стороны, но признавая уже другую, новую. ... Церковь должна была быть и стала “осторожной” »⁵⁷.

К тому времени сформировались взгляды будущего Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). В 1917 г. «не очень разговорчивый» владыка Сергей (тогда ещё архиепископ Финляндский) «тихо говорил в ответ на свои думы:

– А Божий мир по-прежнему стоит... А Божий мир по-прежнему стоит...

Меняются правительства, а он стоит... Меняются политические системы, он опять стоит. Будут войны, революции, а он всё стоит»⁵⁸.

Попытка спасения царя

Позиция Патриарха Тихона была несколько иной. (Возможно, оставались ещё какие-то надежды, а, может, дело было в Тех Семи, остававшихся ещё в живых, Правду Божию перед лицом Которых следовало исполнить до конца.) Общеизвестен факт отказа Святителя в благословении белым генералам лично, не говоря уже о Белой армии как таковой⁵⁹. Но не забудем, что речь шла о людях, изменивших присяге Государю (целовавших крест и Евангелие), об армии, которая сражалась за Учредительное собрание, в которой офицерские монархические организации были на нелегальном положении, генералы которой приказывали пороть крестьян, встречавших их не только хлебом-солью, но и Царскими портретами.

Во всяком случае, повод для размышлений о мотивах отказа святителя Тихона в благословении белым генералам и Белому движению, а также о его подлинной позиции даёт факт, сообщенный в 1967 году г-жой Е.Б. (Е.Н. Безак, урождённой Шиповой (1880–1971), супругой известного киевского монархиста Ф.Н. Безака): «Патриарх Тихон прислал тогда (в конце 1918 года) через еп[ископа] Нестора Камчатского графу Келлеру (рыцарю чести и преданности Государю) шейную иконочку Державной Богоматери и просфору, когда он должен был возглавить Северную Армию...»⁶⁰

Речь идёт о генерале от кавалерии графе Ф.А. Келлере (1857–8/21.12.1918). Будучи человеком православным, монархизм которого проистекал из глубокой веры, он категорически отказался присягнуть временному правительству и привести к этой присяге вверенный ему 3-й кавалерийский корпус. Подобно хану Гусейну Нахичеванскому, граф Келлер подал телеграмму Государю, предлагая себя и свои войска для подавления февральского мятежа. Приняв в начале гражданской войны предложение возглавить Северную Армию, он заявил, что через два месяца поднимет «Императорский штандарт над священным Кремлём». По дороге во Псков, в

Киеве, он был схвачен петлюровцами и убит перед Софийским собором.

23 января 1918 года Императрица Александра Феодоровна доверительно писала А. А. Вырубовой из своего тобольского заточения: «Епископ Гермоген за нас, и Патриарх в Москве тоже, и большая часть духовенства»⁶¹. И писала не без основания. Кроме давно известного факта передачи Патриархом Тихоном через назначенного 8 марта 1917 г. на Тобольскую и Сибирскую кафедру епископа Гермогена (Долганова, 16.6.1918) просфоры, вынутой «по царскому чину»^{62 63}, обратим внимание на ещё один малоизвестный эпизод, связанный с епископом Нестором.

Ещё в декабре 1917 г. московскую квартиру близкого к духовным кругам присяжного поверенного П.⁶⁴ посетил командир 2-го Сумского гусарского эскадрона Стрелкового полка 1-й кавалерийской дивизии штаб-ротмистр К. Соколов. Тут он обнаружил епископа Нестора Камчатского и услышал: «Надо спасти Царя, медлить нельзя; он в опасности». Разговор шёл не только «об опасности, угрожающей Государю», но и «о необходимости восстановления монархии, о войне, о подборе для выполнения задачи надежных людей». О том, как мыслилось восстановление монархии, было видно из прокламаций, которые штаб-ротмистр должен был передать Союзу хоругвеносцев при одном из подмосковных монастырей: «...соорганизоваться в ячейки для созыва в ближайшем будущем Всероссийского Собора». (Как мы увидим далее, эта идея будет осуществлена лишь в 1922 году на Дальнем Востоке, и тоже не без участия владыки Нестора.)

Решающая встреча группы по освобождению Царской Семьи состоялась 2 января 1918 г. в одном из лазаретов на Яузском бульваре. Кроме епископа Нестора, господина П. и штаб-ротмистра К. Соколова, на ней присутствовал начальник группы – командир пехотного полка, кавалер ордена Святого Георгия и Почётного легиона полковник Н. и курьер из Тобольска – поручик Лейб-гвардии Московского полка Р. Принятым планом предусматривалось вывезти Царскую Семью в Троицк, занятый войсками генерала А.И. Дутова. В окрестности (Екатеринбург –

Тюмень – Троицк – Омск) должно было быть командировано до 30 офицеров под командованием ротмистра Л. Наконец, для окончательного выполнения задачи ожидалось прибытие 100 гардемарин во главе с полковником Н. Выезд первой партии намечался на 6 января.

В тот день, вспоминал К. Соколов, «мы явились в лазарет, где уже были П., еп. Нестор и Р. Нам выдали полный комплект солдатского обмундирования, начиная от белья из бязи, кончая серой папашой, и по две тысячи рублей на каждого. Мы тут же переоделись. Еп. Нестор благословил нас иконами Божией Матери “Утоли моя печали”, и мы простились»⁶⁵. Вдумчивый историк-эмигрант С.П. Мельгунов, анализируя действия этой группы, оценивает их как «единственную, если не серьёзную, то реальную попытку организовать побег [Императора] Николая II и Его Семьи»⁶⁶. К сожалению, эта попытка освобождения Царственных Мучеников, как и немногие последующие, окончилась неудачей...

«Р.» – это один из братьев Раевских. Приехав в Тобольск ночью, рано утром он, не повидавшись даже со своим братом, приехавшим туда ранее, отправился прямо к епископу Гермогену. Сразу же по выходе из Архиерейского дома он был арестован большевиками. При обыске у него была обнаружена бумага от Всероссийского братства православных приходов. Во время допроса выяснилось, что он привёз Владыке письмо от епископа Нестора, содержания которого, по его словам, он не знал. Эти сведения, подчерпнутые нами из книги сотрудничавшего с большевиками попа-расстриги М. Галкина (Горева) «Последний святой» (М.-Л. 1928. С. 251–252), – последнее из известных ныне свидетельств об участии владыки Нестора в попытке освобождения Царственных Узников.

Много позже, уже пройдя через эмиграцию и тяжкие годы лагерного заключения, митрополит Русской Православной Церкви Нестор, отвечая на вопросы очень близких ему людей о Царственных Мучениках и попытках их спасти, говорил прерывающимся от рыданий голосом: «Все они... святые, ибо претерпели ужас, особенно дети... Что мы только не предпринимали, чтобы вызволить их. Ничто не получалось»⁶⁷.

Под арестом

Такая деятельность епископа Нестора не могла остаться незамеченной новой властью: в ночь на 16 февраля 1918 г. он был арестован. Однако непосредственной причиной ареста было иное. На одном из заседаний Собора, посвящённых судьбе арестованного Владыки, один из соборян, архимандрит Матфей без всяких обиняков заявил: «Епископ Нестор несёт арест за исполнение приказаний Святейшего Патриарха – за свои проповеди. Были лица, которые не могли примириться с этим явлением»⁶⁸. Об обстоятельствах ареста на Соборе рассказал архиепископ Гродненский Михаил: «Преосвященный Нестор Камчатский квартирует в Гродненском военном госпитале в Трёхсвятительском переулке. В ночь на сегодня в 12 часов в госпиталь явилось 9 красногвардейцев для производства обыска. Домовый комитет обратился в местный комиссариат, откуда были присланы милиционеры. Милиционеры сначала не хотели позволять красногвардейцам производить обыск и не признавали правильным предъявленный красногвардейцами ордер, так что между красногвардейцами и милиционерами едва не произошло драки. Но после ордер был признан правильным, и обыск продолжался с 12 часов до 4 часов ночи. У Преосвященного Нестора найдено было письмо от родных и ещё шуточное стихотворение, в которых красногвардейцы усмотрели неуважительное отношение к советской власти. Однако ареста произведено не было, красногвардейцы, уехали, и Преосвященный Нестор собирался лечь в постель, но около 5 часов утра к зданию госпиталя подъехал вновь автомобиль с четырьмя красногвардейцами. Из них двое было из тех, которые уже приезжали раньше, а двое было новых. Эти-то четверо и арестовали Преосвященного Нестора. Когда его увозили в автомобиле, то санитары просили разрешения проводить его. Красногвардейцы с неохотой разрешили проводы только одному санитару, причём предупредили, что назад его они не повезут, в помещение, где будет заключен Преосвященный Нестор, не допустят, а позволят сопровождать только до этого

помещения. Один санитар оделся и поехал в автомобиле с Преосвященным. Автомобиль направился к Александровскому военному училищу, куда и был введён Преосвященный Нестор. Сопровождавший же его санитар пешком возвратился обратно»⁶⁹.

«В Александровском училище, – вспоминал впоследствии о первых часах пребывания под стражей епископ Нестор, – где я провёл первые моменты своего заключения, мне пришлось находиться в обществе явно враждебном. Там были арестованные анархисты, какие-то солдаты. Стража не умеет говорить по русски: это латыши и ещё какие-то интернационалисты. Спать пришлось на голом полу, подложив под голову полено. На вопрос, куда нас повезут, нам отвечали: “Конечно, на расстрел”»⁷⁰.

Подчеркнем: это был первый арест архиерея большевиками. По благословению святителя Тихона, «для выяснения обстоятельств и причин ареста» к командующему войсками Н.И. Муралову была послана делегация в составе членов Собора А.И. Июдина и П.И. Астрова (последний был заменён А.А. Садовым).

Уже в 10 утра 17 февраля, сразу же после открытия очередного заседания, последний докладывал Собору о посещении штаба красной армии, помещавшегося в здании Александровского военного училища у Арбатских ворот. Начальник политического отдела штаба на вопрос о причинах ареста Владыки заявил, что «он этих причин не знает и что этот арест произведён чинами красной гвардии, которые получили приказ от штаба красной армии, а не от штаба Московского военного округа». На просьбу показать подлинный приказ об аресте последовал ответ, что «приказ дан не в письменной форме, а по телефону или лично, на словах»⁷¹. Единственное, что было предъявлено, – это протокол, составленный за подписью помощника комиссара 3-го участка Мясницкого комиссариата «с иностранной фамилией». Туда был занесён следующий ответ епископа Нестора на заданный ему вопрос: «Никакого участия в контрреволюционной деятельности я не принимал и не принимаю. У меня был произведён обыск,

причём отобраны письма, которые я получил от родных, и стихотворение, написанное на машинке, юмористического содержания, имеющее характер политического памфлета на власть советов рабочих депутатов. Это стихотворение я хранил просто из любопытства, а письма получены мною от родных»⁷². На настойчивые вопросы о причинах обыска начальник политотдела заявил: «Да что вы говорите о причинах. Для обыска и ареста достаточно тех данных, которые здесь есть. Вот в этих письмах резко критикуется советская власть и заключается неуважительный отзыв о депутатах»⁷³.

Пришлось побывать членам Собора и на Пречистенской, в штабе Московского военного округа. Адъютант начальника штаба, «молодой человек, одетый в военную форму, по виду интеллигент, по типу еврей», на такие же вопросы смог ответить лишь после двухчасового ожидания: «Никаких сведений о причинах обыска и ареста у епископа Нестора в военном штабе не имеется»⁷⁴.

«Лица, к которым мы являлись, – подвёл итог своим мытарствам у большевиков А. А. Салов, – производили впечатление людей растерянных. Затем, кого мы видели в штабе красной армии, по-видимому, были не русские люди. Человек в кожаной куртке разговаривал с другими на языке, которого я не знаю, но который, судя по звуку, был латышский. Те, которые приходили, вели разговор не на русском языке. ... Такая картина растерянности и отсутствие твёрдой почвы под ногами встретила нас и в помещении штаба военного округа, только там было меньше сутолоки, лица, находящиеся здесь, производили также впечатление людей не русских. По крайней мере, первый из них был жгучий брюнет, с крючковатым носом и оттопыренными ушами. Он сначала внимательно рассмотрел наш документ, причём старался показать, что он – власть имеющий. Я просил его дать ответ; он заявил, что об этом передаст товарищу. Потом явился молодой человек, который тоже производил впечатление не русского. Когда мы уходили из штаба, то также видели людей не русских. Некоторые из них суетливо садились в автомобиль и куда-то уезжали»⁷⁵.

Вот та обстановка, по свидетельству очевидца, в которой находился в узах Владыка: в стенах Императорского военного училища Русской столицы, попусшением Божиим отданной галдящему интернационалу за русский грех отречения от Бога и Его Помазанника.

В результате обсуждения, которому целиком было посвящено заседание Собора 17 февраля, было принято постановление: «Заслушав сообщение о незаконном аресте в г. Москве члена Собора епископа Камчатского Нестора, Священный Собор, в полном единении с верующим народом, выражает глубочайшее негодование по случаю нового насилия над Церковью и требует немедленного освобождения Преосвященного узника»⁷⁶. Было решено оповестить всё московское население об аресте епископа Нестора для совершения молений о его здравии и спасении.

Первоначально, как видим, епископ Нестор содержался в бывшем Александровском военном училище, занятом штабом красной армии. Пребывание его здесь было недолгим. Вскоре он должен был быть переведён в Таганскую тюрьму. Об этом уже имелось даже распоряжение⁷⁷. Однако хлопоты Собора возымели своё действие: в тюрьме Владыка пробыл около суток, дальнейшим местопребыванием его был определен Новоспасский монастырь. Об этом он сам смог сообщить по телефону в субботу, 17 февраля (2 марта), сразу же после окончания заседания Собора. «Когда я выходил из Епархиального дома, – вспоминал один из соборян, – то архиепископа Кирилла [Смирнова] позвали к телефону; оказывается, с ним говорил – откуда неизвестно – епископ Нестор, сообщивший, что из тюрьмы его перевозят в какой-то монастырь»⁷⁸.

18 февраля (3 марта), в воскресенье, в соборе Марфо-Мариинской обители после Литургии был отслужен молебен об освобождении от уз епископа Нестора. Молилась и пребывавшая в храме Великая Княгиня Елисавета Феодоровна⁷⁹. Служивший в обители в тот день протоиерей Георгий Голубцов занёс в свой дневник запись: «Во время обеда сестра общины вошла в столовую, что-то тихо сказала

Великой Княгине, и последняя объявила нам, что сейчас по телефону только что для доклада ей сообщено, что епископ Нестор сейчас находится в НовоСпасском монастыре, где и будет пребывать под домашним арестом впредь до решения его дела в военно-революционном суде»⁸⁰.

В тот же день епископа Нестора посетил посланник Собора А.А. Салов: «Он выглядит удовлетворительно. Обычная обстановка подействовала успокаивающим образом на его нервы. Он отслужил обедню. Он шлёт поклоны Собору и благодарность за участие в его деле»⁸¹.

Вскоре у Владыки побывал корреспондент газеты «Утро России», который писал: «Грязная, узкая лестница в самом заднем углу монастырского двора ведёт в келлию епископа, похожую на дешёвенький номер грязного постоялого двора. На обитой какой-то дерюгой двери сделана от руки “визитная карточка”: “Епископ Нестор Камчатский, заключённый большевиками”. В комнате из всей мебели только маленький кухонный столик, клеёчатый диван и в углу икона.

– Тяжело, тоскливо, – говорит епископ Нестор. – Тяжело то, что пришлось перенести, и не менее угнетает и то, что приходится переносить теперь: угнетает бездействие, лишение возможности работать. Пришлось оставить научные занятия, бросить на произвол судьбы коллекции с Камчатки. Скучаю по Соборной работе. Большое лишение для меня и то, что я не могу проповедовать. Уста замкнуты. Правда, мне здесь временно разрешено совершать богослужение, но живого общения с верующими я лишён. Немыслимо что-нибудь говорить теперь в моём положении подследственного арестанта.

– Что вы считаете причиной ареста?

– Причин нет. Я не политик, а всего только церковник, болевший душой об уничтожении Церкви и не скрывавший этого»⁸².

О спасении Камчатского епископа молилась Первопрестольная. За его судьбой внимательно следил Собор, а значит, и вся Православная Россия.

Знаменательным было освобождение Владыки. 12/25 марта, в понедельник, на заседании Собора митрополит Платон делал доклад с отчетом о своей поездке в Киев, в том числе и об обстоятельствах убиения священномученика Владимира, митрополита Киевского. «В конце доклада, – читаем запись в дневнике одного очевидца, – в соборный зал вошёл отпущенный большевиками на свободу епископ Нестор, которого Священный Собор во главе с Патриархом приветствовал вставанием и пением: “Ис полла...”»⁸³ В ближайшее воскресенье 18/31 марта владыка Нестор сослужил Святейшему Патриарху Тихону на заупокойной Литургии в храме Московской Духовной семинарии, на которой поминались имена первых новомучеников и исповедников Российских⁸⁴.

Миссия в Омск

Летом 1918 г. епископ Нестор отправился из пленённой большевиками Москвы за линию фронта. Вот как описывает обстоятельства отъезда автор статьи из харбинской газеты 1936 г.: «Получив в марте свободу, Владыка ездил в Казань повидаться с родными. Вернувшись в Москву, он узнал, что разыскивается сов. властями за брошюру “Расстрел Московского Кремля”, и в августе выехал в Киев, где провёл время [у] гетмана Скоропадского и Петлюры. С приходом большевиков Владыка перебрался в Одессу, а оттуда в Ялту, где был духовником вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, Великого Князя Николая Николаевича и других особ Царского Дома. После эвакуации Крыма епископ Нестор выехал в Константинополь и с пароходом Добровольного флота проехал на Камчатку»⁸⁵.

А сейчас уточним хронологию и напомним читателям, что в захваченный большевиками 26 января (8 февраля) 1918 г. Киев 16 февраля (1 марта) вошли немцы. На Украине началось правление гетмана П.П. Скоропадского. Оно завершилось с приходом к власти 1/14 декабря 1918 г. так называемой Украинской директории С. Петлюры. Именно петлюровцами в Киеве 8/21 декабря 1918 г. выстрелом в спину был вероломно убит генерал граф Ф.А. Келлер, которому, как мы помним, епископ Нестор вручил, по благословению Патриарха Тихона, «Державную» икону Божией Матери.

Советская власть вторично была установлена в Киеве 23 января (5 февраля) 1919 г. Следовательно, Владыка выехал в Одессу, а потом в Ялту вскоре после этой даты. Крым после ухода из него в ноябре 1918 г. германской армии был в руках высадившихся в портовых городах войск Антанты и Вооруженных сил Юга России А.И. Деникина. Пребывание Владыки в Ялте можно датировать приблизительно февралем-мартом 1919 г., ибо 31 марта (11 апреля) Императрица Мария Феодоровна, которую епископ Нестор хорошо знал ещё по

Петербургу, взошла на борт английского дредноута «Мальборо» и навсегда оставила пределы бывшей Российской Империи⁸⁶.

Дальнейший путь его на Камчатку лежал через Константинополь, Александрию, Египет, Гонконг, Шанхай... Плыл он 84 дня. Посетил поселения камчадалов. Но в Петропавловск пароход не пустили из-за революционных событий. В воспоминаниях Владыка вновь спрямляет свой дальнейший путь: «Я отправился через Японию в Харбин...» До этого состоялась его миссия в Омск⁸⁷. И, понятно, не по собственной инициативе.

Достоверно известно о его пребывании там осенью 1919 г. «Прибывший к Колчаку из Москвы епископ Нестор, – сообщала 4 декабря сибирская газета «Новое слово», – привёз благословение Патриарха Тихона и словесное обращение ко всему русскому народу, взявшемуся за оружие для того, чтобы освободить священный город»⁸⁸. Приведём также телеграфное сообщение из американского журнала «Struggling Russia» («Сражающаяся Россия») (20.9.1919): «Омск, 1-го сентября 1919 г. – Богослужения совершались в г. Омске в память святителя Тихона Задонского, мощи которого были поруганы большевиками в г. Задонске. Епископ Нестор, который только что убежал из Москвы, присутствовал на этом богослужении и передал народу следующий призыв Патриарха Тихона: “Скажите народу, что если они не объединятся⁸⁹ и не возьмут Москву опять с оружием, то мы погибнем и Святая Русь погибнет с нами”. Как передаёт епископ Нестор, большевики в Москве знают об анти- большевицкой деятельности Патриарха Тихона, но они боятся его преследовать, ибо опасаются народного восстания в защиту Патриарха»⁹⁰.

О миссии владыки Нестора знали, безусловно, и большевики. В январе 1920 г. VIII отдел наркомата юстиции подготовил секретный «Доклад об основаниях и причинах содержания Патриарха Тихона под домашним арестом», в котором, между прочим, читаем о том, что ВЧК «обратила внимание на один эпизод, находящийся в тесной связи с вышеизложенным, – на появление известия в белогвардейской зарубежной (тогда в Омске) газете о том, что Патриарх Тихон

через епископа Камчатского Нестора послал одобрительное приветствие Колчаку и благословение его победам. Известие сенсационное, перепечатанное “РОСТОЙ”⁹¹ во всех газетах и получившее широкое распространение, естественно вызвало сенсацию, особенно в связи и после появления в свет последнего послания Тихона с призывом к духовенству о невмешательстве его в политическую жизнь и междоусобицу. Казалось, что Патриарх, учитывая момент и его значение, с гневом выступит против возводимого на него обвинения и окончательно и раз навсегда покончит со своими прежними посланиями. Но три недели спустя, вызванный Чрезвычайной комиссией в связи с полученными последней новыми данными Тихон остался на прежней своей позиции. – Патриарх в ожидании побед [войск] Деникина, уже захвативших Орёл и подступавших к Туле, не считал для себя удобным делать какие бы то ни было опровержения. Приглашённый в Чрезвычайную комиссию к т. Лацису для объяснений, Патриарх вынужден был дать ответы по следующим вопросам:

1) почему он, прочтя известие “РОСТА”, следовательно, официально распространяемое известие и требующее поэтому естественно опровержения или хотя бы объяснения, также официального, ни одним словом не обмолвился по этому поводу и, точно вкушая плоды победоносного в то время шествия деникинских войск, оставил таким образом в силе среди масс известие о посылке к Колчаку Нестора, а следовательно, и уверенность в сочувствии ему Патриарха, а с ним и всего православного духовенства, контрреволюции, возглавляемой Колчаком и Деникиным.

Патриарх объяснил, что он не считал нужным делать опровержения по явной несообразности обвинений, к нему предъявленных, ибо он Нестора к Колчаку не посылал, и этот Епископ уехал из Москвы после Собора в ту пору, когда ещё о Колчаке и не было помина, но что он, Патриарх, ещё и потому стеснялся посылать опровержения, что на опыте убедился, что опровержения его, как и остального духовенства, не печатаются, а если иногда и помещаются, то с неприятными для духовенства комментариями.

На это т. Лацис, как передают, возразил по существу, что совершенно безразлично, было ли помещено в газетах опровержение и объяснение Тихона, или редакции отказались бы сделать это, но для советской власти важно было оценить самое отношение Патриарха к подобным известиям. И на советские сферы уже достаточно бы повлияло даже получение письма от Тихона, отрицающего подобные сведения белогвардейской газеты, подносившей эти сведения всему миру, как достоверные и как определенный аргумент не в пользу советской власти. Однако умолчание Тихона и нежелание его послать в частном порядке письмо по этому поводу, хотя бы в Совет народных комиссаров, куда так охотно раньше посылал также в частном порядке свои послания, – показывают, если не доказывают вполне, то наводят на мысль, что Патриарх умышленно желал использовать неблагоприятный эффект от этого известия в сторону противодействия советской власти и притом в самые критические дни для последней, во время натиска Деникина, когда опровержение могло бы подействовать отрезвляюще на массы. Даже простая рассылка писем своим соратникам-архиереям (если уж Патриарх считал для себя неудобным или ниже достоинства направлять объяснения в советские учреждения) писем с указанием, что появившееся известие ложно и что об этом надлежит знать по крайней мере всему духовному миру, если не российской пастве, произвело бы положительное отношение к Тихону в советских кругах. Но полное молчание по такому вопросу – это более чем согласие»⁹².

28 марта 1922 г., выдвигая «обвинения» против святителя Тихона, «Известия» задавались вопросом: «Что привёз Колчаку от Патриарха прибывший из Москвы епископ Нестор?». И вправду – что? Неужели просто «благословение и пожелание успеха», как сообщал советский официоз?

Из книги епископа Нестора о расстреле Московского Кремля известно о повреждённой кошунниками иконе Святителя Николая, находившейся над воротами Никольской башни Кремля. Очевидец вспоминал: «Весной 1918 года 15-летним мальчиком я прибыл из Тулы в Москву для хлопот о моей

матери, сидевшей в Бутырской тюрьме. В эти дни Москву обошёл слух о некоем событии, случившемся у Никольских ворот. Я также пошёл к этим воротам. Я увидел там толпы людей. Большая икона Святителя Николая Чудотворца висела над воротами. Она была занавешена красной материей. Материя была прибита гвоздями к краям иконы и закрывала её всю. И вот, в этот тихий солнечный день москвичи увидели, что эта красная материя, закрывавшая икону, во-первых, разорвалась сверху донизу, и далее полосы материи стали, как ленточки, отрываться от иконы сверху вниз и падать на землю... Я стоял среди благоговейной и сосредоточенной толпы. Икона на глазах у всех очистилась совершенно от красной материи, её закрывавшей. И вдруг я услышал позади себя выстрелы – один, другой, третий. Я оглянулся и увидел парня в солдатской одежде. Он стрелял из ружья, метя в икону. Лицо его было типично русское, крестьянское, круглое, с напряжением, но безо всякого выражения. Очевидно, он стрелял в икону Святителя, исполняя чьё-то распоряжение. Метки от пуль его оставались на иконе, уже ничем не закрытой. Оставались только маленькие кусочки красной материи по краям иконы, где были гвозди. Я видел, как в своей одержимости грешная Русь (но всё-таки по “чьему-то распоряжению”! – С.Ф.) расстреливала свои святыни, а Русь Святая молитвенно созерцала чудесное знамение Божией силы над миром»⁹³.

В память об этих событиях и появились иконы «раненого Николы» с отстреленной во время бомбардировки Кремля левой рукой – с крестом – и сохранившейся правой – с мечом. Эту-то икону небольших размеров и послал святитель Тихон адмиралу А.В. Колчаку через епископа Нестора⁹⁴.

Образ этот носили в больших крестных ходах, в которых принимали участие члены Омского правительства и высший командный состав Сибирской армии. Глава Высшего Временного Церковного управления Сибири, священномученик архиепископ Омский Сильвестр (Ольшевский, 1860–1920) заявил: «Не напрасно сохранился меч в правой руке Святителя. Под его водительством освободит наше Христолюбивое воинство Русскую землю»⁹⁵.

Осенью 1919 г. или в самом начале 1920 г. владыка Нестор побывал в Чите. С середины августа 1919 г. вплоть до 26 февраля 1920 г. в Читинском Богородицком женском монастыре находились тела Алапаевских мучеников, среди которых были мощи преподобномучениц Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и инокини Варвары. Об обстоятельствах своего пребывания в Чите позднее он поведал внучке священномученика митрополита Серафима (Чичагова) – монахине Пюхтицкого монастыря Серафиме (Резон, 1883–1963). Сохранился рассказ последней об этом монахине Сергии (Клименко, 1905–1994): «...митрополит Нестор приехал в Читу, город на границе с Китаем, чтобы оттуда эмигрировать. Он служил на родине последнюю Литургию в соборе, где тайно, под спудом, были погребены тела Алапаевских мучеников. Но об этом никто, кроме настоятеля, не знал. Во время совершения малого входа все священнослужители выходят из алтаря на середину храма с Евангелием, свечами, дикирием, трикирием, рипидами. Митрополит Нестор стоит посередине храма на приготовленном для него амвоне. В это время Владыка видит, как из левого придела, живая, выходит Елизавета Фёдоровна. Молится пред алтарём и последней подходит к нему. Он её благословляет. Все переглядываются. Кого он благословляет? Пустое место? Никто ничего не видит. “Владыка, малый вход!” Но владыка Нестор никого не слышит. Радостный, сияющий, он входит в алтарь. В конце обедни говорит настоятелю: Что же ты скрываешь? Елизавета Фёдоровна жива! Всё неправда!” Тогда настоятель заплакал. “Какой там жива! Она лежит под спудом. Там восемь гробов”. Но Владыка не верит: “Я видел её живую!...”»⁹⁶

Что касается дальнейшей жизни епископа Нестора, то нам известно сравнительно немного. Кратковременным, как мы писали, было его пребывание на Камчатке. В то время как в 1920 г. Владыка объезжал на пароходе приходы, на полуострове водворились большевики. Судно не пустили в Петропавловск, и оно взяло курс на Японию. Епископ Нестор обосновался в Цуруге, совершая службы для православных

русских и японцев. Здесь им был построен храм во имя Святителя Николая.

Пребывание Владыки в Японии ознаменовалось выходом в Токио второго исправленного и дополненного издания его книги «Расстрел Московского Кремля», причём одновременно на русском и японском языках. Через Российского императорского посла в Японии Василия Николаевича Крупенского книга была представлена японскому Императору, который выразил автору через посла высочайшую благодарность.

Во время пребывания епископа Нестора в Японии он установил связи с Маньчжурией, где сосредоточилось немалое число русских беженцев. Здесь, в Харбине, в 1921 г. он основал Камчатское подворье, открыв при нём 14 августа школу; стал вдохновителем и организатором созданного там же Международного комитета помощи голодающим и беженцам. Тогда же, вероятно, до него дошли скорбные вести о том, что в захваченной большевиками России скончался «замученный голодной смертью» уцелевший на фронте его отец – Александр Александрович Анисимов (6.2.1921), с которым он успел повидаться летом 1918 г. перед отъездом на Дальний Восток.

Тем временем политические события на Дальнем Востоке сделали возможным его возвращение на Родину.

В дальней России

«26 мая 1921 г., – пишет современный исследователь А. Хвалин, – небольшая горстка каппелевцев, имевшая на всех двенадцать винтовок и несколько револьверов, выступила во Владивостоке против коммунистического режима, охранявшегося двумя тысячами хорошо вооруженных милиционеров. Натиск среди бела дня был так стремителен и смел, что одни узурпаторы бежали в сопки, а другие спрятались в японской миссии и были переправлены впоследствии «интервентами» в советскую Россию. К власти пришло Временное Приамурское правительство под председательством сына амурского крестьянина, юриста по образованию, некогда трудившегося в Петербурге в Министерстве земледелия Спиридона Дионисьевича Меркулова. ... 16 июня во Владивостоке созывается Второй съезд представителей несоциалистического населения Дальнего Востока, на котором ... священник Владимир Давыдов призывает забыть честолубие и страсти. Оратор восклицает: “Да здравствует единый вождь России Патриарх Тихон!” ...

С 1 по 11 июня 1922 г. в Приморье разразился политический кризис, явившийся логическим финалом несоциалистического движения, пёстрого по своему составу и неоднородного по идеологической созидательной платформе. ... Наученные горьким опытом революции и гражданской войны, русские люди во Владивостоке смогли преодолеть внутреннюю смуту. Указом Приамурского Временного правительства № 149 от 6 июня 1922 г. объявлялось о созыве Земского Собора»⁹⁷, прошедшего во Владивостоке с 10 (23) июля по 28 июля (10 августа) 1922 года.

Подобно свече, вспыхивающей ярко, прежде чем окончательно потухнуть, явился он на нашей земле, на последнем её клочке, не погрузившемся ещё в красную мглу. На этом Соборе русские православные люди договорили всё до конца. Собор высветил наши грехи, приведшие к падению, от имени всего народа покался в них, наметил пути выхода из создавшегося положения.

Ключевую роль в Соборе сыграл генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс (1874–1937), вызванный к политической жизни из харбинского прозябания, где этот несомненно выдающийся человек, разработавший план «брусиловского прорыва», Главнокомандующий войсками Восточного фронта адмирала Колчака, возглавлявший следствие по цареубийству, зарабатывал на хлеб тем, что работал сапожником. Твёрдая его православная вера давала пищу многочисленным кривотолкам в обезбоженной уже к тому времени армейской среде. Многие подобные острословы называли его (заглазно, разумеется) «Ваше Преосвященство»⁹⁸. Таков был, к сожалению, состав сформированных генералом из прежних полков дружин, вошедших в численно невеликую армию края – Земскую рать.

Став в результате Собора Правителем Приамурского Земского Края, Михаил Константинович был у всех на виду. Деятельность же епископа Нестора была внешне не столь заметной для широкой публики по многим причинам. Не последнюю роль в этом играла близость Владыки к святителю Тихону, несомненно, предоставившему ему широкие полномочия. Кое-какие подтверждения этому имеются в материалах самого Земского Собора. Уже на втором его заседании 25 июля аплодисментами было встречено предложение об избрании Святейшего Патриарха Тихона почётным председателем Приамурского

Земского Собора⁹⁹. Слово во плоть облекались слова крестьянина, участника Всероссийского Поместного Собора Российской Православной Церкви: «У нас нет больше Царя, нет больше отца, которого мы любили, Синод любить невозможно, а потому мы, крестьяне, хотим Патриарха»¹⁰⁰.

Собор во Владивостоке завершился крестным ходом к кафедральному собору, во главе которого духовенство несло иконы Спасителя и Божией Матери «Державная», большая часть акафиста которой написана, как известно, святителем Тихоном. При огромном стечении народа епископ Камчатский Нестор (Анисимов) совершил молебен, кропил войска святою

водою, вручив им одну из икон Божией Матери «Державная», а другую – Правителю генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу¹⁰¹.

На последнем заседании Собора была избрана делегация из трёх человек во главе с епископом Нестором «для поездки в Западную Европу»¹⁰². Возможно, не последнюю роль в этом сыграло личное знакомство Владыки с Императрицей Марией Феодоровной, которую Собор приветствовал телеграммой. Примечательно, что именно во время работы Собора (8.8.1922) Великий Князь Кирилл Владимирович издал Манифест, в котором он объявил себя «блюстителем Русского Престола» вплоть до выяснения судьбы Императора Николая II и Великого Князя Михаила Александровича¹⁰³. Кроме того, нужно было определить отношение к Реставрационному движению, оформлявшемуся в Европе.

Перечислим лишь основные события такого рода.

Летом 1920 г. в Баварии собрались монархисты трёх павших в результате первой мировой войны империй – Российской, Германской и Австро-Венгерской; был разработан план создания Союза побеждённых держав для восстановления тронов. В Меморандуме генерала В.В. Бискупского, представленном на Общевропейскую конференцию монархистов, состоявшуюся в июне-июле 1920 г. в Будапеште, говорилось об охватившем всю Европу после войны кризисе: «Монархические группы, царские генералы и большая часть русского народа ясно видят, что это катастрофическое положение может кончиться лишь в одном случае: если побеждённые народы заключат между собой тайный союз, избрав общую программу и начав очень активную политику. Великая Россия, Великая Германия и Великая Венгрия, связанные друг с другом экономически и политически, – вот единственное спасение в нашем отчаянном положении»¹⁰⁴.

Съезд хозяйственного восстановления России, проходивший в баварском городке Бад Рейхенгаль с 29 мая по 7 июня 1921 г., в котором участвовало 106 делегатов из стран Европы и Америки, провозгласил монархию «единственным путем к возрождению России». Почётным председателем съезда был митрополит Антоний (Храповицкий).

Наконец, Первый Всезарубежный Церковный Собор, проходивший в сербском городе Сремские Карловцы с 21 ноября по 3 декабря 1921 г., на который собрались 13 епископов, 23 священника и 67 мирян, призвал молиться за восстановление в России «законного Православного Царя из Дома Романовых».

Всё это, повторяем, требовало осмысления, а главное – нужно было ознакомиться с документами, поговорить с непосредственными участниками Собора, съезда и конференции. Кстати, представителям Дальней России было чем поделиться со своими европейскими сотоварищами по несчастью. Принятые ими документы, выступления на Земском Соборе были много более церковнее, а потому и глубже, чем аналогичные в Европе.

Указ № 1 Правительства Приамурского Земского Края генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса (8.8.1922):

«Тысячу лет росла, ширилась и крепла Великая Русь, осуществляя смысл Государственного единения в святом символе религиозно-нравственной идеологии народа: в Вере, Государе и Земле. И всегда, когда этот величественный завет нашей истории, освященный Христовой верой, твёрдо, верно и сознательно исповедовался всем народом земли Русской, Русь была могучей, сильной и единой в служении своему историческому, мировому предназначению быть Россией Христа. Но бывали в нашем бытии годы и великих соблазнов и искушений сойти с истинных национальных путей, отказавшись от того или другого заветов исторического символа. Народ впадал в грех против Богом данной ему идеологии и тогда постигали землю Русскую великие смуты, разорения, моры и глады с пленением различными иноверцами и иноплеменниками. И только с искренним покаянием в отступничестве, с горячим порывом массы к возвращению снова на путь исторических, святых начал своего единения в дружном, тесном, беззаветном и самоотверженном служении своей Родине, и только ей, народ обретал прощение греха и возвращал Святую Русь к прежнему величию и славе. А вместе с возрождением земли возрождалось и благоденствие и мир

самого народа под скипетром его наследственно-преемственного Державного Вождя – Помазанника, в значении коего для русской монархической идеологии тесно объединяются Верховная Власть от Бога с Богохранимым народом всея земли. По грехам нашим против Помазанника Божия, мученически убиенного советской властью Императора Николая II со всей Семьей, ужасная смута постигла народ Русский, и Святая Русь подверглась величайшему разорению, расхищению, истязанию и рабству безбожных русских и иноплеменных воров и грабителей, руководимых изуверами из еврейского племени, отрекшимися и от своей иудейской веры. Пять лет народ земли, размётанной гневом Божиим, несёт наказание за свой грех, несёт тяжёлый, но заслуженный крест за безумное попрание святого исторического завета, за уклонение в своём символе от исповедания чистоты веры Православной и от святыни Единой Державной власти от Бога. Но милостив Творец Своей Святой Руси и молитвы кающегося народа “всея земли” услышаны и приняты Им. Близится час прощения и освобождения. Мы уже “у дверей”. Здесь, на краю земли Русской, в Приамурье, вложил Господь в сердца и мысль всех людей, собравшихся на Земский Собор, едину мысль и едину веру: России Великой не быть без Государя, не быть без преемственно наследственного Помазанника Божия. И перед собравшимися здесь, в маленьком телом, но сильном верой и национальным духом Приамурском объединении, последними людьми земли Русской стоит задача, долг и благой крест направить всё служение своё к уготованию пути Ему – нашему будущему Боговидцу. Скрепим, соединим в одну силу оставшиеся нам от исторического символа святыне заветы – Веру и Землю, отдадим им беззаветно свою жизнь и достояние; в горячей молитве очищенных от земных слабостей сердцах вымолим милость Всемогущего Творца, освободим святую нашу Родину от хищных интернациональных лап зверя и уготовим поле будущему Собору “всея земли”. Он завершит наше служение Родине, и Господь, простив Своему народу, увенчает родную землю Своим избранником – Державным Помазанником»¹⁰⁵.

Какую же конкретную программу возрождения России предлагал М.К. Дитерихс?

«Первой нашей задачей, – считал он, – стоит единственная, исключительная и определенная борьба с советской властью – свержение её. Далее – это уже не мы. Далее это будущий Земский Собор. Это чрезвычайно важно, потому что до сих пор этот принцип не был чистым и постоянно возникавшие русские власти, кроме Приамурской, постоянно преследовали принцип Верховенства Всероссийского, так как они ставили не только принцип борьбы с советской властью, но и возглавление всей России. Это была странная ошибка. И то, что Земский Собор отверг этот принцип, хотя бы в той форме, что он отверг звание Верховного Правителя, он этим самым и подчеркнул нашу идею. Мы можем нашу борьбу возглавлять Династическим лицом, но всё равно сейчас стоит перед нами одна задача – борьба с советской властью, низвержение её. После этого мы можем сказать Господу Богу: “Ныне Ты нас отпускаеши. Будут работать другие”. Третий принцип – это идеология, установленная Земским Собором, говорит то, что теперешние призванные правители для этой борьбы, кем бы они ни были, даже хотя бы из ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ, не могут смотреть на себя в данную минуту, как на верховных Помазанников будущей России, ибо вопрос сей опять разрешается не нами. ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ могла быть Помазанниками, но для нас смертных нельзя и мечтать о том, чтобы принять на себя звание Правителей всей России. Мы Правители борьбы с советской властью и Правители тех Государственных объединений, которые для этого рождаются. Когда я услышал эти три начала, я получил глубокое внутри себя моральное удовлетворение и ту колоссальную веру, которая даёт мне смелость сказать: на этих трёх принципах мы пойдём к успеху и успеха достигнем»¹⁰⁶.

О некоторых практических шагах государственного строительства на последнем клочке свободной от большевиков Русской земли писал генерал-майор В.А. Бабушкин, помощник Правителя на правах Министра внутренних дел: «Только религиозные люди могут принять участие в строительстве

Приамурского государства. За основание берётся церковный приход. Каждый гражданин по вере его должен быть приписан при приходе своего вероисповедания. Церковные приходы объединяются в совет церковных приходов города и земских районов. ... Соединения церковных приходов должны будут заменить собой то, что теперь называется городским и земским самоуправлением. Все граждане должны приписаться к приходам. ... В назначенный день прихожане собираются в храме. После молитвы в церкви устанавливается урна, в которую прихожане опускают свои личные номера. Затем священник вынимает необходимое количество из них; таким образом составляется совет прихода. Во главе приходов будут стоять лица по назначению верховной власти. Лица недостойные и несоответствующие будут заменяться следующими, получившими очередной жребий. Благодаря этому в принцип будущих самоуправлений будут положены усмотрение и воля Божия. Надо думать, что новые органы самоуправления будут вполне авторитетны в населении. Никакой милиции, вероятно, не будет. Гражданам будет предоставлено право организации самообороны под контролем церковных приходов»¹⁰⁷.

В сентябре 1922 г. в Никольске Уссурийском прошло совещание епископов: Харбинского и Маньчжурского Мефодия, Забайкальского и Нерчинского Мелетия, Владивостокского и Приморского Михаила, Токийского и Японского Сергия, Камчатского и Петропавловского Нестора. На совещании было решено 22 октября 1922 г. созвать во Владивостоке Дальневосточный Поместный Церковный Собор. На Соборе намечалось создать Высшее Церковное Управление для дальневосточных епархий. Ожидалось прибытие на него около 50 членов: архиереев, священников, участников Всероссийского Поместного Церковного Собора 1917–1918 гг., выборных от мирян, военного духовенства и приходов.

Видная роль в его подготовке принадлежала владыке Нестору. «Так как в настоящее время, – подчеркивал он, – в России большевиками совершенно разрушено церковное

управление, Патриарх Тихон арестован, большинство епископов расстреляно и так

или иначе, но отстранено от управления Церковью; в жизнь Церкви внесён развал последними антиканоническими постановлениями большевистствующего духовенства: крещение в 18 лет, богослужение на русском языке, возведение женатых священников в сан епископа и многое другое, – поэтому есть настоятельная необходимость в создании объединяющего церковного центра»¹⁰⁸.

Однако в конце октября 1922 г. под ударами большевиков Приамурский Земский Край прекратил своё существование. Решающее значение имело прекращение поставки Японией оружия и другой помощи в Приморье. Сделано это было по категорическому требованию США¹⁰⁹. В последнем указе Правителя края М.К. Дитерихса, датированном 17 октября, читаем: «Силы Земли Приамурской рати сломлены. Двенадцать тяжёлых дней борьбы одними кадрами бессмертных героев Сибири и Ледяного Похода без пополнения, без патронов решили участь Земского Приамурского Края. Скоро его уже не станет. Он как тело – умрёт. Но только как тело. В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской, исторической, нравственно-религиозной идеологии он никогда не умрёт в будущей истории возрождения Великой Святой Руси. Семя брошено. Оно сейчас упало на ещё не подготовленную почву. Но грядущая буря ужасов советской власти разнесёт это семя по широкой ниве Великой Матушки Отчизны. И приткнется оно в будущем через предел нашего раскаяния и по бесконечной милости Господней к плодородному и подготовленному клочку Земли Русской и тогда даст желанный плод. Я верю в эту благодать Господню; верю, что духовное значение кратковременного существования Приамурского Края оставит даже в народе края глубокие, неизгладимые следы. Я верю, что Россия вернётся к России Христа, России – Помазанника Божия, но что мы были недостойны ещё этой милости Всевышнего Творца»¹¹⁰.

Действительно, само, хотя и краткое, существование Земского Края оказало большое влияние на людей, его

населявших. Вот что писал в записке «Общее политико-стратегическое положение на Дальнем Востоке с русской национально-патриотической точки зрения» командированный сюда в 1929 г. европейскими монархистами капитан 2-го ранга Б. Апрельев: «Японская империя, сыграв роль тарана для новых смут, должна исчезнуть с лица земли, как исчезли Империи Российская, Австро-Венгерская и Германская. В связи с этим, используя противоречия между борющимися за господство державами, можно было бы предпринять попытку создания на Дальнем Востоке малого Великого Княжества, похожего на Московское Княжество самого тяжёлого периода татарского ига, которой отличалось бы глубокой религиозностью, высоким национальным сознанием, скупостью и бережливостью. Это малое Великое Княжество должно будет нести тяжёлый крест унижения, как несла его в своё время Москва. Великий Князь его будет унижен и перед японцами, которые ему должны покровительствовать, и перед иностранцами, и перед русскими, которые будут его, может быть, считать изменником, – но сила его, как и в старой Москве, должна заключаться в том, что у него будет полное основание верить в свой народ, который русский до мозга костей; его поддержит и Церковь Православная и вера в то, что наступят дни, когда все русские найдут общий дом, найдут потерянную ими Россию. Постепенно, по мысли дальневосточных монархистов, ... это небольшое Великое Княжество должно прирастать восточносибирскими и забайкальскими землями, став ядром будущего возрождённого Всероссийского Царства. Остро встает вопрос о возглавлении и властях Великого Княжества»¹¹¹.

Прикоснуться к подвигу последних защитников Православной Руси, к тому духу, который жил в них, помогут немногие дошедшие до нас воспоминания.

Сотни лучших русских юношей (кадетов, реалистов, гимназистов) как могли держали многокилометровый фронт по реке Амур. Только по малолетству в Земскую рать не попал будущий секретарь епископа Нестора отец Нафанаил (Львов).

Эвакуация Владивостока была проведена молниеносно. Известен случай... Четверо воспитанников Владивостокского

Морского кадетского корпуса, до последней возможности вместе с другими своими товарищами сдерживавшие в глухой тайге в составе Земской рати натиск красных отрядов, вернулись в город, найдя казармы пустыми. Кадеты бросились на набережную, надеясь найти хоть какое-нибудь отходящее судно. Тщетно. Кругом стояла зловещая тишина. Город замер в ожидании вступления большевиков.

Но вот – о счастье! – у одного из причалов они обнаружили маленький парусно-моторный бот «Рязань». На нём оказался бочонок пресной воды. Неподалёкдалёку они нашли пожилого боцмана. Предложили плыть в Японию. Тот неожиданно легко согласился. Сбегав в покинутый всеми Корпус, кадеты принесли найденную там провизию. Через час бот уже выходил из Владивостокской гавани в открытое море.

Неделю плыли они по Японскому морю. Наконец впереди показался город Цуруга. Однако на берег их не пустили, приказав плыть в Нагасаки. Хорошо хоть разрешили пополнить запасы продовольствия. В этом им помог незадолго до этого приехавший сюда епископ Нестор, продолжавший после этого внимательно следить за дальнейшей судьбой бесстрашных юных моряков.

В Нагасаки их снова не пустили на берег, исполняя распоряжение японского правительства, опасавшегося наплыва беженцев из Приморья, не впускать в страну ни одного русского. Однако многие наши соотечественники не остались безучастными, снабдив кадетов в изобилии съестными припасами и подарив им специальный аппарат для перегонки морской воды в пресную. Там им посоветовали плыть на Филиппины, где, по слухам, американцы устраивали лагеря для беженцев. Но кадеты, посоветовавшись с боцманом, решили держать курс на Америку. По крайней мере, так, в отличие от небольших островов, не промахнешься.

Три месяца в море.

Плавно поднимет и бросит вниз;

Всхлипнув, скрипуче положит набок.

Лампа качается и карниз

Тёмной каюты качает как бы.

.....

Прём на восток и молись иконе!

Примерно на середине пути встретили американский пассажирский пароход «Empress of Asia». Оттуда запросили, не нуждаются ли в помощи, а также не хотят ли, чтобы их взяли на борт. С бота последовало два отрицательных ответа. После того как суда разошлись, с парохода по радиотелеграфу последовало сообщение о необычной встрече. Оно практически немедленно попало в американскую прессу, в раздел сенсаций. Американцы с нетерпением ждали прибытия, как им казалось, молодых спортсменов, явно идущих на установление нового мирового трансокеанского рекорда на сверх малотоннажном судне.

Близился берег, но кадетами овладело беспокойство: а что если их снова не пустят на берег и заставят плыть обратно. После четырехмесячной болтанки по морям-океанам им этого вовсе не хотелось. Поэтому было решено попытаться высадиться на берег с наступлением темноты.

Велико же было удивление мореплавателей, когда они вскоре обнаружили себя окружёнными целой флотилией яхт и парусников, команды которых приветствовали их с чувством восхищения и восторга:

Говорят, и этому я верю,
Что тот город, где кадет-матрос
Бросил якорь, вынес бот на берег
И по улицам его понёс.

Всё это было, но, к сожалению, в глазах американцев так и осталось всего лишь спортивным подвигом. Действительных причин они не могли да, вероятно, и не хотели постигнуть...

Милые, что ныне с вами случилось,
Я не знаю. Вероятно там
Растворившись, приняли за милость
Славу, улыбнувшуюся вам.

.....

Лбом мы прошибали океаны
Волн летящих и слепой тайги:
В жребий отщепенства окаянный

Заковал нас Рок, а не враги.
Мы плечами поднимали подвиг,
Только сердце было наш домкрат;
Мы не знали, что такое отдых
В раззолоченном венце наград.
Много нас рассеяно по свету,
Отоснившихся уже врагу;
Мы – лишь тема, милая поэту,
Мы – лишь след на тающем снегу.
Победителя, конечно, судят,
Только побеждённый не судим,
И в грядущем мы одеты будем
Ореолом славы золотым.
И кричу, строфу восторгом скомкав,
Зоркий, злой и цепкий, как репей:
– Как торнадо, захлестнёт потомков
Дерзкий ветер наших эпопей.

Это строки из поэмы широко известного когда-то всей дальневосточной русской эмиграции поэта Арсения Несмелова (1889–1945), того самого офицера, который в 1917-м оборонял Московский Кремль, а после второй мировой принял смерть на бетонном полу советской тюремной камеры. Поэма называется «Через океан». Написана в Харбине в 1930 г. Вызвана она была потрясшим поэта сообщением о подвиге русских кадетов, переплывших Тихий океан, исходившим, вероятно, из кругов, близких епископу Нестору¹¹².

Судьба других беженцев из Приморья, хлынувших в Маньчжурию после падения Приамурского Земского Края в ноябре 1922 года, была более прозаичной. К тому времени их сосредоточилось здесь до 300 тысяч человек (в том числе в Харбине до 100 тысяч). Позднее, после массового переселения в область Трехречья¹¹³ около 100 тысяч забайкальских казаков, число русских в Маньчжурии ещё более возросло.

Что же представлял собою этот край, получивший среди русских эмигрантов имя Жёлтой Руси? Какова его предыдущая история?

Стояла Русь жёлтая...

Северная Маньчжурия выросла вокруг Китайско-Восточной железной дороги на территории, которую правительство Российской Империи получило в 1896 г. в концессию от Китая на 99 лет. На правах частного лица Россия получала полосу земли для прокладки через Маньчжурию железнодорожного полотна, а также особо оговоренные участки (через установленные промежутки) для постройки на них разъездов, станций, посёлков и городов общей площадью в несколько квадратных километров.

Фактическим правителем этого огромного края, по площади равного Германии, Франции и Италии вместе взятыми, был управляющий железной дорогой. С прекращением после октябрьского переворота 1917 г. существования Министерства финансов Управляющий (им был в описываемое время генерал-лейтенант Д.Л. Хорват) превратился по существу в единоличного правителя. В 1920 г. управление КВЖД перешло к Русско-Азиатскому банку, большинство акций которого принадлежало французам. Управляющим банк назначил инженера Б.В. Остроумова, администрация которого всячески поддерживала Православную Церковь. Почти четверть века после революции здесь сохранялась иллюзия мирной дореволюционной жизни.

Постепенно, однако, приходилось считаться с китайскими военными властями. Вскоре после революции в Китае 1911 г., результатом которой было падение Маньчжурской династии, страна впала в состояние хронической анархии. Контроль над Маньчжурией с 1918 г. постепенно стал переходить в руки её уроженца, военного правителя, присвоившего себе титул маршала Чжан Цзолиня. Местопребыванием его стал город Фынтян (иначе Мукден, в настоящее время Шэньян). «С русскими беженцами,— свидетельствует американский историк Дж. Стефан, — попавшими в его владения, Чжан Цзолинь вёл себя по-джентльменски, проявляя к тем, кто волею судеб оказался у него в руках, не только вежливость, но и сочувствие.

Десять тысяч забайкальских казаков получили от него в подарок обширную территорию вдоль реки Аргунь в Северной Маньчжурии. Тысячи русских работали в его правительственных учреждениях, армии и полиции, причём им часто отдавали предпочтение перед китайцами»¹¹⁴.

К 1930 г. в Маньчжурии насчитывалось более 80 православных церквей, только в одном Харбине их было 26¹¹⁵. При церковных приходах действовали дешёвые или бесплатные столовые для малоимущих. Работали 4 церковных детских приюта, 2 церковные больницы. Функционировали подготавливавшие молодых священнослужителей Высшие пастырско-богословские курсы (1928), преобразованные позднее в Богословский факультет. В Харбине было до 15 средних учебных заведений и 6 высших школ.

В дореволюционную пору русские приходы в Маньчжурии, составлявшие благочиние, входили (за исключением нескольких приходов, находившихся в Пекинской епархии) в состав Владивостокско-Приморской епархии. 29 марта 1922 г. они «временно» вошли в подчинение Архиерейскому Заграничному Синоду и были преобразованы в отдельную Харбинско-Маньчжурскую епархию, возглавлявшуюся архиепископом (впоследствии митрополитом) Харбинским и Маньчжурским Мефодием¹¹⁶.

Помимо него в Харбине пребывали ещё два архиерея¹¹⁷: архиепископ Мелетий¹¹⁸, ставший митрополитом после смерти Мефодия, а в описываемое время возглавлявший прихода Пекинской епархии в Маньчжурии; и епископ Нестор Камчатский, пользовавшийся самостоятельностью, поскольку имел на таковое положение благословение Владивостокского епархиального архиерея, архиепископа Евсевия (Никольского) (впоследствии митрополита Крутицкого, ближайшего помощника Патриарха Тихона) ещё в те времена, когда церкви в Маньчжурии входили в состав Владивостокской епархии (с 8.8.1907).

Примечательно, что в первом проекте «Обращения Патриарха Тихона» («Предсмертном завещании»), датированном апрелем 1925 г., имя епископа Нестора Камчатского поминается

среди зарубежных архиереев, по поводу которых Святейший грозился учинить «строжайшее расследование для предания их суду», до решения которого им воспрещалось священнослужение, пастырское общение с верующими; чада же Церкви предостерегались от всякого с ними общения; а во втором проекте и в окончательной редакции (наряду со смягчением прещений) имя Владыки вовсе не упоминается¹¹⁹. В 1930 г. в интервью иностранным корреспондента в Москве Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) среди прочего заявил, что епископ Нестор «в Китае» находится «в каноническом подчинении Патриархии»¹²⁰. Это, как мы увидим позднее, соответствовало в то время политическому положению в Маньчжурии. Политические изменения, последовавшие через год, заставили Владыку искать контактов с Зарубежным Синодом. В письме митрополита Антония (Храповицкого) 9 июня 1931 г. читаем: «Еп[ископ] Нестор просится назад к нам, а был он у Евлогия»¹²¹
¹²².

Итак, положение резко изменилось в 1924 г., когда Чжан Цзолинь признал большевиков законным правительством России и передал им все отсюда вытекающие права. В Маньчжурию прибыл первый советский председатель правления КВЖД Д.П. Серебряков, впоследствии репрессированный Сталиным. «В Харбине, – вспоминал секретарь епископа Нестора, – появился комсомол (по-харбински называвшийся «отмол»), красные пионеры, с которыми немедленно вступили в столкновения, иногда в кровавые драки, русские белые патриотические молодежные организации. Появились советские газеты и журналы. Началась всесторонняя коммунистическая пропаганда среди населения, впрочем, особым успехом не пользовавшаяся. Все служащие железной дороги должны были стать или советскими или китайскими гражданами и состоять или в советском или в китайском профсоюзе. Часть учебных заведений перешла в советские руки. Церковь не только лишилась поддержки железной дороги, но и стала подвергаться нападкам, как официальным в виде всевозможных судебных к ней претензий, так и хулиганским выходкам комсомольцев»¹²³.

В связи с этим многим харбинцам памятен случай с иконой Святителя Николая, находившейся на железнодорожном вокзале. Новые советские управители хотели немедленно убрать икону, но китайская администрация неожиданно воспротивилась, и чтимый образ остался на месте¹²⁴. С этого времени начались чудеса Святителя Николая и именно в отношении китайцев.

«В 1926 г., – вспоминал тот же секретарь Владыки, – один, пользовавшийся всеобщим уважением старик плыл в лодке через реку Сунгари, где она имеет более километра ширины. Началась буря, лодку опрокинуло, китаец, не умеющий плавать, начал тонуть. В последнюю минуту он вспомнил про святого старца, изображённого в зале на вокзале, и возопил: “Русский старик, стоящий на вокзале, спаси меня!”. И волны мягко донесли его до берега, выбросив на прибрежный песок. Старик китаец в признательность за это чудо сделал пред чудотворным образом Святителя Николая серебряные подсвечники и две серебряные доски, на которых по-русски и по-китайски было описано совершившееся с ним чудо.

Через два года группа китайских мальчуганов играла у подножия высокого обрыва на границе между русской частью города и китайской (так называемой Фуцзяцзян). К ним подошёл неизвестный старик и приказал им отойти от обрыва. Детишки послушались, и едва они отошли от каменного склона, как от него отвалился широкий пласт, рухнувший на то место, где играли дети. Они стали оглядываться, ища старика, спасшего им жизнь, но его не было видно. И они не могли догадаться, кто это был. Спустя несколько дней один из спасенных мальчиков проходил с отцом по Харбинскому вокзалу. Увидя икону Святителя Николая, он закричал отцу: “Папа, папа, вот старик, который нас спас!”»¹²⁵.

Русскому населению Маньчжурии предстояло серьёзное испытание. «Советские агенты, – пишет американский историк Дж. Стефан, – не жалели сил, сея смятение и раздор в русской эмигрантской колонии. Было применено несколько тонких тактических приёмов, и все с успехом. Пропагандисты соблазняли эмигрантов сладкими речами о “строительстве

новой достойной жизни» на родине. Сотрудники ЧК внедрялись в эмигрантские организации. ... Так широка была сеть шпионов Москвы, что время от времени для инструктивных совещаний *in situ*¹²⁶ использовалась православная церковь. Священник-то был марксист-ленинец.

Русские эмигранты мало что могли сделать для защиты от советского проникновения. ... Более двадцати тысяч харбинских русских имели советские паспорта. Многие взяли их просто для удобства. Это были так называемые “редиски” (красные снаружи, белые изнутри), работавшие на КВЖД, над которой СССР установил, наконец, контроль в 1924 году, и требовалось какое-то шестое чувство, чтобы отличить настоящую “редиску” от мнимой.

Повсеместное советское проникновение приводило многих эмигрантов в состояние хронической подозрительности, граничившей с паранойей. “Красный агент”, «шпион Коминтерна» – эти слова то и дело звучали в разговорах, и почти каждого харбинского общественного деятеля – будь то социалист, либерал, монархист, казак или фашист – противники в какой-то момент объявляли шпионом Кремля. Независимо от того, подтверждались эти обвинения или нет, они раздирали общество на части»¹²⁷. Парадоксально, но факт: общей участи не избежал создатель и председатель Российского фашистского союза (почётным членом которого числился, кстати, и владыка Нестор¹²⁸) К.В. Родзаевский¹²⁹, заподозренный в том, что он советский агент¹³⁰.

«Харбин, – вспоминал позднее епископ Нестор, – близкий и дорогой для меня город. ... Часто приходится слышать о жителях Харбина как о неотзывчивых людях, невнимательных к Церкви и её служителям. Мне довелось видеть обратное. С самого моего приезда в Харбин я видел неизменное уважение к моему сану, все призывы мои о помощи встречали и встречают горячий отклик. Вспоминаются два случая. В первый год моего пребывания в Харбине я жил на Бульварном пр., а служил в Иверском храме. Однажды еду, по недостатку средств, на китайской двуколке. Навстречу едут верхом тогдашний Управляющий дорогой инж. Б.В. Остроумов и А.В. Оболенский.

Оба они поклонились мне, приняли благословение и проехали дальше. На другой день ко мне приезжает ныне покойный помощник управляющего ген. М.Е. Афанасьев и говорит, что общее желание как его, так и инж. Остроумова предоставить мне в пользование для всех поездок по городу прекрасный казенный выезд. Это продолжалось до прихода на дорогу большевиков. В другой раз я встретился с Б.В. Остроумовым на станции Бухэду. Он узнал, что мне приходится ездить в третьем классе и немедленно распорядился о предоставлении мне при всех поездках по линии отдельного вагона. Вот два примера особенно поразившие меня, нового ещё в Харбине человека. А таких случаев было очень много»¹³¹.

Между тем епископ Нестор развил в Харбине широкую благотворительную деятельность. «Почти сразу по приезде в наш город, – вспоминал в 1936 г. Владыка, – я занялся благотворительной работой. 16 февраля 1923 года я учредил Кружок Милосердия, существующий до настоящего времени. Это было первое созданное мною благотворительное учреждение. До этого я лишь принимал участие в деятельности других организаций. В августе того же года создаётся Патронат, где нашли приют до 90 хроников и престарелых. Прекращение поддержки со стороны муниципалитета в 1927 г. заставило ликвидировать Патронат. Пришлось изменить методы работы и 1 февраля 1927 г. был учрежден существующий до сих пор Дом Милосердия»¹³².

Дом Милосердия епископ Нестор основал по примеру когда-то благословившего его на миссионерство отца Иоанна Кронштадтского. «Вопиющие нужды бедноты, калек, душевнобольных людей, несчастных подростков-наркоманов и детей улицы – сирот, – писала эмигрантская пресса, – вызывали в чутком сердце деятельный порыв владыки Нестора к организации сначала Патроната, а потом и Дома Милосердия, в коем Владыка сосредоточил впоследствии главным образом свою благотворительную и культурно-просветительную работу»¹³³. Первоначально это был открытый в наемном помещении дом для тихопомешанных. А после того как через несколько лет, по распоряжению городских властей, больные

были отправлены в открытую тогда городскую психиатрическую лечебницу, дом был превращён в убежище для престарелых.

Ещё в 1923 году в церкви при Доме Милосердия произошло чудесное событие, сделавшее этот домовый храм известным каждому православному эмигранту в Маньчжурии.

В своё время, узнав, что епископ Нестор устроил и освятил храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте», одна из ближайших сотрудниц Владыки, глубоко верующая православная русская женщина Екатерина Ивановна Курмей передала туда свой родовой образ. «Пожертвованный мною в церковь при богадельне образ Пресвятыя Богородицы “Всех скорбящих Радость”, – свидетельствовала она позднее, – является родовым в семействе Бологовых, из которого я происхожу. Насколько мне известно по семейным разговорам, образу этому около 300 лет. Это по меньшей мере. Икона переходила из рода в род и досталась мне с моей родной сестрой Софией Ивановной Бологовой от моей покойной матери, умершей три года тому назад в г. Одессе, где я в то время проживала и откуда прибыла в Харбин 27 февраля н. ст. текущего года. Насколько помню, данная икона всегда имела совершенно тёмный вид с неразборчивыми ликами святителей (святых) и имевшимися на иконе надписями. Ни моим покойным родителям, ни тем более даже мне не было известно, какие именно лики святителей (святых) имелись на образе. Довольно того, что муж мой (ныне покойный) всегда чтит память Иоанна Воина, а лично я – мученика Антипия, спасшего меня ещё в молодости от заражения крови при зубной боли. И муж и я, бывая в святых храмах, всегда старались отыскивать эти образа и для поклонения и для постановки свечей. И вот ни муж, ни я не знали, что эти святые имеются на образе, который ныне обновился. И только чудесное просветление иконы даёт мне теперь возможность свидетельствовать о том, кто именно из святых угодников воспроизведён на образе. Чудны дела Твои, Господи!»¹³⁴.

«Икона, – подтверждал архиепископ Харбинский Мефодий, – хорошей иконописной работы. Эту икону сам пишущий сие видел как до обновления, так и после обновления. Краски и

золото на иконе просветлели как живые, но повреждения от времени, выкрошившиеся места, сохранились как бы для того, чтобы свидетельствовать о чуде. Храм приюта хроников устроен в честь иконы “Всех скорбящих Радость”, и икона лежала на аналое, где больные и молящиеся постоянно к ней прикладывались»¹³⁵.

Следует отметить, что в 1923 году волна благодатных обновлений икон (причём, прежде всего икон Божией Матери) прокатилась по всему Дальнему Востоку. Первые случаи благодатных обновлений икон произошли на территории Владивостокской епархии. Начались они в преддверии Великого Поста 1923 года. Вслед за Приморьем волна обновлений двинулась на запад, в пределы Харбинской епархии. Самого Харбина она достигла поздней осенью.

Второй иконой, обновившейся в Харбине, и стал образ Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» из домового храма при Доме Милосердия. Вот как об этом событии писали очевидцы:

«В четверг, 23 ноября по ст. ст. и 6 декабря по н. ст. после 9 часов утра описанный выше вид образа стал наружно изменяться. Постепенно, способом совершенно неуловимым для глаза стали проявляться цвета разных красок и тона отдельных штрихов кисти. Происходившая перемена может быть уподоблена рассеиванию в воздухе тумана. Насколько явилась возможность заметить, перемена совершалась в последовательном порядке: первоначально стали светлеть над святыми ликами круги, составляющие символическое изображение ореола святости; далее просветлели надписи, имевшиеся на иконе, затем – одеяние и, наконец, лики святителей и угодников Божиих и Пресвятыя Богородицы с Предвечным Младенцем. Несколько ранее просветления Ликов Богородицы и Спасителя вырисовались имеющиеся с правой и с левой стороны иконы два Ангела, держащие плат с хвалебным песнопением в честь Богородицы, и тогда, в конце концов, прояснились цвета среднего диска вверху иконы и изображение Господа Саваофа. За сутки 23 ноября ст. ст. и 6 декабря н. ст. произошедшие изменения были хотя и довольно заметны, но

ещё весьма незначительны. Главным моментом обновления надо считать утро 24 ноября ст. ст., день святой великомученицы Екатерины, причём вполне ясные очертания, приближающие образ к его настоящему виду, выявились около 2 часов дня 24 ноября по ст. ст., хотя фактически процесс заметного обновления происходил и далее до позднего вечера и даже всю ночь на 25 ноября (8 декабря). Происходившее обновление образа заметил целый ряд лиц из служебного персонала богадельни, а также призреваемых в ней, и бывшая владелица иконы, прибывшая в церковь 23 ноября вечером к всенощному бдению и украшавшая храм, а также всегдашние богомольцы, но, однако, каждый из видевших и следивших за событием о замеченном ни с кем не делился, боясь встретить недоверие. Только утром 24 ноября (7 декабря) перед началом Божественной литургии, прикладываясь к образу, молившиеся впервые высказали вслух мысль о невероятном изменении, происходящем с иконой; а после Литургии служебный персонал богадельни и церкви уже заговорил между собою об этом факте вполне открыто и непринуждённо, признавая полную неоспоримость случая чудесного обновления святой иконы»¹³⁶.

«Поразительное чудо Божией благодати, – писал позднее протопресвитер Александр Киселев, – всколыхнуло весь город... Старые харбинцы помнят хорошо это событие. Отовсюду стали приходить верующие люди к новоявленной святыне на поклонение и на молитву – и обновлённый Образ стал одной из главных святынь не только храма, но и всего православного Харбина»¹³⁷.

В 1928–1929 гг. на собранные среди русских эмигрантов средства владыка Нестор купил в харбинском пригороде Модягоу участок земли и построил на нём Дом Милосердия с церковью также во имя иконы «Всех скорбящих Радосте» при нём, перенеся туда и чудесно обновившийся образ. Большой колокол пожертвовал митрополит Пекинский Иннокентий (Фигуровский, 28.6.1931). В четырех домах находились помещения для призреваемых (в 1927 г. 84 ребенка и 37 престарелых), типография, свечной завод, прачечная, пекарня, квартиры для Владыки, причта и служащих. Сюда владыка

Нестор не только перевёл убежище для престарелых, но и открыл приют для девочек-сирот, а когда, со временем, оказалось, что приют для мальчиков «Русский Дом» не может вместить всех нуждающихся, – открыл и приют для мальчиков.

При девичьем приюте работала швейная мастерская. Там воспитанницы обучались ремеслу, которое могло прокормить их в последующей жизни. Многие из них проходили обучение и в открытой тут же иконописной мастерской, возглавлявшейся бежавшей из Приморья игуменией Олимпиадой и её помощницами – монахинями Стефанидой и Варварой.

Мальчики обучались в столярной мастерской и помогали в типографии, в которой печатались, богослужебные книги, духовные издания и ежемесячный журнал «Православный голос» (1934–1937).

Вся эта деятельность осуществлялась на благотворительные взносы доброхотов. Дело в том, что, каждый русский в Харбине был записан в два-три прихода, внося туда, как правило, весьма значительные суммы. «Все эти благотворительные учреждения, – подтверждал Владыка, – встретили самую широкую помощь со стороны харбинцев. В цифрах она выразилась так: Кружок Милосердия за несколько первых месяцев своей работы до открытия Патроната собрал и израсходовал на различную помощь беднякам свыше 2000 иен. На. Патронат израсходовано 66 000 иен. В Доме Милосердия за время с 1 февраля 1927 г. по 1 октября 1936 г. издержано на постройки 37 600 иен и на содержание 157 200 иен. Всего же на Патронат и Дом. Милосердия собрано и израсходовано свыше 260 000 иен»¹³⁸.

Словно бы в ответ на эти слова Владыки ректор Педагогического института в Харбине С.В. Кузнецов писал: «...Мы все знаем и без отчетов, сколько стариков и старух, калек и безродных, нуждающихся и сирот там получают самый разнообразный приют, последнее и первое земное пристанище, а иначе бы им грозил голод, холод, улица, ночлежка, углы, черствая человеческая эксплуатация, обиды и оскорбления. И в обделённое наше юдольное время, и во время наших стихийных бедствий Дом Милосердия – верное пристанище. Это

не временная, не случайная помощь. Дом Милосердия – организация, организованная помощь. Сирот надо не только накормить, одеть, а надо вырастить, их надо поставить на ноги, сделать людьми, воспитать трудоспособными и полезными русскими людьми. Архиепископ Нестор организует правильную школу с практическими навыками и знаниями-умениями. На пустыре возник энергией Преосвященного не только просторный вместительный храм, но и службы. Пустырь превращен в благоустроенный квартал – получилась усадьба, появился церковно-религиозный и культурный центр. Это не скит, не монастырь, это место реальной любви и доброго деяния»¹³⁹.

Вскоре политические события ещё более осложнили обстановку в Маньчжурии.

К концу 1920-х гг. усилился интерес к Маньчжурии японцев. В 1928 г. был взорван поезд ставшего неуправляемым маршала Чжан Цзолия. Преемником стал его сын, также провозгласивший себя маршалом, – Чжан Сюэлян.

В 1929 г. произошёл так называемый «конфликт на КВЖД», в ходе которого красная армия не только разгромила китайские войска, но и вторглась в Трехречье, уничтожив или насильно уведя в СССР около 30000 бежавших сюда после гражданской войны забайкальских казаков. В тот год красные отряды под командованием комиссара Моисея Жуча несколько раз совершали через границу набеги на Заамурский край (Маньчжурию), сопровождавшиеся зверствами над мирным населением.

«Душу раздирающие сведения, – писал в специальном обращении митрополит Антоний (Храповицкий), – идут с Дальнего Востока. Красные отряды вторглись в пределы Китая и со всей своей жестокостью обрушились на русских беженцев – выходцев из России, нашедших в гостеприимной китайской стране прибежище от красного зверя. Уничтожаются целые посёлки русских, истребляется всё мужское население, насилуются и убиваются дети, женщины. Нет пощады ни возрасту, ни полу, ни слабым, ни больным. Всё русское население, безоружное, на китайской территории Трехречья

умерщвляется, расстреливается с ужасающей жестокостью и с безумными пытками»¹⁴⁰.

Многочисленные беженцы хлынули в города Маньчжурии. Детские приюты Харбина, в том числе действовавший и при Доме Милосердия епископа Нестора, пополнились новыми обитателями.

Все эти события с наглядностью демонстрировали слабость власти. Маньчжурия стояла на пороге анархии. Ненормальность положения бесстрастно подтверждала статистика. Мужское население Харбина было вдвое больше женского. Количество рождений соответствовало числу смертей. Причём причины последних (аборты, убийства, алкогольные отравления и самоубийства) не были естественными и свидетельствовали о нравственном состоянии общества. Обычным явлением стали грабежи и похищения людей, причём нередко при потворстве полиции¹⁴¹.

Перемены не заставили себя долго ждать. Последовал так называемый Мукденский инцидент: 18 сентября 1931 г. близ этого города был инсценирован взрыв на железной дороге.

В тот же день Квантунская армия Японии вторглась в северо-восточные провинции Китая. Продвижение армии японская пропаганда преподносила, как стихийное восстание народа Маньчжурии против ненавистного китайского ига. В самом начале 1932 г. Япония установила контроль над всей территорией Маньчжурии. 18 февраля было провозглашено отделение Маньчжурии от Китая, а 1 марта было объявлено о создании государства Маньчжоуго¹⁴², править которым стал последний император Цинской династии Генри Пу И, лишившийся трона в Китае в семилетнем возрасте в результате революции 1911 г. и живший все эти годы в Тяньцзине. Уже на следующий день после официального провозглашения его верховным правителем русская эмигрантская газета «Мукден», издававшаяся под редакцией генерала Клерже, вышла под шапкой «Да здравствует новая и счастливая эра “Да-Тунь”!» Маньчжурского императора приветствовали, как писали тогда, «от всей души и с полной почтительностью и искренностью».

Вступивших 5 февраля в Харбин японских солдат русские девушки целовали в запыленные щеки. Под неумолкаемые крики русских «Банзай!» они буквально шли по букетам цветов. Справа и слева от колонны трепетали сотни японских флагов. Восторг, охвативший русскую дальневосточную эмиграцию, передался и в Европу. Изменивший в далёком феврале 1917 г. своему законному Императору Всероссийскому, а в 1924 г. незаконно объявивший себя «императором Кириллом I», Великий Князь Кирилл Владимирович в эти дни «публично выразил своё удовлетворение тем, что четверть миллиона его подданных оказались под покровительством Дай Ниппон»¹⁴³ – Великой Японии.

Однако, как оказалось, радость была преждевременна. Вскоре одно за другим были закрыты все русские учреждения и фирмы. Даже советское правительство вынуждено было в 1935 г. продать новым хозяевам КВЖД за смехотворно малую сумму. Харбинцы подсчитали, что средний железнодорожный дом обошелся японцам в 30 центов. При этом были уволены все русские железнодорожники. Среди них было много молодежи, получившей атеистическое воспитание в советской школе. По благословению владыки Нестора, иноки Дома Милосердия, с помощью Божией, возвращали их к вере отцов.

«Над Церковью, – свидетельствовал очевидец, – был установлен строгий контроль, приводивший иногда к трагикомическим результатам. Так, японский контролер Ильинской церкви, просматривая церковные денежные отчеты и увидев суммы расходов на покупку просфор и вина, заявил: “Это нехорошо. В церкви кушать нельзя, в церкви надо молиться. А вино, это совсем нехорошо». ...

В 1935 г. типография Дома Милосердия решила к Страстной неделе издать 12 Евангелий. На все издания надо было испрашивать разрешения у полицейских властей, составляя подробные анкеты об авторах. Один из священнослужителей Дома Милосердия отправился к главному японскому цензору, Фудзивара-сан, с вопросом, как поступить в данном случае. “Подавайте прошение и установленную анкету, как всегда, – ответил г. Фудзивара. – Никаких исключений делать нельзя”.

Внутренне смеясь над абсурдностью такого распоряжения, священник заполнил анкету:

Имя, фамилия и звание автора или авторов:

- 1) Матфей Левин, финансовый чиновник.
- 2) Марк Иоанн, помощник учителя.
- 3) Лука Антиохиец, врач.
- 4) Иоанн Воаннергес, рыбак.

Место рождения:

- 1) Капернаум.
- 2) Иерусалим.
- 3) Антиохия.
- 4) Вифсаида.

Национальная принадлежность: Еврейская.

Подданство: Римское.

Есть ли родственники в Японской Империи: Нет.

в Советском Союзе: Неизвестно.

в Соединённых Штатах: Вероятно.

И т. д.»¹⁴⁴.

Жесточайшим бичом эмиграции, как и всего местного населения, стала наркомания. Властями и японцами она «всячески поощрялась, потому что, во-первых, приносила доход, во-вторых, отвлекала от политики. Для увеличения спроса на наркотики принимались хитроумные меры. С самолетов летели листовки, расписывавшие прелести трубки, а на банкнотах Маньчжоуго многозначительно цвели пышные маки. Один только Харбин мог похвастаться сотнями магазинов, по лицензиям продававших героин и морфий без всяких рецептов. Шикарные заведения предлагали богатым клиентам доставку на дом. В дешёвых притонах можно было с улицы просунуть в специальное отверстие руку с двенадцатью сенами (что равнялось восьми центам) и получить укол морфия. Подросткам предлагали “юношеские дозы” в торговых точках рядом со школами. ... Японцы могли свободно торговать наркотиками, но им было категорически запрещено употреблять их. ... В Синьцзине, Мукдене, Порт-Артуре, Гирине, Цицикаре и Харбине (в районе Сунбей) были построены фабрики по производству морфия, героина и кокаина»»¹⁴⁵

В 1930-е годы русские эмигранты тысячами бежали из Маньчжурии в Китай – Бэйпин (Пекин), Шанхай и Тяньцзинь. О динамике этого процесса красноречиво свидетельствует статистика русского населения Харбина. Если в 1916 г. там проживало их 34 200 человек, а в 1922 г. – 120 000, то в 1932 г. – 55 000 ¹⁴⁶.

В брошюре, подводившей итог 20-летней деятельности Дома Милосердия, читаем: «Первое десятилетие благотворительной работы отличалось необыкновенным скоплением, можно сказать, наводнением самых разнообразных тяжёлых видов житейского горя и нужды! Сначала влилась бурная волна голодных русских людей, устремившихся из голодной России на благодатные мирные поля Маньчжурии. Приходилось в громадном количестве изыскивать одежду, белье, обувь для оборванных и голых беженцев. Одновременно надо было устраивать для них тёплый угол, изыскивать работу, устраивать на службу и кормить горячей пищей. Тогда епископ Нестор объединил при храме множество русских добросердечных женщин, создал сестричество, разделил их труд и работу по разным отраслям. Для питания беженской бедноты Владыка организовал столовую при Иверской церкви, затем и на Зелёном базаре, а впоследствии и на пристанском базаре. При сестричестве был образован склад, куда со всего города собиралась одежда и обувь и по обследовании бедноты раздавалась нуждающимся. Для спасения наводнивших город подростков-наркоманов Владыка при содействии властей собрал в одну ночь широкой облавой на улицах Харбина 46 мальчиков и молодых людей. Все они были помещены в отведённый специально для них дом, и владыка Нестор приставил к ним специального смотрителя. Наркоманов ежедневно посещал врач и сам Владыка. В строгой изоляции юноши были постоянно заняты работой на ткацких станках, за чулочными вязальными машинами, типографской работой и уроками Закона Божия. Всё это, конечно, спасло юношей от тоски и убийственного порока.

Все тяжёлые беды и несчастья, павшие на голову русских беженцев, отразились, во многих случаях на их психике,

душевном состоянии. Тогда владыка Нестор организовал Патронат не только для старцев и хроников, но и для душевнобольных... 100 человек хроников и, душевнобольных каждый день получали пищу, и лечение, имели, кров над головой. В 1927 г. основатель и руководитель Дома Милосердия получил от Харбинского городского совета официальное благодарственное постановление за принятие в Дом Милосердия душевнобольных (вместо городской больницы), благодаря чему принес 114 000 гоби¹⁴⁷ экономии муниципалитету.

Сухие цифры говорят, что за минувшие годы благотворительной работы в Доме Милосердия пережили свыше 1500 человек хроников и детей обоего пола. Израсходовано собранных Владыкой и друзьями милосердия до 600 000 гоби. В ограде Дома Милосердия больше нет свободных площадей для возведения построек, а нужда настойчиво всё стучится и стучится в двери переполненного Дома Милосердия, приютившего сейчас 143 человека больных и детей...»¹⁴⁸.

Владыка снова и снова продолжал призывать к милосердию харбинцев. «...Я приношу самую горячую благодарность, – говорил он в юбилейные дни 20-летия своей архиерейской хиротонии, – всем жертвователям и сотрудникам моим по благотворительной работе ещё раз напоминаю своим друзьям, желающим отметить мой юбилей, что лично мне ничего не нужно. Пусть всё внимание будет обращено на Дом Милосердия. Каждое, самое незначительное по размеру пожертвование несравненно дороже мне, чем ценный, но лишь мне пригодный подарок»¹⁴⁹

Насельники Дома Милосердия

Самое время рассказать о Сотрудниках епископа Нестора в эти нелёгкие годы.

Как мы помним, ещё в 1929 г. при Доме Милосердия была построена церковь, а в 1936 г. у самого входа была воздвигнута часовня-памятник «Венценосным Мученикам»¹⁵⁰ и Королю Югославии Александру I Карагеоргиевичу (1888–1934). Естественно, что явилась нужда в священнослужителях.

В 1929 г. епископ Нестор постриг в монахи, а затем рукоположил во иерея Василия Владимировича Львова, рабочего КВЖД, учившегося на вечерних богословских курсах. То был уже упоминавшийся нами будущий секретарь Владыки – отец Нафанаил¹⁵¹ – сын печально известного революционного обер-прокурора Святейшего Синода В.Н. Львова¹⁵². Сблизила Владыку и отца Нафанаила, безусловно, общая любовь к миссионерству.

Ещё в юношеские годы отец Нафанаил был членом созданного в Харбине Научно-исследовательского общества имени Н.М. Пржевальского. Часть коллекций, собранных Обществом, попала при его содействии в музей при Доме Милосердия.

Вспоминая одну из своих экспедиций в район Трехречья и встречу там с кочевниками-тунгусами, переселившимися после революции из Приамурского края в Маньчжурию, он писал:

«Ещё в XIX веке они были обращены в Православие, хотя отчасти сохранили и свои языческие верования. Впрочем, некоторые из них лишь вернулись к этим языческим верованиям после прекращения миссионерской работы с ними в результате революции.

Один из шаманов таких тунгусских кочевий говорил: “Пятнадцать лет я не шаманил, а как батюшки (миссионера, работавшего с ними до 1929 года) не стало, так ч... толкнул, опять шаманить стал”.

Другой говорил: “Я раньше три веры был: христьянска вера, шаманьска вера, ламайска (буддийская) вера. А потом думаю:

не хорошо три вера. Теперь два вера: христианска вера и шаманска вера”.

Казалось бы, такое христианство очень унижено и недостойно. Но за эту свою “христианску веру” эти дики-тунгусы шли на очень серьёзные испытания и притеснения.

Дело в том, что при образовании государства Маньчжудго в 1932 году японцам трудно было установить, кто из родственников между собою тунгусских племён, кочующих на западе и севере Маньчжурии, коренные жители, а кто – перекочевавшие из России. В качестве определяющего признака они выдвинули религиозный: те из кочевников, кто были язычниками, были признаны маньчжурскими подданными, христиане же – русскими эмигрантами.

Русские эмигранты должны были брать паспорта, платя за них по несколько долларов в год, должны были получать специальные разрешения при переезде из одной провинции в другую. Всё это выполнять при кочевом быте тунгусов было трудно. И они этого не выполняли. За нарушения паспортных правил их подвергали штрафам, арестовывали, сажали в тюрьму. Им так легко было бы избавиться от всех этих неприятностей, если бы они заявили, что они отказываются от своей “христианска вера”.

Но они не отказывались, и потому мы имеем полное право утверждать, что эти дикие тунгусы, “ руганием искушени быша, еще же и узами и темницею”, страдали за Христа, за то, что своим простым сердцем полюбили они, пусть и не до конца познанную Святую Православную “христианску веру”»¹⁵³

Как удалось узнать позднее, тунгусы эти приняли христианство от Благовещенского епископа Евгения (Молчанова).

«...Я поразился, – писал отец Нафанаил, – силе Божией, так глубоко проникшей в эти простые, совершенно первобытные сердца, и преклонился перед подвигом скромных, совершенно никому не известных великих наших миссионеров, сумевших за краткий период владения Россией Приамурьем посеять так прочно святыя семена.

Уже через несколько недель после нашего знакомства, мой новый приятель Наяхун оконфузил меня в церковном отношении. Надо сказать, что весь календарный год эти тунгусы распределяют по святым, так как другого календаря они не знают. “Это за десять дней до Ильюшкина дня”, “то-то через пять дней после Николкина дня” и т. д. Как-то, ещё в начале апреля, я спросил Наяхуна, когда погонит он на продажу в Хайлар своих оленей? – “На Кирикин день”, – ответил он. И я, русский, с детства воспитанный в церковной семье, пять лет прислуживавший в церкви в качестве иподиакона, – не знал, когда же это “Кирикин день”!»¹⁵⁴

Трудно удержаться, чтобы не привести и другой рассказ отца Нафанаила, раскрывающий силу и радость нашей веры:

«Очень огорчало тунгусов, что и в Маньчжурии они не могли достать себе постоянного священника. Для крестин, похорон и свадеб они должны были откочевывать за триста-четырееста километров в казачьи трехреченские деревни. ... Весною 1938 года у меня с ними оказалась общая скорбь по случаю отсутствия в наступающие страстные и пасхальные дни священника и церкви.

Был поздний вечер в конце поста, когда ко мне подбежал взволнованный маленький Соктуй, внук Наяхуна, и сообщил, что к их кочевью идут солоны¹⁵⁵ с какими-то русскими.

На опушку леса выходила странная группа: впереди шёл высокий статный солон Альчука. ... Я бросился к ним навстречу. Альчука величественным жестом, указывая на русских, сказал мне по-тунгусски:

– Я знал, что ты – русский, и они – русские, и вы будете рады видеть друг друга. Я знал, что ты и эти тунгусы – христианской веры, и хотите иметь христианского шамана-попа, и вот тут, когда они пришли к нам, я узнал, что этот старик – христианский шаман- поп. Я и привёл их сюда. ...

За ужином, который тунгусы приготовили для нас, старик-священник, отец Макарий, рассказал свою несложную, типичную для маньчжурских приграничных окраин историю.

– Как перешли мы через Амур, ... я, старик, заплакал: в первый раз на старости лет пришлось мне уходить с родной

земли. Увижу ли её ещё когда?

Я бы не бежал. Видит Бог, смерти-то мне уж недолго ждать, так в заточении сущу, может, и лучше приять её, да Иван Палыч с Мишуткой уговорили, чтобы обязательно всем нам троим с заимки уходить. Нельзя, говорит, чтобы кто-нибудь оставался. По одному могут и других найти. Ну что ж, для ближнего своего если, и я уговорился.

А тут плакать стал! Тридцать лет Богу и родному народу служил. Ни до какой политики не мешался. Сколько комиссаров в нашу глушь ни приезжало, только об одном их просил: дайте Богу молиться, больше ничего мне не надо, на житьё я всего от пчелок достаю.

Нет, как двадцать лет их советского строя исполнилось, не захотели они и у нас в Алтае, на Катуні, терпеть, чтобы хоть где Богу молились.

Всех почти наших стариков расселили, а меня – убогого иерея Божия, на БАМ отправили, хоть какая, кажись, корысть от моей работы в семьдесят, почитай, лет!

В тот день, как мы Амур переходили, Чистый понедельник был – я сосчитал это. Ивану Палычу и Мише, конечно, до этого и дела нет, они уж нового поколения люди, а мне до чего больно! В такие вот святые дни иди по лесу дикому, ешь всякую гадость, какую ни попало, ни службы, ни молитвы. ...

...Тунгусы мои были трогательными: они окружили старика-священника разнообразными попечениями, вниманием и заботами. Через несколько дней, когда старик немного оправился от трудного пути, они принесли ему небольшой кожаный мешок, в котором они собирали камушки с могил своих умерших в кочевьях соплеменников. По неграмотности они не могли записать их имена, а чтобы не забыть кого-нибудь, они, похоронив умершего без священника, брали с его могилы камушки и складывали их в особый мешок, с тем, чтобы, когда прикочуют к русскому селению, где есть священник, по этим камушкам он мог бы отпеть тунгусских покойников.

Так сделали они и теперь. Мешок был довольно большой, потому что тунгусы уже давно не были около русских селений.

– Это Иван Наяхун, это Степан Култай, это Марья, это Дарья, – говорил мой старый приятель Иннокентий Наяхун, вытаскивая перед отцом Макарием камушки из заветного мешка. И старый батюшка, сразу понявший своих новых знакомых, с радостью служил им отпевания, панихиды, молебны, а потом крестил многочисленное потомство кочевых тунгусов верховья реки Хаула. ...

Пасха эта была очень радостная для всех нас. Редкостно дружной единопдушной семьей встретили её все мы: русские с обеих сторон рубежа – пожилые и молодые, ученые этнографы и дикари тунгусы. Мы все вместе исповедовались у сияющего светлой тихой радостью старого исповедника-батюшки, вместе подходили к Святой Чаше, сделанной бывшим комсомольцем Мишуткой, теперь бежавшим вместе с о. Макарием, мастером на все руки; пели “Христос воскрес” на заутрени, которую батюшка служил в сплетенной всеми нами из ветвей церкви; потом разговлялись щедрыми дарами тунгусов»¹⁵⁶.

Одновременно с отцом Нафанаилом в Доме Милосердия появился отец Георгий Вознесенский, через некоторое время решившийся также принять монашество. Получивший при пострижении имя Филарет¹⁵⁷, он также поселился здесь в одной келлии с отцом Нафанаилом. Так была основана монашеская община при Доме Милосердия.

Много лет спустя он рассказывал одной из монахинь Леснинского монастыря во Франции: «Мы с отцом Нафанаилом прожили восемь лет в одной келлии и ни разу не поссорились»¹⁵⁸.

«Оба молодых монаха, – вспоминал отец Нафанаил, – ежедневно по очереди совершали богослужения в церкви, вычитывали богослужебные молитвенные правила, читали Святых Отцов. Однако о специальных монашеских богослужениях, как полунощница и повечерие, они не имели надлежащего представления»¹⁵⁹.

Но вот посылает Господь в общину при Доме Милосердия новых насельников.

Ещё до революции не раз посещал епископ Нестор обитель, расположенную на крайней восточной окраине России.

Основанный в 1894 г., по благословению святителя Иннокентия (Вениаминова), Свято-Троицкий Николаевский мужской монастырь получил среди боголюбцев наименование «Новый Валаам».

Жизнь первого настоятеля обители игумена Алексия (Осколкова) была исполнена неожиданных перемен: «Бывший артиллерийский офицер, участник обороны Севастополя, а в дальнейшем предприимчивый организатор, какое-то время он руководит крупным строительством железных дорог, затем снова возвращается в армию в последний год русско-турецкой войны и неожиданно уезжает на Афон, принимает монашество, посещает Палестину, сближается там с настоятелем Иерусалимской миссии Антонином (Капустиным). На Востоке раскрылось художественное дарование о. Алексия – им расписан храм Св. апостола Петра в Яффе. Перейдя на службу в Камчатскую епархию, о. Алексей деятельно подготавливает открытие монастыря, избирает место для его строительства (первоначально на Амуре), с разрешения Синода вновь направляется в Иерусалим и на Афон, чтобы привлечь русских иноков к церковному служению на Дальнем Востоке. В Россию о. Алексей вернулся со многими святынями, переданными в дар будущей обители...»¹⁶⁰.

Однако не ему суждено было стать подлинным духовным основателем обители. Ими стали насельники Валаамского монастыря архимандрит Сергей (Озеров, 11.6. После 1933) и схиархимандрит Герман (3.11.1938), которых лично очень хорошо знал епископ Нестор. Более 300 монахов и послушников вели обширное хозяйство. Тут были пасека, скотный двор (с особым отделением для разведения оленей на панты), оранжереи и питомники, в которых происходила акклиматизация овощных и плодовых растений России для Дальнего Востока, Отвальная, сапожная, слесарная, столярная и кузнечная мастерские. Была своя типография и переплётная. Тут выходили знаменитые далёко за пределами Дальней России «Заветы инокам», издававшиеся отдельными выпусками и содержащие выдержки из творений Святых Отцов и старческие советы. (Недавно, по благословению старца архимандрита

Иоанна (Крестьянкина), они вновь увидели свет в издательстве «Правило веры».)

Строгий Валаамский устав, введённый в обители, способствовал высокой подвижнической духовной жизни, к которой тянулись все жаждущие «жития постнического». Среди братии были не только русские, но и китайцы, корейцы, японцы.

Монастырь был закрыт в 1924 г., но службы правилась до 1926 г. Монахов разогнали. Уже через два года после коллективизации от захваченного хозяйства ничего не осталось: олени вымерли, акклиматизированные питомники выродились.

В 1930 г., через четыре года после закрытия монастыря, спасаясь от гонения безбожников, из Приморья в Маньчжурию бежали два насельника обители: вдовый священник Василий Быстров и рясофорный послушник Андрей, вскоре постриженные и ставшие иеромонахом Иннокентием¹⁶¹ и иеромонахом Климентом.

С их приходом в иноческую общину Дома Милосердия вошёл монастырский устав.

Вставали в 4.30 утра. В 5 часов начинали читать полунощницу. Потом была Литургия, которую служили по очереди: в понедельник и вторник – иеромонах Филарет, в среду и четверг – иеромонах Нафанаил, в пятницу и субботу – иеромонах Иннокентий, в воскресенье – епископ Нестор со всем духовенством Дома Милосердия.

«Вечером после ужина, – вспоминал отец Нафанаил, – монахи совершали повечерие. На повечерии читался канон, на каноне акафист. Духовное усердие заставляло этих монахов изыскивать, какое молитвенное чинопоследование можно было бы ещё включить в совершаемое.

После повечерия и до конца полунощницы совершенно запрещались всякие разговоры.

Духовное горение всегда заразительно. К молодым монахам Дома Милосердия стали присоединяться любящие Церковь юноши, втягивавшиеся в монастырскую жизнь. Некоторые из них принимали монашество. ...

Не все юноши, регулярно посещавшие обитель Дома Милосердия, становились монахами, но все тесно

привязывались к Церкви. ...

Кроме ежедневных богослужений монахи Дома Милосердия несли послушания по преподаванию Закона Божия в детском приюте и в различных среднеучебных школах Харбина»¹⁶².

К середине 30-х годов в иноческой общине было уже девять монахов.

Одним из самых необычных постриженников епископа Нестора был англичанин Чарльз Сидней Гиббс (19.1.1876 – 11/24.3.1963) – учитель Августейших Детей Царственных Мучеников. В 1917 г. он последовал за ними в Тобольск и Екатеринбург, где их разлучили. Его выслали в Тюмень, а затем в Тобольск. Достоверно известно, что Гиббс предпринимал попытки к освобождению Царственных Узников. В августе 1918 г. он вернулся в Екатеринбург, где помогал следствию. В 1919 г. он был секретарём британского Верховного комиссара в Омске. Сопровождал найденные под Екатеринбургом следствием частицы мощей Царственных Мучеников во Владивосток. Позднее некоторое время жил в Китае; служил секретарём в Британском посольстве в Пекине и на китайской морской таможне.

Жизнь в России и Уральская трагедия навсегда наложили на него особый отпечаток. Душа Гиббса, не находя в миру покоя, всё сильнее жаждала Истины. Зимой 1928–1929 гг. он проводит в Оксфорде при соборе святого Стефана. Он решил было принять духовный сан в Англиканской церкви, к которой принадлежал по рождению, но не почувствовал сильного влечения. Возвращение в Маньчжурию и последовавшая вскоре оккупация её японцами (1931–1932) не только лишили Гиббса работы, но заставили ещё и ещё раз задуматься о переходе в лоно Русской Православной Церкви и принятии там священного сана. Именно в это время он перевёл на английский православный служебник и несколько православных богослужебных книг. Но сомнения всё ещё посещали его душу, около года пробыл он в синтоистских монастырях в Японии. Но это не переменило принятого им ранее решения. 25 апреля 1934 г., через два дня после дня ангела Царицы-Мученицы, 58-летний Чарльз Сидней Гиббс принял Православие, получив в

крещении имя Алексей – в честь Царевича-Мученика Алексея, которого он когда-то учил.

В декабре 1934 г. (не исключено, что даже в день Святителя Николая 6/19 декабря) в Харбине от епископа Камчатского и Петропавловского Нестора он принял монашеский постриг с именем Николай – в память Царя-Мученика.

«...Одетый в мой саван, длинную белую срачицу, покрывающую меня с головы до ног», – описывает он свой постриг в длинном письме сестре Винифред 23 и 31 марта 1935 г. Под мантиями двух архимандритов постриженника вели сквозь густую толпу, собравшуюся в церкви. «Я мог ощущать, как она колеблется из стороны в сторону, но по сути мне были видны лишь плитки пола, к которому я склонялся головой... Постепенно мы достигли ступеней алтаря, где я вновь склонился ниц. Здесь мне дали свечу, при свете которой я мог видеть ровно столько, чтобы читать свою часть обряда. ... Послушание постригаемого испытывается трижды. Ему велят поднять ножницы, лежащие на раскрытом Св. Евангелии, и подать их архиепископу. Он исполняет это, одновременно целуя руку архиепископа. Это повторяется дважды: в третий раз архиепископ оставляет ножницы в правой своей руке, в то время как левой он поднимает прядь волос постригаемого. Он отрезает её, и это действие совершается вновь в противоположном направлении, так что постригаемый оказывается остриженным крестообразно... ... Сам я не плакал, но вся церковь была в слезах... Я был без сил»¹⁶³.

В 1935 г. владыка Нестор рукоположил монаха Николая в иеродиакона, а затем – в иеромонаха. Наконец его нарекли игуменом. Об этом последнем отец Николай писал в уже упоминавшемся письме сестре: «Когда проповедь окончилась, архиепископ благословил народ и освободил своё место для меня, чтобы я в свой черед благословил народ. Архиепископ вернулся в алтарь и предоставил мне завершить это самому... Это заняло у меня более получаса, поскольку там было несколько сот человек. Как большинство церемоний, это потом окончилось чашкой чая у архиепископа»¹⁶⁴.

Вскоре игумен Николай покинул Маньчжурию. Проведя год в Иерусалиме в Русской миссии, в 1938 г. он вернулся в Англию. Архиепископ Серафим (Лукьянов, 1959), экзарх Западной Европы Зарубежной Церкви, назначил отца Николая в Лондоне на два прихода: Всех святых и Святителя Филиппа.

В июне 1945 г. митрополитом Николаем (Ярушевичем, 1961) архимандрит Николай (Гиббс) был принят в юрисдикцию Русской Православной Церкви¹⁶⁵. На это решение отца Николая (Гиббса), несомненно, повлиял пример владыки Нестора. После второй мировой войны он основал православный приход в Оксфорде для англоязычной православной общины.

В начале 1950-х годов архимандрит сослужил последнюю службу Царственным Мученикам: его письменное показание под присягой положило конец интриге второй Лжеанastasии (в 1928 г. он участвовал в разоблачении первой Лжеанastasии – Чайковской; сохранилось его письмо по этому поводу Великому Князю Александру Михайловичу)¹⁶⁶.

«Несколько лет о. Николай, – читаем в книге о нём, – продолжал свой труд и сохранял свои реликвии, связанные с Августейшей Семьей: прекрасные иконы, одну из которых Императрица дала ему, надписав, в Тобольске, и такие реликвии, как пара высоких фетровых сапог и носовой платок бывшего Царя, колокольчик и пенал, принадлежавшие Цесаревичу. Теперь о. Николай, идущий по улицам со своим высоким посохом и золотым наперсным крестом., стал привычной фигурой в Оксфорде. Стройный, безукоризненный воспитатель преобразился в почтенного черноризца-архимандрита с густой и пышной белой бородой. ... Его авторитет и мудрость почитались – в своё время он отклонил предложения двух значительных епархий – но, хотя он неизменно служил на Марстон-стрит, ему в конце концов пришлось вверить службы приезжающим сербским священникам и почти всё время жить в своей лондонской квартире близ Риджентс-парка. Это был крошечный уголок, большая часть которого была занята тщательно обустроенной баней, где, как было известно, он при случае мог провести чуть не всю ночь»¹⁶⁷.

Среди тех, с кем он общался в последние годы жизни, был русский философ, индолог и историк Г.М. Катков (1903–1985), внучатый племянник известного русского консервативного мыслителя.

Архимандрит Николай (Гиббс) скончался через два месяца после своего восьмидесятилетия в госпитале святого Панкратия. Погребен он на местном кладбище Хэдингтон.

Одним из монахов общины при Доме Милосердия был молодой иеромонах Мефодий (Кирилл Иогель, 7.7.1940) – выдающийся проповедник. Ему едва исполнилось 28 лет, как он скончался от туберкулёза.

«Самим собою становился в полной мере о. Мефодий, – писал о нём хорошо его знавший архимандрит Константин (Зайцев)¹⁶⁸, – лишь в часы иерейского служения в храме Божиим и особенно, конечно, за Литургией: Литургия была не просто центром его существования, а живым ядром его, бьющимся его сердцем... Накануне расставания души с телом, в субботу, в положенные для Литургии часы, о. Мефодий, в предсмертном забытии, отслужил её полностью, до последнего возгласа, с чтением Апостола и Евангелия. Вот где обнаружилось духовное ядро личности о. Мефодия, когда с неё уже почти спали покровы душевные и телесные...»¹⁶⁹

Также в юном возрасте ушёл в жизнь вечную иеродиакон Нил. До пострижения это был самоотверженный юноша Константин Носов, входивший в одну из русских патриотических антисоветских организаций в Маньчжурии. Он должен был отправиться с литературой и листовками на советский берег. Сделать это можно было лишь с помощью японцев (значит, нужно было выполнить и их разведывательное задание). Один из подобных схваченных красными пограничниками в 1934 г. патриотов на вопрос в суде, почему он называет себя русским патриотом, если служит японцам, ответил: «Потому, что вы враги русского народа худшие, чем японцы». Ответ этот, по недомыслию, напечатала хабаровская газета «Тихоокеанская звезда».

Зачастую японцы поступали с русскими, выполнявшими их задания, весьма коварно. Считая, например, что

одновременное выполнение патриотических задач и их разведывательных несовместимо, японская разведка тайно давала указание полиции произвести по дороге к границе у их агента обыск, чтобы изъять всю антисоветскую литературу. Если агент, выполнивший задание, был им больше не нужен, они, ссылаясь на неожиданную поломку катера, не забирали его с советского берега, обрекая на верную смерть.

Так поступили они и с Носовым. Он двое суток просидел в холодной осенней воде Амура, пока товарищи по организации не вывезли его на простой гребной лодке.

Вернувшись в Харбин, Костя оставил политическую деятельность, постригся в монахи при Доме Милосердия. Вскоре он был рукоположен во иеродиакона. Но со времени сидения в холодной воде он не протянул и года, скончавшись от туберкулёза летом 1936 г. в возрасте 24 лет¹⁷⁰.

Однако самая необычная история была у послушника, имя которого осталось неизвестным.

...В конце 1920-х годов на берегу Байкала был закрыт скит Иркутского Вознесенско-Иннокентиевского монастыря. Иеромонах и два монаха, служившие там, были арестованы. ещё ранее, после закрытия монастыря, братия его рассеялась (кто был выслан в родные места, кто через Троицкосавск (Кяхту) и Монголию ушёл в Маньчжурию). Монастырские святыни настоятель архимандрит Палладий благословил укрыть в скиту. Теперь пришёл конец и скиту. На суде иеромонах Владимир, сознавшийся, что скрыл святыни и при этом решительно отказавшийся указать место их нахождения, был приговорен к расстрелу.

Исполнял приговор молодой красный командир, пораженный не только полным отсутствием страха смерти у приговоренного, но каким-то непонятным ему спокойствием, безмятежностью и радостью, что вот сейчас смерть приведёт его прямо ко Христу.

...Прошли годы. Через Амур с советской стороны перешёл высокий исхудалый человек. Этот беглец, в отличие от других, не искал заработка. Он искал ближайший православный монастырь.

Вскоре в обители при Доме Милосердия «стал работать высокий, хмурый, никогда не улыбающийся, почти ни с кем не разговаривающий послушник. Работал он за четверых. По изредка оброненным фразам можно было заключить, что он человек достаточно интеллигентный. Но всякий раз, когда... предлагали ему принять постриг, чтобы стать потом иеродиаконом или иеромонахом, послушник отказывался. И монастырский духовник однажды, когда настоятель особенно настаивал, неожиданно стал на сторону послушника и не благословил его постригать. ...

Но когда в 1945 году, после второй мировой войны советские войска заняли Маньчжурию, мрачный послушник ушёл из монастыря и в короткой записке, оставленной им настоятелю, рассказал о перевернувшей его жизнь мученической кончине отца Владимира, о котором в обители слышали и ранее.

Заканчивал свою записку ушедший послушник словами: «Спаси вас Господь, отец настоятель, за то, что в вашей обители я нашёл то, что искал: научился не бояться смерти за правду. А теперь я иду, чтобы принять такую смерть от той сатанинской власти, которой я тогда служил»¹⁷¹.

Дела европейские

Деятельность епископа Нестора не ограничивалась пределами епархии и даже Дальнего Востока: в 1933 и 1937 гг. Владыка приезжал в Белград для участия в Архиерейских Соборах Русской Православной Церкви Заграницей. В 1933 г. епископ Нестор был возведён в сан архиепископа. В эти годы ему пришлось побывать во многих странах (Египте, Италии, Югославии), несколько раз он совершал паломничество в Святую Землю.

На поездке в Югославию стоит остановиться подробнее.

О его приезде знали заранее. Его ждали. Митрополит Антоний (Храповицкий) писал в частном письме 9/22 августа 1933 г.: «Мы ожидаем приезда (ненадолго) Еп. Нестора»¹⁷²

Была известна и цель приезда. ещё за два года до этого тот же митрополит Антоний писал тому же адресату в явном раздражении на епископа Нестора: «С недавнего времени живет в Харбине и всё говорит лямур, лямур: зачем разделения? должна быть любовь и любовь. Будто кто-либо проповедует ненависть! Передаю его письмо в Синод»¹⁷³. Между тем проблема существовала и её хорошо видел, например, такой дружелюбный по отношению к Зарубежному Архиерейскому Синоду известный иерарх, как Патриарх Сербский Варнава (Росич, 1880–1937). Посетив 22 июня 1930 г., почти сразу же после своего избрания, русскую церковь в Белграде, он, между прочим, сказал: «Знайте, что изуверы, гонящие Церковь, не только её мучают, но стараются её расколоть, разъединить и всячески простирают свои преступные руки и к вам, находящимся за пределами вашего Отечества. ... Посеянные врагами вашей Родины церковные раздоры должны во что бы то ни стало прекратиться. Я, как Сербский Патриарх, как ваш родной брат, горячо молюсь Богу, чтобы он соединил русских людей, находящихся за границей, в единое целое, чтобы восстала Россия такую, какою она была, во главе с Православным Самодержавным Царём, и от Имени Господа

Иисуса Христа и всех Его святых благословляю всех вас благословением патриаршим»¹⁷⁴.

Благодаря сохранившимся записям секретаря владыки Нестора отца Нафанаила мы можем услышать некоторые разговоры, которые велись осенью 1933 года в резиденции митрополита Антония (Храповицкого):

«Первый разговор наш с митрополитом Антонием был о России. Мы с владыкой Нестором приехали с Дальнего Востока, где в то время начиналась большая антибольшевицкая работа, инспирируемая Японией. Владыка Нестор рассказывал о подробностях этой работы. И вдруг владыка Антоний прервал и произнес:

– А я о России скажу пушкинскими словами: “...И как вино печаль минувших дней в душе моей чем старей, тем сильней”¹⁷⁵.

И заплакал»¹⁷⁶.

«Мой правящий архиерей, Преосвященный Нестор, хотел представить нас, отца Филарета и меня, к игуменскому сану. Я об этом знал и знал, что митрополит Антоний об этом знает. Поэтому в общем разговоре при нём я с юношеским легкомыслием заявил:

– А знаете, Владыка, я этим отличиям не придаю значение. По-моему, важны лишь три основных сана: диакона, священника, архиерея. Вот иеромонахом мне очень хотелось стать, а игуменству или архимандритству я значения не придаю.

Митрополит Антоний посмотрел на меня с полуусмешкой – полуупрёком:

– А скажи, вот если ты получишь подарок, хотя бы пустяшный, от людей, которых ты любишь: от матери или от духовного отца, или от друга. А потом получишь внешне ценный подарок от людей, тебе безразличных, – какой подарок будет тебе отраднее?

– Конечно, первый, – воскликнул я.

– Ну, вот видишь, значит, ценность подарка зависит прежде всего от того, кто его дарит. А ты получаешь подарок от Церкви. Понимаешь?

– Да, – смущенно сказал я.

– Ну вот, милый мой, смущайся и радуйся, – уже совсем ласково сказал великий Авва»¹⁷⁷.

«Однажды я читал Владыке жития святых и после чтения с сокрушением исповедал митрополиту Антонию о том, что грешу маловерием: не во всё в житиях святых могу верить.

– Вот особенно огорчаюсь, что в отношении Вашего, Владыка святой, Небесного Покровителя, преп. Антония Римлянина... Верю, искренне верю, что благодать Божия могла сделать и сделала, что он на камне поплыл. Но что он проплыл Гибралтарский пролив, Бискайский залив, Ламанш, Северное море, Балтийское море... Когда всё это представишь – не могу поверить.

Владыка ответил успокоительно:

– Не огорчайся и не сетуй. Это согрешение твоего воображения, которому ты дал излишний разгон, а не маловерие. Неужели ты думаешь, что Господу нужно было вести Антония таким сложным путем, и Он не мог перенести его прямо к устью Волхова?»¹⁷⁸

«С владыкой Нестором из Белграда мы собирались ехать в Святую Землю. По этому поводу в присутствии митр. Антония начались разговоры о том, что недавно греческие монахи около Гроба Господня подрались с католическими. И владыка Нестор повторил очень распространенную в таких случаях фразу:

– Какой позор, что у Гроба Того, Кто учил любви и миру, монахи дерутся.

Митрополит Антоний прервал:

– Нет, Владыка, слава Богу, что дерутся. Значит, любят. За то, к чему равнодушны, драться не будут, а за то, что любят, полезут в драку. Слава Богу, что эти простые монахи так любят Господа нашего и Его Святой Гроб»¹⁷⁹.

«Отец Николай Вознесенский собрался принять монашество. Другой харбинский протоиерей, о. Пётр, дружный с о. Николаем, писал об этом архиепископу Нестору в скрыто-благоговейном, а внешне шутливом и насмешливом тоне. Владыка Нестор приказал мне прочитать это письмо пред митрополитом Антонием. Мы с владыкой Нестором, конечно,

тоже видели благоговение сквозь насмешку в письме о. Петра, но мы не ожидали, как воспримет это митр. Антоний.

О. Пётр писал: “О. Николай уходит в монахи. Туда ему и дорога. Какой от него толк: он всё молится да молится. Вот недавно я был у него. Отслужили вместе всенощную. Помолились. Я правило прочитал. Всегда читаю. Лёг спать. А он всё молится. Я поспал, проснулся – он молится. Я опять заснул, опять проснулся. Он всё молится. Говорю ему: “О. Николай, а о. Николай, ты когда ж спать-то будешь?”. Не слышит – молится. Ну какой же от него толк?! Туда ему и дорога – в монахи...”

Вдруг владыка Антоний положил голову на руки и громко заплакал.

– А я и не знал, что отец Николай такой молитвенник¹⁸⁰, – повторял он, всхлипывая. – Не знал. Спаси его Господь, спаси его Господь»¹⁸¹.

«...Мне хочется отметить некоторые, особенно нас удивившие, суждения митрополита Антония. Он, например, сравнительно снисходительно относился к Л. Толстому и в то же время очень отрицательно к В. Соловьеву. Между тем, мы – харбинская церковная молодежь, были воспитаны в отталкивании от Л. Толстого, а к В. Соловьеву, хотя и знали, что он не вполне православен, но хранили теплое место в сердце, многое прощали ему за его интересность, яркость, за умение метко бить врагов христианства. Но митрополит Антоний уважал в Л. Толстом прямолинейность и то, что тот пытался жить по своим принципам. А В. Соловьева упрекал за позу, за “нечестные фокусы”. ...

Однажды при митрополите Антонии зашёл разговор об о. Сергии Булгакове. Всё окружение митрополита Антония относилось к о. Сергию отрицательно. Но владыка Антоний сказал мне о нём:

– Несчастный о. Сергей, несчастный о. Сергей. Ведь это очень умный человек, один из самых умных на свете. Он понимает многие вещи, которые понятны только очень немногим. А это страшно гордит. Трудно не возгордиться, если ты знаешь, что вот это тебе ясно и совершенно понятно, а никто

кругом понять этого не может. Это сознание возносит и гордит. Только Божия благодать, привлекаемая смирением, которого у о. Сергия, повидимому, не хватало, только она может защитить душу от такой гордости»¹⁸².

Говорили в тот раз и о митрополите Сергии (Страгородском). Через 20 с лишним лет, уже в России, вспоминал владыка Нестор об этих разговорах. Он вынес впечатление «добрых чувств к Митрополиту Сергию» владыки Антония, «сохранившихся до конца жизни». По словам владыки Нестора, митрополит Антоний «никогда не расставался с панагией, подаренной ему когда-то старым его другом»¹⁸³.

Одно из немногочисленных воспоминаний о пребывании владыки Нестора в Югославии принадлежит секретарю Патриарха Варнавы¹⁸⁴, русскому эмигранту В.А. Маевскому (1893–1975): «В это время с Дальнего Востока приехал архиепископ Нестор со своим секретарём иер. Нафанаилом. Владыка этот отличался добродушием, общительностью и щедростью, располагая к себе. Он сблизился с лицами окружения митр. Антония. Владыку Нестора надолго задержали: возили по приходам Югославии и Европы, чествовали, принимали в частных домах – и всячески склоняли на его сторону церковные круги. А в то же время ожесточенно критиковали митрополита Анастасия [(Грибановского)] и предостерегали от него, рассказывая факты о его тяжёлом характере»¹⁸⁵.

Что касается окружения митрополита Антония, то это, по словам владыки Василия (Родзянко), были люди, создавшие «в результате Зарубежную Церковь, которую мы сейчас имеем»¹⁸⁶. То же, собственно, подтверждал и В.А. Маевский, писавший, что болезненным «состоянием митрополита заметно пользовалось его окружение, которое стало управлять по своему усмотрению, но именем митрополита»¹⁸⁷.

Чтобы понять, как это происходило, вновь обратимся к воспоминаниям владыки Василия (Родзянко): «Когда я поехал к родственникам в Париж, я неожиданно для себя узнал, что мои сёстры, принадлежат к евлогийской церкви. Это было уже после 1926 г., когда с Архиерейского Собора ушли митрополиты

Платон¹⁸⁸ и Евлогий, сказав: “Вы нам не указ”. Владыка Антоний видел Церковь в идеале, а люди, которые от нас уехали, не почувствовали, что мы должны быть вместе. У них, евлогианцев, был совсем другой подход. Вернувшись из Парижа, я рассказал о своих впечатлениях владыке Антонию. Он начал плакать.

Я сказал, что надо что-то делать, надо встретиться с митрополитом Евлогием. И Владыка написал письмо и попросил меня отвезти его митрополиту Евлогию. Я отвез, и с этого началось примирение. Дело кончилось тем, что митрополит Евлогий приехал в Сремские Карловцы. Все надеялись на примирение. И тогда владыка Антоний взял епитрахиль и прочитал разрешительную молитву над митрополитом Евлогием, потому что Собор запретил его в священнослужении. Потом снял с себя епитрахиль, надел её на Евлогия, сказав: “Теперь вы прочтите надо мной”. После этого все ожидали; совместного богослужения в Свято-Троицкой церкви. Но тут граф Граббе, Пётр Сергеевич Лопухин и целый ряд “очень праведных людей» сказали: “Нет, так нельзя. Надо согласие Архиерейского Собора. Это личное их примирение, а здесь – вопрос принципа”, т.е. принципа соборности. Но не учли того, что Собор состоит из архиереев, которые уже не являются правящими, находятся на покое. Как они могут налагать запрещение?»¹⁸⁹

Не лучше было, конечно, и масонское окружение митрополита Евлогия. В 1934 г., будучи в Белграде, он признавался: «Вы не понимаете, в какое время мы живем: не мы рулём управляем, а те, кто сильнее нас»¹⁹⁰.

Тут следует отметить, что на вторую поездку в Париж автора приведённых воспоминаний благословил архиепископ Нестор. «Он очень поддерживал меня в моей “примирительной поездке в Париж”»¹⁹¹, – писал впоследствии владыка Василий.

Архиепископ Нестор и позднее не оставил своих примирительных попыток. Вот, что сообщал, например, бывший первый секретарь посольства России в Лондоне Е.В. Саблин (1875–1949) известному кадетскому деятелю В.А. Маклакову (1869–1957) о пребывании Владыки в Великобритании в своём

письме 24 апреля 1938 г.: «Архиепископ сей, к сожалению, приездом своим разбередил нашу рану церковного разделения. Не будучи вполне “куран”¹⁹² наших церковных распрь, он выразил намерение – похвальное – служить заутреню и обедню совместно с двумя приходами¹⁹³. Но соборный приход, так наз. антоньевцы, воспротивились. Нестор снёсся с Серафимом [Лукьяновым] в Париже, и оттуда пришло распоряжение ни в коем случае не объединяться с авлогиянами [sic!]. Всё это вызвало большое огорчение среди паствы, старая рана вскрылась»^{194 195}.

Решающую роль в примирении сыграл Сербский Патриарх Варнава. «Он у меня, – пишет владыка Василий, – всё подробно узнал и полностью встал на мою сторону. Он пришёл на Собор и сказал: “Я буду говорить не только от себя, но и от имени Короля Александра. Если вы сейчас не снимете запрещения со всех тех, кого вы запретили в других странах, и не восстановите полное евхаристическое общение, то, к сожалению, Король считает, что он не может вам больше продолжать оказывать гостеприимство». Владыки поняли угрозу. И быстро сняли запрещение. Результатом этого было то, что во время войны абсолютно всюду можно было в очень трудных военных условиях всем общаться и быть вместе. И снятие прещения нигде потом не было нарушено. Во время войны мы могли молиться и служить вместе»¹⁹⁶

То же подтверждает и секретарь архиепископа Нестора: «К сожалению, вернувшись из Югославии в Париж, митрополит Евлогий отказался от достигнутого единения. И тем не менее, даже не увенчавшись успехом, эти усилия принесли пользу. Американская часть Церкви осталась в составе Зарубежной Русской Церкви до 1946 года, а в Европе снятие друг с друга запрещений позволило во время войны русским священнослужителям совершать вместе богослужения, и когда в Европу хлынули потоки русских военнопленных и так называемых ост-арбайтеров, т. е. насильственно привезённых в Германию и в занятые немцами области рабочих из России, Русская Церковь смогла встретить их объединённой, а не

демонстрировать пред ними свою разделённость, могшую их легко соблазнить»¹⁹⁷.

В Индии и на Цейлоне

А впереди владыку Нестора вновь ждали заботы миссионерские.

В 1938 г. его пригласил посетить Индию Католикос-Патриарх Мар-Василиус, возглавлявший христианскую Малабарскую Церковь, ведущую своё начало от апостола Фомы¹⁹⁸, проповедавшего Христово учение в Индии и доходившего со словом Божиим даже до Китая. 600 тысяч этих христиан во главе с Патриархом и митрополитами возжелали соединиться с Русской Православной Церковью, которую считали среди всех христианских Церквей «непогрешимо преемственной от апостольских времен, сохранившей чистоту Христова вероучения». Ещё до приезда Владыки в 1935–1936 гг. среди христиан Южной Индии жил, по его благословению, игумен Нафанаил (Львов).

Архиепископ Нестор изучил церковно-догматические установления этой Церкви, заключив, что эти христиане в своё время подверглись распространившемуся лжеучению Ария, но со временем эта ересь была изжита у них окончательно. У них совершалась Божественная литургия святого апостола Иакова, брата Господня, первого совершителя Евхаристии в Иерусалиме.

Поездке Владыки в Индию предшествовало посещение им ряда европейских стран: Югославии (7–16 марта, 26 марта – 12 апреля – Белград, Жича, Студеница, Битоль, Охрид); Северной Албании (12 марта – источник Пресвятой Богородицы у келлии святого Наума); Болгарии (17–23 марта – София, монастырь святого Иоанна Рыльского); Чехословакии, Франции и Великобритании. Бывший русский дипломат Е.В. Саблин сообщал в своём письме из Лондона 24 апреля 1938 г.: «Среди посетителей, с позволения сказать, высокопоставленных тут объявился архиепископ Нестор из Маньчжурии. Едет он в Малабар в Индию, где, оказывается, имеются какие-то православные индусы и где Белградский наш Собор епископов решил устроить некую епархию»¹⁹⁹.

Дело в том, что Католикос Мар-Василиус посетил Белград в конце сентября 1937 г. проездом из Англии, где он в Эдинбурге принимал участие в экуменической конференции «Вера и церковное устройство» (кстати, в ней от Зарубежной Церкви принимал участие владыка Серафим Венский). На вокзале 21 сентября его встречали: председатель Синода Сербской Церкви митрополит Досифей, епископ Рашский и Призренский Серафим и Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Анастасий. Целью поездки Католикоса, согласно официальной информации, которую мы почерпнули в белградской газете «Царский вестник» (23.9.1937), являлось «ближайшее ознакомление с учением, церковной практикой и бытом Православной Церкви». На следующий день, 22 сентября, состоялась продолжительная беседа Католикоса Мар-Василиуса со специально прибывшим в Белград епископом Охридским и Жичским Николаем (Велимировичем, 1881–1956), «особо заинтересованным в вопросах Православной миссии в Индии, изучению истории и духовной культуры которой он отдал очень много внимания и времени в прежние годы». (Как известно, святитель Николай Жичский был близко знаком со святителем Нестором Камчатским.) Вечером того же дня прошла продолжительная беседа предстоятеля индийских христиан с митрополитом Анастасией (Грибановским), с которым Мар-Василиуса связывали близкие и сердечные отношения ещё со времен пребывания их в Иерусалиме. Как видим, миссия архиепископа Нестора в Индии имела свою предысторию.

Приехав в Индию, владыка Нестор ознакомил этих христиан с установлениями и каноническими правилами Вселенских Соборов, особенно последних четырёх, в которых не принимали участия представители их Церкви. Таким образом, было согласовано воссоединение индийских христиан с Русской Православной Церковью, но официальный акт отложили до 1939 г., когда должен был быть подготовлен к хиротонии во епископа Индусской Православной Церкви русский архимандрит Андроник. Он был известен как аскет и подвижник, пользовался высоким авторитетом среди местных христиан. Однако

вспыхнувшая война Японии с Англией прервала сношения с Индией, связь с Индусской Церковью была потеряна...

В те же годы архиепископ Нестор побывал и на Цейлоне, где настолько тяжело заболел воспалением почек, что его вынуждены были поместить в больницу. Ежедневно навещавший его там архимандрит Нафанаил (Львов), в 1937–1939 гг. начальник Православной духовной миссии на Цейлоне, однажды сообщил Владыке, что его желает видеть один старый падре, именующий себя «независимым католиком». С разрешения лечащего врача архиепископ Нестор решил принять его, недоумевая, кто такие «независимые католики», о которых до сих пор он и слыхом не слыхивал.

В палату вошёл человек лет восьмидесяти. Представился: падре Иосиф Альварэш, португалец. Узнав из местных газет о прибытии русского православного архиепископа, он, посоветовавшись с паствой, решил просить его принять в безвозмездный дар храм с весьма внушительной усадьбой, включая дом причта и пальмовую рощу, дававшую богатый урожай кокосовых орехов, бананов и других тропических плодов.

Причину столь необычного щедрого дара падре Альварэш объяснил следующим образом. Первыми на Цейлоне католическую церковь основали, разумеется с благословения Ватикана, португальцы. Дядя падре, епископ, открыл на Цейлоне 18 приходов. Мирная жизнь не нарушалась, пока на остров, по благословению папы римского, не вторглись иезуиты, сразу же вознамерившиеся прибрать к рукам все приходы. Причём для достижения своих целей, по своему обыкновению, они не брезговали никакими средствами, вплоть до лишения жизни священников-португальцев.

Ко времени разговора в больнице из священнослужителей в живых остался лишь один собеседник архиепископа Нестора, только один его приход не отошёл пока к иезуитам. Но в последнее время стали подбираться и к нему. Падре рассказал Владыке, что совсем недавно, воспользовавшись отсутствием и его самого и его слуги в доме, посланцы иезуитов подсыпали в приготовленный к завтраку рис яд. Заметив неестественный

зеленоватый цвет риса, падре дал его собаке, которая тотчас околела. Тогда-то прихожане падре Альварэша объявили себя «независимыми католиками», независимыми от папы и Ватикана.

– Устал я от этих преступников-иезуитов, – сокрушался 80-летний падре, – измучились и мои прихожане. И вот, узнав о вашем приезде, мы и решили обратиться со слёзной просьбой к вам, русский Архиерей: примите в дар наш храм и всю усадьбу. Мы не хотим, чтобы всё это досталось иезуитам. Правда, до сего дня мне никогда не приходилось видеть не только русского архиерея, но даже священника, слышал только, что в вашей Церкви нет таких убийц, как в Ватикане. Я уже стар и скоро предстану пред Господом, и мне бы не хотелось напоследок взять на себя грех, отдав на поругание храм и мою паству. А потому все мы просим вас, Владыко, возьмите нас под своё архипастырское покровительство. Если позволите, мы будем ходить на ваше богослужение, изучать ваше Православие. А когда поймем, станем вашими духовными детьми, вашей паствой.

Предложение было неожиданным. Архиепископ Нестор ответил, что прикован пока к постели и не знает, поправится ли. Если выздоровеет, то непременно посетит отца Альварэша, поближе ознакомится с делом, а тогда, с общего согласия, и примет решение. А за доверие Владыка поблагодарил и пожелал католикам мира и спокойствия.

Сразу же по выходе из больницы в сопровождении архимандрита Нафанаила, англиканского священника-сингалозца²⁰⁰, который предоставил Владыке временный приют, и адвоката Абиратни (также сингалозца) архиепископ Нестор посетил падре и, осмотрев храм и усадьбу, а также изучив документы, удовлетворил просьбу отца Альварэша. Был составлен дарственный акт, подписанный обеими сторонами. Окружной Цейлонский суд утвердил архиепископа Нестора полноправным владельцем храма, дома и усадьбы. Радость падре Альварэша была неопишима. Он просил только разрешить ему дожить свой век под покровительством нашей Русской Православной Церкви.

В день преподобного Нестора Летописца и мученика Нестора Солунского (небесного покровителя Владыки) архиепископ Нестор, освятив бывший католический храм в честь Успения Божией Матери, отслужил в нём первую Божественную литургию, за которой молились четверо русских, живших на Цейлоне, несколько православных греков и «независимые католики». Так торжествовало наше Русское Православие.

Сохранились запросы владыки Нестора в Зарубежный Архиерейский Синод по поводу этого последнего дела и ответ на него из Белграда.

«Церковь и участок земли в Коломбо, – писал Владыка 28 октября 1938 г., – переданы Православной Церкви священником от. Иосифом Альварэшом. ... Официально от. И. Альварэш не заявлял о своём желании присоединиться к Православной

Церкви, так как он ещё присматривается к нам и знакомится с вероучением и обрядами Православной Церкви. Но имею все основания полагать, что таковое желание воссоединиться со Святой Православной Церковью будет проявлено указанным священником в ближайшее время. ...

В среде священников и пасомых Англиканской церкви на Цейлоне заметно глубокое движение к Православной Церкви. Желание быть присоединённым к Православной Церкви неоднократно выражал столь часто мною упоминаемый от. Джиявардена, а вместе с ним 12 священников настоятелей местных англиканских храмов. Желание своё все они выражали пока совершенно конфиденциально». Архиепископ Нестор спрашивал благословения, как присоединять к Православию указанных священников.

Была и ещё одна проблема: «Кроме того, возникает в Коломбо вопрос о календаре, так как местная греческая колония категорически настаивает на новом стиле. Между тем греки здесь с первых же шагов нашей Миссии приняли в ней ближайшее участие как денежной помощью, так и моральной поддержкой. Без них нам ничего не удалось бы осуществить. Конечно, основным календарным стилем нашей Миссии будет хранимый Русской Православной Церковью старый стиль

календаря, но я очень прошу разрешения в то же время совершать для греческой колонии в Главные праздники богослужения и по-новому стилю»²⁰¹.

Ответ был отправлен 22 декабря 1938 г. за подписью митрополита Анастасия (Грибановского). Отца Иосифа Альварэша разрешено было принимать третьим чином, то есть «после прочтения подписанного им исповедания Православия». Англиканских священников из-за отсутствия мнения по этому поводу Архиерейского Собора разрешалось пока «после вышеупомянутого исповедания веры и письменного прошения, а также исповеди принимать в общение с совершением нового рукоположения».

По поводу же календарного вопроса был получен следующий ответ: «Ходатайство о разрешении в некоторые праздники совершать богослужения по новому стилю отклонить как вследствие того, что стиль этот не принят всею Православной, а в частности Русскою, Церковью, так и потому, что совершение богослужений по разным стилям могло бы оказаться соблазнительным для новообращенных»²⁰².

Когда владыка Нестор вернулся в Харбин к своей пастве, иезуиты, что называется, опомнились: с помощью подкупленных людей они стали ломать ворота усадьбы, били камнями стёкла храма и тому подобное. Наконец, они подали на Владыку в суд как на незаконно захватившего ватиканское имущество. По телеграфу из Харбина архиепископ Нестор уполномочил трёх лиц отстаивать наши законные интересы. Вскоре суд признал Владыку единственно законным владельцем, однако начавшаяся война Японии с Англией, а потом и с Америкой отрезала Маньчжурию от Цейлона, и Архиепископ остался в неведении о дальнейшей судьбе русского православного храма и усадьбы.

Выбор

В июле 1937 г. Япония начала военные действия непосредственно в Китае. Пекин был взят 28 июля. Перемены, разумеется, немедленно почувствовали и в Маньчжурии.

В 1937 г. в харбинской газете «Наш путь» появилась небольшая статья архиепископа Нестора «Пушкин и современность»: «Среди мучительных переживаний современности, когда наша Родина стонет под тяжким гнетом, а мы, её изгнанники, едим горчайший хлеб изгнания в нищете и унижении, когда отчаяние порой готово охватить малодушное настрадавшееся сердце, – радостно вдруг осознать не разумом только, но сердцем почувствовать, что вопреки всем унижениям, всякому презрению, которых мы пьем полную чашу, всё же принадлежим мы к великому, к величайшему в мире народу.

А это чувство, это неоспоримое сознание никто в нас не будит так ярко, как именно Пушкин – “наше всё”, по словам Достоевского.

И недаром с именем Пушкина в дальнейшей истории русской мысли так связаны крупнейшие переломные моменты оживления и пробуждения национальных светлых чувств. Таким моментом было торжество открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 году, а когда огненным словом Достоевского, именем Пушкина русское общество оказалось пробуждённым от чар интернациональных и революционных бредней и вдруг почувствовало себя снова русским, православным, облечённым высшим духовным призванием. Быть может, это духовное пробуждение отсрочило на сорок лет нашу тяжкую катастрофу и дало много здоровых ростков в русской душе, не умерших и доселе.

Кто знает, какие последствия для пробуждения русского чувства будет иметь нынешнее чествование его имени. Не будет ли оно связано с зарей возрождения нашей Родины?

Да свершит это чудо Господь»²⁰³.

1938–1939 гг. были временем активных действий японцев на Дальнем Востоке против СССР. Вспомним бои 1938 г. у озера Хасан, а в 1939 г. – у реки Халхин-Гол в Монголии. Шла подготовка и к иным событиям.

«Квантунская армия, – пишет Дж. Стефан, – на всякий случай имела план наступательных действий против СССР, условно называемый “Оцу”²⁰⁴. Выработанный генеральным штабом в 1934 г. план предусматривал кинжальный удар, отсекающий Восточную Сибирь и советский Дальний Восток от остальной части СССР. Часть войск должна была защищать западные рубежи Маньчжоуго от нападения из Внешней Монголии, главным же силам предстояло атаковать Советский Союз в двух направлениях. Дивизии, сосредоточенные в нижнем течении Сунгари и у станции Пограничная, должны были занять Хабаровск и изолировать всё Приморье, включая Владивосток – главную базу Тихоокеанского флота. Другая группа войск, двигаясь от Маньчжоули на северо-запад, захватила бы Читу и Иркутск, отрезая тем самым Забайкалье. Нацеленный на ключевые станции Транссибирской железной дороги, план “Оцу» учитывал уязвимость системы снабжения частей Красной армии на Дальнем Востоке. Советские войска, во всём зависевшие от железной дороги, были вытянуты вдоль неё в одну линию. Стратеги Квантунской армии рассчитывали, что, перерезав дорогу в Иркутске и Хабаровске, японцы смогут уничтожить лишённые поддержки красноармейские части ещё до прихода подкреплений из Европейской части России»²⁰⁵. Этим планом предусматривалось создание «Дальневосточного антикоминтерновского самоуправления», составить которое должны были представители эмиграции.

Понятно, что при таких обстоятельствах японцы внимательно наблюдали и за внутренним состоянием ближайшего тыла. Таковым, как известно, была Маньчжурия. При этом русской эмиграции, учитывая особенности её формирования, уделялось особое внимание.

Настроения владыки Нестора начала 1930-х годов не отличались от мнения большинства эмигрантов. В «Очерках Дальнего Востока» (Белград. 1934. С. 60) он, например, писал:

«Нет сейчас русского ни за рубежом, ни тем более в пределах нашей родной страны, который не сознавал бы, насколько важно было бы сейчас для России, для всего нашего национального дела вооруженное столкновение Советской России с любым достаточно сильным противником». Тем не менее, архиепископ Нестор стал одним из главных объектов самых изощренных интриг.

Сведения о нём усердно собирали сотрудничавшие с японцами соотечественники. «Некоторые русские, – писал историк Дж. Стефан, – сделались стукачами – они тёрлись на вокзалах, в гостиницах и кафе, слушали обрывки разговоров и доносили о подозрительном поведении. Были стукачи явные, как, например, некий желчный грек, который постоянно сидел в вестибюле отеля “Модерн”. Другие работали тайно. И людям приходилось подумать дважды, прежде чем сказать что-нибудь откровенно – даже близкому другу»²⁰⁶.

Секретные агенты не брезговали ничем. В ход шли совершенно фантастические сведения о родителях Владыки, о его образе жизни, о благодетелях Дома Милосердия (воистину, старый обманщик до сих пор ничего нового не придумал!). Сознавая шаткость таких «обвинений», соглядатаи заключали: «Всё вышеизложенное необходимо, проверить, ибо приближаются сроки, когда один предатель в наших рядах будет гораздо опаснее десятка открытых наших противников»²⁰⁷.

Агенты обращали внимание на то, что отцом секретаря епископа Нестора игумена Нафанаила был пресловутый обер-прокурор Святейшего Синода при Временном правительстве В.Н. Львов, впоследствии обновленец. Припомнили Владыке и то, что он предъявлял митрополиту Харбинскому Мефодию грамоту, полученную им в своё время от митрополита Московского Сергия (Страгородского)²⁰⁸.

Удивительную способность выдавать белое за чёрное демонстрировали соглядатаи в своих донесениях. Награждение югославским орденом Святого Саввы Владыки, а через него «ряда лиц в Харбине», вызвало, утверждали они, «большое волнение среди местных югославян»²⁰⁹. Чехословацкому консулу в Харбине Выбиралу приписывали «недовольство»

назначением архиепископа Нестора «старшиною местных югославян», а также тем, что он «получил югославянское подданство»²¹⁰.

Но даже таких «фактов» явно не хватало. Тогда их решили заменить самой изощренной выдумкой и клеветой...

26 июля 1938 г. харбинская газета «Заря» опубликовала заявление архиепископа Нестора, полученное из Лондона:

«Некий господин Моллер пишет: "...Например, в ложе розенкрейцеров состоит популярный русский архиепископ Камчатский и Петропавловский Нестор, друг харбинских иудомасонов. Факт его пребывания в указанной сатанинской ложе был установлен 22 декабря 1933 года в гор. Харбине на квартире русского почтенного и уважаемого генерала Н.П. Злобина, где это обстоятельство подтвердил присутствовавший в качестве гостя один розенкрейцер, защищавший ложу как филантропическую организацию и ссылавшийся на архиепископа Нестора как на общественный авторитет" (Г. Моллер "Враги Вселенной", часть 1-я, 1936 г. Издательство "Голос Правды". Гамбург – Прага – Рига, стр. 152).

Кто-то, скрывающий своё имя, неведомый мне, вписал моё имя в ложу розенкрейцеров в г. Харбине и называет меня масоном. Я совершенно не знаком ни с ложей розенкрейцеров, ни с какими другими масонскими ложами, никогда не имел с ними ничего общего и никогда не интересовался ими, так как я Божией милостью Архиерей Русской Православной Церкви и носитель Божией благодати, и моя совесть чиста и незапятнана никаким прикосновением к масонству.

Приписываемое мне вышеприведённое обвинение и опорочение моего имени причастностью к масонству я объявляю грязной клеветой, кому-то и для чего-то нужной. И в первый раз в жизни за 31 год моего пастырства и 22-й год моего архипастырского служения с душевной тугой налагаю на тех русских православных людей без различия их сана или звания, которые позволяют себе подобную клевету на архиерея, – отлучение от Церкви. И никакой другой архиерей или духовник не может снять с виновных этого отлучения, пока сами виновные не покаются предо мной в своём грехе, за который,

если они веруют в Бога, будут они отвечать на Страшном Суде Божиим. Для не верующих, конечно, моё настоящее заявление не имеет значения. Я связываю совесть верующего клеветника, чтобы привести его к сознательному покаянию. Лицами, взявшими на себя дерзость клеветы на архиерея, а потому подлежащими отлучению, почитаю я всех тех, кто соучаствует в составлении клеветы и распространении её. Те, кто, по неведению, поверив злему обману; приняли участие в этом тяжёлом грехе, должны написать мне, и тогда я сниму с них своё настоящее отлучение.

В наше время некоторые русские люди в тоске по Родине действительно болеют болезнью, которая может назваться масономания. И в каждом неугодном им человеке они видят опасного врага, жидо-масона. Сколько хороших видных представителей старой России было таким образом оклеветано.

Знаю я, что в настоящее время многих соблазняют и увлекают в свои сети различные враждебные нашей вере и Церкви организации и общества. С этим надо бороться, но клевета и обман, приписывающие масонство лицам, никакого отношения к тому не имеющим, служат не делу нашей Церкви, а делу Её врагов.

Приведённая заметка и другие инсинуации возводят клевету не только на меня; но и на то благотворительное человеколюбивое филантропическое дело, которое я веду в Харбине, – Дом Милосердия. Этот приют содержится мною на средства, поступающие от церкви в честь иконы Божией Матери Всех скорбящих Радости, куда приносят свои трудовые лепты верующие русские люди. Клевета на Дом Милосердия является, клеветой на милость Царицы Небесной и на доброе дело богомольцев нашей церкви.

Настоящее моё заявление об отлучении клеветников представляю я Священному Синоду Русской Православной Церкви Заграницей и посылаю в редакцию “Голоса Правды”, взявшего на себя большую дерзость писать неправду о моём имени. Все газеты и журналы прошу перепечатать где бы то ни было полностью, моё настоящее заявление об отлучении от Церкви клеветников.

Божией милостью
смиренный НЕСТОР,
архиепископ Камчатский и Петропавловский.
6/19.6.1938».

Заявление Владыки вызвало шок среди его противников.

Уже в день его публикации, 26 июля, с упомянутым архиепископом Нестором генералом Н.П. Злобиным беседовал сотрудник харбинской газеты «Время» Герасимов: «Злобин заявил, что у него на квартире никогда подобного совещания не было, что в то время как раз болел скарлатиной его сын и что вообще он ни о чём подобном не знает. Он выдал Герасимову письмо, в коем пишет, что, всё сказанное автором книги о арх[иепископе] Несторе ложь и выдумка, что он всегда уважал и поныне уважает арх [иепископа] Нестора и никакого участия в истории против него не принимал»²¹¹.

Вскоре стали известны и авторы клеветнической брошюры. «По сведениям, идущим из православных кругов, анафема, которую наложил ... еп. Нестор, касается о. Аристарха Пономарева, В.Ф. Иванова²¹² и Васи Голицына. ... Говорят, что Пономарев выпустил в Шанхае книгу про еп. Нестора, причём помечено, что книга издана в Берлине. ... Эта книга и была главным образом причиной оглашения анафемы»²¹³. Донесение другого агента, со ссылкой на «духовенство Дома Милосердия», подтверждает, что автором брошюры был настоятель Модягоуского²¹⁴ прихода, епархиальный миссионер протоиерей Аристарх Пономарев. «В книге, – сообщалось в доносе, – приведены настолько скандальные детали, что Собор Епископов заинтересовался делом и потребовал объяснений. Вот почему Нестор в доказательство, что всё про него написанное ложь, анафематствовал своих противников. По словам [духовенства] Дома Милосердия, местное высшее духовенство настроено против Пономарева и ожидает, что в Сремских Карловцах произойдут серьезные события»^{215 216}.

В.Ф. Иванов пытался бодриться. «По моему мнению, – заявил он в частной беседе, – местные церковные власти не будут считаться с этой анафемой, т. к. в таком случае мне и многим другим пришлось бы запретить посещать храмы и т. п.

Во всяком случае, настоящее выступление архиепископа Нестора нельзя назвать своевременным...»²¹⁷ Для того чтобы вполне понять последнюю фразу, следует вспомнить о планах японцев в конце 1930-х годов.

Из одного источника, имевшего отношение к японской разведке, можно заключить, что в июне-июле 1938 г. ожидался свободный въезд во Владивосток. В состав же будущего предполагаемого Сибирского правительства, которое должен был возглавить генерал Г.М. Семенов²¹⁸, входил и В.Ф. Иванов²¹⁹.

Следует подчеркнуть, что реакция русского православного населения Маньчжурии была неблагоприятна для клеветников. «За последнее время, – доносили агенты, – замечается резкая перемена в отношении к этой анафеме местных эмигрантов. Теперь большинство стало на сторону Нестора, считая, что не подобает выступать против епископа с подобного рода обвинениями»²²⁰.

Потерпев полное фиаско, «доброжелатели» Владыки не оставили своих намерений. На этот раз они попытались столкнуть его с Зарубежным Синодом. В 1939 г. в берлинской газете «Слово» была напечатана корреспонденция из Харбина о том, что архиепископ Нестор, возвратившись с синодальной конференции, проходившей в Сремских Карловцах, вручил благодарственную грамоту Синода некоему Кауфману. Причём текст корреспонденции был составлен таким образом, что главный редактор одной из харбинских газет Е.С. Кауфман был нарочито смешан с доктором А.И. Кауфманом, возглавлявшим еврейскую общину Харбина.

В Харбин из Зарубежного Синода был немедленно послан запрос за подписью митрополита Анастасия (Грибановского).

«Нестор, – говорится в донесении, – написал Анастасию ответ, в котором указал, что грамота была вручена не еврею Кауфману, а Е.С. Кауфману, родившемуся от православных родителей, хорошему христианину, и его газете, в редакционном составе которой нет ни одного еврея. В письме указано, что смешение в корреспонденции двух Кауфманов произошло бесомненно нарочито»²²¹.

16 октября 1941 г. исполнилась четверть века архиерейства владыки Нестора. Предстоял также 35-летний юбилей служения его в священном сане. За свои труды Заграничным Архиерейским Собором и Синодом в 1941 г. архиепископ Нестор был награжден бриллиантовым крестом на клобук. Об этом он был извещён архиепископом Гермогеном (Максимовым, 1945), являвшимся членом-представителем Русской Церкви Дальнего Востока в Архиерейском Синоде.

С началом Великой Отечественной войны Православная Церковь в Китае и Маньчжурии оказалась в изоляции от всего Православного мира.

«...Японской администрацией края парализована вся хозяйственная жизнь эмиграции, исковерканы и больше чем наполовину уничтожены русские школы, ... некоторые из священников подверглись тяжёлым репрессиям, избиениям и даже смерти. Наличные иерархи, а именно Высокопреосвященнейший митрополит Мелетий [Заборовский], Высокопреосвященнейший архиепископ Нестор [Анисимов], Высокопреосвященнейший архиепископ Виктор [Святин], Высокопреосвященнейший архиепископ Димитрий [Вознесенский], Преосвященнейший епископ Иоанн [Максимович] и Преосвященнейший епископ Ювеналий [Килин], не находятся между собой в дружеском согласии»²²², – писал в рапорте Патриарху Московскому и всея Руси Алексию (Симанскому) священник Богородско-Казанской Табынской женской обители в Какагаши близ Дайрена (Дальний) протоиерей Иоанн Петелин.

Последнее обстоятельство сыграло немаловажную роль в страшном искушении, выпавшем на долю русской эмиграции на Дальнем Востоке.

Как писал архимандрит Константин (Зайцев) (в предвоенное время он, будучи ещё мирским человеком, служил у японцев по Министерству иностранных дел): «Создана была для не-японцев целая идеология, совершенно искусственная, но единственно способная уверить японца, что он действительно победитель. Практически это в Харбине выразилось так. Сначала японцы потребовали у всех, кто хоть

какое-нибудь общественное дело делает, начинать его с поклона в сторону императора. Школа ли, присутственное ли место, официальная какая организация – все и всегда обязаны так начинать каждый день. Тут ещё ничего духовно-недозволительного не было: знак почтения в отношении действующей власти. Потом постепенно стали давать понять, что поклон этот делается не только в сторону дворца, но и в сторону “храма” – богини Аматерасу»²²³.

«В государстве Маньчжудого, – наставлял в 1943 г. русский эмигрантский журнал “Движение молодежи», – законом предписывается все наиболее выдающиеся дни и события в жизни населения отмечать проведением государственных церемоний. Церемония является для всех нас символом глубочайшего уважения и почитания государственного строя страны, уважения к религиозным верованиям, быту и нравам народов, населяющих эту страну»²²⁴.

Епархиальный миссионер протоиерей Аристарх Пономарев в годовом отчете подтверждал, что виднейшие представители русской эмиграции, подавая пример соотечественникам, не только поклонялись богине, но также участвовали в ритуальных жертвоприношениях²²⁵. Харбинская газета «Время» сообщала, например, 6 февраля 1944 г. об открытии накануне съезда руководителей русской эмиграции в Маньчжурской империи, начавшегося молебном в Свято-Николаевском соборе и поклонением в храме «Харбин- Дзиндзя».

«Богиня Аматерасу, – увещевал сомневающихся начальник Японской военной миссии, – прародительница Императорской династии. Отвергнуть её – значит отвергнуть весь наш государственный строй... Вы, конечно, можете иметь своих богов – Христа, Кришну, Будду, Конфуция, Магомета – это ваше частное дело, но все эти ваши боги пребывают в свете великой богини солнца Аматерасу»²²⁶

«В особые дни все школы, по классам, строим во главе с учителями, идут к Собору, сбоку от которого стояло какое-то подобие храма, и все должны были, перед всем известной часовней Божией Матери – делать эти поклоны в сторону этого подобию храма... И делали! Что касается детей, то, конечно,

часто не давали они себе даже полного отчета в смысле совершаемого. Но тут бывали и исключения. По соседству с нами жила одна семья, так девочка их, одного уже из старших классов, с плачем выбежала из строя и примчалась домой – не может она этого делать... Но, по общему правилу, все так делали...»²²⁷

Другая подобная картина. Русская школа в Трехречье. В присутствии благочинного и казачьего атамана проходит собрание, на котором зачитываются составленные японскими властями «Наставления верноподданным»: «Мы, верноподданные, должны благоговейно почитать богиню Аматерасу Оомиками». «Я невольно взглянул на отца благочинного, – вспоминает очевидец, – стараясь определить впечатление, произведённое на него этими словами, но отец Прокопий, к сожалению, сидел с опущенной головой; тогда я перевёл взгляд на атамана и молодежь. На их лицах была написана безнадежная покорность, безразличие и скука»²²⁸.

Японский следователь, ведший дело нашедшегося всё же человека, который, как христианин, отказался отдавать неподобающие почести синтоистской богине, недоумевал: «Что вас заставляет так упорно отстаивать ваши убеждения? Только вы один протестуете против почитания нашей богини Аматерасу. Нигде, даже в Харбине, где живут тысячи русских и ваши архиереи, этот вопрос не вызывает никаких возражений»²²⁹.

Более того, находились и такие, что оправдывали...

«Как правительственные чиновники, так за ними и некоторые пастыри харбинские, – свидетельствовал епархиальный миссионер протоиерей Аристарх Пономарев, – пытались затушевать дело измены Христу и Церкви Бога Живого различными софизмами, как, например: “Вы, ведь, – защитники истинного и единственного поклонения “в духе и истине”, кланяетесь вашим знакомым ниппонцам – почему же не хотите поклониться храму, посвященному героям ниппонцев?”. Кланяющиеся храму в память основания государства кланяются богине Аматерасу – прародительнице Императорской династии. Таков дух основания государства»²³⁰. Более того, позднее на епископском совещании, специально посвященном обсуждению

создавшегося положения, по свидетельству секретаря священника Леонида Упшинского, находились, как это ни чудовищно, оправдывающие такие поклоны: «Заседание было бурным, так как некоторые возражали, что... Аматерасу Оомиками – не богиня, а Прародительница»²³¹.

(Господи, как же правы суды Твои: не хотели чтить своего Всероссийского Императора, злословили его, – кланяйтесь императору японскому. Соучаствовали в свержении Им установленной власти, поправ тем самым веру своих отцов, – кланяйтесь языческому идолу.)

Но, разумеется, не во всех иссякла вера.

Архиепископ Нестор обратился к митрополиту Харбинскому Мелетию с просьбой оградить православных людей и прежде всего детей от участия в богопротивных церемониях. «Мой одинокий голос, – писал позднее, 26 октября 1945 г., в рапорте Патриарху Владыка – остался неподдержанным, а поклонение продолжалось. Защитить же себя в то время ещё можно было, примером чего служит русская гимназия в Дальнем, бывшем Дайрене, где директор В. С. Фролов, столкнувшись с “поклонениями”, отстоял перед Дайренской военной миссией свою русскую гимназию от служения этому языческому культу и не водил детей на поклонение к храмам. Так же поступили в Харбине руководители униатских школ и приютов. Мой приют, Дом Милосердия, я никогда не пускал на эти поклонения и ни на какие японские праздники или события»²³².

В церковной среде, правда, не тотчас, возникло сопротивление. Харбинским властям были направлены «Основные положения Православной веры» – документ, составленный по инициативе епископа Хайларского Димитрия (Вознесенского) и подписанный митрополитом Мелетием (Заборовским), архиепископом Нестором (сделавшим несколько критических замечаний) и епископом Ювеналием (Килиным). Как считал владыка Нестор, «доклад этот был написан вычурным, трудным для понимания языком с трактовкой Православного богословского учения Русской Церкви. Для перевода на японский язык очень труден и для японцев совершенно непонятен... Доклад не достиг своей цели и

возбудил только злобу и неприязнь японцев к русскому духовенству»²³³.

Впоследствии вопрос обсуждался на епископских совещаниях (8 сентября и 2 октября 1943 г., 2 мая, 31 августа и 21 декабря 1944 г.). 12 февраля 1944 г. митрополит Мелетий подписал «Архипастырское послание православному духовенству и мирянам Харбинской епархии», в котором поклоны эти объявлялись грехом, недопустимым для православного христианина. Послание это огласили с Церковного амвона, опубликовано же оно из-за опасения недовольства японских властей не было. Что же японцы? Отношение их к подобным явлениям, по словам архимандрита Константина (Зайцева), «было обычно таким: их тактика должна была вызвать “добровольное» выполнение требуемого! Никаких видимых проявлений принуждения не должно быть! Тех, кто после этого не совершали поклонов, – не трогали. Не трогали и тех представителей духовенства, которые соответственно себя вели. Но моё положение было иное: я был мирянин – и не в своё дело вмешался: Меня надо убрать»²³⁴. И не только убрать, но и выслать в... советскую Россию.

Характерно; что после подписания «Основных положений Православной веры» архиепископ Нестор не принимал никакого участия в дальнейшем обсуждении этого вопроса. Формальным поводом был особый, независимый от Харбинской епархии, канонический статус Владыки. Подлинные причины заключались, вероятно, в несогласии с тем, как пытались решать эту проблему.

Известно, что в мае 1944 г. митрополит Мелетий вместе с двумя своими викариями, по настоянию начальника полиции г. Харбина господина Кобаяси, подписали следующий документ: «Даём обещание не высказываться против государственных церемоний публично на время войны, при условии, если не будет принуждения к поклонениям, предоставляя таковые на совесть каждого. Принуждением будет, если заставят кланяться насильно; если же добровольно, то это будет делом каждого; и если разъяснения властей успокоят совесть православных, то это не будет принуждением»²³⁵.

Ознакомившись с «письменным обещанием», архиепископ Нестор охарактеризовал его как недопустимый компромисс. У Владыки имелось собственное обращение по поводу поклонов, которое было одобрено епископским совещанием и оглашено архиепископом Нестором 4 ноября за богослужением на Камчатском подворье²³⁶.

Какие же выводы можно сделать из всей этой истории с поклонами? Прежде всего, оказалась забытой вся история первохристиан, были преданы подвиги тысяч христианских мучеников. И ведь, заметьте, отказ поклониться языческому капищу смертью не грозил, могли последовать лишь какие-то ущемления, неудобства. Но и на такие микроскопические жертвы большинство русских, именовавших себя православными и осуждавших своих малодушных братьев и сестёр в России, были не готовы. И ещё, заметьте, на поверхностный взгляд, в эмиграции был не худший отбор людей. Но только вот по какому признаку «не худший»? Митрополит Сергей Японский в одном из своих писем того времени писал: «В шанхайских газетах так и печатают: состоится панихида протеста... То-то до Бога дойдёт!»²³⁷

Но Бог милостив: в условиях охватившего тогда дальневосточную (говорим о том, что знаем точно) эмиграцию духовного нечувствия Он не довёл дело до выбора перед каждым эмигрантом, каковой должен был сделать К.И. Зайцев (будущий архимандрит Константин): поклоны языческому храму или высылка в советскую Россию на верную смерть. Если бы это было попущено, сколько бы душ погибло безвозвратно...

По свидетельству отца Нафанаила, «во время войны столкновение православного духовенства с японскими властями чуть-чуть не привело к кровавой развязке. Вторжение советских войск остановило это столкновение. Но православной церковной и общественной русской жизни в Харбине, этому почти на 30 лет дополнительно сохранившемуся уголку прежней Православной России, пришёл конец»²³⁸.

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен

Русской ты рукой.
Пусть удел подобный горек, –
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик историк,
Вспомяни о нас²³⁹.

«Один японский дипломат в Шанхае, – писал американец Дж. Стефан, – в 1944 г. мрачно докладывал, что 90% русских эмигрантов в Восточной Азии настроены просоветски. Помимо побед Красной армии, сочувственное внимание эмигрантов привлекали перемены в СССР – частью реальные, частью мнимые, – происшедшие после 1941 г. Терпимость Сталина к Православной Церкви во время войны рождала отклик у верующих. Восстановление знаков отличия в Красной армии импонировало бывшим царским офицерам. ... Роспуск Коминтерна в мае 1943 г. говорил об отказе от идей мировой революции и пролетарского интернационализма. Своё тяготение к Советскому Союзу эмигранты выражали по-разному. Советские консульства в Харбине, Синьцзяне, Дайрене, Тяньцзине, Бэйпине и Шанхае захлестнула волна просьб о советском гражданстве. Молодые эмигранты рвались в Красную армию. Обладатели советских паспортов, в том числе бывшие «редиски», говорили о репатриации. Торговцы искали покровительства у советских дипломатов. Банкиры вдруг открыли для себя достоинства социализма. Тысячи людей, в 1932 г. приветствовавших японцев, а в 1941 г. – Гитлера, в 1944 г. аплодировали Сталину. Конечно, этот новый порыв выглядел более искренним, потому что он был основан не только на желании выжить, но и на любви к родине»²⁴⁰.

«Ни японцы, ни русские, – описывает дальнейшие события тот же историк, – не знали, что судьба Маньчжоуго уже была решена. В секретном соглашении, подписанном 8 февраля 1945 г. в Ялте Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, Соединённые Штаты и Великобритания давали санкцию на советские территориальные и прочие приобретения на Дальнем Востоке и обещали обеспечить согласие на них Чан Кайши. В свою очередь, Сталин обязался нанести удар по Японии через три месяца после капитуляции Германии. После этого дипломаты

освободили сцену для военного финала, хотя многим актерам были ещё неведомы их роли. ...

8 августа в 17.00 в своём кремлёвском кабинете Молотов вручил японскому послу Сато Наотакэ ноту, где говорилось, что с 9 августа Япония и СССР будут находиться в состоянии войны. В этот момент в Хабаровске наступила полночь, и маршал Василевский только что приказал советским войскам начать сжимать клещи. Через десять минут передовые части Забайкальского фронта без шума проникли в Маньчжоуго. В течение часа границу перешли подразделения Первого и Второго Дальневосточных фронтов; кое-где наступлению предшествовала артиллерийская подготовка, в других местах оно началось скрытно под покровом грозы. ...

В последующие три дня Квантунская армия была смята, как тростник под паровым катком. Три советские группы армий прорвали внешнюю линию обороны и двигались к Синьцзину и Мукдену с востока, запада и севера. В некоторых местах части Красной армии тихо переходили границу и овладевали позициями японцев, не давая им сделать ни единого выстрела.

...

18 августа части генерал-майора Г.А. Шелахова вошли в Харбин. ... На рассвете 19 августа красноармейцы заняли железнодорожные вокзалы и мост через Сунгари, а на главных дорогах установили посты. ... Марионеточный император Маньчжоуго Генри Пу И был схвачен советскими военными на аэродроме Мукдена, где он пытался сесть на самолёт, готовый к вылету в Японию²⁴¹. ... 19 августа площадь у собора в Новом городе заполнили тысячи русских эмигрантов, кричавших “ура” советским солдатам и размахивавших красными флагами. ... Архиепископ Нестор отслужил на соборной площади в Харбине благодарственный молебен, на котором, сняв головные уборы, стояли и красноармейцы»²⁴².

Ещё до издания обращения Патриарха Алексия (Симанского) к архипастырям и клиру, находящимся в подчинении Заграничного Архиерейского Синода, русские епископы Дальнего Востока направили Святейшему 26 июня 1945 г. своё обращение:

«Наша Дальневосточная Православная Церковь за границей и, в частности, Харбинская епархия, в течение всего своего существования с 1922 г., по милости Божией пользовалась тишиной и миром во внутренней своей жизни; Церковь умножалась, приходы устроились, насаждались рассадники духовного просвещения – Богословский факультет и Духовная семинария, и вся жизнь текла по указаниям Соборного определения 1917–1918 гг. и по заветам Патриарха Тихона. Но каждый из нас в эти долгие годы переживал великую душевную тяжесть, будучи оторван прошедшими событиями от нашей святой Матери родной Российской Православной Церкви. В настоящее же время благодаря великой милости Господней снова радостью забились сердца наши, ибо, почитая себя верными сынами святой Матери нашей Русской Православной Церкви (мы всегда в храмах наших поминали православное епископство Церкви Российской и богохранимую страну Российскую), мы снова имеем возможность возносить в молитвах наших имя первосвятителя Церкви Российской – Святейшего отца нашего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси, законного преемника Святейшего Патриарха Тихона, избранного Поместным Собором 1945 г., имеющего каноническую связь с прошлым Собором 1917–1918 гг. Всем этим великую радость и милость послал нам Господь, ибо не оставил нас сирых – воздвиг нам отца, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, поминаемого ныне нами в наших молитвах в храмах наших за богослужением. Смиренно припадая к стопам Вашего Святейшества и испрашивая Вашего Первосвятительского благословения, усердно молим Ваше Святейшество раскрыть нам объятия отца, принять нас под высокую руку Вашего Первосвятительского окормления». Обращение было подписано митрополитом Харбинским и Маньчжурским Мелетием (Заборовским), архиепископом Камчатским и Петропавловским Нестором (Анисимовым), архиепископом Хайларским Димитрием (Вознесенским) и епископом Цицикарским Ювеналием (Килиным)²⁴³.

1 октября 1945 г. Патриарх Алексей благословил епископа Ростовского и Таганрогского Елевферия и священника Григория

Разумовского посетить Харбин и «воссоединить находящихся в расколе» на территории Маньчжурии архиереев. «Наша делегация, – писал Святейший митрополиту Мелетию в телеграмме 7 декабря 1945 г. благополучно вернулась в Москву. С отеческой радостью и любовью принимаем возвращение в лоно Матери-Церкви архипастырей, клира и мирян Харбинской, Камчатско-Петропавловской и Китайско-Пекинской епархий...»²⁴⁴

После того как делегацию заслушали на заседании Святейшего Синода, 27 декабря было принято особое определение. «...Было решено, – пишет отец Дионисий Поздняев, – считать воссоединенными с Русской Православной Церковью с 26.10.45 архипастырей: митрополита Харбинского Мелетия (Заборовского), архиепископа Димитрия (Вознесенского), архиепископа Нестора (Анисимова), архиепископа Виктора (Святина), епископа Цицикарского Ювеналия (Килина) и Начальника Корейской Миссии архимандрита Поликарпа (Приймака), клир и мирян Харбинской епархии. В пределах Китая и Кореи был образован единый митрополичий округ с присвоением митрополиту титула Харбинский и Восточно-Азиатский. Хайларское и Цицикарское викариатства Харбинской епархии упразднялись. Высокопреосвященнейшему митрополиту Мелетию по болезни предоставлялся отпуск, временно управлять митрополичьим округом назначался архиепископ Нестор. Архиепископ Димитрий и епископ Ювеналий возвращались в Россию. Митрополиту Нестору предписывалось направить все православные силы на возобновление и развитие миссионерской работы, причём особое внимание следовало обратить на реорганизацию учебного дела в Маньчжурии. Московская Патриархия отказывалась от установленных церковных отчислений в пользу развития миссионерской деятельности»²⁴⁵.

Назначение архиепископа Нестора не было случайным. ещё только начавшаяся Великая Отечественная война всколыхнула в архиепископе Несторе патриотические чувства. В маньчжурских храмах звучали его яркие проповеди. От лица православных Харбина Владыка приветствовал вступившую в

город Советскую армию. Вместе с маршалом Р.Я. Малиновским стоял на почётных трибунах, присутствовал на торжественных официальных приёмах.

Между тем Патриаршим указом от 11 июня 1945 г. Восточно-Азиатский Митрополичий округ был преобразован в Восточно-Азиатский Экзархат Московского Патриархата. Побудительными причинами этого, считают исследователи, был особый канонический статус Харбинской епархии²⁴⁶ и занятие её территории Советской армией. Именно это позволяло ей претендовать на первенство на Дальнем Востоке. Экзархом был назначен Высокопреосвященный Нестор с, присвоением ему титула митрополита Харбинского и Маньчжурского.

Многогранная деятельность митрополита Нестора в этот период ещё ждёт своего исследователя. Есть сведения, например, что Московская Патриархия пользовалась в эти годы печатными изданиями Харбинской епархии²⁴⁷.

В самом начале лета 1948 г. митрополит Нестор собирался в Москву на Совещание глав и представителей Поместных Православных Церквей. На сердце у Владыки была тревога. О том, что он готов был к самым неожиданным событиям, свидетельствовала его забота о самых дорогих ему памятных вещах – первом архиерейском саккосе, митре, вышитой мамой, золотом наперсном кресте на Георгиевской ленте, орденах и архиве. На всякий случай он передал их на хранение надёжным людям. 13 июня, в Неделю святых отцев, в кафедральном соборе Харбина духовенство епархии служило молебен о собирающемся в путешествие митрополите Несторе.

На следующий день, в понедельник, рано утром он был задержан в Харбине китайцами²⁴⁸. Вместе с ним арестовали секретаря Епархиального совета Е.Н. Сумарокова, секретаря Владыки, священника Василия Герасимова и монахиню Зинаиду (Бридди). «Китайское правительство (коммунистическое), – пишет отец Дионисий Поздняев, – информировало Генеральное консульство СССР в Харбине о том, что митрополиту Нестору инкриминируются деяния политического характера. 22 июня консульство было информировано о том, что заключённые не подлежат освобождению и депортируются – вероятно, по

просьбе дружественных советских властей – в СССР. В Хабаровске митрополит Нестор на суде был обвинён в антисоветской деятельности...»²⁴⁹.

Со слов самого Владыки, ему ставились в вину книга «Расстрел Московского Кремля», участие в перенесении мощей преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и совершение панихид по Алапаевским мученикам²⁵⁰.

В узах

Отбывая заключение в мордовском посёлке Явас, находившемся вблизи Саровской пустыни и Дивеевского монастыря, вместе с другими заключёнными Владыка оказался в 1951 г. на работах в самом Дивееве. Кто-то из лагерников узнал домик блаженной Паши²⁵¹ (сохранившийся, кстати, и до сих пор). И митрополит Нестор не мог не вспомнить о своём приезде сюда сорок лет назад...

Впоследствии Владыка часто вспоминал об этой своей удивительной встрече с блаженной Пашей Саровской. Произошло это ещё когда он, будучи иеромонахом, на обратном пути из Петербурга приезжал в Саров поклониться мощам преподобного Серафима Саровского. После этого он «отправился в Дивеевскую обитель, где в подвиге юродства подвизалась известная всей России блаженная Паша. Отец Нестор с детских лет чтит её как величайшую подвижницу и аккуратно собирал все газетные и журнальные статьи, посвященные Блаженной, так что у него с течением времени накопились целые папки. И вот он оказался на пороге келлии юродивой. Очень волнуясь, отец Нестор произнёс входную молитву и, услышав в ответ: «Аминь», – отворил дверь. Блаженная, уже седовласая старица, сидела на полу в широком красном сарафане и хомутовой иглой шила из цветных лоскутков куклу. Вдруг, резко подняв голову, она закричала:

– А, Нестор пришёл! Вот когда будешь в Саровском монастыре, тогда... (далее следовала чёрная брань).

После этих слов молодой иеромонах, столько лет почитавший Блаженную, выскочил от неё, словно ошпаренный. Тут же сел он в коляску и вернулся в Саров. Там обошёл всех монахов, желая понять смысл такого поступка Блаженной. Но все отсылали его к старцу-затворнику, который жил в маленькой избушке в лесу. Все окна в избушке были закрашены белой краской, лишь в одном была проделана маленькая форточка, через которую затворник благословлял посетителей. На недоумение отца Нестора старец ответил:

– Не уезжай на Камчатку, навести ещё раз блаженную Пашу.

Послушался его отец Нестор и, как ему ни не хотелось, всё же поехал в Дивеево второй раз. Только вошёл он в уже знакомую ему келлию, как тут же оказался в объятиях Блаженной. Словно родная мать, обрадованная внезапным возвращением сына, она то бросалась его целовать, то суетливо усаживала за стол.

– Самовар, подать самовар, – кричала.

Потом блаженная Паша поила отца Нестора чаем и без меры подкладывала в его чашку сахар.

Спустя много лет вновь оказался владыка Нестор в Саровском монастыре. Теперь здесь размещалась тюрьма. Живя в одном бараке с уголовниками, много пришлось ему претерпеть. В воздухе, пропитанном человеческим потом и табаком, постоянно звучала площадная брань.

– Эх, Паша, Паша! – восклицал Владыка, вспоминая пророческие слова Блаженной...»²⁵²

О лагерных годах впоследствии он почти никогда не рассказывал. Только иногда, «когда он вспоминал о том, как сидел в китайских тюрьмах, где подозревался как русский шпион и ему загоняли иглы под ногти, или как в наших тюрьмах пытались согнуть его давно не сгибающуюся ногу, думая, что он притворяется, слёзы начинали капать из его глаз...»²⁵³

Заключение он отбывал в мордовских лагерях Явас, где сидел, кстати, вместе с известным исповедником епископом, ныне святителем Афанасием (Сахаровым), и в Чите²⁵⁴. Святитель Афанасий, находившийся в 1947–1954 гг. в Дубровлаге, отмечает: «Здесь был митроп[олит] Харбинский Нестор»²⁵⁵. Освобожден он был лишь в январе 1956 г.

Сохранилась справка, свидетельствующая о том, что он «содержался в местах заключения МВД с 5 июля 1948 года по 10 января 1956 года, откуда освобожден по постановлению Центральной Комиссии МВД СССР от 27.12.55 года досрочно без последующих поражений прав»²⁵⁶.

Согласно лагерной характеристике, Владыка «за время нахождения в Исправительно-трудовом лагере был отнесен по своему физическому профилю к группе инвалидов. Однако, не

взирая на свою инвалидность, принимал активное участие в оказании помощи лагерной администрации в проведении ею разных хозяйственных мероприятий и как лучший дисциплинированный и культурный человек был назначен бригадиром и в бригаде к своим бригадникам был дисциплинирован и требовательный в соблюдении внутреннего распорядка. Активное участие принимал в общественно-массовой и культурно-массовой работах, читал лекции и принимал участие в стенной печати. К порученным обязанностям относился добросовестно, лагерный режим не нарушал и в быту служил примером для других»²⁵⁷

Однако лучше всего об условиях, в которых он содержался в лагере, свидетельствует состояние здоровья, в каком он из него вышел. Об этом повествуют дошедшие до нас воспоминания очевидцев.

«...1956 год, – вспоминает духовный сын Владыки, ныне регент хора Патриаршего Соборного Храма Христа Спасителя Н. Георгиевский. – Возвращаются реабилитированные из тюрем. Владыка реабилитирован не был. Он полностью отсидел своё и с длинным списком своих болезней, не уместившихся на одном печатном листе, был препровожден в Патриархию, где братски встречен Святейшим Патриархом Алексием (Симанским), тут же предоставившим свою дачу для проживания и лечения “Владыки Нестора Камчатского», как все его называли с глубочайшим уважением и так почтительно, что было сразу понятно, что человек он особенный.

В один из весенних вечеров 1956 года как всегда пришёл с работы из Патриархии папа и тихонько сказал нам с мамой, что освобождённый из ссылки митрополит Нестор помещён в Переделкино, на дачу Патриарха, где его осмострят врачи, и что, когда он окрепнет, мы съездим к нему получить благословение. По папиному тону стало ясно, что он говорит о каком-то необычном Архиерее. Я, конечно, попросил рассказать о нём. В ответ отец серьёзно посмотрел на меня и сказал доверительным шепотом: “Владыка Нестор – личность легендарная. Апостол Камчатки, просветитель эвенков и тунгусов, проповедник Истины Христовой. Он перевёл на их

языки молитвы и Священное Писание, сам эти языки изучив. Создатель Камчатского Православного братства под патронажем Цесаревича Алексея, лично и близко знавший Царскую Семью, друг адмирала А. Колчака и участник Белого Движения, доверенное лицо Патриарха Тихона"... Для мальчика в двенадцать лет, интересующегося историей, этого было предостаточно. Я был совершенно заинтригован и стал ждать.

Прошло некоторое время, и мы собрались к владыке Нестору. Территорию для летней резиденции в Переделкино (село Лукино под Москвой) Патриарх получил недавно, в 1955 году, в бывшем имении Бодэ-Колычевых, где были развалины небольшого барского дома, лужи, грязь, наскоро выстроенное общежитие, всюду бегали сопливые дети, да развешано было белье на верёвках после стирки. ...

Патриарх считался советской номенклатурой, и внешнее почтение к нему было явной демонстрацией перед границей, с которой приходилось считаться, объявляя себя цивилизованным государством. Нужен был красивый фасад для "первой в мире социалистической державы"! А что за фасадом? "Патриарх должен понимать и не обижаться, что мы ведём дело к ликвидации Церкви в нашем государстве, и это вопрос времени",—говорил чуть позже новый председатель Совета по делам религии В.А. Куроедов, в голове которого этот вопрос уже давно решился, и ему предстояло только всемерно ускорить его практическое осуществление.

Николай Александрович Булганин (тогда председатель Совета министров), наконец, подписал акт передачи. ... Работа пошла быстро: выстроили дома, куда отселили живших в бараках, весьма этим довольных. Отремонтировали и достроили дом под руководством П.И. Булычева, архитектора Патриархии. На месте барака построили маленькую гостиницу, в которую и был помещён исстрадавшийся митрополит Нестор. ...

Руководил реставрацией личный секретарь Святейшего Патриарха Даниил Андреевич Остапов, папин начальник, человек острого ума, всю жизнь отдавший Патриарху, его нянька и друг, секретарь и советчик, 67 лет с ним проживший и спавший в проходной в спальню Патриарха на диванчике, свирепо

ненавидимый “Советом по делам». Он как-то говорил нам, что очень давно во сне видел эту церковь...

Мы вошли в небольшой номер этой крохотной гостиницы, ежели её так шикарно можно было назвать, но тогда она воспринималась с восторгом. Там всегда было мало солнца и немного сыровато. Но всё же... Входишь – матушки, лампадки перед иконами! Чем-то домашним, уютным веяло там, особенно, вероятно, для владыки Нестора, возвратившегося только недавно в нормальную жизнь.

Предупреждённый о нашем приходе, Владыка ждал нас. Он сидел в небольшом кресле, вполоборота к окну, у стола, в рясе, в особой скуфье с бортиком, на которой был крест. Небольшая панагия, четки, узловатые старческие пальцы рук, благословляющие нас, отяжелевшие веки прикрывали глаза, столь много видевшие. Настороженная улыбка озарила нас мягкой теплотой.

С особым чувством, которое я помню и сегодня, мы с папой и мамой подошли под благословение. Папа, познакомившись с Владыкой, вероятно, раньше, представил нас. Сказав несколько вежливых слов, Владыка пригласил нас пить чай. Чаепитие не было многословным и долгим. Боясь утомить Митрополита, мы скоро откланялись. Этот визит стал для меня приобщением к живой русской истории. Аромат прошлого и той, дореволюционной, Церкви излучал он»²⁵⁸.

А вот воспоминания Человека более искушённого: схиархимандрита Серафима (Томина), духовника и келейника Митрополита в последние 7 лет его жизни:

«Шёл 1956 год. В этот год многие репрессированные архипастыри возвращались из мест заключения. Время было тревожное, но светлая память о сотнях, тысячах наших братьев во Христе, пострадавших за веру, отнимала у нас страх и вселяла дерзкое упование на что-то светлое впереди.

Только приехал я в Одессу, звонит из Москвы Даниил Андреевич Остапов, с детских лет бывший келейником, у Патриарха: Алексия I, и даёт нам задание: встретить прибывающего из тюрьмы владыку Даниила (Юзвюка)²⁵⁹. Владыка Даниил во время войны управлял белорусскими

приходами, находящимися на оккупированных фашистами, территориях. И после освобождения Белоруссии советскими войсками формальной причиной его ареста был, тот факт, что он, шантажируемый фашистами расстрелом всех православных священнослужителей Белоруссии, был вынужден официально поздравить с днём рождения Адольфа Гитлера. В заключении владыка Даниил провёл 10 [неточно] страшных лет. В тюрьме он окончательно подорвал здоровье и ослеп. Мы не могли удержать слёз при виде этого глубокого старца-слепого, с измождённым лицом, но когда он сказал нам всего несколько слов, мы поняли, что перед нами богатырь духа.

На следующий день снова звонок из Москвы. На этот раз нам предстояло встретить митрополита Нестора (Анисимова). Владыка Нестор провёл в заключении 8 лет. В тюрьме он тяжело заболел водянкой, и всё его тело было опухшим. Мы встречали его с носилками. Владыка видел всех нас в первый раз, но всё спрашивал и спрашивал сквозь слёзы:

– Деточки, родненькие, вы откуда?

– Я, Владыка, только из Средней Азии вернулся,– отвечал я.

– А чей будешь?

– Схиепископа Петра²⁶⁰ духовный сын.

– Петра Ладыгина?! – воскликнул Митрополит.

– Да.

Тут же достал он из тюремной кирзовой сумки крест и, благословляя меня, сказал:

– Отныне и до моей кончины будешь моим духовником.

Долго плакали мы со смешанным чувством горя и радости, вспоминая уже почившего к тому времени [ошибочные сведения] высокочтимого владыку Петра. Так я, молодой монах, имея от роду 33 года, стал духовником легендарного российского архипастыря митрополита Нестора (Анисимова).

У святых ворот Одесского Успенского монастыря нас встречала вся братия во главе с архимандритом Назарием – 90-летним старцем, ещё до революции награждённым тремя наперсными крестами. Рядом с отцом Назарием стояли четверо заслуженных архипастырей. Все только что прибывшие из мест

заклучения. Это были: уже упомянутый мною владыка Даниил (Юзвюк), владыка Серафим (Лукьянов)²⁶¹, владыка Феодор Аргентинский²⁶² (духовный сын владыки Вениамина (Федченкова)) и владыка Иоанникий Красноярский²⁶³. Когда мы подошли к святым монастырским воротам, владыка Нестор попросил опустить его на колени. Мы исполнили его просьбу, и он долго плакал, припав к монастырской земле. А затем старые архиереи – все уже седовласые старцы, не видевшиеся друг с другом по 10 и более лет и претерпевшие за эти годы суровые испытания, долго и трогательно обнимались.

За что послал мне Господь такую радость – назначили меня келейником всех пяти архиереев. А в мае в Одессу на патриаршую дачу приехал Святейший Патриарх Алексий I. И опять я, недостойный, был награжден большим утешением. Благословили меня каждое утро ходить к Патриарху вычитывать молитвенное правило. У Святейшего были больные ноги, и когда я вычитывал правило, он всегда сидел на кровати в простой зеленой рясе, опершись на палочку. Святейший часто приглашал старцев-архиереев к обеду. Пища всегда была очень простая. Завтрак, как правило, состоял из квашеной капусты с медом и ржаного хлеба. Обеды были немногим богаче. А какие беседы велись за этим столом! Я тихо сидел, благоговая от мудрых, исполненных смиренной дерзости и любви речей этих старцев. При мне бывали здесь и архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), и профессор Владимир Петрович Филатов с супругой Варварой Васильевной, а также профессор Владимир Евгеньевич Шевелев и многие другие истинные рабы Божии. Но недолгой была наша радость. Вскоре, под Ильин день, всем проживающим в Одесском монастыре архиереям было “предложено” советскими властями разъехаться по разным дальним обителям. И было это не без Промысла Божия. Когда многомиллионная православная паства осталась без пастырей, принявших мученическую кончину или малодушно отрекшихся от священного сана, старые иноки и архиереи заняли их место. По всей России раскиданы тайные центры духовно-старческого окормления. Они соединялись между собой незримыми нитями.

И это была та самая Церковь Христова, которую и врата ада не одолеют.

Владыка Нестор, перед тем как уехать в Балтовский Онуфриевский монастырь, спросил Патриарха:

– Ваше Святейшество, благословите отца Мисаила (моё монашеское имя) быть моим духовником.

Святейший благословил. Это благословение и позволило мне быть вместе с митрополитом Нестором до последних дней его жизни»²⁶⁴.

В центре России

В летний Сергиев день, после службы в Троице-Сергиевой Лавре митрополит Нестор принял первое своё назначение – на кафедру Новосибирскую и Барнаульскую, сменив за несколько дней до этого скончавшегося глубокого (за 90 лет) старца митрополита Варфоломея (Городцова, 1.6.1956).

Получив у «доверенных людей» хранившиеся у них все годы заточения первый архиерейский саккос, митру, вышитую мамой, золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, ордена и архив, митрополит Нестор отбыл на новое место служения.

Готовился и «Совет по делам». Из Москвы новосибирскому уполномоченному Ф.Т. Воротилову полетело конфиденциальное письмо: «Во взаимоотношениях с митрополитом Нестором Вам необходимо учесть то обстоятельство, что он всего несколько месяцев находится в СССР и не знает советских условий, поэтому с его стороны возможны действия, которые не будут соответствовать нашему законодательству, относящемуся к Церкви, и сложившейся практике взаимоотношений Церкви к советским органам. В такого рода вопросах Вам следует оказывать ему необходимую помощь, разъясняя существо законов и практику взаимоотношений Уполномоченного с митрополитом Варфоломеем»²⁶⁵.

Новониколаевск (или по-нынешнему Новосибирск) считается географическим центром России. Здесь и была первая после долголетней эмиграции и мучительных лагерных лет кафедра Апостола Камчатки. «В те годы, – рассказывает его келейник, – во всей Новосибирской епархии, охватывающей почти всю Восточную Сибирь, оставалось лишь 50 действующих приходов. Владыка, несмотря на слабость своего здоровья, часто выезжал на самые дальние, затерянные в сибирской тайге приходы. Сибирь очень напоминала ему Камчатку, где он ещё молодым иеромонахом совершал миссионерские подвиги. А когда Владыка вспоминал про Камчатку, у него всегда наворачивались на глаза слёзы»²⁶⁶.

Первое богослужение Митрополит совершил в Вознесенском кафедральном соборе 4/17 августа 1956 г. 22 мая 1957 г., к 50-летию пребывания в священном сане, он был награжден правом ношения двух панагий.

С местным же уполномоченным отношения не складывались. Когда последний, вполне в духе того времени, решил закрыть один из городских храмов, обратившись к Владыке за «формальным согласием», то услышал твердый ответ: «Всю свою жизнь я только открывал храмы». По свидетельству людей, близко знавших Митрополита, даже пройдя лагерь, он остался при своём убеждении: «Церковь отделена, но не удалена от государства»²⁶⁷.

Часто посещая в 1956–1958 гг. Томск и Томское благочиние, Владыка узнал о знаменитом старце Феодоре Козьмиче (1864), канонизированном в 1984 г., и весьма его чтил.

Владыка сохранял связи с некоторыми из солагерников. Встречался и вёл переписку, например, с епископом Афанасием (Сахаровым). «Сердечно благодарю за Вашу любовь, – писал последний в письме от 27 июля 1957 г., – выразившуюся в присылке Ваших последних фотографий и службы святителю Иоанну»²⁶⁸. Имелась в виду служба святителю Иоанну Тобольскому, написанная предшественником митрополита Нестора на кафедре и посланная последним епископу Афанасию в Петушки.

Налаживанию отношений не способствовало и обращение митрополита Нестора в советские карательные органы. Предыстория этого поступка была такова. В 1957 г. в Новосибирск с Колымы приехал один старый батюшка. Он-то и поведал Митрополиту, что его любимый «великий авва», его приснопамятный духовный отец и учитель владыка Андрей (Ухтомский) вовсе не погиб в ярославской тюрьме, не сгинул в ссылке, как считали до этого, а «жив и находится на вечном поселении, без права переписки, в местечке Кресты. С ним проживают ещё три монахини». Владыка немедленно выехал в Москву. Отправился прямо на Лубянку. Там ответили строго и однозначно: «Освобождению не подлежит». Что это значило, так и осталось загадкой. Но с таким непредсказуемым

архиереем решили расстаться, отправив на покой. Осталось найти повод. И он не заставил себя долго ждать.

«В первый день Великого Поста [1958 г.], когда Владыка читал канон Андрея Критского, в храме произошло смятение. Священник Алексей Осипов, по гордыне своей ополчившийся на Митрополита, убежал из алтаря, а его духовные чада – несколько женщин-кликуш – с бранью и нечленораздельными воплями набросились на Владыку и сорвали с него клобук и мантию.

Вскоре в Москве главным уполномоченным по делам религии В. Куроедовым было принято решение “о неспособности митрополита Нестора, по старости лет, управлять Новосибирской епархией”»²⁶⁹.

Увольнение на покой состоялось 8 сентября 1958 г. Митрополит Нестор удалился в Жировицкий монастырь. Однако Владыка, вспоминал его келейник, «до такой степени был возмущен подобным решением, что заявил: в случае, если его не назначат управляющим епархией, он, как старейший митрополит, будет требовать суда перед Вселенским Патриархом. Во избежание шумного дела советские власти позволили назначить митрополита Нестора на Кировоградскую кафедру»²⁷⁰. К сожалению, и до сих пор приходится встречаться с утверждениями, сглаживающими все острые углы в ущерб истине. Например, такими: «Возраст (митрополит Нестор родился в 1884 г.) и тяжёлая болезнь заставили его в 1958 г. уйти на покой, но, как только он немного поправился, он захотел вернуться к архиерейскому служению и был назначен временно управляющим Кировоградской епархией»²⁷¹.

«... Патриарх Алексей, – пишет Н. Георгиевский, – проявил волю и характер. Уволен на покой Владыка был 8 сентября 1958 года, а уже 9 декабря 1959 года получил свою последнюю, как оказалось, кафедру – Кировоградскую и Николаевскую, “где потеплее, сказал Святейший, и поближе к Одессе, где Вы проходите лечение и можете пользоваться моей резиденцией круглый год, когда Вам надо”.

Эти слова Святейшего Патриарха свидетельствовали о его высоком уважении к владыке Нестору и были просто

невозможными для большинства архиереев. Поскольку наша семья была близка Святейшему Патриарху Алексию (папа, кроме должности псаломщика крестовых церквей, занимал место казначея Московской Патриархии, “наш министр финансов”, как говорил о нём Святейший), то и отдыхали все мы в одно и то же время, вместе со Святейшим Патриархом и семьей Остаповых, вместе столовались и близко общались. Это сделалось возможным благодаря кристальной честности моего отца, его незаменимости на Патриаршем клиросе: папа имел прекрасный голос и профессионально занимался декламацией. Взыскательный вкус Патриарха был удовлетворен и доскональным знанием Устава и “интеллигентным”, как говорил Патриарх, к нему (Уставу) отношением. В крестовых церквях пел и читал сам Патриарх Алексей, выдающийся литургист, Государь Церкви. Его гнев или милость все переживали очень сильно. Его уважал сам И.В. Сталин.

Дачу Патриарха на Чёрном море, под Одессой, организовал архиепископ Никон (Петин). С большой помпой служил владыка Никон в Одессе, продолжая деятельность епископа Сергия (Ларина), который считал, что если папа римский, имеет в 300 человек хор, то православному епископу стыдно иметь менее 70. И хор при нём в кафедральном соборе Одессы под управлением профессора консерватории Пирогова в 70 человек был лучшим, и порядок был отменным. Епископ Сергей (Ларин) по своим знаниям – настоящий профессор, русский интеллигент, личность столь интересная, что с удовольствием с ним общался маршал Г.К. Жуков, которого Сталин сослал в Одессу после всех побед и почестей. Архиепископ Никон лишь продолжил то, что начал епископ Сергей, однако тоже, очень талантливо.

Патриаршей даче был отдан изолированный берег, построена архиерейская гостиница, специальный фуникулер спускал и поднимал на крутой берег. Словом, создали все условия для отдыха Патриарха на море, который ему был необходим из-за болезни суставов ног, – и подлечиться можно было только там, грязями. На берегу стояли две купальни и шатер, где мы и отдыхали, ловили бычков, рачков и крабов. В наше время вся эта благодать ещё водилась в Чёрном море.

Сама дача была построена в духе Ливадийского дворца, в миниатюре, при Успенском мужском монастыре.

Вот там-то и началась наша дружба с владыкой Нестором, который тоже каждый год (с 1957 по 1961 гг.), до своей смертельной болезни, приезжал под Одессу, на Большой Фонтан, подлечить ноги и глаза в Филатовской больнице, даже осенью, когда, как он писал мне, “Чёрное море ревело, как зверь, и спать было невозможно”. ... Именно тогда посвятил он меня в иподиаконы. Я за его редкими службами в монастыре держал жезл о чём с благодарностью и гордостью сейчас вспоминаю...»²⁷²

Последняя кафедра

О некоторых особенностях нового назначения узнаем из писем святителя Афанасия (Сахарова), «Как Вы, вероятно, знаете, – писал он протоиерею Иосифу Потапову 3 апреля 1959 г., – Владыка Нестор сейчас – временно управляющий Кировоградской епархией. В первый. месяц своего здесь служения он совершил здесь богослужения в ДВАДЦАТИ ОДНОМ ХРАМЕ!.. И... временно управляющий, а не епархиальный!..»²⁷³ Об этом же он сообщает и в другом своём письме, 21 апреля, в Прагу бывшему их общему знакомому со-лагернику известному ученому П.Н. Савицкому (1895–1968): «Вы вспоминаете о Владыке Несторе. Без прощения уволенный на покой “по прошению”, он теперь, как Вы знаете из журнала, “временно управляет” Кировоградской епархией, откуда он прислал мне письмо, в котором между прочим сообщает, что в первый месяц, своего управления он посетил 21 храм и совершал там богослужения... И с такой энергией – на покой?.. Помогите ему Бог»²⁷⁴.

Немногочисленные, к сожалению, воспоминания людей, знавших владыку Нестора, доносят до нас образ нищелюбивого, страннолюбивого христианина, богобоязненного Святителя, неустанно заботившегося о вверенных ему пастырях и пастве, твёрдо стоявшего в Христовой истине.

«Келейник Владыки схиархимандрит Серафим, – вспоминает протоиерей Валериан Кречетов, – рассказывал, что митрополит Нестор, по примеру ветхозаветного Авраама, никогда не садился за трапезу, не посадив за стол нищих и странников. Когда их не было, на все увещевания келейника, что пора, мол, садиться за стол, что всё уже давно просто, он, укоризненно качая головой, говорил: “Тебе хорошо говорить, ты-то сыт”».

Много хлопот доставляли келейнику «недостаточные» священники, особенно из отдалённых приходов епархии. Не уследишь – и Владыка новый подрясник чуть ли не с себя снимет да и отдаст, весело приговаривая: «Смотри-ка, а тебе-то

он в самую пору». Беда и с провинившимися. Все епитимии (в основном поклоны) записывались келейнику в специальную тетрадочку. Владыка за этим строго следил, время от времени считал, сколько всего поклонов назначено, а сосчитав, у себя в моленной клал эти поклоны. На вопрос, что это вы, мол, Владыко, сами-то поклоны кладёте, с улыбкой отвечал: «Так ведь они (провинившиеся) забудут». Словом, сам епитимию налагал, сам же и исполнял...

«Каждый день в архиерейский дом, – пишет схиархимандрит Серафим, – приносили десятки писем и телеграмм. Стараясь никого не оставить без ответа, целыми ночами разбирал Владыка эту корреспонденцию. Но всё равно, даже после его кончины, осталось два полных чемодана нераспечатанных писем.

Его архиерейский дом часто напоминал вокзал. Кто-то постоянно приезжал, кого-то провожали. Когда же Владыка оставался один, он просто заболел. Но это случалось редко. К нему непрерывным потоком ехали все, кто нуждался в поддержке и помощи. Столетних старцев он называл “деточки”. Он одинаково принимал заслуженных архиереев и нищих странников. Иногда у нас собиралось сразу по 10–15 архиереев. А какие архиерейские службы совершались в Кировоградском кафедральном соборе, когда сразу 10 архипастырей совершали богослужение! В будничные дни служили в нашей домовый церкви. Митрополит Нестор распределял, кому из архиереев читать шестопсалмие, кому часы и так далее. Я чаще всего служил, а владыка Нестор пономарил – сам кадил и носил подсвечники. Архиереи пели и читали – всё сами.

– Ну, Святители Божии, – часто обращался владыка Нестор к собравшимся у него архипастырям, – давайте устроим архиерейские говения.

И все владыки несколько дней строго постились, а затем исповедовались и причащались Святых Таин.

Почти каждую ночь в архиерейском доме Владыка постригал кого-нибудь в монашество. Делалось это в строжайшей тайне. Игуменья Киевского Введенского женского монастыря матушка Елевферия²⁷⁵, посылая нам в Кировоград

для пострига нескольких послушниц, в сопроводительном письме писала: “Дорогой мой папочка. Посылаю тебе козляточек, верни мне ягняточек. Ваша дурочка Елевферушка”. Легендарная была игуменья. ...

Когда владыка Нестор бывал в Киеве, он всегда навещал матушку Елевферию. А как любили митрополита Нестора сестры Введенской обители! После службы они всегда собирались в большом зале, где впереди на двух креслах сидели сам Владыка с игуменьей, а у их ног, прямо на полу, размещались сёстры обители. Монахини плакали от речей любимого Архипастыря. Владыка и сам порой не стеснялся расплакаться у всех на глазах.

– Вы бескровные мученицы за Христа, – увещевал он. – Вас не будут ни резать, ни жечь, ни бросать на съедение львам, вас родные не будут пускать на порог и священники выгонят из церквей. И всё это следует вам потерпеть.

Каждую субботу владыка Нестор исповедовался. Семь лет я был его духовником, и каждая его исповедь была ступенькой моего личного духовного роста. Я учился у него внимательному, даже придирчивому отношению к каждому своему слову, поступку. Себя он искренне считал величайшим грешником, потерянным человеком. Зато как сильно радовался он добрым делам живущих с ним рядом людей. Для него все были если не подвижники, то непременно добрые, милые люди. Он умел оправдывать любые человеческие недостатки. Свои же мельчайшие проступки возводил в ранг преступлений. “Как в чистой комнате мельчайшие пылинки бывают заметны, так и в доброустроенной душе всякое прегрешение видно сразу”, – говорят Святые Отцы. И Владыка так сокрушенно каялся и плакал о грехах своих, что нередко я, духовник его, призванный быть судьёй и наставником, ласково успокаивал Владыку, уверяя, что грех его не так уж и велик.

Каждый год в Кировограде владыка Нестор устраивал епархиальные семинары. Со всех приходов, а было их в Кировоградской епархии 320, съезжались священники. Какая любовь царила на этих собраниях! Мститые протоиереи и молодые батюшки слушали Владыку, затаив дыхание, а он

всегда говорил очень просто, но живо и искренне. Его речь увлекала, заставляла переживать. Однажды один старец – митрофорный протоиерей, расстроганный словами Архипастыря, сказал:

– Владыка святой, как хорошо, если бы вы прямо сейчас всех нас исповедовали.

– Деточки мои, – ответил Владыка, – если я вас исповедую, то вынужден буду почти всех вас запретить в служении. Вот скажут тогда: хороший митрополит, сам церкви позакрывал. ...

Во всей епархии в годы правления митрополита Нестора не было закрыто ни одной церкви. Зато через три месяца после его кончины из 320 приходов Кировоградской епархии осталось лишь около 30»²⁷⁶.

Протоиерей Владимир Сорокин из Санкт-Петербурга, бывший иподиаконом Владыки в период его служения на Кировоградской кафедре, вспоминает: «Владыка Нестор приехал в епархию в самый разгар атеистических нападков на Церковь. Тогда пытались закрывать храмы, дискредитировать духовенство и верующих. В меру своих сил и возможностей он стремился, как сказано в Евангелии, уберечь хотя “малое стадо”. И это ему отчасти удавалось... В то время как раз боролись со всем дореволюционным, со всем царским. А Владыка носил ордена, полученные при Царе, и чувствовал себя при этом уверенно и спокойно, хотя это корбило и раздражало советских чиновников. Власти вынуждены были с ним считаться. В то время они ничего не могли с ним поделать. Тогда, при Хрущеве, побаиваясь международного резонанса, не предпринимали никаких резких действий против представителей высшей церковной иерархии. Верующих прорабатывали, сочувствующих Церкви высмеивали. Архиереи же находились на особом положении. Владыка Нестор, хотя и пользовался благами и возможностями, предоставляемыми ему саном, но воспринимал это как уважение к самой Церкви Христовой. Для нас, молодых тогда людей (ведь не я один был тогда иподиаконом), Митрополит был высоким примером. То был спокойный, уравновешенный, высокообразованный

человек, предвидящий течение событий... И в то же время он был человек загадочный...»²⁷⁷.

Как уже говорилось, в торжественных случаях митрополит Нестор надевал Российские ордена, полученные в годы первой германской войны. На недоумённые вопросы обкомовского начальства он сдержанно-вежливо отвечал: «Передайте (имярек), что мои (выделял это слово голосом) ордена заслуженны». Напомним, что это были тяжёлые для Русской Православной Церкви годы послесталинской «оттепели».

Кировоградский уполномоченный Н. Кравченко относился к Владыке настороженно. В характеристике на митрополита Нестора, написанной в августе 1961 г. по просьбе В.А. Куроедова, после краткой дореволюционной биографии он писал: «Из выше приведённых данных видно, что Нестор (Анисимов Н.А.) прошёл большую школу в царской империи и по убеждениям является монархистом, реакционным религиозником Православной Церкви. Находясь Управляющим Кировоградской епархией, ведёт замкнутый образ жизни, занимает отдельный большой дом для жилья, хотя семьи не имеет, служебные приёмы проводит не в управлении епархии, а дома. В доме, где он живет, организовал “домашний храм”, якобы для личного духовного удовлетворения, однако при себе держит слуг – иеромонаха Горошенко [так!], 24 лет, и диакона Кулинец (одинок). При печатании критических статей в газетах и журналах (см. журнал “Огонек”, № 22 за 1961 год), в которых упоминается митрополит Нестор, реагирует болезненно, заявляет, что он этого не заслужил и, как он выражается, его знают за границей как известную личность среди духовенства России. ... Ведёт активную работу по укреплению Церкви в области. В последнее время поступили данные о том, что Анисимов озабочен приобретением личного особняка в гор. Одессе, чтобы обеспечить себе на старости покой, куда и выехал по его заявлению в отпуск на 2 месяца»²⁷⁸.

За этот дом и зацепились... «Келейником у Владыки, – вспоминает Н. Георгиевский, – тогда был о. Сергей (Горошенко) [так!], молодой ловкий человек под влиянием Митрополита

принявший монашество, он стал для него и нянькой, и секретарём, и медсестрой, и поваром. Непритязательный, но очень тяжёлый в быту, Владыка был от него в совершенном восторге. Поэтому когда о. Сергия посадили в тюрьму на два, по-моему, года за дачу взятки должностному лицу при покупке небольшого домика под Одессой, по поручению Митрополита, помышлявшего о покое, это явилось для него тяжёлым ударом, на что, видимо, и рассчитывали люди, устроившие эту “дивную комбинацию”. Без “специалистов” не обошлось, считал и сам Владыка... Жить ему оставалось недолго – болезней было хоть отбавляй!

Помню, как зимой по вызову Патриарха в 1961 году, когда началась новая хрущевская травля Церкви, митрополит Нестор приехал в Москву, и я в числе немногих встречал его и провожал в гостиницу “Украина”. Я взялся келейничать у него и только тогда понял, какой труд нёс о. Сергей (Горошенко). Владыка работал, писал, молился. Меня он отправлял спать часов в двенадцать ночи. Сам он ложился спать часу во втором, а в три – полчетвертого утра у него сводило икры обеих ног. Одна нога не сгибалась у него вовсе. Боль нестерпимая – он стонал, я просыпался и вёл его, опирая на себя, в горячую ванну.

Только это спасало его. Потом он снова ложился, а часов в шесть вставал на молитвенное правило. Пожив так с недельку, я был совершенно измотан, но другого выхода не было. Всё это приходилось сочетать с учебой в музыкальном училище им. Гнесиных. Владыке надоела гостиница, и я пригласил его к нам на дачу в Переделкино. Боже мой! Какие это были сборы! Владыка с собой предусмотрительно брал всё и всегда. Весь свой архив, безотлучно и всегда находившийся с ним»²⁷⁹.

Однако, несмотря на многочисленные неприятности и изматывающие болезни, Владыка всегда сохранял не только удивительное присутствие духа, но и безграничную подлинную любовь к людям, выражавшуюся, на первый взгляд, в незначительных мелочах. «Как-то однажды приехав в Москву (в начале 60-х годов), – вспоминает очевидец, – митрополит Нестор пришёл в гости в православный дом, где всем, и детям

в том числе, принёс подарки, отнюдь не роскошные; но очень подходящие каждому. Хозяйке дома, особе несколько экстравагантной, Владыка вручил чёрную пластмассовую коробку, тщательно перевязанную, с изображением дымящейся сигареты на крышке. На удивление хозяйки, конечно же некурящей (было ясно, что в коробке сигареты), Владыка изобразил некоторое смущение, замешательство: “Я думал – мне кто-то сказал, – что Вы курите...” Общее замешательство, Владыка всё же просит открыть коробку, и – к общему удовольствию и радости – в ней оказываются орехи в шоколаде...

Как отвыкли мы в сегодняшней нашей жизни от таких чудесных милых розыгрышей, шуток, разукрашающих жизнь, идущих от какого-то, можно сказать, внутреннего изящества, от доброты, теплоты души...

Именно эта любовь к людям, душевная теплота, доброта открывали когда-то Преосвященному Нестору юрты и сердца далёких камчадалов»²⁸⁰.

Болезнь и кончина

«Владыка Нестор, – вспоминал его духовник, – очень трепетно относился к Казанской иконе Пресвятой Богородицы. На мой вопрос, есть ли какая-то особая причина этого почитания, он ответил:

– Во-первых, я некоторое время жил в Спасском монастыре в Казани, где находилась чудотворная икона Божией Матери, а, во-вторых, в день Казанской иконы я и скончаюсь.

Прошло около года, и у Владыки обнаружилось воспаление предстательной железы. Он очень страдал. Тогда владыка Нестор часто вспоминал содержание записки, переданной ему отцом Иоанном Сергиевым вместе с маленькой бутылочкой, наполненной хересом. «Отец Нестор, – писал Кронштадтский подвижник, – половину испил я, остальное тебе допивать». Было это в 1907 году, когда Владыка отправлялся на Камчатку. Лишь спустя более полувека смысл этой записки стал ясен. Дело в том, что отец Иоанн Кронштадтский тоже страдал воспалением предстательной железы, от этой болезни он и скончался.

– Теперь я допиваю чашу страданий праведного Иоанна, – говорил Владыка.

Будучи тяжелобольным, страдая от ужасных болей, митрополит Нестор всё равно служил. Во время службы его часто держали под руки»²⁸¹.

«Владыке, – пишет Н. Георгиевский, – пришлось лечь в 1-ю Градскую больницу, в урологическое отделение – ему предстояла большая, полостная операция на предстательной железе. Мы с мамой и Борисом Васильевичем Зиминим, его бывшим иподиаконом с 1918 года, с женой [последнего] Еленой Ивановной ухаживали за ним, как могли. Зиминых, мою маму и меня Владыка записал в книжку для каждодневной молитвы. Надеюсь, что его молитвы были угодны Богу, а мы, делая добрые дела для такого человека, были рады хоть как-то быть ему полезны, навещая его каждый день.

Владыке сделали первую часть операции – поправлялся он на Патриаршей даче в Переделкино. Шёл Великий Пост, и я сопровождал его в Преображенскую церковь, на вынос Плащаницы. Прикладываясь к Плащанице, он заплакал, понимая своё положение. Но была и радость. Досрочно, по хлопотам, освободили о. Сергия (Горошенко), и он, неузнаваемый, бритый, приехал к Владыке в Переделкино. Владыка уезжал в Епархию уже с ним, это нас успокаивало»²⁸².

Прошло несколько месяцев. Наступила осень. «Приближался день Казанской иконы Божией Матери, – продолжает повествование схиархимандрит Серафим. – Болезнь обострялась. Владыка решил ехать в Москву на операцию. Меня с собой он не взял.

– Кто же в нашей церквушке будет служить? – говорил Владыка.

Он очень любил маленькую крестовую церковь в архиерейском доме, освященную во имя Всех святых, в земле Российской просиявших. Он называл её “кусочком неба”.

На прощание Владыка сказал мне:

– В день Казанской иконы Божией Матери Литургию начнешь в два часа ночи.

– Как в два часа? – удивился я.

– Именно в два, – подтвердил Владыка»²⁸³.

Дело в том, что, как писал Н. Георгиевский, после первой операции «владыка Нестор был отпущен врачами до второй операции, окончательной, для которой он и приехал осенью, в конце октября 1962 года “к доктору Гураму”, так звали врача, который оперировал Владыку. Доктор жил на Кропоткинской, и Владыка посылал меня к нему с немудреными гостинцами, которые присылал из Епархии. Но случилось непредвиденное...»²⁸⁴

17 октября Архипастырь приехал в Москву, и в самый этот день у него произошло кровоизлияние в мозг (инсульт). Тихая и мирная кончина Владыки последовала 22 октября (4 ноября) 1962 г., в праздник Казанской иконы Божией Матери. Именно в городе Казани он учился, принял монашеский постриг, отсюда, получив благословение святого праведного отца Иоанна

Кронштадтского, уехал на Камчатку, которая с тех пор оставалась в его сердце до последнего вздоха. Наконец, его духовный отец, будущий владыка Андрей (Ухтомский) благословил новонаначального инокa Нестора в день пострига Казанской иконой Божией Матери.

«Наступил день Казанской иконы Божией Матери, – вспоминал оставшийся в Кировограде о. Серафим. – Ровно в два часа ночи, по слову Владыки, я начал служить Божественную литургию. А уже к концу службы мне принесли срочную телеграмму. В ней сообщалось о внезапной кончине митрополита Нестора. Умер Владыка, как и предсказывал, в четыре часа утра в день Казанской иконы Божией Матери.

В ту ночь в архиерейском доме происходили удивительные события. У Владыки был сибирский кот, очень умный и преданный. Ни у кого не брал он пищу, пока не станет кормить его сам хозяин. Бывало, по несколько дней ходил голодный. Когда же Владыка начинал молиться и перебирать четки, кот всегда уходил прочь, чтобы не мешать. А ещё во дворе архиерейского дома жил огромный пес, который тоже был верным другом Владыки. Пёс сидел на цепи и угрожающе скалил зубы на всех, кто проходил мимо. Но только завидя Владыку, этот страшный зверь вдруг превращался в ласковую собачонку. Он клал лапы на плечи хозяина и нежно заглядывал ему в глаза. А в ту ночь, когда скончался Владыка, кот, разогнавшись по комнате, бросился на стену и насмерть разбился. Пёс же всю ночь жалобно выл, а наутро его нашли мертвым.

После смерти Владыки мне одно за другим на память стали приходить удивительные свидетельства его прозорливости. Митрополит Нестор часто говорил мне:

– Архипастыри никогда не умирают по одному. Господь призывает их на Свой суд по трое.

Тогда мне казалась странной эта мысль. Но вот вам факт: владыка Афанасий (Сахаров) умер 28 октября, владыка Нестор (Анисимов) – 4 ноября, владыка Антоний (Романовский) Ставропольский – 7 ноября. За одну неделю скончались три архиерея. И это не единственный случай.

За 9 месяцев до смерти мы были с владыкой Нестором под Москвой в Переделкино на Патриаршей даче. Тогда, проходя мимо храма, Владыка вдруг остановился, оперся на посох и расплакался.

– Что случилось? – испуганно спрашивали мы. Он же отмахивался от нас, говоря сквозь слёзы: – Отойдите, отойдите от меня.

Долго плакал, а потом сказал:

– На этом месте будет лежать счастливейший из всех счастливых на планете.

Уже после смерти митрополита Нестора Патриарх сам указал это место для захоронения. Святейший не Мог знать о предсказании Владыки.

В гробу у митрополита Нестора был яркий румянец на щеках. Говорили, что это кровь играет. А многие даже предполагали, что он уснул летаргическим сном. На его могиле поставили большой деревянный крест. Впоследствии, по благословению Патриарха Пимена, его заменили на мраморный. Там всегда теплится неугасимая лампада – зримый символ того, что мы помним владыку Нестора и будем помнить его всегда. Да не забудет и он нас в своих молитвах у Престола Небесного!»²⁸⁵

В гроб Владыку положили в облачении, подаренном ему когда-то отцом Иоанном Кронштадтским, в первом его архиерейском саккосе и митре, которую ему некогда своими руками вышила его мама.

День его погребения так же, как и день смерти, был знаменателен. Дело в том, что оно состоялось 24 октября (6 ноября) – в день празднования иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». Именно эта икона, чудесным образом обновившаяся, особо чтилась прихожанами храма при Доме Милосердия в Харбине²⁸⁶.

В день погребения митрополита Нестора, по свидетельству очевидцев, «в храме Подворья Троице-Сергиевой Лавры²⁸⁷ в Переделкино собралось много хорошо знавших его людей, чтобы проводить в последний путь новопреставленного Архипастыря. Заупокойную Литургию и отпевание совершил

архиепископ Можайский Леонид²⁸⁸ в сослужении местного духовенства. В конце отпевания к гробу подошёл Святейший Патриарх Алексий и произнес краткое надгробное слово, а затем прочитал разрешительную молитву и простился с почившим²⁸⁹.

Подняв на свои рамена гроб с прахом Владыки, священнослужители совершили крестный ход вокруг храма при пении ирмосов «Помощник и Покровитель»²⁹⁰.

«Митрополит Нестор, – вспоминал его духовник, – миссионер по призванию, был удивительно любвеобильным, ласковым пастырем. Жил он исключительно для людей, готовый всё отдать для их благополучия и личного счастья. Деньги не задерживались у него более одного дня. А когда он встречал человека, которому нужна была помощь, а помочь было нечем, Владыка посылал меня к казначею епархии взять необходимую сумму в счет его будущей архиерейской зарплаты. И получалось так, что зарплату Владыка никогда не получал. Более того, уже после его смерти обнаружилось, что он должен епархии 38 тысяч рублей. Деньги немалые. Доложили Святейшему. А Патриарх сказал так:

– Считать деньги эти истраченными на дела милосердия. Митрополит Нестор ни копейки не взял для себя»²⁹¹.

Прошли годы... Не самые лёгкие для Церкви... Решением Святейшего Синода 23 февраля 1993 г. была вновь образована в качестве самостоятельной Петропавловская и Камчатская епархия, где, как стало известно, начат сбор материалов для канонизации Владыки. Примечательно, что имя первого после более чем 70-летнего перерыва епископа Камчатского было Нестор (Сапсай).

Уже во время подготовки настоящей книги к переизданию на официальном сайте епархии появилась следующая информация: «Совсем недавно в адрес епархиального управления пришла посылка, отправленная бывшим келейником митрополита Нестора отцом Сергием. В посылке бережно уложены индийский подрясник владыки с архиерейским поясом, которые он носил на богослужения, будучи представителем Русской Православной Церкви на

территории Индии. Также отец Сергей прислал множество фотографий святителя Нестора самых разных периодов его жизни. На одной из них будущий Владыка в юном возрасте с родителями, на другой запечатлен в годы служения иеромонахом на Камчатке, затем епископом в Японии. Кроме того, есть фотографии других современных ему архиереев, участвовавших в его, хиротонии, и даже фотография генерал-губернатора Камчатки Завойко с надписью “Завоеватель Камчатки – адмирал Завойко”.

Ещё в посылке – обращение митрополита Нестора к Святейшему Патриарху Алексию I, в котором он представляет свою книгу “Моя Камчатка” и просит благословение на её публикацию. В книге описываются труды подвижника на нашем полуострове. Также в посылку вложена книга о расстреле Московского Кремля. ... Все экспонаты будут переданы и со временем выставлены в музее Православия на Камчатке и в Русской Америке».

Вскоре после выхода в 1995 г. в свет, первого издания воспоминаний митрополита Нестора стало известно, что хранившийся в переделкинском храме со времени погребения архиерейский посох Владыки был отправлен на Камчатку – первую и любимейшую его кафедру. «Как любил он этих, данных ему Господом детей, – писали духовные чада Владыки, – с какой любовью вспоминал о них уже в глубокой старости при этих дорогих его старческому сердцу воспоминаниях улыбкой озарялось его лицо, и с нежностью произносил он тогда: “Моя Камчатка”»²⁹².

Сергей ФОМИН

Часть II. Моя Камчатка

От автора

Прожив более 75 лет, я сохранил в памяти много интересных, разнообразных событий и житейских историй. Нередко мне приходилось делиться своими воспоминаниями с людьми разного возраста, мировоззрения и общественного положения, и все они, как бы сговорившись между собой, в один голос советовали мне написать мемуары.

Когда я в 1907 году юношей отправлялся впервые из Казани на Камчатку, мой любимый духовный отец, епископ Андрей, завещал мне как строгое послушание вести дневник²⁹³ своей пастырской деятельности. При всех обстоятельствах я всюду послушно выполнял это завещание.

В принятии мною окончательного решения написать воспоминания имели большое значение пожелание и архипастырское указание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия²⁹⁴ и благословение совершить труды по примеру моего небесного покровителя – Нестора Летописца.

Несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье, я с искренним воодушевлением решил воспроизвести всё то, что видел и знал. Я старался изложить сжато, просто, правдиво всё примечательное, что протекало через скудельный сосуд моей жизни.

Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему (Пс. 113:9) воздаю я за всё то милостивое и богатое сокровище, доверенное моему ничтожеству в период моего земного бытия. Я исколесил, можно сказать, почти всю матушку Русь. Я побывал на трёх материках: в Европе, Азии и Африке. Десятки государств, сотни городов, тысячи населенных пунктов и миллионы людей различных рас и национальностей прошли перед моим взором. И куда бы судьба ни забрасывала меня, я всегда и везде помнил не только о своём пастырском сане, но и о высоком назначении русского человека, всеми своими поступками и помыслами стремящегося оправдать присущее нашей великой нации чувство сердечного, участливого отношения к людям. Этим настроением и проникнута каждая строка

моих воспоминаний... Я не стремлюсь придерживаться в них хронологического порядка. Страницы моих мемуаров – это только штрихи, зарисовки былого.

Прошу прощения у читателя, если он встретит некоторые повторы, углубляющие описание того или иного значительного события.

Заря моей жизни

В забытой тетради забытое слово!
Я всё прожитое в нём вижу опять;
Но странно, неловко и мило мне снова
Во образе прежнем себя увидеть...

А.Н. Майков

...Молись, дитя! Тебе внимает
Творец бесчисленных миров,
И капли слёз твоих считает,
И отвечать тебе готов!..

И.С. Никитин

Когда я обращаю свой взор в далёкое-далёкое прошлое и вспоминаю пору раннего детства, мне всегда кажется, что я настежь открыл окно ранним теплым, солнечным утром. Воспоминания детства ослепительно яркие, и распахнувшийся в памяти мир чист, сверкающ, заманчив, словно омытый летним дождём сад.

Родился я в 1885 году, 9 ноября (ст. ст.), в г. Вятке в исконно русской, православной семье. Мои прадеды и деды по отцовской линии были русскими воинами в различных чинах и званиях. Они верой и честью, не за страх, а за совесть, служили любимому Отечеству, были участниками войн против иноземных захватчиков, не раз нападавших на Русь, а также освободительных войн за избавление братьев-славян от турецкого ига.

Мой отец и его братья были первыми в нашей родословной, получившими среднее и высшее военное образование. Я вспоминаю своего отца, Александра Александровича, в должности чиновника Котельнического батальона квартировавшего то в Вятке, то в Казани. Впоследствии Котельнический батальон, в связи с его столетием, был преобразован в Свяжский полк, где отец и мой единственный брат Илари́й прослужили до 1917 года.

Отец принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, а также во всех последующих войнах. В боях он

неоднократно был ранен и контужен, имел орденские боевые знаки отличия. Скончался отец в 1921 году в Вятке в чине статского советника²⁹⁵ в отставке.

Брат мой Иларий по окончании реального училища обучался в Московском Алексеевском военном училище. После его окончания был произведён в офицеры и служил в Свияжском полку, где, помимо воинских качеств, проявил себя моралистом. Несмотря, на офицерское звание, он читал солдатам лекции о пользе и значении нравственности, выражающейся в уважении к человеческому достоинству, в личной моральной устойчивости каждого человека. Он убедительно говорил о вреде курения и пьянства; предостерегал от пагубных последствий неустойчивых в нравственности людей, от разврата, разнузданности и от всевозможных наркотических злоупотреблений. Проводились эти лекции с одобрения начальников не только в полковых ротах, но и в учебных заведениях, на фабриках и заводах; его приглашали в другие города и селения Поволжья. У брата было много последователей и друзей среди различного контингента людей, различных сословий, ценивших в нём заботливое отношение к человеку. Некоторые из них здравствуют и в письмах ко мне поныне и с особенной любовью вспоминают его дорогое имя.

Для меня он не только брат, но и близкий друг, с которым мы с детских лет жили в дружбе и любви (разница в возрасте у нас была всего один год).

Мы очень многим обязаны нашей незабвенной матери. Она научила нас уважать и любить людей, быть полезными для общества и Родины на том поприще, которое мы изберем, вступая в самостоятельную жизнь.

О себе знаю, что родился я хилым, болезненным ребенком. ещё с младенческого возраста неоднократно бывал при смерти. Однажды, в столь критический момент, для меня был даже приготовлен гробик, но волею Божиею я выжил.

Мои первые воспоминания, связаны с посещениями кафедрального собора. Помню, меня, тогда ещё совсем маленького, водили в церковь бабушка или мама. Мы шли по

тенистым, тихим улицам. Над нами голубело небо, а над городом протяжно, гулко плыл колокольный благовест. Под каменными сводами собора, в мерцании свечей и разноцветных лампад, мою впечатлительную детскую натуру восторгали богослужебные обряды, умилительное пение архиерейского хора и служение самого архиерея. Неудивительно, что, будучи мальчиком, я часто в нашей детской комнате изображал священнослужителей, совершал «службы», устраивая себе подобие архиерейской мантии, митры и облачения.

Меня и брата с детских лет приучали молиться по утрам и на сон грядущий. Стоя в детской комнате на коленях перед образом, озаренным светом лампы, я молился вслух так:

«Боженька, сделай меня архиереем... Боженька, дай здоровье маме, папе, брату Ларичке, крёстной бабушке и... моей собачке Ландышке...» Такова была моя наивная детская молитва.

Однажды, когда я был уже шустрим мальчуганом, бабушка повела меня на архиерейское богослужение в Вятский мужской монастырь. Какой-то неземной восторг охватил мою душу, ещё не искушённую житейской мудростью, когда я вместе с бабушкой в конце литургии подошёл к благословляющему архиерею поцеловать святой крест.

Владыка Варсонофий²⁹⁶, указывая на меня, спросил:

– Кто это?

– Мой внук, – ответила бабушка.

– Он будет архиереем! – предрек Владыка.

– Куда ему, такому озорнику! – незлобиво возразила она.

– А я тебе говорю, – повторил епископ Варсонофий, – он будет архиереем.

Этот знаменательный диалог вспомнился мне с особенной яркостью в связи с тем, что в этом, 1961-м, году исполнилось 45 лет моего архиерейского служения. Но тогда, на заре моей жизни, в годы безмятежного детства, мальчишеской резвости, это утверждение прозвучало странно...

Как-то, будучи ещё совсем глупыми малышами, мы с братом нашли в детской комнате спички. На беду в это время никого из взрослых поблизости не было. Мы начали поджигать

бумагу, затем деревянные игрушки. Всё, что попадало нам на глаза, мы предавали огню, бросая горевшие предметы на сундук, стоявший у стены. Сами мы сидели на этом же сундуке, восхищаясь огнём, и особенно весело смеялись, когда пламя поднималось выше нас. Когда дым начал расходиться по всем комнатам, прибежал денщик отца, вытащил нас из огня и принялся тушить пожар. Вернувшиеся отец и мать побранили нас, но не били, а поставили в угол на колени. Это наказание считалось в нашей семье позорным и поэтому действовало к исправлению.

В детстве мне почему-то казалось, что отец любит моего старшего брата Иларию больше, нежели меня. По-видимому, в этом была доля истины: перед моим рождением ему очень хотелось иметь дочь.

Дни наших детских торжеств (именин, рождения, пасхальных и рождественских праздников) отмечались тем, что более ценные подарки, например велосипед, футляр с красками или разные складные деревянные или металлические наборы, отец преподносил брату, а мне обычно – серебряный пяточок. Моё огорчение видели братик и мамочка, а потому особенно нежно ласкали и утешали меня в этот день.

Один раз отец подарил мне красивую коробку, в которой лежали шоколадные шары и кегли. Я был в восторге, а папу обнял с детской радостью и горячо благодарил; затем мы с братом весело играли в эту шоколадную игрушку.

Что же касается матери, то её отношение к нам, детям, было всегда одинаковым – ласковым, сердечным, ровным. Она терпеливо прививала нам веру в Бога и любовь к ближним. Несомненно, под её влиянием Иллариий стал моралистом, просветителем народных масс, а я вырос глубоко верующим человеколюбцем. Умело, вдумчиво и сердечно воспитывали в нас религиозные навыки обе бабушки (по материнской и отцовской линиям). Одна из них, моя крёстная, была женой протоиерея Евлампия, отца моей мамы. Другая – жена моего дедушки со стороны отца – была родом из солнечной Молдавии. Дедушка во время русско-турецкой войны сражался в рядах воинов под командованием прославленного

российского полководца А.В. Суворова, принимал участие в штурме и взятии Измаила. По окончании войны он женился на местной красавице-молдаванке и вскоре привёз её в Вятку. Эта статная, величавая старуха вспомнилась мне с особенной яркостью летом 1956 года, когда я, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и Высокопреосвященнейшего Бориса²⁹⁷, митрополита Одесского и Херсонского, совершал поездку и богослужения в городах и сёлах Молдавии.

Детство моё проходило в скромной русской христианской семье с прочными моральными устоями, с переходящими из поколения в поколение благонравными обычаями. Память не оставила ни одного случая детской ссоры или грубых споров среди родных. Бывало, если мы расшалимся и ведём себя шумно, мама, как и отец, никогда не бившая нас, произносила с кроткой улыбкой:

– Ох, детки, как вы мне надоели со своим шумом! Лучше бы вас не было!

Тогда мы оба ложились на разные диваны, сложив на груди руки, закрывали глаза и каждый объявлял маме:

– Я уже умер!

Мама, напуская на себя серьёзный вид, отвечала обычно:

– Ну вот и хорошо!

И после этого мы уже долго не шалили.

Меня в детстве удручало неприязненное отношение ко мне отца. Однажды, не вытерпев, я спросил у мамы:

– В чём причина столь обидного отношения ко мне отца?

Она ответила, ласково поглаживая мою голову:

– Иногда, к прискорбию, бывают случаи раздражения отца или матери по отношению к ребенку. Но это скоро проходит.

Мать была права. Много лет спустя, когда я в 22-летнем возрасте принял монашество и в сане иеромонаха из Казани добровольно отправился на Камчатку, отец изменил в лучшую сторону своё отношение ко мне. Он стал неузнаваемо ласков и добр. Его письма ко мне всегда были проникнуты глубокой любовью, сердечным участием и вниманием. Так же хорошо отец относился ко мне и позднее, когда я приезжал в

командировки в тогдашний Петербург. В те недолгие дни пребывания в родной семье меня умиляла отцовская привязанность. Он ни на минуту не отходил от меня и искренно горевал, если я отлучался по делам на несколько часов. В таких случаях отец стоял в задумчивости у окна, с нетерпением ожидая моего возвращения.

В чём была причина столь резкой перемены в настрое отца, я до сих пор затрудняюсь сказать. Что повлияло на него: то ли мой постриг – весьма трогательный и многозначительный обряд, на котором присутствовали родители; то ли внезапное решение посвятить себя полной лишений и трудностей священнослужительской деятельности на далёкой, мало тогда освоенной и обжитой, а мне почти неизвестной Камчатке – не знаю. Но во всяком случае я уверен, что эти знаменательные в моей жизни события произвели полный переворот в душе отца. Как военный, он не отличался особой религиозностью и заходил в церковь два-три раза в год.

Закончу воспоминания детских лет описанием нескольких моментов, характеризующих основы формирования моего характера. Я любил молиться за покойников – близких и незнакомых мне. Достаточно для меня было увидеть стоящий в церкви гроб с усопшим, как я спешил окольными путями узнать его имя и бежал затем в монастырскую книжно-иконную лавку. Между прочим, продавцы в ней, монахи, были моими друзьями. Они доверяли мне некоторые товары в долг. Я же со своей стороны добросовестно и своевременно уплачивал его. В ней я брал или небольшую иконку святого, по имени покойника, или маленькое Евангелие, на обратной стороне которого писал Богу письмо. Я с детской наивностью просил Всевышнего простить грехи усопшего и меня, Колю, не забывать в Своей милости.

Будучи совсем маленьким мальчиком, я завидовал подросткам, которые прислуживали в алтаре. Однажды во время богослужения мне удалось пробраться в алтарь. Там я завладел кадилом и с благоговением подал его священнику. Это был один из счастливейших дней моего детства.

Любил я нищих старух и охотно, с большим усердием помогал им. С сердечным участием слушал их рассказы о горестном житье-бытье. Одна слепая старуха из чувства благодарности за то, что я часто бывал её поводырем, говаривала:

– Даст Бог тебе, Миколенька, 100 лет жить и 100 рублей нажить!

При наступлении лета мама с нами, детьми, переселялась в деревню, и мы жили общей жизнью с крестьянами; мама вместе с ними разделяла работу и дома, и в поле. Тогда я и брат увидели бедную, горемычную жизнь и тяжёлый труд деревенского люда.

Впоследствии, став взрослым человеком и осмысленно воспринимая жизнь, я понял, что правильное семейное воспитание в духе человеколюбия, а также героический дух моих предков – защитников Родины – заронили в сердце моё энергию и неугасимое стремление облегчать участь страдающих от житейских невзгод людей. Это облегчало мой путь священнослужения во многих уголках нашей необъятной Отчизны, а также за её пределами.

Это укрепляет меня и поныне...

Юность

«...Весёлые годы, счастливые дни, как вешние воды, промчались они...» В одной из народных песен есть такие волнующие слова. Они очень верно характеризуют эту поистине неповторимую, безвозвратно улетевшую, замечательную пору жизни.

Незаметно, беззаботно промелькнуло моё детство. Но, увы, и дети далеко не все растут счастливыми. Впоследствии в созданном мною приюте для трёхсот детей (от младенцев до юношеского возраста) я узнал, что такое сиротство и горемычная нищенская жизнь.

Скажу откровенно: жутко, а порой и страшно вспоминать жизнь тех детей, которых довелось мне подбирать в халупах и ночлежках для моего Дома милосердия и трудолюбия.

...И вот уже оживают в моей памяти годы юности, годы учения в реальном училище. С первых классов я проявил себя неизменно верующим, религиозно настроенным отроком. Когда я дома садился за уроки, у меня выработалась привычка вкладывать в учебник или тетрадь бумажный образок с изображением прославляемого Церковью на завтрашний день святого. На оборотной стороне образка обычно было напечатано краткое житие святого. Я считал своим долгом внимательно прочесть и запомнить знаменательные моменты благочестивой жизни угодника Божия. Затем ставил образок в киот с иконами, перед которыми всегда горела неугасимая лампада. Нередко отец заходил в нашу детскую комнату, где я и брат готовили уроки. Зная о моей склонности, он брал учебник или тетрадь и, извлекая припрятанный образок, делал мне замечание:

– Коля, ты опять «подтасовал» себе святого и не учишь уроки.

Однако после приготовления уроков отобранный образок отец возвращал.

В годы обучения в реальном училище моими любимыми предметами были Закон Божий, география и естественная история. Математику я, не любил. Почтенный наш

законоучитель, протоиерей Николай Варушкин, прежде чем начать урок Закона Божия, возглашал, обращаясь к классу;

– Очередной богочец!

На этот призыв обычно выходил я, нередко тем самым выручая одноклассников, не знавших молитв. А я сообщал отцу Николаю, кого нет в классе, и, наконец, на вопрос: «Каких святых вспоминаем сегодня?» – обстоятельно, внятно сообщал краткое жизнеописание чтимого в данный день святого. Иной раз по просьбе учеников, желая переключить внимание законоучителя, собиравшегося вызвать кого-либо, в том числе и не знавших урока, я задавал, хотя и несколько, отвлечённый, какой-либо, вопрос религиозного характера. Отец Николай, довольный поворотом разговора, откладывал журнал в сторону и объявлял:

– Сегодня я спрашивать не буду. Займёмся разъяснением заданного, Анисимовым вопроса. Только прошу не мешать, не шуметь. Кто не хочет слушать, уходите из класса.

Тогда до перемены обычно уходило не менее одной трети учащихся. Зато оставались те, кто интересовался религиозными рассуждениями батюшки, и даже караимы²⁹⁸ и евреи.

Будучи глубоко религиозным, я не чуждался дружеских взаимоотношений с одноклассниками и вообще со сверстниками. Всякие игры, веселье, песни, танцы и музыку я любил. Что я не любил и не умел – это лазать по деревьям, по крышам, ловить и убивать птиц, бороться и драться. В старших классах реального училища я увлекался чтением произведений русских классиков. С захватывающим интересом и глубоким волнением я прочёл романы Ф.М. Достоевского. Я восторгался мастерством певца русской природы И.С. Тургенева. Я восхищался, читая незабываемые страницы Н.В. Гоголя. Из поэтов любил и часто перечитывал А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Г.Р. Державина и А.Н. Апухтина. Но властителем моих дум был, да и теперь остается Ф.М. Достоевский. Герои его бессмертных произведений всегда служили и служат для меня примером веры в Бога, любви к людям и Родине.

Но всё же самым главным в моей юности было искание Правды Божией, любовь к Православию и нашей церковности. В

этом я находил удовлетворение, это помогало отрешаться от первых жизненных невзгод. К разъяснению этих глубоко волнующих меня вопросов я не любил подходить с философской точки зрения, считая философское умствование лишённым сердечности и перегруженным холодной рассудочностью, часто приводящей к ошибкам или в тупик. Вот почему я никогда не был поклонником философского творчества великого художника, но слабого мыслителя Л.Н. Толстого. Я всегда отдавал ему должное как гениальному писателю, автору многих прекрасных произведений, исключая его своеобразное религиозное умствование, доведшее его до дерзновения отрицать евангельское Христово учение своим бездоказательным толкованием, подчас кощунственным и оскорбительным для чувств верующих.

Я всегда с сыновней благодарностью и благоговением вспоминаю светлое для меня имя дорогой моей матери. Весь наш род со стороны матери был духовного звания. Добрая, одарённая природным умом мама с детских лет воспитывала в нас веру в Бога и Его святых угодников. Она научила нас уважать и любить людей, независимо от их положения в обществе. Под любящим, заботливым материнским влиянием, по мере нашего возрастания, сердце каждого из нас, её сыновей, утверждалось в религиозно-нравственном направлении и, согласно с разумом устремлялось на избранный по призванию жизненный путь.

В дни своей юности я редко бывал в театрах, но из опер наиболее сильное, волнующее впечатление произвели на меня «Иван Сусанин» (тогда эта опера называлась «Жизнь за царя»), «Руслан и Людмила», «Мазепа». Они не только ласкали мой слух, но и радовали сердце величием духа русского народа.

Нравились мне пьесы А.Н.Островского на темы купеческого быта, так правдиво и остро выявившего специфические черты купеческого и других слоев русского общества. Обратила моё внимание модная в те годы пьеса М. Горького «На дне». Под её влиянием во мне зародилась мысль ознакомиться с существовавшими тогда ночлежными домами для обездоленного люда, богадельнями для престарелых и

инвалидов и с бедственным положением заключённых в тюрьмах, куда я ходил в большие праздники (Пасху, Рождество Христово, Новый год, дни памяти Святителя Николая).

Во время революционных событий 1905 года я был свидетелем суровой расправы полиции со студентами Казанского университета. Под впечатлением от происходившего я добился свидания с жившим вблизи университета богатым коммерсантом из Елабуги Иваном Григорьевичем Стахеевым и выпросил у него денег для передачи арестованным. Стахеев вручил мне завернутые в бумагу золотые десятирублёвки, и я отнес их в тюрьму. Я страдал оттого, что не имел своих денег для оказания помощи несчастным людям, но меня утешала доброта матери, которая через меня и брата помогала обездоленным. Наблюдаемая мною жизнь бедняков, их лишения натолкнули меня на мысль, когда я был архипастырем в Харбине, создать для неимущих людей Дом призрения, что я и осуществил.

Обучаясь в Казани, я часто посещал Спасо-Преображенский монастырь, где познакомился с настоятелем этой обители архимандритом Андреем²⁹⁹ (впоследствии он стал моим духовным отцом). Восемь лет я благоговейно пребывал, можно сказать, у его ног, проявляя исключительную преданность. Он был истинным монахом-аскетом, бессребреником, молитвенником и замечательным, одухотворенным проповедником. Его влияние на меня, как и на очень многих людей, было огромно. Я взял его духовную жизнь в качестве образца и старался неуклонно следовать по его стопам, отдавая себя на служение Богу и ближним.

Незабываемое впечатление произвела на меня встреча с известным в те годы протоиереем Иоанном Сергиевым³⁰⁰. Произошла она вот при каких обстоятельствах.

В перерывах между учением я находился в Вятке в родной семье. Однажды летом моё пребывание среди близких, любимых людей было омрачено тяжёлой болезнью матушки. По определению консилиума врачей она была обречена. Мама таяла на глазах: болезнь печени не поддавалась лечению. Доктора сообщили об этом отцу и даже перестали посещать

наш дом. Я не мог смириться с тем, что приближалась кончина матери.

В это самое время пришло известие о том, что в Вятку едет протоиерей отец Иоанн Сергиев. Мне приходилось слышать о нём как о молитвеннике огромной силы. Мысль о том, чтобы увидеть его и попросить помолиться о здравии мамы, не покидала меня.

В Вятке готовились к встрече отца Иоанна Сергиева – из ближайших уездных городов и деревень народ собирался в огромном количестве. Я, с присущей юношескому возрасту пытливостью, смотрел на богомольцев и скорее сердцем, чем сознанием, чувствовал, что это шла, вдохновленная молитвой, Православная Русь. Такое впечатление производили все эти люди, устремлявшиеся к батюшке с добрыми намерениями, как бы подтверждая своим духовным обликом слова песнопения: «Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение!»

При виде такого множества верующих я думал, как осуществить своё желание и пробраться к отцу Иоанну.

Я отправился к вятскому викарному владыке Филарету и попросил его помочь мне в свидании с отцом Иоанном. Архиерей посочувствовал моему горю. Он предложил перевезти маму в монастырский храм, если отец Иоанн туда приедет. Но она была уже настолько слаба, что её нельзя было трогать с места. Мрачные мысли одолевали меня, когда я возвращался домой от Владыки Филарета. Вдруг созрело внезапное решение: здесь поблизости проживает недавно прибывший новый вятский полицмейстер К. К. Коробицын. «Не обратиться ли к нему за содействием?» – подумал я и направился к полицмейстеру.

Он принял меня довольно любезно и сказал, что отец Иоанн родом из Архангельска, его земляк. И с этими словами вручил мне свою визитную карточку с распоряжением, чтобы меня беспрепятственно пропускали всюду, где будет находиться этот знаменитый протоиерей.

В день прибытия отца Иоанна несметные толпы верующих затрудняли движение по городу. Прямо с вокзала гость

направился в семью Поскребышевых. За несколько кварталов до их дома улицы были запружены народом. Даже с пропуском полицмейстера мне с трудом удалось пробиться к этому месту в надежде увидеть отца Иоанна.

По предъявлении визитной карточки мне открыли калитку, и я прошёл на открытое парадное крыльцо второго этажа. Там в небольшой зале перед иконой стоял в епитрахили отец Иоанн и служил молебен. Я был потрясен огромной силой духа и проникновенностью, с которой он произносил молитвы. Голос его при этом был преисполнен необычайного религиозного дерзновения.

Когда по окончании молебна люди начали подходить ко святому кресту, я был в числе последних. Волнуясь, едва сдерживая слёзы, я сообщил отцу Иоанну о смертельной болезни мамочки. Он спросил у меня её имя, перекрестился и сказал: «Дай Бог ей здоровья!». Затем велел отвезти ей освященной воды. Я выполнил его указание, но прежде чем уехать домой, наспех написал записку с именами членов нашей семьи и вручил её старушке М.П. Медведевой для передачи на молитвенное поминовение отцу Иоанну.

На следующий день я отправился в Дом трудолюбия, где гость должен был совершить Божественную литургию. И снова – запруженные улицы, с трудом я пробрался через двор в переполненный молящимися храм.

Вскоре колокольный звон и гул голосов возвестили о прибытии отца Иоанна. Верующие подняли его на руки и сквозь толпу пронесли по той же лестнице где проходил и я.

Он узнал меня, приветливо посмотрел и сказал

– Ты уже здесь! А как мама?

– Все в том же положении... безнадежном... – ответил я.

– Будем просить у Бога здоровья, и Он услышит, спасёт ...

Описать возвышающую силу служения, совершаемого отцом Иоанном, почти невозможно – это от начала до конца неугасимое пламя дерзновенной молитвы. Резкое, громкое, настойчивое, требовательное обращение в молитвах к Богу потрясало молящихся. В алтарь беспрерывно несли

телеграммы и записки с просьбой к отцу Иоанну помянуть перечисляемые имена у церковного престола.

На следующий день я вторично присутствовал на богослужении, совершаемом отцом Иоанном в Иоанно-Предтеченском храме. Туда было привезено много больных и одержимых. Под церковными сводами то и дело раздавались стоны, вопли и мольбы страждущих, чающих исцеления от недугов. А молитвенный голос отца Иоанна звучал так же, как и накануне: дерзновенно, уверенно, напоминая общение с Богом древних пророков.

Опасаясь, что мама может умереть в моё отсутствие, я ушёл домой до окончания богослужения. В тот же день, но несколько позже, я не вытерпел и на извозничьих дрожках отправился на поиски местобывания отца Иоанна. Едва я успел свернуть с нашей улицы, как, к своему удивлению, увидел показавшийся мне бесконечным поезд экипажей. На первом из них сидела Матрена Петровна Медведева со священниками. Увидев меня, она замахала руками и закричала:

– Куда ехать-то? К вам отец Иоанн едет!

Я быстро вернулся домой и попросил отца и бабушку встречать гостя. А дворнику наказал, что ввиду тесноты нашего дворика в ворота пропустить только экипаж отца Иоанна. Сам же быстро приготовил столик, воду для освящения и церковные свечи, какие были в запасе. Между тем маму на кровати внесли в зал.

К началу молебна толпы верующих заполнили не только зал и прилегающие к нему комнаты, но и двор, и улицу. Но вот вошёл отец Иоанн и спросил:

– Где ваша больная?

Получив ответ, он благословил всех нас и обратился ко мне:

– Ну, вот видишь, я приехал к твоей маме. Будем молиться, и Господь Бог вернёт ей здоровье!

С этими словами он подошёл к маме, лежавшей в бессознательном состоянии, обласкал её, как маленького ребенка, приговаривая:

– Бедная ты моя, больная Антонина...

Отец Иоанн положил ей на голову свой наперсный крест, прочитал молитву и пригласил всех нас молиться о болящей, а у отца осведомился, чем больна мама. Затем, встав на колени перед столиком с Евангелием и крестом, отец Иоанн громогласно, дерзновенно просил Бога исцелить болящую.

– Ради её детей, Господи, – возглашал он, – яви Твою Божественную милость, пощади рабу Твою Антонину, верни ей жизненные силы и здоровье, прости ей все грехи и немощи! Ты, Господи, обещал просящим исполнить и дать просимое. Услыши же нас, Тебя молящих, и даруй здоровье болящей рабе Твоей Антонине!

Отец Иоанн произносил эти слова, обращенные к Богу, с совершенной уверенностью в милости Всевышнего. По окончании молебна он снова подошёл к матери, благословил её и сказал твёрдо, повелительным тоном:

– Сейчас же позвать священника, он причастит больную, и она с Божией помощью будет здорова!

На прощание отец Иоанн расспросил отца о нашей семейной жизни и, благословив всех, уехал. Когда он выезжал со двора, множество верующих, столпившихся на улице, окружили экипаж. Они хватали руками колеса, пытались прикоснуться хотя бы к краю его рясы, некоторые бросали письма, пакеты с деньгами, записки о поминовении. . .

Когда мы, домашние, проводив отца Иоанна, вернулись к маме, она лежала как преображенная. Кто-то из нас спросил, сознаёт ли она, что сейчас произошло. Мама чуть слышно прошептала; «Оставьте меня одну!...»

Мы выполнили её просьбу, к тому же пришёл вызванный мной священник, Мы простились с мамой и вышли, а когда после её исповеди вернулись к причастию, увидели с радостью, что она сидит на кровати, а после приобщения Святых Таин мама спокойно встала. На следующий день она уже не ложилась и быстро начала поправляться.

После этого знаменательного для всей нашей семьи события мама прожила ещё около тридцати четырех лет. Мне кажется, что сила веры в Бога и в Его чудесную помощь дала действительный, а не мнимый результат, было услышано

сильное внутреннее, глубокое душевное и дерзновенно-настойчивое молитвенное прошение немощного человека Всемогущим Господом Богом-Творцом. Во мне же, юноше, случай плодотворной силы веры и молитвы ускорил процесс духовного роста, укрепил стремление посвятить свою жизнь Богу и служению на пользу страждущим.

В моём понимании (счастливица, верующего, знавшего весь процесс предсмертной тяжкой болезни моей родной, умиравшей на наших глазах дорогой, любимой матери) всё сие едва ли поддаётся объяснению, когда даже врачи оставили её, а один доктор в утешение нас, плачущих, сказал: «Мы сделали всё, что могли, пусть Всемогущий сделает больше, так как врач лечит, а Господь излечивает», – что в конечном итоге на самом деле и произошло. Слава и благодарение Господу Богу за всё и за услышанные мольбы верующих в Него!

Три креста

Жизнь не праздник,
Жизнь есть подвиг.
Святитель Филарет Московский
Бессильны мы пред Тем, кто нашу –
Из слёз, нужды, томлений и скорбей –
Готовит жизненную чашу:
Не прекословь, но пей!

По окончании реального училища я поступил на калмыцко-монгольское миссионерское отделение при Казанской Духовной Академии, а затем совершенно неожиданно для себя в сане иеромонаха я отправился на Камчатку православным просветителем. Так в 1907 году началась моя самостоятельная жизнь и пастырское служение. Произошло это при следующих обстоятельствах.

В Прощёное воскресенье, то есть накануне Великого поста, после Божественной литургии в Спасо-Преображенском монастыре, за чаепитием в покоях отца архимандрита Андрея я читал вслух письма, только что принесённые почтальоном. Когда закончил, отец Андрей спросил меня:

– Ну как, Колюшка, на твой взгляд, есть что-нибудь интересное?

– По-моему, нет. Какой же интерес в том, что Владыка Владивостокский и Камчатский просит вас послать монахов в качестве учителей или священников на какую-то далёкую неведомую Камчатку для просвещения тамошних диких племён.

– Так тебе и надо ехать туда! – произнес батюшка.

– Зачем же мне от вас уезжать куда-то на Камчатку? – довольно обиженно произнес я.

Мне казалось, что я не смогу расстаться с отцом Андреем, которого любил и к которому привык. А батюшка, собираясь уезжать в Елабугу на похороны своего духовного сына и благодетеля Спасо-Преображенской обители И.Г. Стахеева, благословил меня и, садясь в сани, повторил:

– Ты, Колюшка, до моего возвращения из Елабуги подумай о Камчатке. Молись Богу, подготовляйся на миссионерское служение.

Признаюсь, не желал я тогда этого и сердце моё не лежало к довольно неожиданному предложению. С каким-то огорчением я замкнулся в самом себе, не допуская даже мысли о возможности отъезда.

В таком неопределённом томлении прошла первая неделя Великого поста. Я, против обыкновения, на этот раз даже не говел, находясь в состоянии огорчения и неудовлетворённости. В то же время меня терзала совесть оттого, что я небрежно, непослушно отнесся к поручению моего любимого духовного отца.

Мама, узнав обо всем, успокаивала и высказывала предположение о том, что отец Андрей, вероятно, просто пошутил. Я попросил её пойти со мной ко всенощной, но не в Спасский монастырь, куда мы обычно ходили, а в Богоявленскую церковь, так как там пел лучший в Казани хор, великолепно исполнявший «Покаяния отвержи мне двери...» Я просил маму помолиться обо мне, дабы Господь указал мне путь в жизни.

Богоявленский храм находился далеко, и мы к началу всенощной опоздали: половина службы уже прошла. И здесь, в этой церкви, в тот вечер окончательно решилась моя судьба. В момент, когда мы пробирались через множество молящихся поближе к амвону, до нашего слуха донеслись заключительные слова проповеди старичка-священника, в которой он призывно обращался к прихожанам:

– Сегодня на всенощной и завтра во время литургии мы, согласно прочитанному вам сейчас Синодальному воззванию, совершим сбор средств на наши духовные православные миссии. После недавно минувшей русско-японской войны наш миссионер, архиепископ Николай Японский³⁰¹, весьма нуждается в моральной и материальной поддержке миссионерской деятельности. А о таких далёких, забытых окраинах, как наша Камчатка, и говорить не приходится. Там живут тёмные, отсталые язычники-идолопоклонники –

камчадалы, чукчи, коряки и другие народности, а проповедников Православия нет в тех краях. Помолимся же, братие и сестры, Богу, чтобы Он послал на эту ниву делателей, ибо там жатвы много, а делателей нет.

Меня поразило совпадение слов проповеди с моими мыслями и переживаниями, когда я всё ещё колебался и размышлял о своей судьбе в связи с разговорами о Камчатке. В тот момент я совершенно спокойно и радостно осознал, по какому пути мне идти. И моя мама, чуткая сердцем, поняла меня. С ласковой, но скорбной улыбкой взглянула она мне в глаза и без слов дала понять, что неожиданное упоминание Камчатки явилось как бы разрешением всех сомнений по поводу моей поездки на эту далёкую окраину Государства Российского. В это время по храму проходил с тарелкой церковный староста. Он собирал добротные пожертвования на православные духовные миссии. Мама внесла свою посильную лепту, посмотрела на меня понимающим взглядом: у её сына нет денег, но он отдаёт на просвещение камчадалов самого себя. И, действительно, я тогда так и решил.

Промысл Божий предрекает пути человека, если этот человек верующий и следит за порядком своего жизненного пути. Воистину от Господа стопы человека исправляются. Как совершенно ясно и очевидно Господь призывал меня от мира на великое апостольское служение! И упрямое противодействие послушанию духовного отца было побораемо предначертанной волей Всевышнего, сказавшейся в кратких словах неведомого мне старца-священника, призывавшего на пастырское делание в неведомой дотопе, отдалённой Камчатке. Повинуясь, уже смиренно, голосу Божию, я спокойно и радостно воспринял сие предуказание, которое также смиренно, с верой, но с материнской тоской восприняла и моя любимая мама. Тогда, выйдя из церкви, мы с ней обнялись и заплакали от чувств в связи с совершившимся во мне душевным переворотом.

Дома я сказал отцу, что решил ехать на Камчатку с пострижением в монашество. Отец долго сидел задумчивый и молчаливый. Потом сказал, обращаясь ко мне и брату Иларию:

– Дети! Я и мама уже стареем, отживаем свою жизнь, а вы только вступаете на самостоятельный жизненный путь. Я полагаю, что каждый изберёт дорогу по призванию. Мы, родители, не будем мешать вашему выбору. Если бы кто-нибудь из вас, мои дети, захотел заняться самой скромной, непритязательной работой, ну, например, стать дворником, я, скрепя сердце, согласился бы и с этим, но только при условии, чтобы избравший этот путь стал честным тружеником. Если ты, Коля, чувствуешь в себе призвание к монашеству и миссионерству, значит, это перст Божий.

Я ещё раз подтвердил своё намерение.

Отец умолк. Молчали и мы. Тогда отец взял географический атлас Ильина и отыскал Камчатку. Мы удивились отдаленности от жизненных центров страны этого небольшого полуострова размером с мизинец.

После этой сердечной, душевной беседы прошло несколько дней. Родители благословили меня на новую дорогу жизни. Я навсегда покинул родительский дом, удалившись в монастырь, и готовился к пострижению в монашество. Необычайно трогательно, со слезами участия провожала меня дорогая моя мама, напутствуя материнским благословением и добрым словом.

Вскоре из Елабуги возвратился архимандрит Андрей. Я подробно рассказал ему как своему духовнику о свершившемся. Мы отправили телеграмму архиепископу Владивостокскому и Камчатскому Евсевию³⁰² с просьбой принять меня миссионером на Камчатку, с пострижением в монашество в Казани.

Владыка Евсевий немедленно по телеграфу ответил, что радостно ожидает моего прибытия в сан иеромонаха. Одновременно он обратился с просьбой к Димитрию, архиепископу Казанскому³⁰³, о моём пострижении и посвящении в сан иеродиакона, а затем иеромонаха, с благословением на камчатскую поездку.

Я обратился за благословением к отцу Иоанну Кронштадтскому, ещё в детстве поразившему меня своей отзывчивостью и участливым отношением к больной маме.

Вскоре прибыл ответ. На своей фотографической карточке отец Иоанн написал: «Раба Божия Николая Анисимова благословляю на великий подвиг миссионерства, если он находит себя способным и чувствует в себе призвание к нему. Да явится в нём благодать Божия, немощная врачующая. Целую его братски. Протоиерей Иоанн Сергиев. 18 марта 1907 года».

17 апреля 1907 года я принял монашеский постриг от руки моего аввы, отца архимандрита Андрея. Это произошло в Великий Вторник на Страстной седмице. Отец, мать и брат присутствовали в церкви на моём пострижении. После пострига мой духовный отец, архимандрит Андрей, сказал мне назидательное слово как новонаначальному иноку. Он благословил меня Казанской иконой Божией Матери. Внизу иконы были изображения ликов двух святых: мученика Нестора Солунского и преподобного Нестора – русского летописца. Их память совершается 27 октября (ст. ст.) в один день.

6 мая 1907 года в Казанском кафедральном соборе бывший алтайский миссионер епископ Иннокентий (Солодчин)³⁰⁴ возвёл меня в сан иеродиакона. Личность епископа Иннокентия заслуживает всяческого уважения. Этот почтенный старец, глубокий подвижник и аскет, принял впоследствии схиму в Херсонесском монастыре. Владыка Иннокентий перед моим отъездом на Камчатку дал мне полезные наставления как бывший алтайский миссионер. Между прочим он спросил меня:

– Вот сейчас ты понесёшь три креста – монашество, пастырство и миссионерство. Какой из этих крестов легче, а какой тяжелее?

После некоторого раздумья я ответил:

– Полагаю, что крест пастырства – легче; за ним следуют миссионерство и монашество.

Но епископ Иннокентий возразил:

– Все три креста могут быть одинаково и тяжелы, и легки, в зависимости от того, как их нести. Если с верой, благоговением, давая себе постоянный строгий отчёт в этом великом и святом служении, то любой из крестов, и даже все три сразу, будет легко нести с Божией помощью.

Спустя два дня, 9 мая 1907 года, в день моего небесного покровителя от святой купели Крещения, Святителя Николая, Мир Ликийских Чудотворца, в том же Казанском кафедральном соборе я был посвящён в сан иеромонаха. Напутствуемый Казанским архиепископом Димитрием (Самбикиным, доктором церковной истории), я вскоре отбыл на Камчатку. Накануне моего отъезда из Кронштадта прибыл нарочный. Он привёз мне от протоиерея Иоанна Сергиева его розовое священническое облачение и устное напутствие: «Передай камчатскому миссионеру (я его монашеское имя не знаю) от меня облачение, Бог ему в помощь... А вот этот сосудик передай ему и скажи: всё выпитое (больше половины) – это мной выпито за мою жизнь, а оставшееся он будет допивать в его жизни³⁰⁵, но пусть переносит все невзгоды терпеливо, да благословит его и спасёт Господь Бог».

Так, по Божественному велению и по влечению христианского сердца, взял я на себя три креста: монашество, пастырство, миссионерство – и пошёл с ними по тернистому пути, начертанному Господом. Я сознательно отрекся от мирских, суетных житейских благ, пренебрёг служебной карьерой и отправился в далёкую, необжитую, всеми забытую и неведомую мне землю, движимый желанием помочь страждущим.

Дорога в неведомое

...В груди заснула страсть земная,
И буря мимо пронеслась,
И к Божеству любовь святая
С любовью к ближнему слилась.
И.В. Гёте

Передо мной, 22-летним молодым человеком, жизнь распахнула врата в нечто неведомое. Первые мысли тогда были о тех необъятных просторах земли русской, которые раскинулись передо мной на пути в Камчатскую область. До Перми меня провожала мама. Каждое её слово, исходящее из любящего сердца, было для меня путеводной звездой и сохранилось в памяти на всю жизнь. Будучи по природе женщиной чрезвычайно доброй, любвеобильной, мама передала нам, своим детям, участливое отношение к людям, за что я неумолчно благодарю её, благословляю её имя. Замечу, что она всегда подчеркивала и напоминала нам о том, что все, без исключения, люди – братья, а особенного сочувствия заслуживают страждущие и немощные. «Надо к ним умело подойти, – говорила она, – стараться не только быть ласковым, но и на деле оказывать помощь и моральную поддержку».

Когда мы прибыли в Пермь и наступила пора прощания, я, как ни странно, не ощущал грусти. Да оно и понятно: часть замечательного материнского сердца как бы оставалась во мне. Её образ, любимые черты: до сих пор не изгладились в моей памяти.

Далее путь до Владивостока предстояло проехать в экспрессе. За окнами вагона проносились то бревенчатые избы, то нежные, непорочной белизны березки, то могучие стройные ели тёмно-зеленых оттенков, величественные кедры, сосны с бронзовыми стволами, то скалистые уступы и округлые вершины Уральских гор, и, наконец, мелькнул невзрачный на вид столб с надписью: «ЕВРОПА-АЗИЯ», при виде которого доселе отвлечённое географическое понятие стало зримым и как бы осязаемым... И вот уже поплыла величавая, дикая,

красивая и замечательная сибирская земля. Необозримые равнины и болота уступили место могучей, безграничной тайге – сурово-величавой и грустно-задумчивой.

Десятидневное путешествие в вагоне второго класса сблизило пассажиров. Общие непринуждённые разговоры, предположения и рассуждения о малоизвестной тогда Камчатке не могли скрыть, тем не менее; явного интереса ко мне, молодому монаху, едущему в далёкий, необжитый край.

В этой общей вагонной семье только трое незнакомцев, занимавших отдельное купе, держались обособленно. Да и мы, признаться, не обращали на них внимания. Зато, как выяснилось впоследствии, они весьма заинтересовались мною.

Когда наш Сибирский экспресс приближался к ещё неведомому мне морю, все пассажиры принялись укладывать багаж, собираясь к высадке во Владивостоке. И вот эти трое – молодая, изящно одетая, с хорошими манерами дама и двое элегантных мужчин, весьма обходительных, – постучали в моё купе. После обычных в таких случаях извинений они представились: баронесса Корф с братьями-баронами. Один из них сообщил о том, что они случайно из разговора с пассажирами узнали о моей миссии. Стесняясь навязываться со знакомством, они только теперь, перед решительным этапом в дальнем следовании, отважились оказать мне, молодому и неопытному, помощь.

Поэтому (и прежде всего) эта баронская семья попросила меня быть их другом-спутником, так как они тоже едут на Камчатку. По их словам, в Петропавловске-на-Камчатке они имеют собственный роскошный дом; да и пароход, на котором мне предстояло ехать к месту моего служения, единственный из совершающих рейсы между Владивостоком и Камчаткой, принадлежит им, а потому они просят оказать любезность и в будущем жить в их камчатском доме на правах гостя и лучшего друга. Вещи же, находящиеся как при мне, так и в багаже, которых у меня, как они слышали, весьма немного (в том числе и дары миссии от Казани), они охотно соглашались сохранить в своих собственных пакгаузах, во Владивостокском порту, а затем на своём пароходе доставить на полуостров. Этим они

хотят избавить меня от суетных хлопот и к тому же бесплатно предоставить соответствующую моему сану священнослужителя лучшую на их пароходе каюту. Для скорейшего устройства связанных с этим дел они просят сдать им мои багажные квитанции.

Я был весьма признателен им за любезное предложение, выразил радость в связи со знакомством с такими высокопоставленными и обходительными людьми, но сказал, что, к сожалению, не могу в данное время воспользоваться их добрым и заботливым расположением. Я объяснил им, что в разных чемоданах и ящиках есть посылки, церковное облачение и другие ценности, которые я должен передать владивостокскому архиепископу Евсевию. Мне надо разобраться, вспомнить, где что лежит, и затем переупаковать багаж, на что уйдёт значительное количество времени. Я выразил огорчение по поводу того, что лишён возможности облегчить свою участь, освободившись от хлопот по переотправке багажа.

Тогда баронесса, стремясь выявить своё благорасположение ко мне, попросила вручить ей хотя бы находящийся при мне объемистый кожаный чемодан. Оставались лишь минуты до прихода поезда к Владивостокскому вокзалу. Я опять поблагодарил её и объяснил, что и в этом чемодане мне надо произвести пересортировку, и искренно выразил глубокое сожаление, что так поздно мы познакомились. Баронесса в сдержанной форме дала мне понять, что весьма огорчена моим явным нежеланием воспользоваться их дружбой и любезностью. Но не желая упустить так неожиданно улыбнувшегося мне счастья отправиться на пароходе и иметь пристанище на чуждой мне Камчатке, не желая потерять помощь и дружеское расположение добрых людей, я пообещал в самое ближайшее время, разобравшись во Владивостоке с вещами, доставить с великой благодарностью весь мой багаж в указанный пакгауз.

Между тем поезд плавно подошёл к вокзалу. В сутолоке на перроне я потерял из виду баронессу и баронов Корф. Признаться, у меня возникло чувство неудовлетворения из-за

того, что я лишился приветливых друзей, отказался от их забот и гостеприимства, чем, несомненно, огорчил, а может быть, и обидел их. Но делать было нечего. Упущенного не вернёшь! И я принялся сам хлопотать о дальнейшей поездке.

Спустя несколько дней я прочел в газетах о том, что полиция задержала шайку аферистов: молодую женщину и двух мужчин, именовавших себя «баронами Корф». Эта тройка жуликов, дорожных грабителей большого масштаба, обманывала доверчивых людей рассказами о собственном пароходе и доме на Камчатке и обирала их. После этого я уже боялся всяких «баронов».

По прибытии во Владивосток я сразу же отправился в архиерейский дом. Там я узнал, что владыка Евсевий проживает на даче в Седанке, в 16 верстах от Владивостока. В самом же городе архиепископ снимает квартиру в доме соборного ключаря, протоиерея отца Николая Чистякова, где производит деловые приёмы и останавливается в дни совершения богослужений в кафедральном соборе.

К вечеру я поездом отправился в Седанку. От станции пришлось идти пешком по железнодорожному полотну. С одной стороны рельсового пути меня чаровал своей суровой мощью океан с приютившейся в Амурском заливе огромной открытой бухтой. А другая сторона напоминала родные места с болотцем и лесом на опушке, перелесками, извилистой речкой и виднеющейся над тёмным лесом вершиной храма. Места, овеянные покоем, располагающим к религиозным размышлениям, о которых с такой сердечной проникновенностью писал Тютчев:

...Изнурённый ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя...

Незаметно сгустились сумерки, стало темно. Навстречу изредка попадались усталые китайцы – рабочие и рыбаки. В девятом часу вечера над зубчатой синевой леса вырисовался купол церкви архиерейского дома.

Я взошёл на нижнее крыльцо и увидел владыку Евсевия. Он стоял в подряснике и благословлял детей из своего приюта. Вслед за ними подошёл и я. Архиепископ Евсевий радушно и ласково приветствовал меня, затем велел эконому отвести меня на ночлег и накормить, сказав при этом, что займётся мной в ближайшее время (назавтра ему предстояло ехать во Владивосток провожать своего гостя – епископа Благовещенского Владимира³⁰⁶).

Первое моё впечатление об архиепископе Евсевии, сохранившееся навсегда, было самое отрадное. Его простота и ласковость даже в мимолётной, короткой беседе приятно поразили меня. Его теплота ободрила, укрепила уверенность в успехе моей предстоящей деятельности. Однако это отрадное настроение моментально исчезло после того, как я попал на попечение эконома Поликарпа. Своими расхолаживающими разговорами и нечуткостью он едва не довёл меня до состояния отчаяния и разочарования с намерением возвратиться домой. Он уложил меня спать в чулане, набитом всякой рухлядью и кишевшем мышами и крысами. Его непристойные рассказы сразу оттолкнули меня от него. Впоследствии я узнал, что он снял с себя духовный сан.

Наутро с первым же поездом я отправился во Владивосток, где буквально метался в самом мрачном настроении. Я хотел есть и, желая утолить голод, вошёл в какой-то ресторан, расположенный в саду на берегу моря, принадлежавший некоему В.М. Шуину, который оказался приветливым и общительным человеком. Он рассказал мне о том, что архиепископ Евсевий – его земляк (оба они родом из Тулы), причём обрисовал его с наилучшей стороны. Я узнал из его правдивого рассказа о том, что владыку Евсевия любит весь Владивосток и вся обширная епархия. Под влиянием беседы с Шуиным ко мне вернулось моё прежнее бодрое настроение и я устыдился своего малодушия.

Окончательно же меня развлёк случай, произошедший в саду ресторана. Я сидел за столиком у самого морского берега. Волны с рокотом набегали, разбрызгивая пену, и с шумом рассыпались по прибрежной гальке. По деревьям между

столиками бегали прирученные обезьянки и медвежонок. В ожидании обеда я сидел, наблюдая за ними. Вдруг совершенно неожиданно обезьянка прыгнула на мой стол. Не успел я прогнать её, как она схватила из открытой переноски горсть перца, хотела его проглотить, но обожглась. Несчастная взвизгнула, прыгнула мне на голову и начала отчаянно трепать мои длинные волосы, обтирая ими свой рот. От неожиданности и боли я вскрикнул и принялся звать на помощь. Подоспевший Шуин с трудом снял с моей головы обезьянку вместе с клочками волос.

После обеда с таким своеобразным приключением я поехал в архиерейский дом, принадлежавший соборному ключарю, отцу протоиерею Н. Чистякову. Он и его матушка – оба старенькие, добрые и приветливые – весьма радушно встретили меня. Вечером, побывав в городе по делам, связанным с отъездом на Камчатку, я на китайском извозчике экипаже возвращался в архиерейские покои. Когда я проехал освещённую главную улицу Светланку и свернул на тонувшую во мраке Алеутскую, произошёл случай, подчеркнувший пошлость и мерзость извращённо-суетной жизни тогдашнего портового города, являвшегося в те далёкие годы местом греховных соблазнов для неискушённых людей.

Мой экипаж поднимался в гору, навстречу мне шли две нарядные дамы и мужчина. Внезапно одна из дам воскликнула:

– Здравствуйте, батюшка! – и подбежала ко мне.

Лица её под вуалью я не рассмотрел, но заметил, что на ней были изящное платье и элегантная большая шляпа. Полагая вначале, что это, вероятно, одна из спутниц по Сибирскому экспрессу, я ответил: «Здравствуйте!..»

Не дав мне опомниться и собраться с мыслями, она вспрыгнула на подножку экипажа и без приглашения села рядом со мной. Считая это случайным недоразумением, я остановил извозчика. Однако незнакомка и не думала уходить.

– Душечка, – обратилась она ко мне, – поедем вместе... ко мне, поужинаем и до утра прекрасно проведём время!..

Признаться, я не знал, что предпринять, чтобы избавиться от назойливой незнакомки, и потому сбивчиво объяснил ей, что

я – монах!

– О, тем лучше! – обрадовалась она.

В поисках выхода из создавшегося положения мне пришлось решиться на выдумку.

– Разве вы не знаете, – произнес я с расстановкой, стараясь что-нибудь придумать, и после мгновенного раздумья выпалил:

– Ведь нас при пострижении в монахи... оскотляют!

– Какой вы несчастенький, – всплеснув руками, смелая незнакомка спрыгнула с моего экипажа и крикнула мне вслед: – как мне вас жаль, а ещё такой молодой и красивый!

Так мне пришлось пройти целый ряд испытаний и искушений в портовом городе Владивостоке.

В ожидании отъезда на Камчатку я постоянно находился на Седанке при архиепископе Евсевии. У него получилось растяжение жил на ноге, и он лежал в постели. Я неотлучно находился при нём, обедая и ужиная вместе с ним. В разговорах о Камчатке незаметно проходило время. У владыки Евсевия появилась мысль оставить меня при себе во Владивостоке. Но я, стараясь не обидеть его, выразил своё несогласие, рассказав Владыке о проповеди священника в Казани с призывом делателей на ниву Христову в далёкий забытый Камчатский край. Попутно рассказал Владыке о моих перипетиях – встречах с «баронами Корф» и с женщиной, прыгнувшей в мой экипаж о своей неожиданной находчивости и боязни Владивостока, Владыка от души посмеялся, одобрил мои действия и сказал, что в портовом городе небезопасно и что бывает ещё хуже.

День моего отъезда приближался. В те годы на Дальнем Востоке ещё не существовало на камчатских рейсах пароходов Добровольного флота. В 1907 году было всего лишь два старых, утлых судёнышка, принадлежавших какому-то странному Обществу прапорщиков. Один из таких пароходов назывался «Индигирка». Он совершал ежегодно один рейс вдоль восточного побережья Камчатки и Чукотского Носа. Другой пароход, «Амур», небольшой, тоже в год раз отправлялся в Петропавловск, затем огибал по Охотскому морю западное

побережье Камчатского полуострова и возвращался во Владивосток с заходом в Николаевск-на-Амуре. Вот на этом-то «Амуре» я и отправился; в дальний путь, намереваясь добраться со своим громоздким багажом до Гижиги (отдаленнейший уголок на побережье Охотского моря). Пароход уже очень опоздал с отплытием, поэтому капитан спешил с выходом в море, невзирая на угрозу осеннего тайфуна, надеясь каким-то образом избежать обледенения.

«Амур» вышел из Владивостока 12 августа 1907 года. И тем не менее жесточайший тихоокеанский тайфун вынудил капитана переждать за мысом Эгершельд. Я, впервые отправившийся в дальнейшее плавание, до того времени не выдавший моря, жестоко страдал от морской болезни. Старый, маленький пароход скрипел снастями и то взлетал, то будто проваливался и хрипел, – пуская из гудка вместе с надрывными звуками клочья пара, точно изнемогал в борьбе с разбушевавшейся стихией. Гигантские волны шумно, с неудержимой силой бросались на палубу, как разъярённый зверь, и ломали, угрызая хищными зубами крепления спасательных лодок, сбрасывая их в морскую пучину, словно лёгкую игрушку.

И когда 14 августа мы приблизились к японскому острову Хоккайдо, измучившимся от качки пассажирам он показался «землёй обетованной». Как только бросили якорь в порту города Хакодате, грозный тайфун быстро покинул пределы Японии и наступил штиль.

Все пассажиры вышли на палубу. Япония предстала нашему взору в ужасном, виде: город Хакодате, расположенный на горе, от её вершины до самого берега, пылал в огне. Это было уже не море разбушевавшейся воды, а море огня, неистового пламени, уничтожившего (как потом стало известно) 11 000 домов. Огонь метался, рвался к задымленному небу, охватывал всё большее количество строений, разбрасывал сверкающие искры и горящие головни. В огне пожара сгорел православный японский храм. Косвенной причиной пожара был тот же тайфун, разрушивший целый огромный город.

Наутро, пока «Амур» набирал уголь и пресную воду, пассажиры по ходатайству капитана парохода, получили

разрешение сойти на японский берег. Среди пассажиров, кроме русских, были татары, евреи, осетины и другие – скупщики камчатской пушнины. На пароходе были учитель с женой и ребёнком, направлявшиеся в Петропавловск; следовавший туда же новый помощник начальника Петропавловского уезда с большой семьёй; почтовый чиновник и я. В трюме парохода находилось много рабочих – китайцев и корейцев.

Пассажиры 1-го и 2-го классов, с разрешения японской полиции, желая отдохнуть после утомительного рейса, решили прокатиться по городу на конке. Пара кляч влачила вагончик по пылающему городу. Японцы, ехавшие с нами (их было меньше нас), с удивлением смотрели на русских. Русский уездный начальник стоял на площадке вагона и смотрел по сторонам. Вдруг вагон остановили и русским пассажирам приказали покинуть его. Мы, недоумевая, подчинились и увидели, что нас окружили полицейские. Они обыскали нас всех поголовно, но ничего предосудительного не нашли. Внимание полицейских привлёк только начальник уезда. Он был в русской военной форме, да к тому же имел при себе фотоаппарат. Этого, оказывается, было вполне достаточно, чтобы его арестовать, а нас отпустили на пароход. Но, конечно, «Амур» без одного пассажира, да ещё военного, продолжать рейс не мог и потому простоял в Хакодате лишних трое суток. Вместе с семьёй арестованного за его участь волновались и все мы.

Только к концу третьих суток японские полицейские привезли на пароход нашего соотечественника, составив акт о происшедшем с указанием причин задержки «Амура». После этого предложили судовому капитану сниматься с якоря. Между прочим, фотоаппарат у арестованного японцы отобрали. О том, что происходило с ним на протяжении трёх суток в полиции, он никому ничего не рассказывал.

Неприятной неожиданностью для всех пассажиров стало то, что трое каких-то знатных японцев появились среди нас с намерением следовать на Камчатку. Русские пассажиры были стеснены, а японцам отвели две лучшие каюты. За туристов их никак нельзя было принять: наступило суровое время тайфунов, штормов и холодов со снегом в Охотском море, да и

пароходишко «Амур», не в пример курсирующим по всему Дальнему Востоку японским и иным судам, не был приспособлен для прогулок. Впрочем, всё вскоре выяснилось.

Когда «Амур» проходил мимо Курильской гряды, японцы-путешественники бесконечно и беспрепятственно фотографировали острова, особенно Шумшу и Парамушир, близко расположенные к Камчатскому мысу Лопатка, а также Авачинскую бухту. Вход в эту бухту, или Авачинские ворота, представляет собой величественное, незабываемое зрелище. Чрезвычайно высокие, отвесные гранитные скалы подавляют своей мощью, и пароход на фоне их кажется ничтожной скорлупкой.

Над скалами летали и сидели на угрюмых каменистых уступах гагары, чайки, утки, ары, гоголи и многие другие птицы. Все они кричали на разные голоса, что производило впечатление «птичьего базара». В конце долгого путешествия перед взором путешественника возникли вонзающиеся в хмурое северное небо живописные горы, действующие вулканы, сопки. Из них особенно запечатлелись угрюмые гиганты – Авачинский, Корякский, Козельский, Вилюйский, Стрелочный, окружающие Авачинскую бухту.

Наш дряхлый пароходишко «Амур» как бы устало накренился, когда мы по шатким сходням покидали его борт. Петропавловск-Камчатский был малолюден, неблагоустроен и имел захолустный вид. Полным контрастом его приземистым домишкам выглядели могучие вулканы и покрытые снегом горы, обступившие город с трёх сторон.

С непередаваемым волнением я шёл по камчатской земле, но при этом я не мог не обратить внимания на возмутительно-наглое поведение трёх японцев, прибывших с нами. Они открыто во всё время стоянки «Амура» в Петропавловске фотографировали бухту, горы и прилегающие к городу окрестности, а также занимались геодезией, набрасывая на бумагу планы, рисовали карту, топографировали и измеряли глубину бухты. Короче говоря, хозяйничали, как у себя дома. До предела возмущённый всем этим, я не вытерпел и отправился к недавнему пленнику японцев, уже вступившему на пост

помощника начальника уезда. Он отказался принять меня, но я буквально ворвался в его спальню, застав его лежащим в постели и читавшим газету. Открыто и резко я высказал своё возмущение по поводу его унижительного положения в Японии, следствием чего явилось прибытие на Камчатку трёх обнаглевших «путешественников». Как русский патриот я потребовал от него принятия срочных мер для немедленного ареста разведчиков. Тогда этот «представитель Царского правительства» на далёкой окраине Русского государства лениво, привстал на локте, отложив газету в сторону, и безразлично ответил:

– А ну их! Наплевать на всё! Пусть делают, что хотят. Не стану, я вмешиваться! Хватит с меня.

С горестным чувством ушёл я от предателя и изменника Родины. Мне стало ясно, какой позорной ценой он купил своё освобождение в Хакодате. А ведь таких «любителей лёгкой наживы» было много в те годы. Они в интересах личного благополучия разбазаривали Россию, пренебрегая честью и достоинством.

Начало служения

Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. (Мф. 11:28)

Переходя к рассказу о жизни в отдаленном Охотско-Камчатском и Чукотском краях, я должен пояснить, что собственно Камчатка – это только полуостров Камчатский с населением, в подавляющем большинстве своём состоящим из обрусевших камчадалов, русских, тунгусов и коряков. Но полуостров Камчатский – это только малая часть так называемой прежней Камчатской области, в которую входили помимо Петропавловско-Камчатского ещё Охотский, Гижигинский, Анадырский и Чукотский уезды и Алеутские, или Командорские, острова. Вся Камчатская область занимала тогда площадь приблизительно 190 000 квадратных вёрст³⁰⁷. Протяженность береговой полосы Охотского моря и Великого океана, окружавших всю Камчатскую область, равнялась 10 000 вёрст.

Дикий, северный, угрюмый край. Лютые морозы и снега, труднопроходимые просторы с немногочисленным населением и суровой природой. Таким предстал он полвека назад передо мной – юным, ещё ничего не видевшим, кроме семьи и школы.

Своё служение я начал в Гижиге, севернее Камчатского полуострова, у берегов Охотского моря. Это небольшое, но по камчатским масштабам очень важное селение на реке Гижиге стало центром моей первоначальной миссионерской деятельности. С большими трудностями добирался я туда. С парохода пересел на катер и миль 20 проплыл в открытом море, а потом по реке Гижиге поднимался бечевой (с помощью верёвки-бечевы – Ред.). Лодку тянули собаки. Затем я пересел на полудикую лошадь. Летом в Камчатской области местами передвижение возможно только на лодках или верхом на лошади. Зимой лошадей отпускали в тундру на подножный корм, а весной их приходилось ловить арканами и снова приручать.

На другой же день после прибытия в глухое селение пришёл ко мне камчадал и радостно произнёс:

– Наконец у нас свой священник! Батюска, я просу тебя, доделай моей бабе ребёнка!

Недоумевая, я стал возражать. Но он в ответ выразил недовольство: «Какой же ты батюска, если не знаешь своей обязанности», – и уже в гневе повторил свою просьбу и в заключение сказал:

– Такого батюску нам не надо!

На моё счастье, наш разговор услышала старушка, жена камчатского казака Падерина, у которых я остановился, и пояснила:

– Не сердитесь, батюшка, этот камчадал по своему понятию просит вас о следующем: из-за долгого отсутствия священника родившийся в его семье ребёнок был окрещён повивальной бабкой с наречением ему имени, а ваш приезд обрадовал его, он просит вас завершить крещение младенца миропомазанием...

Второй подобный случай меня уже кое-чему научил. Один из камчадалов обратился как-то ко мне:

– Батюшка, дай моей бабе сорок!

Я уже понял, что он просит в сороковой день дать матери младенца положенную молитву. Впоследствии я научился их понимать.

На стойбище

Вставай, взывай ночью, при начале каждой стражи; изливай, как воду, сердце твое пред лицом Господа; простирай к Нему руки твои о душе детей твоих, издыхающих от голода. (Плач 2:19)

Благо человеку, когда он несёт иго в юности своей. (Плач 3:27)

Печальны и унылы были мои первые впечатления в Гижиге, хотя я и силился внушить себе, что это место прекрасно во всех отношениях. Вокруг посёлка расстилалась навевающая грусть безлесная равнина, местами с откосами к речке Гижиге. Селение расположено на одном из откосов, против которого верстах в трёх поднимается высокая гора, называемая Бабушка, так как облака, часто окутывающие её вершину, образуют подобие бабушкиного чепчика. На вершине горы в ясную погоду виден большой крест, который водрузил проездом митрополит Иннокентий³⁰⁸ в бытность свою епископом Аляскинским и Камчатским.

Над Гижигой почти постоянно, будто прикованная, висит тёмная пелена густых, мрачных облаков. Жители посёлка – русские камчадалы, подразделяемые на казаков и мещан, а в окрестности живут оседлые и кочующие коряки, тунгусы, чукчи и другие туземцы. Все они унылы и молчаливы, на их лицах – мрачный отпечаток какой-то болезненности и тоски.

Чтоб хотя бы на миг почувствовать жизнь камчатских туземцев, надо представить себе холодные северные окраины Камчатской области, с гулом подземных толчков, с глубокими снегами и лютыми морозами. Вообразите себя окружёнными собаками, которые заменяют вам лошадей и издают жуткий собачий вой, аккомпанирующий жалобному завыванию северного ветра. Представьте страну, где ясное, тёплое солнышко в продолжение восьми месяцев суровой зимы является редким гостем, только иногда в какие-то мгновения напоминает о себе, а затем всё снова погружается в холодный полумрак.

Небезопасна непроницаемая снежная завеса для путешественника. Когда он, спеша укрыться от буйной, снежной непогоды, при отсутствии дорог прорезает наобум непроглядную мглу, то рискует попасть в глубокий ров или сорваться с утеса и быть поглощенным холодными морскими волнами.

Путешествия в зимнее время по Камчатской области сопряжены с большими трудностями и лишениями. Человеку, незнакомому с тундрой, трудно описать то впечатление, которое производит эта однообразная, снежная, широко раскинувшаяся равнина, где или царит совершенное безмолвие и отсутствие какого-либо предмета, на котором мог бы остановиться взгляд, или же разражается ужасающий снежный шторм, пронизываемый зловещим свистом ветра. Иногда путник оказывается застигнутым в этой пустыне снежным бураном. Тогда собакам и оленям, везущим нарт, двигаться вперед нет никакой возможности, живому существу остается только зарыться в снег, чтобы под его покровом спастись от Леденящей стужи, захватывающей дыхание. Обычно многодневный буран без всякого труда стремительно заметает снегом путников вместе с собаками и оленями.

Единственным моим утешением было то, что всякий мой приезд в стойбище был для его насельников радостным событием. Они дружелюбно приветствовали меня словами:

– Здорово, инпаклек! (Здравствуй, приятель!)

Обычно в таких случаях хозяйка юрты подстилала мне медвежью или оленью шкуру, и когда я усаживался на тёплый мех, вокруг собирались обитатели этого примитивного жилища – от детишек до стариков. К ним присоединялись насельники из других юрт. Они также усаживались вокруг меня и в наивной простоте и неведении интересовались всем, что происходило вдали от них. Они говорили о неведомых им заморских и заокеанских землях и людях как о находившихся... за рекой. Так, например, о прибывших из Владивостока туземцы говорили как о людях, приехавших из-за реки Владиво.

Пока между мной и ими завязывалась беседа, хозяйка хлопотала, приготавливая чаепитие. Для этого на горящем тут же

в юрте костре в котелке кипятили воду, причём, если поблизости не было ручья или реки, довольствовались растопленным снегом или льдом. Прессованный чай, полученный в обмен на меха, они заваривали чёрным, как деготь. Дело в том, что чай – их любимый напиток. Они пьют его в неограниченном количестве, без сахара, за исключением тех случаев, когда их угощают сахаром приезжие «из-за реки». Тогда они пьют чай вприкуску, откусывая сахар по кусочку. Разомлев от жары, они раздеваются донага. В годы моего пребывания на Камчатке и Чукотке местные жители не употребляли хлеба, всё заменяла вяленая пресная рыба – юкола. Тем не менее они охотно принимали всякие угощения, кроме шоколада, находя употребляемый ими в пищу нерпичий жир вкуснее, чем русское чёрное сало (шоколад).

После таких чаепитий я проводил беседы. Но прежде чем я расскажу о характере этих собеседований, хочу напомнить о том, что в 1907 году, когда я начал свою пастырскую деятельность, условия жизни коряков, чукчей, тунгусов, ламутов, алеутов, ороченов и других северных народностей не соответствовали общепринятым человеческим нормам. Жилища их показались мне ужасными. Для того чтобы попасть внутрь юрты, надо было взобраться по закоптелому, вертикально стоящему бревну, попеременно всовывая в прорезанные в столбе дыры часть ступни, и потом спуститься в юрту через дымовое отверстие (из-за полного отсутствия в жилище окон и дверей). Опускаться в такую подземную юрту-яму надо было особенно осторожно, чтобы не угодить в очаг, горящий возле столба на земляном полу. Едкий дым, клубящийся от костра вверх через то же выходное отверстие, окутывал спускающегося в юрту или выбирающегося из неё, разъедая до боли глаза.

Бывало, намаявшись в дороге, мечтаешь согреться, отдохнуть хотя бы в этой зловонной яме-юрте. И вот, попав в неё, жадно глотаешь сравнительно Теплый воздух этого задымлённого подземного жилища, часто нестерпимо пахнущего нерпичьим жиром.

В устройстве юрт различных народностей разницы мало. Юрта тунгусов имеет круглую конусообразную форму. Длинные тонкие жерди одним концом вкопаны в землю, а наверху соединяются. Весь этот остов покрывается сверху оленьей кожей или мехом и закрепляется палками. Местами кожа и мех продырявлены, и через эти отверстия наносится в юрты снег, а стены при сильном ветре колышутся. Среди юрты горит огонь, освещающий и обогревающий жилище. На этом же костре туземцы готовят себе пищу и кипятят чай. Собаки, снующие возле костра, тычут мордами в котлы с едой, но, ткнувшись в обжигающий котел, отскакивают, или бдительная хозяйка, мешающая похлебку, поднятой с земли палочкой ударяет собаку по морде, а потом той же палочкой снова мешает в котле.

Юрты кочующих коряков почти такой же конструкции, но значительно прочнее и теплее. Внутри юрта разделяется толстым оленьим мехом на маленькие низенькие помещения, словно сундуки или ящики, и там сидят люди, закупоренные меховыми занавесками со всех сторон. В подобном сундуке после долгого путешествия чувствуешь себя весьма уютно, хотя и приходится дышать смрадом и копотью от тлеющего факела – горящего кусочка мха, плавающего в удушливом нерпичьем жире, предназначенного для освещения юрты.

Среди коряков, особенно среди кочующих, распространено многоженство, так как они имеют большое хозяйство с многочисленными стадами оленей. Но справедливости ради надо отметить, что между жёнами туземцев почти не бывает ссор, они беспрекословно подчиняются своему господину – мужу, который обычно относится к ним с добротой и мягкостью.

Все они поголовно неграмотны, за исключением камчатских казаков, с примитивной разговорной речью. Периодические эпидемии и заразные болезни уносили много жизней и без того немногочисленного местного населения. Отрадным явлением среди убогого, дикого бытия этих забытых всеми людей было отсутствие всякой ругани и сквернословия. Камчатские народности не знали никакой брани, воровства и обмана. Это были доверчивые, как дети, чистые сердцем, но нищие духом

люди. Среди них я чувствовал себя без малейшего напряжения, спокойно и радостно, словно жил там постоянно. На всём протяжении пастырской деятельности в этих отдаленных краях не было ни одного случая, чтобы туземцы чуждались меня, или в чём-либо не доверяли мне, или сомневались. Только шаманы – заклинатели злого духа – избегали общения, сторонились, скрывались от меня в юртах.

Правда, в приокеанском острожке³⁰⁹ коряки настороженно относились ко мне, когда я строил там церковь, школу и приют для детей кочующих туземцев. Но через месяц с небольшим, когда дети и их родители уяснили пользу обучения, мы уже были добрыми друзьями. И мои встречи, и приезд к ним в юрты всякий раз носили самый радушный, приветливый, простой, безыскусственный характер. И никогда ни с их, ни с моей стороны не было какого-либо непонимания или сомнения. Наши сердца бились созвучно, доверительно и дружески.

В жалком, закоптелом от дыма обиталище, невзирая на всю невзрачность обстановки, я убеждался в сердечной чистоте людей, живущих в этих полузвериных логовах. Каждый раз, всматриваясь в их добрые, приветливые лица, я видел, что глаза их выражают не

только ласку и доверчивость к пришельцу, но и какую-то надежду на помощь и сочувствие.

Во власти духов

Безусловно, на человека, прибывшего в далёкую, дикую, суровую, неустроенную Камчатскую область из центра цивилизованной, культурной России, эта удаленная окраина производит грустное, мрачное впечатление, пока он не освоится, не приспособится к местным условиям.

Аборигены Камчатки долгое время находились во власти духов тёмной силы апапеля³¹⁰, своего рода языческого диктатора коряков, чукчей и других туземцев, кои были под постоянным страхом перед природными стихиями этих мест – действующими огнедышащими вулканами, грозными тайфунами и штормами, длящимися по 8–9 месяцев в году зимними метелями и буранами, захватывающими своими ледяными когтями людей и животных, передвигающихся по равнинам тундры, по пропастям и оврагам, по крутым горным хребтам. Безлюдные, безграничные пустыни, кустарники и редкие леса, скрывающие хищных диких зверей. Наконец, крайняя беспомощность населения перед неумолимыми эпидемическими заболеваниями, приводящими к гибели людей и животных. А помимо всего прочего, как бы в контраст неприятности и суровости, эта земля богата ископаемыми, минералами, золотом, серебром, самоцветами, нефтью, целебными источниками, пушным зверем, рыбой. Словом, край, где переплетаются и уживаются между собой горе и радость, бедность и богатство, грозный стихийный страх и спокойствие, озаряемое красочным северным сиянием, нужда, обида, беспомощность и терпение, семейная примитивная радость и скромное довольство во всем.

Май аборигены встречают как предвестник лета, хотя до лета ещё очень далеко. Каждая хозяйка готовит дома кушанье, а затем все на собаках выезжают на поляну – и старые и малые. Суть же праздника в том, что за неделю или полторы до его начала срезают ветви багульника и ставят в теплую воду, чтобы он к началу мая расцвел. Эти распустившиеся веточки, с нежными лиловыми цветами, они берут с собой на природу. И

там, как символ чистоты и девственности, они «рассаживают» багульник на снегу. Получается дивная картина – среди зимы островки живых цветов. Затем разводят костёр, греют чай и веселятся, любуясь этим сказочным чудесным ковром.

Налюбовавшись по-детски, с весёлым настроением уезжают домой, увозя часть цветов с собой, а часть оставляют, и ещё долго смотрят на них, пока не скроются за горизонтом.

Спокоен и осмотрителен был мой путь к сердцам камчадалов, находившихся в те далёкие годы под влиянием шаманов. Коряки, чукчи и другие народности поклонялись злым духам и считали их повелителями таинственных сил природы, а землетрясения, извержения вулканов, северные сияния, морские бури, снежные бураны, эпидемии, эпизоотии³¹¹, голод и прочие беды приписывали наветам злой силы, властвующей над человеком. Жрецы, или шаманы, являлись заклинателями духов, посредниками между духами и людьми, истолкователями воли духов.

Шаманами были как мужчины, так и женщины. Во время языческого ритуала шаман мазал идолов кровью принесенного в жертву оленя, а также убивал дорогих ездовых собак и развешивал их на кольях возле жилых юрт или внушал то же самое проделывать главе семейства, нанося огромный ущерб в хозяйстве, так как ездовые собаки в тех краях так же ценны, как для русского крестьянина рабочая лошадь. С этим разорительным для мирного, бедного населения обычаем мне трудно было бороться, но всё же силой разумного убеждения иногда удавалось добиваться его искоренения.

Мне случалось присутствовать на шаманских радениях, грубых и крайне неприятных. Шаманы, прежде чем начать шаманить, съедают порцию сухих ядовитых грибов – мухоморов. Это, помимо несомненного отравления всего организма, вызывало одурманивание на продолжительное время, напоминающее дикое опьянение. Придя в такое состояние, шаман бьёт в бубен, скачет, кривляется, и на губах его появляется пена, после чего возникают галлюцинации. Шаман тогда начинает «прорицать» всякий вздор доверчиво воспринимающим его людям.

Началом шаманизма является страх, а невежественность – главная его поддержка. Ни храмов, ни сколько-нибудь правильной организации жрецов у этих язычников нет. Коряк-язычник, хотя и имеет своего деревянного идола, но как высшему существу ему не поклоняется, а только время от времени как бы оказывает ему внимание, смазывая идола жиром, мясом, манялой³¹², а затем опять бросает его в свой домашний скарб. Об идоле вспоминают в случае большого домашнего торжества.

Коряк-язычник точно так же верует в Великого Светлого Бога, обитающего на Небесах, почитая Его единым Богом всех народов. Но язычник считает

себя бессильным молитвенно или жертвенно повлиять на Светлого Бога, определяющего в загробной жизни бытие каждой души человеческой. В оправдание приносимых тёмным духам жертв туземец говорил, что у каждого народа, в каждой отдельной стране есть свой всеильный дух-покровитель, невидимый властелин над телом и душой человека, покровитель животного мира и повелитель над грозными стихиями природы. А потому он умилоствует и как бы подкупает этого духа кровавыми жертвами в надежде таким путем получить богатство, здоровье и благополучие в земной жизни. Шаманизм, таким образом, ведает только материальной стороной жизни, а нравственного начала в себе не несёт. Зато как пышно, как прекрасно расцветала душа язычника, когда она познавала благодать Христову. Вот, например, случай обращения в Православие одной корячки.

Я совершал богослужение в Иоасафовской церкви на берегу Тихого океана. Царила молитвенная благоговейная тишина, когда вдруг раздался дикий голос корячки-язычницы. Она стояла перед распятием Христа с предстоящими Божией Матерью и Иоанном Богословом, рассматривая его, и вдруг принялась кричать и топтать ногами на изображение Богородицы, приняв Ее за виновницу страданий Христа.

– Зачем Ты повесила Его на дереве? Зачем Ты делаешь Ему больно? Сними Его с дерева! Ты видишь, у Него кровь?

Всё это происходило в присутствии многолюдной толпы русских матросов, пришедших в церковь с русского военного корабля, стоявшего в то время в бухте Корфа. Они были поражены увиденным.

Я в это время совершал каждение по храму и, подойдя к женщине, спокойно стал объяснять ей на корякском языке значение страданий Христа. Поражённая услышанным, полудикая корячка, которая никогда в жизни не видела ничего, кроме своей тундры и юрты, которая никогда не слышала таких необыкновенных, таких чудесных слов христианского учения, вдруг озарилась его светом. Она здесь же, в храме, у распятия, стала просить, молить и, настойчиво требовать, чтобы я тотчас же дал ей мою веру, чтобы я окрестил её тут же, сейчас же.

Успокоив её и объяснив, что сейчас невозможно её окрестить, но что она уже эту веру имеет надо лишь дать ей хотя бы начатки знаний о Христе, я продолжал богослужение. Вскоре я стал учить её молиться, приезжая к ней в кочевье. В доступной форме я рассказывал ей о Боге, о Спасителе мира.

На Пасху, когда обычно ко мне съезжались туземцы, она вместе со своей семьёй была окрещена и получила имя Варвара, а сын её – имя Иоасаф.

Можно было заметить, что туземцы глубоко верили в силу «доброго духа», представляя его милостивым стариком, но неохотно о нём рассказывали.

Однажды в Гижигинск, где были церковь и школа, приехала группа эвенов. Они просили меня показать им православный храм. Я выполнил их просьбу и объяснил, какие святые изображены на иконах. Среди многих образов их внимание привлекло изображение Святителя Николая Чудотворца. Эвены подошли к нему и почтительно поклонились. Старший из них, указывая на изображение, сказал:

– Это наш добрый дух. Мы его знаем. Мы его иногда видим...

И с этими словами ещё раз поклонились ему и положили на пол возле образа связку беличьих шкурок.

– Это ему от нас, – сказал один из эвенов, – он добрый дух, мы его почитаем.

Мой отказ принять приношение обижал простодушных эвенгов, поэтому пришлось взять меха как пожертвование на церковь.

Помню я и трогательную жертвенность, и искреннюю любовь обращенных язычников к своему храму, к чтимым образам. ещё полужазычески, по-детски, но горя святой немудрящей любовью, коряки и тунгусы, обращённые в христианство, приносили приклады к иконам и храмам. Это своего рода жертва: меха, олени, которых пригоняют к ограде церкви, рыба, различные продукты. Кладя их, они говорят:

– Вот это тебе, святой Николай (или святой Иоасаф).

От Господа стопы человека устроятся

(История моего крестника)

Совершенно необычайное направление жизненного земного пути иеромонаха Кириака складывалось сложно, своеобразно и многогранно. И суждено ему было связать свою жизнь со мной, ставшим его крёстным отцом так же, как и нескольким тысячам других моих крестников разбросанных по вселенной.

В 1908 году в далёкой северной окраине Камчатской области на берегах Охотского моря я исполнял свой пастырско-миссионерский долг, просвещая язычников-шаманистов верой Христовой. Над многими гижигинскими коряками, тунгусами и чукчами, подготовленными мной для достойного просвещения Христовой Православной верой, я совершал Таинство Святого Крещения.

В большой толпе крещаемых подошёл ко мне гигантский коряк-язычник и заявил, что он тоже желает креститься, считая себя вполне подготовленным для принятия Таинства. Я в порядке очереди крестил его, дав православное имя Илия, кратко пояснив житие святого пророка Божия. Больше этого Илию я не видел, поскольку пастырско-миссионерская жизнь требовала постоянных разъездов. В силу этого, а также из-за кочевой жизни местных жителей мне редко приходилось встречать крещённых мной камчадалов. Но по милости Божией сложилось так, что через 52 года он, будучи уже иеромонахом Кириаком, разыскал меня, и у нас в 1960 году наладилась заочная связь. Вот как это было.

В августе 1960 года я получил письмо от очень доброго и милого мирского человека Михаила Васильевича. Он мне сообщал, что ещё в 1957 году запросил Патриархию, и ему был дан мой новосибирский адрес, по которому он послал целую тетрадь (исповедь отца Кириака) и письмо, но мною они не были получены. Спустя какое-то время он снова пустился в розыски и получил мой новый адрес, у нас завязалась переписка. В день праздника в честь Рождества Пресвятой Богородицы я получил письмо от соплеменников отца Кириака,

в котором они сообщали, что «радость и ликование были велии у нас по поводу сего», и описывали, какое впечатление на них произвёл мой ответ. Причём они, так как были малограмотные, обо всем сообщали своему другу Михаилу Васильевичу, а он уже весточки от них пересылал мне.

«Дорогой и незабвенный друг наш! Здравствуй!

С большой радостью сообщаем тебе, что мы получили твою посылку. В ней были письма Высокопреосвященнейшего владыки Нестора, а также три его портрета. Как только Валентин Николаевич вскрыл конверт и вынул оттуда письма и портреты, так сам весь побледнел и руки затряслись от волнения. Он побежал бегом к постели нашего батюшки Кириака и дал их ему. Надев очки и увидев портрет, тот так и застонал: “Он, он святитель Божий! Хорошо я помню на нём наперсный крест наградной на ленте Георгия. Он заслужил его как Ангел спаситель и хранитель, а теперь он – святитель Божий. Ох, какой я окаянный!

Затем он попросил читать письма. А сам плачет и плачет, как младенец. Прочтут ему несколько слов, а он тихо скажет: “Подождите, дайте мне насладиться этими словами. Я маленько повспоминаю”. Ждём, а он закроет глаза и думает, потом опять велит читать дальше. Опять остановит, о чём-то думая. А то попросит письмо в руки и так благоговейно, с трепетом прижмет его к груди и держит, держит минуты две-три. А потом целовать начнёт. Раз двадцать читали ему эти письма и стихотворение “Радостная Пасха у прокажённых”. Часто говорил первые два-три дня так: “Святый многострадальный Иов, помолись Богу за меня, окаянного! Там, там, на берегу нашего моря, он сделал храм в честь тебя, праведника Божия”.

Мы все просили его, чтобы он сказал, какой ответ написать великому Владыке, а он всё плачет и плачет, как ребенок, и никак не желает или не может успокоиться. Махнёт рукою тихо и прошепчет: “Большое дерзновение будет мне, окаянному, писать моему господину и Божиему Святителю. Я недостойн развязать подвязки обуви на праведных стопах этого Ангела земного, а вы хотите, чтобы я писать велел ему”.

На четвертый день часа на четыре он впал в беспамятство и всё говорил с закрытыми глазами. Около него читали Библию. А когда он очнулся, мы опять стали просить его, чтобы сказал, о чём написать Владыке. Опять ответил: “Не надо!” Часто впадает в беспамятство, стал совсем как глупый ребенок, вспоминает Макария Алтайского³¹³, озеро Телецкое».

Через несколько дней отец Кириак смог сам написать мне:

«Ваше Высокопреосвященство, Святитель Божий и многолюбивый Господин мой! С самого начала я, многогрешный и недостойный смиренный инок Кириак, падаю ниц перед Вашим святительством и испрашиваю Вашего святительского благословения, лобызая десницу Вашу. Ваши письма я получил, и от 25/VIII и от 28/IX с. г. А также и портретов три, а один в святительском облачении и с иподиаконом. Вспомнил я, что первый раз я видел Вас в таком облачении лет 45 назад во Владивостоке в окружении двух или трёх архиереев в день Вашей хиротонии. И теперь так сильно наполнилась душа моя радостью, что я думал, сердце моё не выдержит. Ведь не только горе, но и неожиданная великая радость может разволновать любого человека до потери рассудка. А тем более такого старого, как я. Ведь мне девятый десяток к концу подходит. И вот сейчас, когда я пришёл в себя, я и не знаю, о чём написать Вам. Ваше письмо напомнило мне многое из моей прошлой многогрешной жизни ещё до Вашего приезда в Гижигинский уезд, в нашу корякскую походную Православную миссию. Хорошо я помню три домика на морском берегу между сопок, в которых Вы устроили несчастных прокажённых, и в уголку одного домика Вы устроили для них свою церковь, как, вот теперь только вспомнил, назвали её в честь многострадального Иова из Библии. Потому что он тоже был прокажённый. Я и всего-то один раз был в этой церкви, но мне много говорили, как Вы приезжали туда к прокажённым, совершали для них богослужения и привозили им продукты, гостинцы, священные книги и детишкам разные забавы. Жили они, как вот теперь и мы здесь живем, в одном домике мужики, в другом – бабы и детишки. Только у нас здесь нет детишек-то, а одни старики беспомощные да калеки никудышные. Было нас

двести человек, а теперь прибавили ещё сорок. Очень тесно. Только потому я и помнил Вас пятьдесят с лишним лет, а особенно с 1936 года, что Вы всегда стояли в моей памяти как великий святой человеколюбец несчастных больных и бедных больших детей природы, она была у нас там как первозданная.

Когда Вы молодым священником приехали к нам в Гижигу, я хорошо помню, мне было уже 35 лет, и я был такой отчаянный вор и пройдоха. Ведь я остался сиротой лет шести. Колонисты-купцы воспитали меня побоями в своих факториях. У них я и научился русскому языку, а потом и грамоте. К этим годам я на своих собаках несколько раз изъездил всю свою Камчатку. А когда мне было лет пятнадцать, меня прибрал к себе купец Баранов Егор Семенович, который взял однажды меня с собой в Императорскую гавань. И вот, помню, мы тогда приехали в неведомое для меня, дикаря, место, в Тьерский стан, а там была церковь – первый раз в жизни увидел я церковь. И как раз мы попали туда, когда приехал архиерей (много лет спустя я узнал, что это был епископ Камчатский Мартиниан³¹⁴). А потом купец Баранов взял меня обратно в Марково.

Когда Вы приехали к нам, разговору у нас, туземцев, было много о Вас. Особенно ненавидели Вас шаманы. И я, окаянный, захотел над Вами посмеяться – ради забавы принять от Вас крещение. Вы дали мне имя Илия. И это моё надругательство над Вами обернулось взаправду. Что-то светлое осенило весь мой разум. Буквально я переродился духовно в несколько дней, и мне так сильно захотелось быть таким же, как Вы. Но Вы быстро куда-то от нас уехали.

При помощи одного хорошо знакомого мне торговца-купца, пошли ему, Господи, Царствие Небесное, я в 1908 или же в 1909 году, забыл уже, приехал в Благовещенск и отыскал там епископа. Звали его Преосвященный владыка Владимир³¹⁵, это я хорошо и точно помню. Меня пропустили к нему. И я рассказал ему обо всей своей грязной жизни, показал ему свою хорошую грамотность, рассказал, как крестился у батюшки Нестора, и про своё имя. А никаких документов у меня не было. И упал я перед ним и стал умолять записать меня в монахи и в

батюшки. Продержал он меня у себя с месяц и всё наблюдал за мною.

А потом меня послали с другими людьми в Казань. Там дали мне жить в Спасском монастыре. С полгода я работал у них. Был очень прилежным. Перечитал много священных книг. Истово молился Богу. Голос у меня был хороший, и я быстро научился петь на клиросе. А ещё через полгода по моей слёзной просьбе Преосвященный Алексей³¹⁶ совершил надо мною монашеский постриг. Он был ещё и ректором Академии, а архиепископом Казанским и Свияжским был Никанор³¹⁷, а Алексей считался его Чистопольским викарием. Архиепископа Димитрия³¹⁸, про которого мне рассказывали там, я уже не застал, ибо он умер до меня. Ректор Алексей (фамилия его Дородницын, после я читал много книг, им написанных) очень сильно полюбил меня, и я ему рассказал про свою жизнь, про то, как к нам приехал монах, батюшка Нестор, и как я, ради забавы, обманул его и, думая подшутить над ним, попросил его крестить меня, и как я после крещения почувствовал сразу в себе какое-то светлое обновление, как меня стало мучить желание сделаться самому таким же, как батюшка, мой креститель Нестор. И кто и как мне помог приехать сюда к ним, в Казань.

Епископ Алексей говорил мне, как ему было трудно учиться в Московской Академии. Он был немного старше меня. У них было два отделения, где учили на миссионера-священника. И он проверил мою грамотность. А потом я целый год жил у них в монастыре, и он постриг меня в иноческий чин. И он зачислил меня учеником на монгольский. Год я учился, а потом и ещё полгода. И меня послали в Бийск, это на Алтае. Но я там прожил с год, и меня направили во Владивосток к архиепископу Евсевию³¹⁹. Продержали меня там в монастыре с полгода, а потом он призывает к себе и говорит: “Вот я сам из Москвы, из Тулы, где самовары делают. А всё время живу то в Сибири, то на твоей Камчатке жил, а теперь вот здесь. Когда я закончил учиться в Академии под Москвой, мне сказали: “Негоже быть тебе ни в Москве, ни в Туле. Даём тебе для несения Божия послушания Сибирь”. И тебе, брат мой Кириак, негоже на своей

Камчатке нести послушание Божие. Я отправлю тебя на Курилы, к японцам. По цвету кожи ты подстать им. На первых порах ты будешь там у владыки Николая³²⁰ келейником. А там уже он сам посмотрит, на какое послушание будешь пригоден”.

Я смиренно ответил ему, что готов на послушание и поеду, куда направит меня Божий Промысл. Но немного дней сподобился я служить этому великому просветителю идолопоклонников. Он был уже таким слабеньким, хотя и высокого роста, что месяца через два или три скончался. Умер владыка Николай 76 лет от роду. В Японии он прожил 50 с лишним лет. Мирское имя его было Касаткин Иоанн. Помяни, Господи, во Царствии Своём Небесном святительство его и святительство архиепископа Евсевия, святительство епископа Владимира, епископа Алексия, архиепископа Никанора, наставлявших меня на путь истины во иночестве и дававших мне силу нести с благоговением ангельское послушание. Восемь лет я жил там, но уже у владыки Сергия³²¹, хваля имя Господне посреди идолопоклонников. За это время два раза посылал меня Владыка с поручением во Владивосток. Один раз я жил там месяца четыре. Это как раз в то время, когда в соборе над Вами совершали хиротонию. Много, много раз я делал над собою усилие подойти к Вам и со слезами попросить у Вас прощения за тот, как мне казалось, кощунственный грех, когда ради забавы, ради того, чтобы надсмеяться над Вами, принял от Вас во имя Отца, Сына и Святого Духа водное Таинство Святого Крещения. Я до сих пор удивляюсь, как это могло получиться, что об этом своём кощунстве я исповедовался перед шестью святителями, то есть перед епископами Благовещенским Владимиром и Чистопольским Алексием, перед архиепископами Казанским Никанором, Владивостокским Евсеем и Японским Николаем, а впоследствии и перед Владыкой Сергием (в миру Тихомиров). А вот перед Вами не смог. Что-то неведомое мешало мне в тот период, когда Вы получили, сподобились получить сан епископа Камчатского. Это было осенью. Вот точно не помню, 1915 или 1916 года, но, как мне говорили, Вы уже вернулись с военного поля брани и были украшены наградным наперсным крестом с

Георгиевской лентой. Я до того времени не видел ещё ни у одного священнослужителя наперсный крест на ленте.

Спустя недели две, после хиротонии, перед отъездом в Японию, в последний раз я был принят владыкою Евсеем и спросил его, почему на посвящаемом наперсный крест висел на какой-то ленте. Он, улыбнувшись, добродушно пояснил мне, что владыка Нестор удостоился этой награды от Его Императорского Величества за самоотверженную помощь нашим раненым воинам на передовых позициях войны. Что-то в таком духе пояснил он мне. Вот и теперь я вижу на карточке тот крест и ту ленту. Какое большое волнение чувствую я в душе своей. Видеть то, что я видел и о чём говорил почти полвека тому назад. Получать письма и портреты от того человека, над которым я надсмеялся и который крестил меня на моей родине 52 или 53 года тому назад. Господин мой и святитель Божий, слёзно умоляю, простите меня, окаянного, ради Христа Иисуса.

Ох и сильно устал я говорить. Ведь два дня наш писарь пишет это письмо, а я лежу и говорю ему, что писать.

В 1920 году я попал через Корею в Китай, и целый год меня продержали в городе Юн-Пинфу при русской церкви святого Иоанна Крестителя. А там подошло время, что на Родину было проехать нельзя – война везде, снова Господь Бог привёл меня в Японию.

В 1936 году меня снова потянуло на Родину, но не успел я сойти по трапу с парохода, как меня арестовали, осудили и отправили сначала на берег Амура, а потом на Колыму. В 1954 году освободили, но кому нужен 82-летний старик? И вместе с другими, такими же, как я, меня поместили в инвалидный дом.

Вот кратко рассказал Вам.

Устал я, Владыко и господин мой. А хочется так много, много сказать Вам о теперешнем житье моём и выплакать перед Вами все свои грехи.

Не сочтите за дерзость, милостивый господин мой, что я попрошу Вас прислать сюда через нашего друга книги Священного Писания, а также ещё чёрного сатину, материи, хотя бы на одну или две мантии. Здесь у нас есть наперсный

крест, епитрахиль, поручи, Типикон, Библия. В праздники совершаем богослужения в отдельной комнатухе.

Все мы земно кланяемся Вам и испрашиваем Вашего святительского благословения и молитв Ваших.

Недостойные слуги Ваши – иноки Кириак, Симеон, Никифор, Павлин и из мирян Валентин Николаевич и Иван Павлович. Лобзаем Вашу святительскую десницу».

По получении от него письменного раскаяния я в своей домовой церкви прочел ему разрешительную молитву с величайшей благодарностью ко Господу, взыскавшему его, осенил его благословением в ту сторону, где он находился.

Второе письмо он написал мне 18 октября 1960 года.

«Высокопреосвященнейший Владыко и святитель Божий! Высокочтимый нами господин и отец наш! Просим Вашу милость принять от всех нас, здесь страждущих, сыновнее лобзание во Господе Христе Иисусе и благословить всех нас своим святительским благословением. Великому господину нашему, владыке Нестору, многая лета, многая лета, многая лета!

Здравствуйте, Ваше святительское Высокопреосвященство! Не больше недели прошло с тех пор, как я послал Вам первое письмо. Прошу у Вас прощения за то, что я так долго не отвечал Вам. Не моя вина была в том и не злой умысел. Радость от получения Вашего письма, напечатанного на трёх листах, и трёх портретов Ваших очень сильно и на целый месяц лишили меня величайшего дара Божия – рассудка. Ведь это легко сказать только – не видеть более 50 лет того, Кто поставил меня на путь в Жизнь Вечную, кто просветил меня ясным светом Евангельской Истины, – и вдруг получить от него доброе-доброе послание и великие знаки его благорасположения – три дорогих портрета.

В первом письме я описал Вам свою жизнь. А теперь мне очень отрадно вспомнить тот великий день, в который я был покрыт мантией, ризой спасения и броней правды, каковая напоминала бы мне всю жизнь о том, что с того самого дня я на всякое дело считаюсь мёртвым человеком, что я буду жить ради одних только добрых дел. Богу одному только ведомо выполнил

ли я за свою жизнь все клятвы, какие я давал перед алтарём в час принятия иноческого чина. Но как перед грозным судьёй своим исповедуюсь перед Вами, святитель Божий, что с того дня и до сего старался во всем – и в деяниях, и в мыслях – выполнять их. А там Бог знает, может, и согрешал когда.

Я уже писал Вам, что мне дали имя великого древнего отшельника Кириака (что значит – господский), прожившего весьма долгую жизнь в VI веке, так что день моего Ангела стал уже не 20 июля, пророка Божия Илии, а 29 сентября, а сегодня было 5 октября, и сегодня мы с братией молились нашим русским святителям – Петру, Алексию, Ионе, Филиппу и Ермогену. Как видите сами, милостивый господин мой, преподобный великий подвижник Кириак и меня, грешного, сподобил многолетней жизни, а также и жизнь послал мне очень и очень тяжёлую.

До сих пор мой мозг сверлят слова, сказанные постригавшим: “Претерпиши ли всякую тесноту и скорбь иноческого жития ради Небесного Царствия?” И мой твёрдый ответ, ответ бывшего вора и негодяя, разбойника и татя, вольного и свободного до принятия от Вас Святого Крещения, как моей родной Камчатки ветер: “Ей, Богу содействующу, честный отче!”

Помню наставление: “Аще убо хочещи инок быти, прежде всего очисти себя от всякия скверны плоти и духа, в искушениях не печалься”. Ведь никто-никто не неволил меня принимать иноческий постриг. Три раза я подавал ножницы в руки постригавшего, и два раза он возвращал их мне со словами, может быть, я одумаюсь и откажусь от него, но сила Вашего Крещения надо мной оказалась такой могучей, такой осенительной, что я без колебания готов был идти на всякую казнь во имя Иисуса Христа.

Двадцать четыре пары старейших иноков Спасского монастыря вышли из алтаря с зажжёнными свечами в руках ко мне на паперть, оттуда, накрытого мантиями, ввели меня во храм Божий для совершения пострига. С каким большим воодушевлением и умилением слушал я пение “Слава в вышних Богу”, когда меня подводили к алтарю. Какие

умилительные слёзы потекли у меня из глаз, когда запели тропарь “Объятия Отча отверсти мне потщися. Тебе, Господи, с умилением зову, согреших на Небо и пред Тобою”.

Надели на меня хитон, параман на грудь, рясу, пояс, мантию, клобук, дали чётки и крест с зажжённой свечой: “Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца нашего на Небесах”.

Теперь всем нам, а особенно мне, стало радостно, ибо Вы, многомилостивый господин наш, утешаете нас, недостойных, своими добрыми ласковыми письмами.

Ох, Господи! Как мне сейчас стало легко на душе! Я, как и святой Симеон Богоприимец, говорю: “Ныне отпускаеши, Владыко!.. Яко видеста очи мои того, кто давным-давно озарил мою чёрную душу шамана светом Евангельского учения и этим самым из жестокого бандита и идолопоклонника сделал верного христианина, познавшего смысл временной земной жизни ради Вечной Жизни на Небесах Господа и Бога своего”.

Все мы испрашиваем Ваших святых молитв о грехах наших и, земно кланяясь Вам, сыновне лобызаем Вашу десницу.

Простите нас, Христа и Бога нашего ради.

Ваши детки – Кириак со другими».

24 сентября было получено письмо от Михаила Васильевича, где он благодарил Господа за нашу письменную связь, а также писал:

«...Много, много благодарен я своему дорогому и милому другу за то, что он так усердно в течение шести лет просил меня найти Вас. Грешен я перед своим другом в том, что после первой неудачной попытки связать его, бедного, с Вами бессердечно отказывался повторить поиски. Я мучаюсь и страдаю теперь и душою, и сознанием, что в течение четырех лет считал эти просьбы бредом измученного, лишённого рассудка человека. Как перед Богом каюсь перед ним, что все эти его просьбы ко мне я считал пустой забавой выжившего из ума бедного друга, а поэтому ещё больше сочувствовал тому, ещё теплее относился к нему, ибо считал, что он терзается от полного расстройств мозгов, что идеал его больного воображения – владыка Нестор – несуществовавшая личность и

является мифом, созданным больным воображением моего несчастного друга. Молю Господа Бога простить мне этот вольный и невольный грех, как простил мне его милый друг. Теперь я осознаю свою неправоту ещё и тем фактом, что на протяжении последних шести лет он несколько раз повторял одно и то же: “Ты обязательно запиши его мирское имя и прозвище, это Анисимов Николай Александрович, а самое главное, запиши нашу Гижигу, она одна во всем свете белом”. Его больше всего мучило, как он много раз говорил, что он не знал, молиться ли ему о Вашем здравии или об упокоении души Вашей. Поверьте мне, высокочтимый мною батюшка, что он все годы говорил нам, что родители дали ему временную жизнь, что они родили его духовно-слепым и что только Вы переродили его Крещением, сняли тёмную пелену с духовных очей его, что Вы дали ему возможность познать истинный свет духовной жизни и этим самым обессмертили его душу для Вечной Жизни. У меня имеется много записей, сделанных мною в момент его бесед или после. Большинство их относится к периоду его жизни на Алтае, в Казани, в Японии. Почти ничего не записано о Камчатке. Он говорил, что ему очень тяжело вспоминать свою жизнь на родине до 35-летнего возраста, так как этот период слишком мрачный и тяжёлый для души, что эта жизнь – сплошные грехи ради телесной похоти и многие грехи были слишком ужасные. “Даже воспоминание о моём первом имени приводит меня в кошмарный трепет”, – так много раз признавался он».

1 ноября я ему писал: «...Какая великая милость Господня и к тебе, и ко мне, так как судил Бог дожить нам обоим до глубокой старости и Господь примирил нас через Твоё искреннее покаяние. Слава Богу и благодарение за всё! А за тебя я безгранично радуюсь и благословляю тебя заочно, но с глубокой сердечной отеческой любовью радуюсь со слезами умиления и, обнимая тебя, целую архипастырским и отеческим целованием.

Бог спас душу Твою, и ты хотя не смел лично просить у меня прощения, когда во Владивостоке меня посвящали во епископа Камчатского, и не смел подойти ко мне, но прежде

суждено было тебе исповедать твой грех надсмешания над Крещением тебя с целью надругательства, и ты просил прощения у шести архиереев. Знаменательно и то, что ты прошёл по моим стопам к этим архиереям, так как ты хотел стать таким, как я. И только через пол века Бог судил найти меня и принести покаяние, прося простить тебя за кощунственную дерзость. Радуюсь сему ты, радуюсь сугубо и я молитвой духовного твоего отца в моём лице, я, твой духовник, недостойный, ныне митрополит Нестор, властью, данную мне от Бога, прощаю и разрешаю ты, чадо моё Илия от купели Святого Крещения, а ныне иеромонах Кириак, от сокрытого греха твоего надругательства над Святым Таинством Крещения и надо мной, немощным, твоим крестителем в молодые твои годы, и от всех грехов твоих во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Теперь ты, дитя моё, чистое в покаянии, можешь с верой и благодарением Господа Бога молитвенно сказать и повторять постоянно до часа твоей мирной кончины: “Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал мне, недостойному, пред лицом всех людей, свет во откровение язычникам и славу христианства”.

Знаменательно, что твоё письмо с покаянием я получил 16/29 октября сего, 1960-го, года, то есть через 44 года после моего посвящения в сан епископа Камчатского. В этот день 1916 года ты был в соборе во Владивостоке, когда меня посвящали в архиереи. Бог тебя благословит со всеми живущими с тобой.

Любящий твой крёстный отец – митрополит Нестор» .

В последующих письмах он писал: «...В своей земной жизни Господь помог достигнуть мне желанной вершины, и эта вершина есть испрошение прощения великих грехов, содеянных мною в дни языческой молодости против Вас, моего духовного отца и учителя.

С того дня, как мне прочитали Ваше отпущение грехов моих, мне стало весьма легко. Теперь ничего не страшит меня и

я готов спокойно умереть и отдать свою душу создавшему меня вечному Творцу всего сущего.

Никогда, никогда даже в мыслях своих я не был раскольников и отщепенцем от нашей Русской Православной Церкви. Помню годы, когда наша Русская Православная Церковь здесь, в России, и за границей переживала большие раздоры и её иерархи пребывали в междоусобной брани, тем самым терзали и раздирали святое тело её, я оставался твёрдо верен каноническим древним установлениям, я оставался верен в своих молитвах нашему Святейшему Всероссийскому Патриарху...

С благоговением дерзаем испрашивать Вашего святительского благословения.

Ваши смиренные послушники с недостойным многогрешным иеромонахом Кириаком».

Анализируя данные из письменных сообщений, я провожу некоторую параллель. Я принял монашество в 1907 году 17 апреля (ст. ст.) в моей духовной колыбели – в Спасском монастыре Казанского кремля. Как я понял, и отец Кириак принял постриг там же. Во иеродиакона я был посвящен в Казанском кафедральном соборе 6 мая 1907 года, а в иеромонаха 9 мая того же года посвящен епископом Алексием (Дородницыным).

Отец Кириак также был рукоположен епископом Алексием (Дородницыным). Все архиереи, о коих вспоминает отец Кириак, 16 октября (ст. ст.) 1916 года во Владивостоке посвящали меня в сан епископа Камчатского. И у всех этих архиереев он брал благословение и просил простить его. Разве это не чудо, что Господь вёл отца Кириака по моим следам?

В своих рассказах он упоминает о том, что был миссионером; даже девочка-подросток, дочь шамана, с глубокой верой просила у него Крещения.

В письме от 16 декабря отец Кириак писал:

«...Радуюсь я, и собратия веселятся облачениям и особенно мантиям, ибо теперь меня тоже похоронят в подобающем чину облачении. Я только и сетовал об этом. Теперь я могу произнести: “Ныне отпускаеши раба Твоего с миром, яко

видеста очи мои спасение моё”. Господи, Господи, прими дух мой многогрешный с миром».

В феврале 1961 года было получено сообщение о мирной кончине иеромонаха Кириака. Первым его небесным покровителем был Илия, который, по милости Божией, колесницей Добродетелей своих вознесся к Небесам. И наш благоговейный Илия, который также своей добродетельной жизнью по принятии Крещения душою своею духовно возродился. Словно на колеснице благодатной пастырской жизни возносился он к Небесам, исполняя истово подвиги своего послушания в священноиноческом сани, и куда, Богом водимый, ныне превознесён душою по кончине своей праведной.

Да явится и в вечности он избранником Божиим во Обители Отца Небесного. Мы же будем хранить о нём вечную молитвенную память, уповая, что и его бессмертная душа молится Богу о нас, немощных.

По получении извещения я немедленно в своём домашнем храме отслужил панихиду, а в воскресенье была совершена заупокойная литургия о новопреставленном.

«За два дня до своей кончины праведной, – пишут его собратия, – наш дорогой батюшка как будто выздоровел. Он стал всех узнавать, тихо беседовать с нами. Хотя он и болел, но безболезненно. Каждый воскресный день его приобщали Святых Таин – Тела и Крови Христовых. Он даже проговорил, что сегодня празднуется святитель Григорий Богослов и икона Божией Матери “Утоли моя печали”. Все мы зело возрадовались такому выздоровлению нашего родного батюшки. Как раз за два дня до того мы получили 120 рублей и сообщение о том, что к нашему Михаилу Васильевичу приедет келейник нашего Владыки, отец Сергей, в гости.

Мы ему сказали об этом, и он был весьма много обрадован и радовался, как дитя малое. Мы все боялись, что от радости такой он опять взволнуется и впадёт в беспамятство. Но он велел почитать ему. Прежде всего взял в руки письмо, перекрестился, поцеловал его и со словами “радость и любовь Господня” велел читать. Всё прочитали ему. Он узнал, что и

нашего Владыку не минула горькая чаша таких же страданий и он пил её восемь лет. Он всегда и сейчас при чтении очень волновался, когда слышал о себе такие слова нашего родного Владыки: “Любимый отец мой Кириак”, “родное моё чадо духовное”, “дорогой мой батюшка, отец Кириак”, “милый мой старец” – все эти дорогие ему названия, а читали письмо три или четыре раза. И он говорил так: “Хорошо, что у Михаила Васильевича много написано про мою иноческую жизнь в дорогой мне Казанской обители, где я познавал яркий свет Евангельского учения, и в Алтайской миссии, и в Японии, и за многие годы каторги. И он ему всё сие спишет и отдаст, и я велел ему сделать так. А до принятия от моего родного духовного отца Святого Крещения вся моя жизнь тёмная, как пасхальная ночь в лесу, и я сам в этой темноте ничего не знаю и не надо знать, ибо моя жизнь мне самому стала видной только после Святого Крещения». Он просил тут же писать письмо Михаилу Васильевичу и своему господину Владыке. Мы послали за писцом, но один из них сильно занедужил, другого послали на кухню делать уборку, третий тоже не смог встать с постели. И так все. Но удалось в этот день написать десять слов о его выздоровлении. “Ну, – сказал он, – Бог даст, завтра напишем”. И велел читать ему все письма, какие раньше были присланы от нашего святителя Божия. Так и закончился день за чтением их. Радостно и хорошо всем было. В среду утром после братской молитвы он велел читать общую службу ко Господу по присланному Каноннику и после – канон Пресвятой Богородице. Днём опять велел найти писаря написать письма. Но опять все оказались в самом деле сильно больными. И он об этом горько-горько сетовал. Пробовали писать по очереди, но не получилось. А он говорил нам слова прощальные, что на этих днях отойдёт к Творцу и Богу своему в Жизнь Вечную. Мы ему говорили: “Поживи с нами, мы без тебя будем сироты”. Но он отвечал: “У Бога нет сирот. Но мне теперь так хорошо и легко, потому что рядом со мною стоит праведный дух моего духовного родителя и просветителя, и он введёт меня в Царствие Вечного Бога”.

Затем он приподнялся, вынул из-под подушки ящичек с портретами нашего дорогого Владыки и стал целовать и рассматривать их сквозь свои двойные очки. Нам хотелось спросить его распоряжения насчет поминовения, но убоялись. Потом ещё по разу их облобызал, бережно сложил и сказал: “Велите Ивану Павловичу съездить за батюшкой, я должен ещё раз приобщиться Тела и Крови Христовых”. А вечером он заставил читать акафисты Спасителю и Божией Матери.

На другой день, в четверг, к обеду, приехал батюшка. Мы уже прочитали чин последования ко Святому Причащению. Так что всё было готово. Батюшка сам исполнил чин по Святом Причащении. Наш родной батюшка остался один со священником – так он сам велел. А потом вскоре позвал всех нас и сказал, что батюшка обязательно приедет отпевать.

Когда уехал священник, наш отец велел опять читать ему письма Владыки. И их читали все. И он опять говорил, как хорошо, что у Михаила Васильевича написано много из жизни его и он обязательно с этого сделает список для своего Владыки. Он попросил Капитолину Константиновну прийти завтра пораньше, чтобы написать с его слов небольшое письмо своему родному духовному отцу и святителю Божию. И ещё Михаилу Васильевичу. Она обещала.

А в пятницу рано утром отец Никифор первый подошёл к его постели, но наш дорогой батюшка уже не дышал. Руки держал на груди, а под руками лежали все портреты того, кто давным-давно просветил его светом учения Господа нашего Иисуса Христа. Это были портреты нашего дорогого Владыки. И среди них был снимок Святейшего Алексия, Патриарха нашего, из календаря.

Тут же послали санитаров за врачом. Врач сказал, что он умер без мучений, тихо. Это было в день памяти преподобного Ефрема Сирина. Послали за Капитолиной Константиновной, ведь только она одна могла уговорить мужа разрешить всё сделать по-христиански. Через два-три часа всё было в порядке. Разрешили отнести его усопшее тело в ту самую отдельную комнату, где мы все трое – Никифор, Симеон,

Павлин – совершили над ним положенное на погребение по чину для монашествующих.

Никифор отёр его тело тёплой водой, прежде начертав образы креста на лице, груди, коленях, руках, ногах. Затем его одели в подрясник. Поверх надели мантию, присланную нашим Владыкой. Правда, по чину пришлось её разорвать, чтобы можно было обвить крест-накрест. Куколь давно был сшит Капитолиной Константиновной, и икону Спасителя дали ему в руки. Тут же покадили ладаном, зажгли свечи. К вечеру принесли дощатый гроб, и санитары благоговейно при нашем пении положили в него тело усопшего. Мы все трое по очереди неотступно читали над ним Святое Евангелие. А Ивана Павловича послали опять за священником служить панихиду, а в церкви отслужили заупокойную литургию.

В воскресенье батюшка был занят и приехал только в понедельник утром. В этой комнате мы установили образа и непрерывно горели пять свечей: три у гроба, а две над образами.

В день памяти мучеников бессребреников Кира и Иоанна похоронили его на общем могильнике. Нам разрешили нанять лошадь и проводить покойного всем троим. Там мы ещё раз умиленно пропели над гробом батюшки Великий канон “Помощник и Покровитель бысть мне во спасение...” Весь полностью пропели. Затем все люди помянули. Священнику уплатили всё и ещё – за помин в сорокоуст, в девять дней и на целый год...»

Бог видел все твои страданья,
Молитвы слышал Он твои,
Исполнит Он твои желанья,
Возьмет в обители Свои.
И там, на лоне Авраама,
Среди божественных красот,
Души твоей больная рана
Под звуки гимнов заживёт.
Ты будешь, горестей не зная,
Творца Вселенной прославлять,
О грешных людях вспоминая,

Владыку мира умолять.
Проси его, чтоб дал нам силы
Дурные страсти побеждать,
Любить людей и до могилы
Страдания ближних облегчать.

Контрасты

Но вернемся на Камчатку – полуостров протяженностью 1200 вёрст, шириной до 400 вёрст. Посредине его параллельно идут две горные цепи, составляющие Камчатский Срединный и Восточный хребты. Восточная береговая полоса испещрена огнедышащими вулканами и горами, она полна красоты и дикого величия, а западная береговая полоса, со стороны Охотского моря, низменная, пустынная, мрачного, унылого вида. Полуостров усеян горными речками, коих насчитывается до 200. Реки берут начало в горах и, живописно извиваясь по ущельям, протекают в болотистые долины и впадают в моря. На расстоянии примерно 700 вёрст вдоль полуострова протянулась главная река края – Камчатка, имеющая длину до 570 вёрст и принимающая в себя до 120 притоков, мелководная, с каменистым во многих местах дном. Все реки являются прекрасным нерестилищем ценных лососёвых рыб. Кроме того, в морях ловятся сельдь, камбала, навага, треска, хариус и другая рыба. Имеются богатые тресколовые банки³²² в Охотском море, у Командорских островов и у острова Карагинского. Большое промысловое значение имеют крабы, которыми наиболее богат участок Охотского моря у западного побережья, в районе реки Хайрюзовой.

Особую разновидность представляют собой так называемые камчатские крабы, мясо которых очень питательно и вкусно. На первый взгляд они напоминают обычных крабов. Но в действительности камчатский краб более родствен ракам-отшельникам. Окраска панциря сверху розовато-коричневого цвета. У крупных самцов размах клешней достигает 1,5 метра, весом они бывают до 7 килограммов.

Ещё одна река в Гижигинском уезде – Таватами, впадающая в Гижигинскую губу, – замечательна тем, что близ неё находятся горячие ключи. В них мне привелось купаться в феврале 1909 года. Поблизости от этих ключей живут тунгусы. Многие из них, больные, купаются в таватамских ключах, а в весеннее время туда ездят купаться гижигинцы. Температура

ключей колеблется от 25 до 45 градусов и даже до 81 градуса по Цельсию.

В 35 верстах от Петропавловска-Камчатского существуют горячие Паратунские ключи. Анализ состава воды показал наличие в них серно-известковых и серно-натриевых солей. Больные купаются здесь во всякое время года. Так что при исключительно тяжёлых условиях жизни на Камчатке, где в годы моего пребывания там подчас совершенно не было медицинской помощи, Сам Господь как бы облегчал участь больных, изведя из земли горячие минеральные источники.

На Паратунских ключах в начале нынешнего века над самым озером возвышался небольшой храм во имя иконы Божией Матери «Живоносный Источник». Престол здесь праздновался в пятницу Светлой седмицы. Постоянного священника при этом храме не было. Вскоре после моего прибытия на Камчатку, как раз на Святую Пасху, я служил в этом храме литургию, затем освятил Паратунские целебные ключи и водрузил возле них крест, а в дальнейшем предполагал устроить здесь общедоступную лечебницу – Дом Милосердия.

Подобных ключей на Камчатке много. К сожалению, в те далёкие годы все они были запущены, заброшены и никто не заботился о том, чтобы создать там курорты и лечебницы для несчастных жителей края, подлинных пасынков тогдашней России. Мне неоднократно приходилось весной и даже среди суровой зимы – в мороз и пургу – купаться в этих целебных ключах под открытым небом. И всегда я получал облегчение от мучительного камчатского ревматизма.

Климат на полуострове суровее климата средней полосы европейской России, хотя расположены они на одной широте. Причина тому холодное морское течение и долгое таяние льдов, целые горы которых наносит с Ледовитого океана в Берингово и Охотское моря. На суровый климат полуострова влияет также морской ветер, наносящий в изобилии зимой снег, а летом – дождь. По гористому восточному берегу Камчатки и в Петропавловске климат гораздо мягче по сравнению с открытым западным берегом. Береговые полосы, открытые для ветров и подверженные морским туманам, бедны растительностью:

трава и кустарник словно прибиты к земле, они стелются по ней. По долинам гор и вдоль реки Камчатки раскинулся богатый строевой мачтовый лес: лиственница, береза и ель; здесь также обилие разнообразных кустарников, например ива, таволга, шиповник, черемуха, малина, жимолость, смородина. Пышная и сочная луговая трава достигает высоты человеческого роста. В летнее время камчатские луга представляют собой роскошный яркий разноцветный ковёр из трав и цветов всевозможных оттенков. Проникая далее вглубь полуострова, мы наблюдаем постепенную перемену.

За роскошными лесами и пышными лугами тянется однообразная серая тундра, переходящая в мокрую непроходимую дикую пустыню, поросшую однообразным тростником, мхами, лишайниками и северной ягодой: морошкой, брусникой, княженикой и голубицей. В летнее время пребывание среди красот дикой природы омрачают громадные тучи комаров и мошкар, от которых неимоверно страдают не только люди, но и животные. Случается, что мошкара совершенно заедает оленей и собак, плотно забивая ноздри и уши животных.

Камчатская тундра изобилует грызунами, о которых небезынтересно сказать несколько слов. Мыши как в тундре, так и возле горных увалов устраивают себе особого рода норы. В большинстве случаев они тщательно устилают их травой и даже разделяют на отдельные закусочки – амбары, в которые складывают запасы продуктов на зиму. В подобных мышиных амбарах можно встретить различные корни, саранчу, кедровый орех и другое, причём в одних амбарах корни складываются в очищенном виде, а в иных обрабатываются беспорядочно и небрежно, очевидно, наскоро. Это значит, кто-то помешал – человек или зверь. Когда я видел, как люди устраивали набеги и разоряли мышиные склады, вычерпывая банками орехи, ягоды, различные корни, то мне было жаль зверушек, оставшихся без пропитания на зиму.

Если камчатская мышь появлялась в жилом помещении, то она ничего не портила, не грызла, не уничтожала. Наоборот, во всевозможных уголках устраивала свои амбары. Так, когда я

жил на берегу Берингова моря, в бухте барона Корфа, (окружённый царством полевых мышей, то летом и осенью ежедневно по утрам находил в карманах одежды самую разную провизию: горох, крупу, сухари и т. п., а в сапогах – мелкий картофель, который мыши натаскивали с моего же огорода.

Ночью мыши, во множестве наполняя мою комнату, часто забирались ко мне в постель или даже сваливались на меня с потолка. Чтобы избавиться от этого неприятного ощущения, я на ночь забирался в особо сшитый мешок и на голову надевал специально обтянутый тюлем шлем, защищавший лицо.

Камчатская тундровая мышь совершает ежегодно перекочевку с одного места на другое, причём кочуют одновременно все мыши в неподдающемся учету количестве и делают переходы на расстояние в несколько сот и даже тысяч километров, например уходят с побережья Берингова моря на Охотское и обратно. Идут в строго определённом направлении, переплывая реки, озера и морские заливы, конечно, с громадными трудностями и большими потерями.

Мне лично приходилось наблюдать, как мыши несметными полчищами перекочевывали с побережья Великого океана на побережье Охотского моря через перешеек Камчатского полуострова, преодолевая горы, овраги, реки, бухты. Во время моего путешествия на собаках я видел, как мыши совершали переход. Сколько хватает глаз, до горизонта, всё пространство поверх снега было покрыто серой сплошной мышиной массой. Собаки мои не могли пробиться, так что пришлось мне и каюрам³²³ идти на лыжах, чтобы расчистить путь ездовым собакам.

Переплыв водное пространство, мыши отдыхают, обсушиваются на солнышке и потом снова пускаются в путь. Население с восторгом воспринимает появление мышей, так как это доброе предзнаменование: значит, будет сухое лето и изобилие пушного зверя, что для местных жителей необычайно важно.

Положение камчатских туземцев усугублялось тем, что они не знали любви Христовой, не были утешены ничьей лаской. Они только боялись... Боялись злых духов, боялись природы,

холода, голода, мороза, боялись всякого начальства. В смене всяких страхов и проходила их несчастная жизнь.

Я осознал тогда, что мне среди этих отсталых народностей надо не только проповедовать Евангелие, но и прививать бытовые навыки. Однако без помощи общественности и материальной поддержки в замышляемой строительной и просветительской работе все мои мероприятия носили случайный, эпизодический характер. Вот почему я и не оставлял мысли о поездке в Петербург. Там, по моему замыслу, надлежало рассказать сановникам и всем имущим власть и деньги о бедствиях камчатских жителей, об их темноте и нищете. В Центральной России ими никто не интересовался, да и местная администрация относилась к ним пренебрежительно. В силу отдаленности края, уездные начальники были ни в чём не ограниченными самодурами. В большинстве своём эти грубые держиморды, расхитители и взяточники, оправдывая слова народной мудрости, олицетворяли в своём лице «царя и Бога».

Правда, и в этом «тёмном царстве» встречались люди просвещённые, культурные, к числу каковых отношу С.М. Лех, Сокольников и Диденко.

В 1909 году на Камчатке было учреждено губернаторство. Но на деле оказалось, что «хрен редьки не слаще». Губернаторы, облечённые огромной властью на местах, здесь, на российских задворках, выказывали своё самоуправство и дикий деспотизм в ещё более резкой форме, чем подчинённые им уездные начальники.

Со стороны же местных жителей проявлялось полное доверие ко всем пришлым людям. Но они трепетали от страха перед начальством, особенно когда им приходилось соприкасаться с ним непосредственно, так как оно имело манеру разговаривать с подчинёнными грубо, запугивая и браня их.

Для наглядности приведу один случай. Всю долгую зиму я, по обыкновению, проводил в поездках по полуострову. И вот как-то в марте я возвращался на собаках домой, в бухту барона Корфа. В пути сильно простудился. Температура поднялась до

39,5 градуса, и я, лежа в повозке, стонал, особенно когда нарты трясло на ухабах и раскатах. Заболел я действительно всерьез, а до дома оставалось ещё свыше 300 вёрст пути. Мои спутники – честные эвены – при виде моих страданий решили, что я помру в дороге.

Когда мы доехали до холма апапеля³²⁴, сделали остановку. Мои спутники поднялись на холм, где ощущали присутствие духа их предков – старика, жившего близ моря и повелевавшего морем и ветрами, и принялись умиловить «злое божество» оленьим мясом, табаком и т. п. Опасаясь за себя в случае моей кончины, они просили злого духа, чтобы я согласился выполнить их просьбу. После жертвоприношений посмотрели на меня пристально и с сожалением покачали головами от безнадежности моего состояния, и один из них, старый эвен, сказал:

– Иннаклек майнгу попе (Друг, батюшка большой). Ты пиши записку, что ты сам помер, а то нам худо будет. Мы приедем домой, ты молчать будешь.

Я, конечно, изумился их словам, но они пояснили:

– Ты себя не видишь, а мы тебя видим. Ты скоро помрёшь, живой домой не доедешь. Тебе от болезни плохо, очень плохо... Пиши, пожалуйста, сейчас записку, что ты сам помер, а то мы потом привезём тебя мёртвым, и ты будешь молчать, а начальник сердитый... Он нам не поверит, что ты сам помер!.. Скажет, однако, что мы тебя убили.

С этими словами все мои спутники-эвены упали на колени и убедительно стали просить писать нелепую по содержанию записку о том, что я «сам помер». С трудом удалось мне убедить этих милых, простых людей в том, что я не умру, живым доберусь до бухты, простуда пройдёт, и всё будет хорошо. При этом я просил их не делать частых привалов для чаепития. Только после того, как мне удалось убедить их в этом, мы тронулись дальше. Господь Бог помог мне, и я благополучно приехал домой.

Однажды я был приглашён начальником Гижигинского уезда на разбираемое им судебное дело. Войдя в его кабинет, я увидел стоящее трехгранное блестящее «зерцало» с золотым

орлом сверху и с тремя указами Петра I. В кресле сидел начальник в специальном судебном одеянии. Друг против друга расположились женщины-камчадалки: одна – жена помощника начальника уезда, вторая – потерпевшая, её домработница. Я и другие посторонние слушатели сидели в стороне.

Судья вышел и вскоре демонстративно вернулся, сказав громко:

– Суд идёт! (Он в одном лице и суд и судья).

Мы все встали и по его команде сели.

Суд начался. Судья просил истицу коротко и ясно объяснить свою жалобу, рассказать об обиде, нанесённой подсудимой. Камчадалка в многословных излияниях рассказывала, как она была нанята «начальницей» мыть у неё в квартире полы и исполнять прочую работу, показывая все свои действия наглядно. Она плакала от нанесённой ей обиды и заявила:

– Она меня не только облаяла, но и отшлёпала (побила).

Потом судья задал вопрос подсудимой, и та в сердцах наговорила много злобного и лишнего. Началась женская перебранка. Судья-начальник едва остановил их, так как дело подходило уже к драке, и поспешил зачитать приговор: «Виновная в нанесении оскорбления действием за нарушение тишины и порядка оштрафована на три рубля».

Жалобщица удивилась малой сумме денег и протянула руку за ними. Но судья пояснил ей, что эти деньги не для жалобщицы, а в казну. Тогда она гневно заявила:

– Ах, вот ещё как! Дак я теперь наработаю три целковых, принесу тебе, судья-начальник, эти деньги, а её отшлепаю, как хочу...

Богослужение. Церковные требы

Обычно свои поездки к корякам, чукчам и тунгусам я совершал на нартах, запряженных собаками (от 12 до 20), или на оленях. Устройство камчатских нарт таково, что едущий в них находится, как в гробу, в лежащем положении, а каюр (возница) сидит в ногах пассажира и управляет собаками, привязанными к длинному ремню. Если собаки завидят какого-либо зверя, то несутся во всю мощь. Каюр в таких случаях не может с ними справиться, и нарты часто опрокидываются, возница и седок скатываются в снег, а собаки уносятся в снежную мглу.

Таковы трудности и опасности зимних дорог, но не лучше и летние дороги, когда можно ездить только верхом на лошади по узким тропинкам, преодолевая вброд бесчисленные реки, речушки, завязая в болотах, объезжая озера. Неважны и осенние и весенние дороги, когда по рыхлому снегу трудно бежать собачкам и приходится на лыжах идти впереди саней. Но всего хуже дорога по морскому льду. Мне часто приходилось переезжать Пенжинскую губу – залив в северной части Охотского моря. Лёд на этой губе, застывший гигантскими морскими глыбами, представляет беспорядочную кучу огромных торосов, ущелий и опасных страшных трещин. Кроме того, благодаря приливам и отливам, внешний вид бухты постоянно меняется, что затрудняет ориентировку. Мне же приходилось по этой бухте проезжать и днём и ночью. Сани то взбирались наверх, то опускались вниз, попадая в многочисленные трещины.

Зато как радуется сердце путника, когда истомленный страхом гибели в беспредельной снежной пустыне или среди страшных морских льдов завидит он вдали острожек или стойбище. Из юрт поднимается красноватый от пламени дым. Люди, собаки, олени копошатся возле юрт. Даже собаки, завидя жилище, мгновенно ободряются и, весело завывая, стремительно бегут к ночлегу. Уютным и приветливым кажется

уставшему путнику отдых у костра. Убогое жилище туземца представляется путнику пределом комфорта и удобства...

За свою пастырскую деятельность я убедился в доброте, душевной простоте, правдивости, доверчивости и искренности этого народа. Когда я приезжал в их селения, они усыпали мой путь кедровыми ветками, подстилали мне под ноги меха, а иногда даже брали меня на руки и несли бережно с приветствием: «Христос воскрес!»». Они радостно и умиленно воспринимали богослужение и молитвы на их родном языке и с трогательным усердием молились. К каждому моему прибытию тунгусы расширяли свою юрту так, что в ней помещались для молитвы несколько сот человек. В зимнюю стужу приходилось совершать богослужения в облачении из оленьего меха³²⁵. Посреди юрты горел дымный костёр, дававший тепло.

Туземцы ласково повторяли:

– Ты наш добрый гость и отец!

Как-то мне пришлось совершать венчание двадцати пар желающих вступить в церковный брак. Богослужения среди коренного населения совершались редко, ибо от одного моего приезда до другого проходило значительное время, и многие подолгу оставались невенчанными, даже некрещёными.

Надо сказать, что тунгусы – и женщины и мужчины – внешне похожи друг на друга: они носили одинаковую меховую одежду, состоящую из штанов и курток. Как у мужчин, так и у женщин были длинные волосы, на лицах мужчин, как и женщин, – никакой растительности. Во всяком случае при тусклом свете костра мне они казались совершенно одинаковыми.

Начав совершение обряда венчания, я попросил тунгусов встать попарно: жених и невеста. Над головами венчающихся, за неимением венцов, держали бумажные иконки в одной руке, а в другой – горящую свечу. И вот случайно по чьей-то неосторожности на одном из венчающихся загорелась одежда. Произошло смятение. В суете, в стремлении погасить огонь, я не мог понять, кто жених, а кто невеста, и поэтому снова попросил тунгусов самим разобраться по парам.

По окончании богослужения и выполнения всех треб тунгусы разбирали юрту и помогали мне в изготовлении и

установке деревянного креста, освящавшего место нашего молитвенного общения.

Довольно оригинален и труден способ определения возраста тунгусов, которые тогда не были знакомы с летосчислением. Они не знали ни дня, ни месяца своего рождения или смерти родственников. Для привития им этого навыка мне приходилось наводить их на воспоминание какого-либо выдающегося события Их детства, например голода, наводнения, смерти близких людей, смены начальника уезда и т. п., чтобы затем самому путем догадок и сопоставления приблизительно определять их возраст.

Я приходил в восторг от примитивного, но своеобразного тунгусского календаря. Он состоял из небольшой дощечки с ручкой в виде лопатки. В этой дощечке просверлено 12 рядов маленьких отверстий, причём в каждом ряду столько отверстий, сколько в

данном месяце чисел. Большие религиозные праздники, которые тунгусы знали и почитали, отмечались особым значком – кружком или крестиком. В текущее «число» вставлялся деревянный гвоздик, который ежедневно переставляли. Православные тунгусы знали на память святцы и безошибочно показывали в календаре праздники и дни тех святых, имена которых они носили, принимая христианство. Называли же они их просто, уменьшительно, как друг друга и близких людей: Пронька, Ильяка, Ульяка, Санька и т. д.

Удивительны у тунгусов внимание и почтение к памяти умерших. Они редко видели священника, и когда мне приходилось, например, приезжать к ним в кочевье, тунгусы просили совершать отпевание всех родственников, похороненных вблизи стойбища или погибших далеко в тундре.

Положив на столик передо мной взятые с места погребения маленькие камешки, они при этом говорили имена своих умерших и после совершения отпевания «омоленные» камешки брали с собой, чтобы положить на места захоронения умерших, которых отпевали.

Хищники всех мастей

Нередко снежный буран преграждал мне путь, и тогда приходилось мёрзнуть и голодать в безлюдной пустыне и буквально смотреть смерти в глаза. Поэтому для преодоления расстояния 700–800 вёрст затрачивалось несколько недель.

Я горел желанием научить местных жителей грамоте, привить им общепринятые гигиенические нормы: умываться, соблюдать в юрте чистоту и особенно беречь детей. Туземцы, не знавшие разврата и сквернословия, особенно заслуживали участливого отношения и заботы. Однако, повторяю, всё это мне одному было не по силам. Тогдашнее общество пришлых людей – всякого рода тёмных дельцов, местных чиновников и скупщиков пушнины – было мне чуждо, отталкивало своей черствостью и эгоистичным безразличием к судьбам камчадалов.

Для того чтобы изучить жизнь вверенной мне паствы, получше ознакомиться с самыми отдалёнными уголками области, я переезжал с места на место по стойбищам, посещая юрты, стараясь насколько возможно приносить пользу населению. За проезд на собаках или оленях (на лошадях там тогда не ездили) мне приходилось платить по 6 копеек с версты и подводы. А мне случалось в зимний период проезжать по 5–6 тысяч вёрст. Получал же я в те далёкие времена 40 рублей в месяц. Замечу кстати, что при каждом переезде необходимо было брать 4–5 подвод. Это количество определялось потребностью (одна – для одежды, вторая – для продуктов и корма для собак, третья – служебная, четвёртая – нарта с походной аптекой и, наконец, пятая – моя нарта).

В описываемые мною годы – начало XX века – Камчатская область не имела телеграфной связи. Почта зимой шла на Иркутск, Якутск, Охотск, Гижигу и Петропавловск, чем в полтора раза увеличивалось и без того огромное расстояние от центра страны. На корреспонденцию, отправленную в этом году, ответ можно было получить лишь в следующем. Пароходы Общества

прапорщиков в течение лета успевали сделать только один рейс.

Я тяжело переживал лишения ещё и потому, что рядом с собой видел обогащавшихся людей, пользовавшихся простотой и наивным доверием туземцев; тогда сюда для наживы и эксплуатации местного населения проникали грабители всех мастей. Помимо русских, приезжали татары, евреи, кавказцы, а также иностранные хищники, в том числе и американцы.

Японцы для своих грабительских наездов имели сотни морских пароходов и шхун. Они буквально наводняли побережье Охотского моря и Тихого океана. Хищнически захваченной здесь рыбой питалась вся Япония. Не считаясь с интересами Русского государства (не говоря уже об интересах местного населения), японцы заграждали устья рек, вылавливая несметное количество рыбы, стремящейся к верховьям рек на нерест.

На своих огромных пароходах и паровых шхунах беспрепятственно прибывали к берегам Камчатки американские торговцы. Пользуясь младенческой доверчивостью и простотой местных жителей, американцы за ничтожное вознаграждение, в виде простых побрякушек, но чаще всего за «огненную воду» (алкогольные напитки), отбирали у несчастных камчадалов плоды целого года промысловых трудов: шкурки соболя, лисицы, выдры, белки, горностая, бобра, чёрного и белого медведя, волка и другие меха. Закабаление происходило обычно таким путем: иностранцы нагло заявляли туземцам о том, что уплата пушниной, которую оценивали не хозяева, а сами покупатели, была «недостаточна», а потому за «окончательным» расчетом заокеанские «просвещённые» жулики являлись спустя год. Так продолжалось десятки лет. Алчность американских торгашей была безгранична. Когда они на зимний период покидали Камчатку, здесь оставались их агенты, которые ездили по факториям, продолжая на протяжении всего года грабить местное население.

Это позорное, безобразное хищничество, в том числе и иностранцев, совершалось бесконтрольно, безнаказанно и легко.

При мне происходили, например, такие сцены. Как-то зимой я приехал на собаках в одно из корякских стойбищ. Смотрю, в юрте в дневное время всё мужское население спит мертвецким сном. Оказывается, все они пьяны.

– Что у вас за праздник? – спросил хозяйку.

Та радостно поведала о том, что они, обитатели этой юрты, – самые счастливые в стойбище люди. Из её сбивчивых объяснений я понял, что к ним приезжал купец, который «по дружбе» осчастливил их. Он дал им несколько... иголок для шитья!

– Это, – говорит, – такое счастье для нас! Ведь фабрика для изготовления иголок на «земном шаре» сгорела. Был пожар, и хозяин умер!

И вот за несколько копеек (действительная стоимость иголок) ловкий купец, по фамилии Неутоин, забрал всю добытую пушнину: соболей, медвежьих шкуры, шкуры чернобурых лисиц, белок, выдр, а они ещё благодарили его за «доброту».

Но, представьте себе, как велико было изумление хозяйки юрты, когда я безвозмездно отдал им все имеющиеся при мне иголки и пояснил при этом, как жестоко их обманули и ограбили. Чтобы уверить в этом население стойбища, я подарил для всех его обитателей целую горсть иголок, чем окончательно обличил в хищничестве купца, называвшего себя их другом и благодетелем.

Чувство благодарности хозяйки юрты было велико, а её муж впоследствии разыскал меня среди кочевников-коряков и в подарок от своей семьи привёз мне шкуру медведя, от которой я отказался, обещая снова приехать к ним в юрту, сидеть на этой шкуре, давать уроки жизни, в коих они были несведущи.

Такие посещения после вышеуказанного случая я считал для себя обязательными ради хотя бы малой помощи населению; зато среди хищников-торговцев я был недругом, и они избегали встречи со мной в корякских и тунгусских юртах, но неуклонно осведомлялись, был ли у них майнгу-поп Нестор и что говорил.

Ещё беспощаднее действовали американские хищники – скупщики пушнины. Они спаивали охотников-камчадалов дешёвым одеколоном, виски и спиртом, от которого люди теряли зрение. Однажды в селении Ямск на Охотском побережье двое туземцев так напились одеколону, что тут же, возле опустошённой ими посуды, уснули. Наутро один из них проснулся и принялся кричать, призывая к себе приятеля:

– Иди ко мне, а то я тебя не вижу!.. Смотрю и ничего не вижу...

Он усердно и недоуменно тер глаза, но тщетно: несчастный ослеп навсегда, а приятель не откликнулся на его зов, он был мёртв.

Один на один с недругом

Мне крест ниспослан Богом,
Отметил Бог меня перстом,
К страдающим в болезнях и тревогах
Навстречу им иду с крестом.

Медицина на Камчатке была в плачевном состоянии. Несчастливые обитатели этой заброшенной российской окраины почти поголовно болели чесоткой из-за того, что никогда не мылись и носили на голом теле несменяемую кухлянку (одежду из оленьих шкур), с мехом снаружи и внутри. От дыма и грязи в жилищах большинство из них болели трахомой.

Руководствуясь скромными медицинскими знаниями, я старался, по мере возможности, лечить их. Нелегкая это была задача! Для того чтобы облегчить участь этих несчастных людей, я возил с собой походный набор лекарств и перевязочный материал, не менее 20 пудов цинковой и ртутной мази. Они всегда с нетерпением ждали и радостно встречали меня как избавителя от телесных страданий. Летом, пользуясь благоприятной погодой, они выходили на берег моря к прибытию парохода и спрашивали:

– Нет ли на пароходе майнгу-попа Нестора с хорошей мазью?

В юртах я встречал буквально полусгнивших калек. Помню десятилетнего мальчика, покрытого страшными гнойниками. Бессвязным глухим стоном он просил помощи. Его несчастная мать старалась облегчить страдания своего дитяти, но делала это совершенно диким образом. Она выскабливала гнойники рабочим грязным ножом и им же потом резала рыбу, вытирала раны и нож одной и той же меховой тряпкой или подолом кухлянки.

Однажды мне встретилась больная старуха. Она сидела на земле у костра и скорбными глазами смотрела на меня, приветствуя как долгожданного гостя. Сдерживая страдальческие стоны, она сдирала с гниющего плеча коросты и запекшуюся кровь. А возле этого полуживого существа

вертелись щенки, вылизывавшие ноги старухи и подбиравшие с земли комки гноя с кровью на меховых тряпках. Это жуткое зрелище напоминало евангельский эпизод с Лазарем, когда он сидел у ворот богача, а псы лизали его гнойные раны³²⁶.

При виде таких больных и беспомощных страдальцев я тоже страдал душой, не имея возможности облегчить их участь. Предоставленные самим себе, они варварски врачевали свои раны. Лишаи лечили тёртым табаком, порохом или прошивали вокруг лишая женским волосом, натертым предварительно углем. При каменной болезни пили толченное стекло, больные глаза лечили нагаром курительной трубки – никотином. В бельмо втирали толченый сахар, растёртое серебро или берёзовый деготь. В больное ухо вливали настой табака, а при глухоте из уха вытягивали влагу вставленной подожжённой бумажной трубкой. Ожоги намазывали кровью из отрубленного собачьего хвоста и т. д.

В 1908 году, когда ещё здесь не было учреждено губернаторство, на пароходе прибыл владивостокский губернатор Флуг. Знакомясь с заброшенным, диким краем, он заинтересовался одним из серьёзных вопросов в области – медицинским. В то время на Камчатке долгие годы был один доктор Тюшов. Он, отвыкший от культурной жизни, не имел связи с Россией и в продолжение зимы (8–9 месяцев) лечил домашними и знахарскими способами и средствами. Флуг спросил у доктора Тюшова: «Есть ли в Петропавловске больница и медикаменты?». Доктор ответил: «Есть, – и вынул из кармана коробочку, в которой лежало несколько порошков и маленький пузырек с йодом, а в бумажке – рулончик бинта, – вот вся наша больница и аптека».

Лечение детей

Все страдания, связанные с тяготами быта в камчатской глубинке, я переносил стойко, утешая себя молитвой и верой в то, что Господь Бог даст силу, чтобы преодолеть встретившиеся на моём пути трудности. Я видел воочию плоды своей пастырской деятельности. Так, например, в одной из подземных юрт, где жили эвены, я при виде изнывающих от чесотки и грязи детишек попросил мать разрешить мне вымыть и вылечить двух её мальчиков в возрасте 6–8 лет. Несчастливая, не понимая значения моей заботы, воспротивилась этому и, оберегая своих детей от чего-то чуждого, неведомого, отказала в моей просьбе. Ведь её мальчики, по тогдашнему обыкновению, никогда не мылись. Я долго убеждал её согласиться с моими доводами о значении мытья для здоровья, обещая излечить детей.

Видя непонимание матери и её упорство, я сделал другой подход. Этой полудикой эвенке я предложил:

– Давай-ка я помою менее любимого из твоих сыновей!

Она, немного подумав, наконец согласилась и указала на старшего. Тогда я согрел на костре воду, приготовил простыни, мыло, полотенце, бинты и мазь. При виде всего этого младший мальчик бросился защищать своего старшего брата... от мытья и лечения. Он царапал меня, что-то кричал, а мать сердито ворчала, недоверчиво и боязливо глядела на меня. Ласковыми уговорами я успокоил малыша, а старшенького принялся мыть теплой водой. Ему это вскоре, по-видимому, понравилось, но больше всего его занимала мыльная пена.

Спустя более десяти дней, на протяжении которых я настойчиво мыл и перевязывал его болячки, мальчуган, преобразился. Он стал выглядеть замечательно: чистый, без струпьев и ран, довольный и веселый. Мать пришла в неописуемый восторг. Она радовалась, смеялась, благодарила меня, а главное, настойчиво принялась просить меня сделать таким же белым, здоровым её любимца – младшего сына. Первоначально я сделал вид, что не соглашаюсь выполнить её просьбу, но потом «смилоствовался» и обещал заняться

младшим мальчиком при условии, если мать станет помогать мне в этом и будет учиться, как надо следить за чистотой и здоровьем своих детей после моего отъезда. Наделил я эту юрту щедро перевязочным материалом, мазью, мылом и детским бельем.

Когда я закончил лечение мальчиков и собрался ехать в другие стойбища, мать, обращаясь к моим проводникам, сказала:

– Расскажите во всех юртах, что когда приедет инаклек (друг, приятель) Нестор, то его не надо бояться и ему можно давать детей «чистить водой», как он моих «вычистил». Только пусть «сало» (мыло), которым он мазал моих мальчиков, не едят, оно невкусное. Я сама съела кусок, после чего у меня ещё и теперь болит живот.

И мне всюду, куда я ни приезжал, приходилось, в числе прочих забот, объяснять назначение мыла.

Эпидемии

В те годы в Камчатской области из-за отсутствия ветеринарной помощи часто болели и гибли ездовые собаки и олени. Серьёзной борьбы с эпизоотией не проводили. Только с 1910 года в городе Петропавловске появился ветеринарный инспектор, он же и единственный врач на всю огромную область.

Население также страдало от разнообразных заболеваний, в частности от кори, считающейся у нас обычной детской болезнью. Там она поражала только взрослое население, при этом смертность была невероятно большая. В первые годы моего пребывания эпидемия кори охватила почти все уезды Камчатской области. Тогда врачей здесь не было, кроме населенного пункта Гижигинска, где имелся доктор, но и он бездействовал, испугавшись необычного в его медицинской практике явления – массового заболевания и смертности взрослых от кори. Его растерянность доходила до того, что он при вызовах не смотрел больных, а требовал, чтобы они подходили к закрытому окну, и сквозь оконные стёкла выкрикивал «медицинские советы». В большинстве же случаев он безнадежно махал рукой, когда видел, что отчаявшийся в получении медицинской помощи больной уходил.

Во время эпидемии кори в жалкой, холодной юрте, в острожке, ютилась семья туземцев, которая довольствовалась самой скромной участью – жизнью в трудах и заботах, а малые дети и подростки были утешением и отрадой для родителей, но безжалостная болезнь разорила и разрушила это гнездо. Сначала умер отец семьи, а за ним – двое детей-подростков, в полубреду на полу юрты умирала мать, а между трупом отца и умирающей матерью сидел холодный и голодный малыш, бессознательно теребя одежды мертвого отца. Зловещий ветер жалобно стонал за пологом юрты и своим завыванием напоминал погребальный плач, единственное похоронное пение над безвестными телами. Костёр уже давно догорел; собирая топливо, умерла старшая дочь; умерла, наконец, и мать, а

замерзающее от холода дитя тянуло её омертвевшую руку, ползало по материнской груди и что-то лепетало сквозь слёзы. Ответа не было. Немного прошло времени, когда и этот истощенный, плачущий ребенок замолк навеки. Спаслась только девочка-подросток, которую приняли добросердечные соседи и которая рассказала мне эту печальную повесть о своей семье. Никто не знает о них, никому не нужна жизнь бедных обитателей суровой пустыни. Если умерший был крещён, то его запишут в число умерших, помолются; а если он был язычник, то разве только сожгут его труп на костре, и буйный ветер разметёт пепел по окрестностям.

Необычные болезни

Мною было замечено, что от постоянного употребления в пищу вяленой (пресной) рыбы – юколы (её сушат на открытом воздухе, она бывает усеяна тучами мух и комаров) среди жителей возникают желудочные заболевания. Туземцы страдали от глистов, причём страдания их носили чрезвычайно тяжёлый характер. Подвергшиеся заболеваниям худели, постоянно жаловались на боль в боку и в «нутре» (в животе). Вследствие заболевания желудка и кишечника, камчадалы становились необычайно нервными, иногда припадочными и начинали имяречить – от слов «имя» и «рек». Это такое своеобразное психическое расстройство, когда люди от испуга принимались произвольно выкрикивать то, о чём они подумали в данный момент. В беспамятстве или при неожиданном испуге больной мог исполнить буквально всё, что ему громко приказывали, повторяя при этом вслух приказание. В момент болезненного испуга одержимые становились безропотными. По окончании припадка, придя в себя, эти робкие по натуре люди начинали стыдливо плакать и извиняться перед окружающими за то, что поступили неладно, сами не зная, что делали.

Подобное заболевание не было известно тогда никому из медиков, и проявления его я нигде потом не наблюдал. Подобное имяречение проявлялось порой и в трагикомических формах. Например, в селении Марково Анадырского уезда местный священник-камчадал, а с ним и всё население встретили меня, по обыкновению, весьма радушно, с уважением к моему духовному сану. После краткого богослужения в церкви я перешёл в квартиру батюшки-настоятеля. Все направились за нами во главе с начальником уезда В. Диденко (о нём, между прочим, упоминает писатель Тихон Сёмушкин в своей книге «Алитет уходит в горы»). Диденко, за его простоту и приветливость в обращении с камчадалами (в отличие от других чиновников), ласково называли «дядей Володей». Подходившую ко мне паству я благословлял; рядом со мной стояли: с правой стороны –

маленького роста, с благодушным лицом Диденко, а слева – высокий, суровый на вид священник, отец Агафопод Шипицын. И вот для того, чтобы наглядно продемонстрировать проявление «имяречки», дядя Володя легонько толкнул одну старушку, приближавшуюся ко мне, и негромко, но властно сказал: «Бей его!»

Совершенно неожиданно эта смиренная женщина, сделавшись невменяемой, принялась бить меня своими кулачками со словами: «Бей его!.. Бей его!.. Бей его!..» Этот припадок кончился так же внезапно, как и возник. С просветлённым лицом старушка убежала, часто повторяя: «Что я наделала!.. Что я наделала!..»

На другой день после этого случая я захотел увидеть несчастную. Мне сказали, что она всё время плачет и скорбит по поводу происшедшего. Придя ко мне, старушка принялась умолять:

– Прости меня, старую дуру... Я всё это с испугу наговорила и поколотила тебя вчера... Дядя Володя меня испугал.

Тогда во мне возникло желание проверить эффект. Я топнул ногой и громко крикнул: «Что, добивать меня пришла?».

Старушка опять стала невменяемой. Она набросилась на меня с кулачками, повторяя истступленно:

– Добивать!.. Добивать!.. Добивать!..

С трудом удалось мне успокоить больную. Придя в себя, она рассказала:

– Я не знаю, откуда, когда пришло это несчастье в нашу семью, но имяречкой болеем и я, и мой муж.

Из дальнейшего несколько бессвязного её рассказа мне стало ясно, что достаточно внезапного потрясения, и одержимые начинают делать и говорить произвольно, бессознательно то, что им прикажут. Припадок продолжается недолго, после чего больные мгновенно приходят в себя. Причины возникновения имяречки трудно определить, но предполагают, что заболевают ею жители Камчатки на почве недостаточного и скверного питания юколой, которую, как я уже говорил, вялят под открытым небом с весны до осени.

В Ключевском селении я посетил священника отца М.Е., у которого были жена, дети и самая маленькая – двухлетняя дочь. В момент моего прихода матушка сидела в комнате и держала на руках эту малютку. У меня невольно вырвалось громкое восклицание:

– Какая славная Ниночка!

А кто-то из присутствующих камчадалок сказал:

– Ниночка, пококетничай!

В этот момент её отец, неся на стол стопу тарелок, споткнувшись, уронил их, и они с грохотом разбились, вызвав у присутствующих женщин испуг. И так же, как несмышлёная малютка по-детски склонила головку и приподняла рубашонку, все находившиеся в комнате камчадалки начали непроизвольно повторять все Ниночкины жесты, выкрикивая:

– Ниночка, пококетничай!.. Ниночка, пококетничай!..

Все начали также кокетничать и неожиданно подняли свои подолы, как ребенок свою рубашонку.

Наблюдал я ещё и такие случаи.

Группа камчадалов и камчадалок была занята тереблением пера убитых охотниками уток. Во время работы шла мирная, тихая беседа. Неожиданно к ним подошёл один из охотников. Он поставил к стене дома винтовку, и она, упав, выстрелила. От внезапного резкого звука все занятые работой впали в невменяемо-болезненное состояние имярения. Они принялись что-то выкрикивать, в исступлении бросая друг в друга перья и пух. Смятение и шум встревожили собак, лежавших неподалёку. Они бросились таскать битую птицу, чем ещё более усилили болезненное состояние несчастных. Поднялся такой дикий крик, началась битва с собаками и между людьми, бросавшимися птичьим пухом. И только охотник смог всех успокоить.

Несколько женщин сидели и чистили диких уток, а собаки, бегая кругом, подбирали потроха и грызлись. Несчастные имяречки бросили работу и, подражая собакам, невольно начали грызться между собой.

Одна имяречащая женщина вздумала убить палкой суслика и стала сторожить его у норы. Когда суслик показывался,

поднимаясь на задние лапы и мотая головой, имяречка так же мотала головой и, несмотря на все усилия, не могла сделать ни одного движения, чтобы убить суслика.

Однажды в церкви во время богослужения церковный сторож неожиданно зацепил подсвечник и повалил его, он покатился по наклонному полу. Большинство молящихся туземцев в церкви были имяречащие, они с испугом почти поголовно так же упали на пол и покатались, подражая движению подсвечника, приговаривая:

– Катится!.. Катится!.. Катится!..

Однажды ко мне пришла женщина, а я в это время умывался и намеренно властно приказал ей: «Умывайся скорее!». Она мгновенно схватила мыло, намылила лицо, платок на голове...

Однажды к берегам Камчатки прибыло военное морское судно «Якут». Находившийся на его борту врач, знавший о существовании здесь болезни имяречения, решил проверить случаи, вызывающие возникновение припадков. Он задумал весьма опасный опыт, приняв, правда, предохранительные меры. Он усадил в три лодки камчадалов и камчадалок, не страдавших имяречением. Среди них поместил женщину-имяречку с грудным ребенком, сам сел рядом с ней, а сидящим на других лодках приказал строго следить за лодкой, в которой сидела женщина с ребенком. Решено было переправиться на противоположный берег. Как только лодки отчалили, доктор громко крикнул:

– Брось в воду ребенка!

Вздрогнувшая от неожиданности и испуга больная начала выкрикивать эту фразу, но при этом противоречила себе: «Нет, не брошу!». И даже был миг, когда она сделала попытку бросить ребенка, но материнское чувство оказалось настолько глубоким, что взяло верх над болезнью. Она судорожно прижала его к своей груди, и вслед за этим наступило просветление. По мнению судового врача, это был единственный, исключительный случай, когда здравый смысл, материнский инстинкт одержали верх над болезнью.

Постепенно я привык к случаям проявления имяречения.

Но в 1907 году, когда я ещё молодым иеромонахом оказался в непривычной мне суровой обстановке камчатского быта, меня поразила вот какой случай. В Гижигинске в ночь под Рождество я совершал предпраздничную заутреню и Божественную литургию. Когда по ходу богослужения было провозглашено многолетие, по старинному русскому обычаю, в этот момент в церковной ограде выстрелили из старой пушки. Храм был наполнен молящимися, на клиросе пел хор ребятишек под управлением регента. Выстрел так всех напугал, что в церкви поднялся невероятный шум и гам. Раздались нелепые выкрики и непроизвольный хохот. Имяречащие кричали то, о чём думали в момент выстрела. Один из певчих в испуге что-то исступленно крикнул и засмеялся. Тогда все хористы, вместо пения «многая лета», громко расхохотались. ещё не будучи знаком с подобными случаями, я принял этот безобразный хохот и шум в храме за проявление кощунства, а потому с чувством глубокого огорчения и возмущения ушел, расстроенный, в свою комнату. На другой день мне объяснили причину шума и смеха во время богослужения.

Из рассказов жителей различных селений полуострова (особенно на западном берегу Охотского моря), а также тунгусов я узнал и о существовании ещё одной необычной болезни, которую камчадалы называли одним словом «надобность». Надобностью, как мне объяснили, болеют только женщины-матери или незадолго перед рождением ребенка, или после родов. Но болезнь эта весьма редкая. В нервном припадочном состоянии женщина настойчиво требует у кого-либо из своих родственников удовлетворить её каприз: доставить ей какой-либо предмет или одежду – головной платок, кофту и т. п., указывая, что она через пространство видит и знает: в таком-то селе или в городе (допустим, в Охотске), в сундуке или в ящике лежит шёлковый розовый головной платок или шаль. Но ни дом, ни обитатели этого дома, ни сама местность просящей незнакомы, она там никогда не бывала, но ясно видит то, что просит ей привезти, хотя бы это было за сотни и тысячи вёрст. Кто-то из её родных должен на собаках ехать и выпросить или купить требуемую вещь, так как

в противном случае больная не успокоится и будет подвергаться припадкам.

Чёрная оспа

Аминь глаголю вам, понеже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе. (Мф. 25:40)

В 1916 году я, будучи епископом, отправился на собаках вглубь Камчатской области и доехал до селения Гональского. По неоднократным прошлым посещениям оно запомнилось мне как многолюдное. Теперь же, въезжая в село, я обратил внимание на то, что собаки из моей упряжи против обыкновения не издавали радостных звуков, почуяв жильё. Впрочем, некоторые из них неуверенно взвыли, но встречного лая от местных собак не последовало. Меня поразила мёртвая тишина. Во всех избушках окна были заколочены, а на кладбище я обнаружил много новых могильных крестов. Только один человек – сельский староста – вышел мне навстречу. На мой недоуменный вопрос по поводу необычного безлюдья он сказал: «Чёрная оспа здесь. В жилищах покойников штабелями складывают, могил не успеваем рыть, да теперь, кроме меня, и некому, но и я не могу: земля глубоко промерзла. В живых осталось всего лишь восемь человек, я девятый, но на ногах только я один. Остальные лежат...»

Мы вошли в избушку. На полу вповалку на соломе лежали умирающие. Среди них особенно тяжёлое впечатление производили мечущиеся в агонии роженица и рядом с ней умирающая повивальная бабка, желающая помочь в тяжёлых, страшных, трагических родах. Тела и лица больных были покрыты чёрными кровавыми гнойниками. Некоторые из больных узнали меня. Они радостно восклицали:

– Владыка, дорогой, как мы рады, что дождались тебя! Мы – люди верующие, причасти нас скорее, и тогда мы спокойно умрём.

И было так чудесно, когда свет Христовой радости осенил ужасные чёрные лица умирающих, для которых смерть в присутствии священника и при его молитвенном напутствии явилась желанным избавлением от мучений. Трудно передать их искреннюю, непосредственную духовную радость, когда они

причастились Святых Таин. Растроганный, я молитвенно напутствовал их уход в Жизнь Вечную, оставив этот мёртвый дом.

Продолжая свой путь дальше вглубь Камчатки, я и в других селениях наблюдал такую же жуткую картину мёртвого запустения. Мне необходимо было определить поселение, ещё не захваченное эпидемией, чтобы установить карантинный пункт со строжайшим запретом дальнейшего проезда. А причиной внезапной вспышки этого тяжёлого заболевания стал совершенно дикий случай. На западном берегу Охотского моря на одном из японских рыбзаводов заболел чёрной оспой и умер японец. Рыбопромышленники втиснули труп в пустую бочку, забили её и поставили вместе с бочками, наполненными рыбой. Это и послужило причиной быстрого распространения эпидемии по всей Камчатке. Когда я приехал в Ключевское, узнал, наконец, что последнее селение, в котором ещё есть больные чёрной оспой, – это Еловка. От неё дальше простирается снежная пустыня, которая и стала заслоном для оспы. В Еловке был устроен карантин.

В глуши камчатской

О вера христианская, святая,
Как много утешенья ты даёшь!
Земную жизнь ты озаряешь светом рая
И от земли нас к Небесам ведёшь!

Селение Ключевское – старинное. Оно расположено в живописной местности. Высокий, со снежной округлой вершиной вулкан постоянно выбрасывает огненный фонтан, и зарево это видно далеко, на расстоянии 200–300 километров. По склонам Ключевской сопки, не всегда заметно для взгляда, движется, сползает пылающими ручьями лава.

В январе 1917 года, когда я был в Ключевском, неожиданно дрогнула земля, закачались строения и сами по себе зазвонили в местном храме колокола. Подземный грохот продолжался, почва под ногами сотрясалась. Дым и пламя слились воедино, и небо затянуло чёрной зловещей пеленой. В селении возникла паника. Люди в страхе бегали по улицам, не зная, где укрыться от грозной стихии, потрясшей всё село. Ездовые собаки сорвались с привязи и с воем разбежались. Обезумевшие от страха люди пытались уйти подальше от смертоносной огнедышащей горы. Я, увидев растерявшуюся женщину с группой малых детей, схватил двоих её ребят, помог им уйти подальше от места катастрофы. На местной реке кое-где вскрылся лёд и вода фонтаном взвилась вверх. Много людей, искренно верующих в Бога, спешили к церкви. Однако здание её покосилось, войти внутрь храма было невозможно. Тогда на паперти под непрекращающийся гул землетрясения, под всполохи вулканического извержения я отслужил молебен об избавлении от грозного бедствия.

Позже я узнал, что землетрясение прошло полосой в 400 километров, достигнув отдаленных Командорских островов, где также были разрушения и человеческие жертвы. Особенно страшно это землетрясение было тем, что колебания почвы происходили волнообразно, а это особенно разрушительно.

Чаепитие у прокажённого

В один из моих объездов края я попал в отдаленное от населенных пунктов место. Суровая северная пустыня поразила меня своим безлюдьем. И вдруг везущие меня собаки неожиданно опрометью бросились в сторону через непроходимый, густой кустарник, так что мой возница не успел и даже не в силах был удержать собак. Обычно подобные случаи объясняются тем, что собаки, учуяв какого-либо зверя, бросаются за ним вдогонку. Но на этот раз история была другая.

Прорвавшись с моей нартой через кустарник, собаки притащили нас к одинокому, низенькому срубу-избушке. На пронзительный лай из сруба вышел молодой камчадал. Вслед за ним с изумленным взглядом показалась молодая женщина. Как выяснилось, мы въехали в запрещённое место. Оказывается, здесь жил прокажённый, он-то и встретил нас.

Увидев их, испугавшихся за меня и моих спутников, я спросил мужчину, изуродованного лепрой:

– А это кто?

– Это моя жена, но она вполне здорова.

Узнав с моих слов, что я епископ, оба они принялись упрашивать меня зайти к ним в избушку и окрестить недавно родившегося ребёнка.

Жилище их состояло всего из одной комнаты. Этот сруб и скудную обстановку в нём они соорудили своими силами. В самодельной люльке, подвешенной к низенькому потолку, безмятежно спал младенец. В углу на полочке я заметил бумажную иконку и огарок восковой свечи. В избушке было гнойное зловоние: правая сторона лица и тела мужчины были покрыты гнойниками от бугорчатой проказы.

Супруги засуетились. Для крещения младенца они согрели воду. Затем женщина достала из ящика деревянную чашу-купель. При этом она объяснила, что ещё до рождения ребенка сама выдолбила из пня эту купель в надежде, что когда-нибудь ей удастся тайком позвать в опасную зону батюшку из Ключевского селения для крещения ребёнка. Я окрестил

младенца и, по просьбе родителей покумившись с ними, остался на целый день их гостем. Мои каюры, управлявшие собаками, оставались вдалеке, ожидая меня у костра, где они устроили себе обед.

За чаепитием я узнал, что молодой человек неожиданно заболел проказой и его тотчас же изгнали из селения как опасно заразного. На мой вопрос, как же совершенно здоровая женщина оказалась с ним здесь, в пустыне изгнания, жена ответила просто, без рисовки и совершенно искренне:

– Ведь я его законная жена. Мне жалко его, моего друга и спутника жизни. Я добровольно навсегда пришла с ним в эту безлюдную местность, помогаю ему в домашней работе и ухаживаю за ним. А теперь вот у нас радость – есть сыночек крещёный! Никуда я от них, моих дорогих, не уйду.

Ребенок, как я убедился, был совершенно здоров. Питалась эта трогательно дружная семья рыбой из речной протоки, ягодой и кореньями. Меня особенно поразили сооружённые ими деревянные нары – это общее супружеское ложе, где вместе с

разлагающимся прокажённым спит его здоровая жена.

Какова дальнейшая участь моих неожиданных пустынных кумовьев – не знаю, но я навсегда сохранил в сердце память об этих замечательных людях. Особенно запала в душу эта маленькая, худенькая женщина с большим любвеобильным сердцем.

Первые школы

Всё виденное в тогдашней Камчатской области не удивляло, а ужасало меня. Для туземцев не было открыто ни одной школы, и среди них не было ни одного грамотного человека. Эти тёмные люди не имели никакого представления ни о науках, ни об обучении, и ещё в мою бытность, в первые годы, когда я что-либо читал по книге или писал, они смотрели на меня с непониманием и удивлением, шептались между собой и, по-видимому, считали меня ненормальным. Я твёрдо решил: с учреждением Камчатского братства, на пожертвования открыть ряд школ для детей осёдлых племен, а для кочующих устроить школу с интернатом.

Обрусевшее население камчадалов всё же было счастливее туземцев, так как по Камчатке уже открывались школы. В Петропавловске были высшее, начальное и мною организованное второклассное училища. В нескольких больших селениях работали церковно-приходские школы. Для коряков же и чукчей первую школу открыл я.

Напрасно я пытался в доступной для их понимания форме разъяснить, что такое грамота, для чего надо учиться. Не помогали и привезённые мною прекрасные наглядные пособия и красочные плакаты. Слова «школа», «грамота», «учение» были для них только отвлечёнными, непонятными звуками. Тогда я решил пригласить некоторых родителей, свободных от охоты и домашних дел, навестить в школу и присмотреться, как и чему обучаются их дети.

Происходило это в селении Тилечики, куда я перевёз прекрасные здания школы и приюта для детей кочующих туземцев. Эти дома строились во Владивостоке, и в разобранном виде с русскими рабочими я переправлял их на пароходе Добровольного флота. Когда школа была поставлена и открыта, тогда уже кое-кто из родителей наконец согласился отдать своих детей на учение, а некоторые и сами пришли на занятия. Они с удивлением смотрели, как их дети учились читать и писать; взрослых поражало, как ребёнок смотрит в

книгу и произносит мудрёные слова, затем что-то на бумаге царапает и опять говорит вслух.

Наконец прошёл учебный год. Дети оказались очень способными и понятливыми. К началу нового учебного года эвены и чукчи привели значительно больше детей, да и сами попросили разрешения учиться вместе со своими ребятами. Так на Камчатке возникла первая школа с обучением на русском и корякском языках. Огромной радостью для меня было то, что в конце концов и взрослые, и дети поняли, что такое грамотность и какая от неё польза.

Вспоминаю ещё некоторые интересные подробности из жизни местного люда. Представители камчатских народностей, населявших эти необозримые просторы северо-востока страны, не имели фамилий. Исключение составляли давно обрусевшие камчадалы и казаки – пришельцы с берегов реки Лены и из Якутска. Тунгусы и орочены разделялись по родам (например, Долганский род, Уяганский и т. п.). А чукчи и эвены различались по юртам, присваивая себе имя старшего обитателя юрты. Всё это приводило к путанице. Вот почему во время одного из моих пребываний в Петербурге, где я решал ряд неотложных проблем, мне дали право присваивать отдельным семьям, из числа просвещаемых мною туземцев, фамилии, составляя при этом надлежащую книгу записи населения.

Для того чтобы туземцам стало ясно и понятно значение фамилии, я давал их сообразно с характерными чертами главы семьи или по способностям. Например, у меня учился эвен – староста всего своего острожка. Он отличался особой сообразительностью, причём научился быстро, красиво и ровно писать. Ему я дал фамилию Писарев. И надо было видеть его радость, его гордое сознание отца, у которого дети, и внуки, и дальше, из рода в род, все будут Писаревы, в память его умения красиво писать. А другой туземец – один из лучших охотников на медведя – получил фамилию Медведев.

Некоторым для памяти фамилии приходилось вырезать на дощечках или кусочках кости, потому что если я делал отметку с указанием присвоенной фамилии на бумаге, они эту бумажку

употребляли на курево. Меня, тогда молодого иеромонаха, удивляло и угнетало то обстоятельство, что подавляющее большинство населения, как мужчины, так и женщины, курили табак, а также жевали привозимую американцами лемесину или жвачный листовой табак. Поразило меня ещё и такое зрелище, наблюдаемое в одной из семей: ребенок не более четырех лет сосал материнскую грудь, а потом вскарабкался на колени к отцу, взял у него из рук дымящуюся трубку с табаком и сунул себе в рот. При этом он даже не поморщился. На мой недоуменный вопрос отец ответил спокойно:

– Пусть привыкает! Всё равно будет курить, тем более что уже привык и даже не кашляет. Наоборот, плачет, если у него отнять трубку.

Погребение умерших

Ни с чем несравним поразительно жуткий обычай сожжения умерших коряков-язычников. Мне пришлось присутствовать при кончине, а затем и погребении корякского мальчика. Замечу, что наиболее тяжёлое впечатление производит подготовка трупа к сожжению.

В юрту, где находится умерший, сходятся все сродники и знакомые. Они выражают соболезнование членам семьи, а затем покойника кладут на земляной пол и покрывают большим шаманским бубном. Пока все не соберутся и не сошьют новую белую меховую посмертную одежду из шкуры белого оленя, никто не смеет лечь спать, хотя бы это продолжалось три или более ночей. Но для того, чтобы не было скучно и не дремалось, сродники садятся на землю вокруг умершего и на его трупе (на шаманском бубне) непрерывно играют в карты. Кстати, карты этим полудиким людям привозили «цивилизованные» отечественные и зарубежные скупщики пушнины.

Когда уже всё готово к сожжению, труп поднимают нерпичьим ремнем из подземной юрты через дымовую трубу и везут на нартах или несут на костёр. Вместе с телом кладётся всё, что служило человеку при жизни: табак, сумочка с пищей, лыжи, лук, стрелы и т. п. Костёр раскладывается очень большой, и две женщины стоят по краям кострища до тех пор, пока пламя не коснётся их одежды. Собравшиеся вокруг пылающего костра завывают и кричат «атавхун», то есть «счастливый путь». Такой посмертный обряд мне пришлось видеть впервые.

Коряки веруют в загробную жизнь и в достойное воздаяние за пережитые на земле невзгоды, за добро и зло. По их верованию, умерший отправляется на охоту за соболем и сгоняет лучшего соболя навстречу охотникам – своим сродникам. Если гремит гром, коряки говорят, что это покойник бежит на лыжах за соболем.

Моей первейшей обязанностью православного священнослужителя было просвещать пребывающих во тьме обитателей края. Признаюсь, очень тяжело было мне, молодому и неопытному. Но, невзирая на трудности, я дал обет – не покидать Камчатку. Я прилагал все свои силы и знания для облегчения участи местных жителей.

Наводнение

В 1907 году, в первой половине августа, вследствие проливных дождей, от бурных горных потоков в Гижигинском уезде случилось большое наводнение, причинившее много бед и несчастий. Потоками воды были смыты все запасы рыбы, в том числе и корм для собак, были снесены жилища и юрты тунгусов с их меховой одеждой и всем домашним скарбом. Вдобавок ко всему, от селения Гижиги до границ Охотского моря был недоход рыбы, которая для коренного населения являлась основным продуктом питания, заменяющим собой и хлеб, которого тогда там не было.

Тунгусы, пострадавшие от наводнения и возникшего вследствие этого голода, не имели оленей, что лишало их возможности добывать пропитание для своих семейств. Я был очевидцем их безвыходного положения. Меня охватывало отчаяние при мысли о том, что я ничем не могу помочь несчастным страдальцам. Я написал призывные письма владыке Евсевию во Владивосток, епископу Андрею в Уфу, а также отцу Иоанну Сергиеву в Кронштадт. Мои послания достигли цели спустя лишь год. В ответ я получил ободряющие письма, кроме того, денежную помощь и продуктовые посылки для пострадавших от стихийного бедствия. Особенно меня воодушевило и утешило краткое, но вдохновенное письмо отца Иоанна.

«Отец Нестор!

Дерзай и уповай пред лицом Пославшего тебя на апостольскую проповедь. Терпи, как Апостолы, уповай на помощь Божию, утешай новую паству твою надеждой Жизни Вечной. Переводом посылаю тебе 400 рублей на голодающих. Протоиерей Иоанн Сергиев».

С первых же шагов своей пастырской деятельности я стремился облегчить участь коренного населения Камчатки. Но дальность расстояния до европейской России, отсутствие телеграфного сообщения и регулярной прямой транспортной связи препятствовали скорому осуществлению моей мечты.

Поэтому на первых порах мне приходилось довольствоваться воззваниями и письмами к родным и друзьям о сочувствии моему начинанию. Памятуя о том, что «сила Божия в немощах совершается», я не впадал в уныние, а постепенно и обдуманно начал готовиться к далёкому путешествию в Петербург. Я никогда не был там, и меня, скромного, захолустного иеромонаха, пугала чопорная, чиновная, сановная столица, которую я представлял себе недоступной для меня.

Пока же мне приходилось ещё много и долго трудиться как пастырю без всякой поддержки в одинокой работе. Из-за отсутствия материальной помощи или совета от своей Российской Церкви я твёрдо решил организовать специальное Камчатское братство

с установлением хотя бы скромного денежного фонда для бесперебойной широкой работы по улучшению жизни туземцев.

Рождественская ночь

В священный час ночной
В книге звезд страницу за страницей
Читаю я о жизни мировой,
А мысль моя стремится вольной птицей,
Но предо мною всё та же темнота...
Вдруг за таинственной звездой с востока
Так лучезарно засиял свет издалека,
То небо возвестило рожденье на земле Христа.

Неописуемая радость охватывала меня каждый раз, когда я с крестом и Евангелием входил в соприкосновение с язычником и, подобно садовнику, бросал слова Истины в живую человеческую душу, когда видел, как под благодатным теплом и светом Христовым наливаются и зреют эти семена, как появляются первые всходы на Божией ниве. Радостно бывало у меня на сердце, когда тёмный, полудикий язычник, трепетавший перед всем в мире, во всём видевший только мрачные силы, вдруг, просветленный, открывал свои духовные очи и, озаренный светом Божией любви, постигал, что во Вселенной царит не злой, а добрый Бог, Бог любви, любящий Своих детей Отец, Который любит и его, жалкого, забитого тунгуса, чукчу или коряка.

Однажды, накануне праздника Рождества Христова, я приехал в одну отдалённую юрту, где заночевал. После длительной дружеской беседы за чаепитием уставшие обитатели юрты, коряки, расположились на ночлег вокруг костра на полу. Костёр потух. В яме стало уже совсем мрачно и холодно. Чтобы не замёрзнуть, все обитатели юрты, сбросив меховую одежду, голые забрались в общий меховой мешок – кукуль и в нём спали. Мне же было отведено место для ночлега на земляном полу, в другом конце юрты. Помолившись, я лёг в своей меховой одежде и хотел было забыться, заснуть, но не мог. Меня волновали глубокие переживания и исключительная обстановка той рождественской ночи. В юрте наступила тишина. Все уже спали, но через открытое отверстие дымового выхода

доносились до меня своеобразные звуки этой малообитаемой местности. Слышались завывания нескольких десятков собак, лежавших возле юрты, порой раздавался гул, наподобие отдалённого орудийного выстрела. Это от сильного мороза с треском разрывалась земля.

«Какие это совсем особенные люди, – подумал я о жителях этой северной пустыни. – Какие лишения и страдания переносят они, в какой нечеловеческой обстановке они пребывают, какая тьма, какая глубокая духовная тьма в этих людях! Но ведь они родились в этих диких условиях и не знали другой, лучшей, участи, для них была мила эта жизнь, полная лишений и страданий». Мне стало жутко и до боли тоскливо оставаться в холодном, мрачном подземелье в эту святую ночь. Я один – христианин, затерявшийся здесь, в пустыне, среди диких, но добрых людей. Они ещё не знают Христа, не знают Его Рождества. Их дети не знали детской рождественской и новогодней радости, этого детского весёлого праздника. Чтобы не поддаться тоске и унынию, я вылез из юрты взглянуть на красоту звездного неба и всею грудью вдохнул в себя свежий, чистый воздух: «А небо-то, небо!.. Какая красота!..»

Стояла морозная, сурово-угрюмая полярная ночь. Небо сияло лучисто-мерцающими яркими звездами. Они напомнили мне трепетный свет лампад в храме... Я вспомнил далёкое, красивое детство: тёплые, уютные комнаты родительского дома. Нарядная, сверкающая огнями свечей и блестящих игрушек, пахнувшая хвоей, лесом ёлка окружена детьми, среди которых и я, радостный и по-детски счастливый в день Рождения Божественного Младенца...

И теперь, в снежной камчатской пустыне, я невольно задумчивым взглядом снова по-детски искал в небе ту звезду, которая привела некогда волхвов к яслям родившегося Христа. Всем сердцем я молился, чтобы Господь Сам научил Своему святому учению тех детей природы, которые спали рядом со мной безмятежным сном.

И небо, как бы вняв моим мольбам, неожиданно дало мне ответ, и я понял – это знак. Внезапно весь небосклон с северо-восточной стороны озарился необыкновенно радужным светом.

Яркие лучи северного сияния многоцветно заиграли на ночном небе. Казалось, что из этого величественного сияния вот-вот появятся хоры Ангелов и повторится вифлеемское славословие рождественской ночи. Охваченный восторгом, я быстро спустился по бревну в юрту, разбудил всех её обитателей, и мы все, выбравшись наружу, стоя на снегу, любовались красотой озаренного сиянием неба.

Перед нашим восторженным взором словно открылась во всём величии и славе Небесная Церковь. Этот незабываемый миг настолько очаровал и воодушевил меня, что я стал рассказывать стоявшим со мной под открытым небом туземцам неведомую и дивную историю Рождества Христова. Я видел, что у них появилось радостное, бодрое настроение. Вернувшись в юрту, мы снова раздули костёр и, озаренные его пламенем, за чаепитием вели беседу о Христе.

Добрые семена, брошенные на чистые простые сердца в такой исключительный момент, быстро взошли и дали хороший плод. Луч Божественной благодати, ниспосланный с неба, коснулся в подземной юрте этих чистых сердец, несчастных в своём тогдашнем одичании людей и озарил их светом Христовой веры. Жители стойбища, познавшие через проповедь веру Христову, все крестились.

Пасха в лепрозории

С наступлением Пасхи так ясно и радостно снова и снова вспоминается и отпечатывается в сердце трогательно-умилительное пасхальное богослужение на Камчатке в 1908 году, в незабываемом дорогом моём детище – изолированной в то время от мира колонии прокажённых. При мне же, в начале нынешнего века, в эту колонию были собраны больные лепрой из различных глухих мест Камчатки, ютившиеся до этого в суровой пустыне, будучи изгнаны из родных селений и юрт как заразные.

Созданная при моём участии колония прокажённых состояла из трёх уютных деревянных домов на морском берегу, среди гор. В одном доме ютились страдающие лепрой женщины и дети. В другом – такие же больные мужчины, а в третьем доме, стоявшем за изгородью, жила медицинская сестра А.И. Урусова. Эта женщина прибыла сюда добровольно, отозвавшись на наши призывы послужить неизлечимо больным страдальцам.

Самоотверженное служение сестры, её ласковая, сердечная забота о несчастных и уход за ними значительно успокаивали больных, не давая им впасть в уныние. Умело отвлекая их от отчаянных намерений покончить жизнь самоубийством, рассеивая их мрачные думы, она своими заботами скрашивала их безотрадную жизнь.словно Ангел-хранитель, покрывающий их страдания лаской и любовью, являлась дорогая сестрица-мать, как нежно и совершенно справедливо называли больные сестру милосердия. Она обмывала им раны и струпья.

В колонию я периодически приезжал на собаках и привозил для её насельников продукты питания и каждому, согласно возрасту и полу, различные материалы для работы и рукоделия, а также журналы, книги, игрушки детям, различные игры, чтобы отвлечь несчастных от гнетущих мыслей.

В одной из комнат я устроил скромную церковь в честь святого праведного многострадального Иова и совершал там

богослужения, уделяя время для бесед и общения с насельниками этой колонии. Между нами установились близкие, дружеские отношения и взаимопонимание. За период моего полувекового священнослужения Православной Христовой Церкви мне приходилось встречать светлый праздник Пасхи и совершать пасхальное богослужение в самых неожиданных и разнообразных условиях. Я возносил молитвы, прославляя воскресшего Христа, в суровой камчатской пустыне, занесённой снежным бураном; в туземных юртах; на корабле в открытом море; на суровом берегу Великого океана; на передовых позициях в войну 1914–1915 годов, в лазарете; в дореволюционных тюрьмах; в монастыре; в Московском Кремле; в Константинополе; в Египте (Александрии); в Китае; в Японии. Но особенно запомнилась Пасхальная ночь в камчатской колонии прокажённых, где я оставил частицу своего сердца.

На Камчатке, на краю вселенной,
В могильной тьме земли забвенной,
Вдали от мира, в безмолвии, под ризою небесной,
Украшенную яркими звездами,
В глуши, в снегах, меж морем и горами
Жили отверженные люди.
Вот с этими духовными детьми,
Страдающими телом и костями
От злой, мучительной проказы,
Не видевших ни радостей,
Ничьей давно уж ласки,
Господь судил мне с ними встретить Пасху.
Без храма, без колокольных звонов,
Без роскоши и без парчи нарядной,
Без громких, шумных хоров
И без толпы парадной.
В беленькой, чистенькой хатке,
Убожеством и нищетой богатой,
Там прокажённые стояли с возжжёнными свечами,
И Божий дом молитвенный, украшенный цветам
Сияющие взоры всех, исполненные умиления,

Всё это возвещало о наступившем дне Христова Воскресенья.

В ризе скромной, под завесою алтарной,
С настроением лучезарным,
Со свечами и крестом

Я воспел песнь у престола,
Ту, что Ангелы на Небе первые воспели,
Их молитвы в сердца наши долетели.

Гимн воскресный в грудь ударил прокажённным,
И они с натугой, гласом хриплым и болезнью изнурённым,
Но душою умиляясь, пели песнь Воскресного канона.

Позабыты миром, отлучены света, эти люди –
Наши братья – Господа молили

О прощении своих грехов, о мире всего мира.

В первый раз им от рожденья,
В день великий, в день спасенья

Довелось быть за обедней в Пасху, во Христово Воскресенье.

И влекомые Христовою любовью,
Исповедались и приобщились Его Тела, Его Крови.

«Христос Воскрес! Христос Воскрес!

От радости тогда они кричали.

«Воистину, воистину Христос Воскрес!», –

Им эхом волны моря, горы отвечали.

Но вот прошёл тот день, настал разлуки нашей час,

И жаль мне расставаться с ними стало.

Но добрые воспоминанья навек остались у нас,

Хотя в духовном единении мы пробыли так мало.

А как отрадно было им со мной – судите сами!

Когда они, колена преклонив, с поникшей головой

Молили Господа о ниспослании непогоды,

Чтоб не было дороги мне; меня ж молили со слезами:

«Родной ты наш отец! ещё, ещё хоть день останься с нами».

Да, сердце ведь не камень!

Их слёзы разогрели мне его опять,

И я остался с прокажёнными друзьями,

Чтобы молитву и дружную беседу продолжать...

Буран и другие происшествия

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне.

А.С. Пушкин

Часто, пересекая Камчатку и направляясь на материк, я проезжал места, прилегающие к реке Анапке. Здесь постоянно бушуют бураны, невероятно опасные для путников, едущих на оленях или собаках. Причиной непрерывных метелей является своего рода ущелье – место между речками Пустой и Анапкой, по местному названное Щёки.

В 1911 году, в один из своих очередных проездов по злосчастной Анапке, я пересёк это ущелье, но встретился там, как говорится, лицом к лицу со смертью. Неожиданно налетевший буран снежной пеленой разделил наших пять оленьих подвод, растянувшихся на огромное расстояние. Мы потеряли друг друга из виду. Олени выбились из сил, падали от голода и невозможности преодолеть снежную пургу. Подвода с провизией затерялась где-то в снежной пустыне, и мне с моим спутником-каюром пришлось пять суток бороться со встречным ветром, заносившим нас снегом. Таким образом, мы, забрасываемые снегом, оставались голодными, так как, кроме снега, нам нечем было питаться. К тому же морозы стояли настолько сильные, что руки и ноги, обутые в меха, коченели. Мой возница, каюр-эвен, молодой парень, предложил начать поиски затерявшихся спутников и нарты с продуктами. К поясу каюра, по его совету, я привязал нерпичий ремень длиной около восьми саженей. Другой конец ремня привязал к своей нарте. Возница с остолом (палкой) в руках принялся ходить по радиусу вокруг нарты, надеясь обнаружить отставшие подводы, в том

числе и подводу с продуктами. Он долго ходил вдали от нашей нарты, и я со страхом думал о том, что бедняга уже замёрз в сугробах. При одной этой мысли меня бросало в холодный пот. Я терял силы, пытался кричать, но мой голос тонул в бешеном вое снежного вихря. Тогда я принялся подтягивать к себе ремень, но сил у меня не хватало. Сознание одиночества в беспредельной снежной пустыне и предсмертный страх заставили меня читать самому себе отходные молитвы перед смертью, казавшейся неминуемой.

Первый признак смертельного окоченения проявился прежде всего в непреодолимом сне со сладостными сновидениями. По своему содержанию они были несложные: я видел себя в родном доме, в тепле, в семейном уюте, и будто мама угощает меня различной вкусной пищей. А когда чрезмерным напряжением воли я отгонял сон и просыпался, ощущая, как колючий снег и морозный ветер обжигали моё лицо, тогда снова предсмертный страх повергал меня в отчаяние и снова прошибал холодный пот.

Наконец, когда я впал в окончательное изнеможение в жутком томлении предсмертного страха, каюр подтянул себя за ремень, приблизился к нашей нарте и, обессиленный, упал в снег.

Между тем уже на шестые сутки буран начал утихать и выяснилось, что и наши олени и олени наших спутников погибли от голода. На шестые сутки отчаянных мучений в снежной пустыне буран прекратился. Пришлось на себе тащить нарты. Когда мы выбрались из снеговых ям и посмотрели друг на друга, у каждого из нас на лице запечатлелся испуг. Самих себя мы не видели, но при виде спутников сердце сжалось от боли. Вследствие голода и нечеловеческих страданий мы были похожи на выходцев из могил. Слезы катились из моих глаз и ледяными каплями падали на меховую кухлянку. Однако хуже всего было то, что во рту у меня всё воспалилось, и, невзирая на мучительный голод, я ничего не мог есть, кроме снега.

Вижу, духи собрались средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,

В мутной месяца игре

Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре.
Сколько их! Куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?
А. С. Пушкин

Вспоминается ещё и такой случай, произошедший во время одной из моих поездок вглубь Камчатской области, едва не кончившейся трагически.

Вместе с коряками на ездовых собаках я отправился с Чукотки в селение Гижигу. Когда большая часть пути нами была пройдена и до Гижиги оставалось ехать около пяти часов, я, с согласия моих спутников-эвенов, отдал всё, что было у нас съестного и для людей, и для собак, обитателям одной из последних юрт на нашем пути: ведь приближались к своему дому, где всё есть. Стояла ясная, тихая погода, не предвещавшая ничего опасного для нашего последнего небольшого перехода.

Но неожиданно для нас начался снег с ветром, перешедший в неистовый буран; вскоре нас занесло так, что не стало видно ни зги. Собаки поджали хвосты и остановились, залепленные снегом, жутко завывая. Мы сперва не теряли бодрого расположения духа, так как были уверены в том, что буран к утру пройдёт и мы тронемся в дальнейший путь на Гижигу. Но... пришлось просидеть на месте восемь суток!

И люди и собаки страдали от голода. Сначала коряки строгали тонкую стружку дерева «тальник» – «яый» и ели, но это нисколько не утоляло голод. Древесная стружка со снегом не могла быть нормальным питанием. Тогда эвены начали убивать наиболее истощенных из своих ездовых собак. Это была единственная возможность спасти остаток собак от голода, да и эвены жадно ели сырое мясо. Они уговаривали и меня есть собаку, но я предпочел жевать нерпичий ремень с отвратительным запахом жира, хотя это нисколько не утоляло голод. Только отчаяние вынуждало меня пытаться насытиться таким способом.

На исходе пятого дня нашего сидения под снегом неожиданно блеснул светлый луч спасения. Оставшиеся в живых собаки выбрались из-под снега и радостно, весело завывали хором. Мы объяснили это тем, что: либо медведь близко, либо иной зверь, не ожидая ничего другого во время бурана.

Но вдруг к нам подъехали две собачьи нарты, и находившиеся при мне звены закричали:

– Приехал Ванька, казак Падерин!

Потеряв от голода самообладание, я выбрался из-под снега и взмолился, обращаясь к приехавшему казаку:

– Дай, Христа ради, хлеба!

Казак степенно улыбнулся и сказал:

– погоди, батюшка, прежде благослови меня... я ведь с тобой два года не встречался. благослови, а уж потом я тебе хлебушка дам.

Но в этот момент смертельной опасности от голода я забыл слова Христовой истины: не о едином хлебе человек жив будет, но всяким Божиим словом, исходящим из уст Его [ср.: Мф. 4:4].

И я страдальчески продолжал просить:

– Нет, дай хлеба!..

После того как я, опомнившись, благословил Падерина, с его помощью была укреплена нартами палатка, куда меня с опухшими ногами втащили к костру. Мы были накормлены похлебкой с юколой, хлебом и чаем. Падерин растёр мои окоченевшие больные ноги, чем значительно облегчил страдания.

Наше вынужденное сидение под снегом продолжалось с 24 января по 1 февраля. А 31 января я, собравшись с силами, полулежа в брезентовом плаще, отслужил благодарственный молебен о нашем спасении, при этом казак Падерин был певчим. После богослужения и искренней молитвы мы все как-то преобразились: настроение было светлое, радостное, праздничное, бодрое. Я, благодарный Падерину за спасение, восхищался его самоотверженностью и недоумевал, как он мог в такой буран подъехать к нам.

Как выяснилось, Падерин со своими спутниками ехал из Гижигинска. Ураган застиг его недалеко от нас, а так как ветер был для них попутный, собаки, на которых они ехали, учуяли близость нашего месторасположения и, напрягая силы, притащили своих седоков к нам. Мы вместе пробыли ещё трое суток, и я искренно говорил, что в этой сооружённой общими силами палатке согласен остаться на всё время. Затем наступила ясная погода, и мы двинулись дальше.

Как ездовые, так и охотничьи собаки на Камчатке имеют большую цену, поскольку они кормят своих хозяев, а при езде заменяют лошадь. Всего на полуострове числилось 36 000 собак. На их прокорм шло 7 миллионов штук сушёной и квашеной рыбы. Они очень смышлёные, а также отличаются особым чутьём. Например, во время больших переездов по незнакомой дороге следует более полагаться на волю собак, доверие к которым никогда не подводило. Предчувствуя в дальнейшем пути какую-либо опасность, они не пойдут той дорогой, а свернут в сторону.

Так было со мной во время дальних путешествий зимой 1911 года. Желая попасть в жилые юрты до поздней ночи, я с коряками поспешил поехать с ночлега пораньше, но когда начались сумерки, проводник-каюр с трудом различал дорогу и, как ему казалось, должен был забирать вправо, а собаки тянули влево. Он бил собак палкой, кричал на них, они выли от сильных ударов, но продолжали тянуть влево. Пока не вмешался я, битва не кончилась, но всё же каюр настоял на своём и погнал собак против их желания в правую сторону. Перед нами простиралась беспредельная снежная равнина. Собаки, позабыв недавнюю встряску, весело бежали по ровному, белому, пушистому снегу, как вдруг в один момент мы очутились в овраге глубиной 26 футов, за нами полетели вторая и третья подводы. Момент, когда мы летели, даже не был нами замечен, но когда мы оказались в глубочайшем рыхлом снегу, тут мы очнулись. К счастью, большой снежный сугроб спас нас от серьёзной катастрофы. Наша нарта немножко поломалась, а мы отделались лёгкими ушибами. Сидя в позднюю ночь в этой глубокой яме, мой каюр-коряк раскаивался за непослушание

умным собачкам. Выбраться из этого глубокого крутого оврага было нелегко.

Сначала с большими усилиями поднялся один коряк и начал юколой манить из оврага голодных собак, держа в руках конец ремня, за который были привязаны собаки к нарте. Собаки подняли неистовый вой и, желая утолить мучительный голод, полезли по крутому подъёму наверх, каюр их тянул, показывая юколу, а остальные коряки помогали собачкам поднимать по утесу нарту. Так постепенно с большими усилиями вытащили всех собак с нартами, а напоследок прицепили к ремню меня и потащили наверх, а я с полным послушанием и смирением перенёс все толчки, обвалы снега и даже для ободрения похвалил коряков и поблагодарил их.

Но самое роковое происшествие случилось со мной в другой раз, когда эти же собаки подверглись смертельной опасности при моём ночном путешествии в селение Кирганик на восточном побережье Великого океана.

Было это в феврале. До нашей остановки оставалось лишь четыре версты. Мы пересекали замерзшую реку Кирганик. Наступила полная темнота. Первая подвода в собачьей упряжи с грузом походной аптеки прошла благополучно. Во второй, гробообразной повозке, крытой меховым пологом и меховым фартуком, ехал я и спокойно спал.

Вдруг лед, ставший уже тонким, треснул под повозкой, и я вместе с поклажей, возницей и собаками провалился в образовавшуюся полынь. От ледяных потоков, так внезапно ворвавшихся под полог, я немедленно проснулся и, захлебываясь, стал выбираться из-под мехового полога и фартука. К счастью, мы провалились на неглубоком месте. И, судорожно сорвав с помощью каюра полог, я смог встать на дно реки по пояс в ледяной воде. Она мгновенно проникла под одежду, ставшую непомерно тяжёлой для моего ослабевшего тела. Стремясь выкарабкаться из воды, я выбивался из сил, захлебывался и терял сознание. Мои спутники-камчадалы с трудом спасли меня. Они вытащили меня из воды и как могли отжали воду из меховой одежды. Однако пустынная местность не давала возможности сделать привал и переодеться. В

обледенелой одежде, продрогший, превратившийся в ледяную сосульку и измученный, я ещё около суток добирался со своими спутниками до ближайшего селения. Когда же, наконец, меня внесли в тёплое жилище, я ощутил резкое повышение температуры, а наутро заболел воспалением лёгких.

Но ничто не могло утешить и остановить меня в стремлении до конца выполнить взятую на себя обязанность: нести слово Евангельского учения к пребывающим в темноте и невежестве жителям Камчатки и создать для них лучшие условия жизни.

В 1909 году, во время плавания на пароходе вдоль Охотского побережья, мне пришлось пережить тяжёлые часы неистового шторма, захватившего нас за Шатнарскими островами. Произошло это при следующих обстоятельствах. В Удском уезде близ мыса Чумикан расположено селение Чумикан. Добраться до него трудно в любое время года. На обширном пространстве нет ни пастбища для скота, ни удобного места для огородов. Весна отличается сплошными густыми и холодными туманами вследствие застоя льдин между Шатнарскими островами; в начале лета туманы чередуются с проливными дождями; осенью, до наступления холодных западных ветров, туманы не покидают злополучного уголка; наконец, с наступлением зимы приходит время пурги и метелей. Они бывают настолько сильны, что заносят избышки и прерывают всякое сообщение.

Казаки, гиляки и оседлые тунгусы составляли население посёлка, в котором насчитывалось 15–20 жилых построек. Казённый полусгнивший провиантский склад и часовня с жалкой внутренней обстановкой – вот незавидная картина Чумикана. Большей частью это жалкие, грязные избышки казаков и убогие, деревянные, обложенные землёй юрты пеших тунгусов. Число жителей около 100. Летом как здесь, так и по реке Туруру появлялись оленные тунгусы для рыбного промысла. Так как овощи там не родились, единственным пропитанием служили рыба, нерпа, олень и медведь.

Чумикан хотя и принадлежал Владивостокской епархии, но его местоположение таково, что в летнее время духовные

нужды его обслуживала Владивостокская епархия, а зимой – Якутская или Благовещенская. Чумикан для меня и, вероятно, для многих моих спутников остался надолго в памяти. Жители пригласили меня сойти с парохода, посетить их, вместе с ними помолиться и совершить требы. В их заброшенном селении они лишены были возможности видеть священника на протяжении нескольких лет. Погода благоприятствовала поездке, и компания из нескольких пассажиров, сколько мог вместить катер, отправилась в Чумикан. Всё местное население ожидало меня на берегу. Здесь под шум морского прибоя я отслужил молебен и совершил церковные требы. Кроме того, для утоления духовного голода туземцев я провёл с ними дружескую беседу, расспрашивая их о неотложных нуждах, и так как начинался морской отлив, мы должны были поспешить выйти на катере из речки. Пока мы проплывали речку, ещё не было и признаков того несчастья, которое постигло нас через десять минут.

До парохода, стоявшего в открытом море, нам оставалось ходу минут десять, как вдруг поднялся сильный ветер, туман скрыл от нас пароход, и постепенно разразился ужасный шторм. Пассажиры лежали вповалку на дне маленького катера и тяжело страдали от морской болезни, особенно мучился я, не переносивший ни малейшей качки. К тому же все продрогли, так как при отправлении в Чумикан был тёплый августовский день и пассажиры оделись в лёгкие костюмы.

Сила шторма заставила пароход уйти в открытое море, где ему не грозила опасность от подводных камней. А наш катер, подобно щепке, бросало из стороны в сторону, волнами заливало нас и машину. Наконец после долгой борьбы со стихией команда обессилела, каменный уголь истощился, пресная вода кончилась, израсходованы последние спички, которыми мы поджигали платки и рубашки в надежде, что с парохода нас заметят и окажут помощь. Но всё было напрасно.

Тёмная непроглядная ночь, непрерывный холодный дождь и гигантские волны мучили нас. Даже люди маловерные и непонимающие смысла молитвы горячо молились Богу и давали всякие обеты: только бы спастись. У плывших с нами

гиляков утонули дорогие охотничьи собаки, смытые с катера волной.

Измучившись так до крайности в продолжение 19 часов, мы были приняты на пароход с громкими, радостными криками: «Ура – спасены!»

Создание благотворительного братства

...Господь сказал мне: не говори: «я молод»; ибо ко всем, к кому пошлю тебя, пойдёшь, и всё, что повелю тебе, скажешь. Не бойся их; ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя, сказал Господь. И простёр Господь руку Свою, и коснулся уст моих, и сказал мне Господь: вот, Я вложил слова Мои в уста твои.

(Иер. 1:7–9)

Христос! Родной простор печален!

Изнемогаю на кресте!

И челн Твой будет ли причален

К моей распятой высоте?

А.Блок

Когда мне становилось особенно тяжело при виде людских бедствий и в тайниках моего сердца возникало сомнение в возможности преодоления безразличия и косности, я вспоминал Голгофу, Распятого за всех нас на Кресте Иисуса Христа, Его светлый, многострадальный лик, и мне становилось легче. Ободренный, воспрянувший духом, окрепший телом, я твёрдо знал, что вслед за страданиями всегда приходит радость и торжество Воскресения!

Подводя итоги первых шагов моей пастырской деятельности, я пришёл к выводу, что наступила пора приступить к мероприятиям по созданию Камчатского братства. Вкусив достаточно чужого горя и беспощадных бедствий пострадавшего населения Камчатки, я не только составил проект учреждения такого братства, но и наметил действенные пути его осуществления. Движимый стремлением быть полезным людям, жаждущим духовной пищи, я в 1910 году решил восстановить древний монастырь, основанный 200 лет назад монахом Игнатием (в миру казак Иван Козыревский). Обитель была создана им вблизи речушки Николки, впадающей в реку Камчатку. Когда я впервые прибыл туда, там никого не было. Осмотрев местность, где был ранее монастырь, найдя при помощи камчадалов следы бывшей обители, я решил

использовать для восстановительных работ в качестве вполне пригодного материала лиственный лес. Но для полного осуществления задуманного у меня не было денег. И в поисках выхода из создавшегося положения я стал возлагать большие надежды на задуманное мною Камчатское братство.

Мой архипастырь, Владивостокский архиепископ Евсевий, внимательно и вдумчиво прочитал мой проект, написанный под впечатлением всего мною пережитого, и ответил:

– Блажен, кто верует! Вы, отец Нестор, молодой пастырь, но уже успели вкусить горя людского среди суровой жизни на Камчатке и по доброте своей сердечной ищите пути помощи посредством создания братства. Многие будут зависеть от Святейшего Синода, который имеет право утверждать подобные братства с такой широкой программой деятельности. Но если вы верите в благую возможность, я благословляю вас поехать в Петербург. Там в Синоде через митрополита Петербургского Антония³²⁷ продвигайте ваш проект. Со своей стороны, я дам вам письмо к нему. Владыка Антоний председательствует в Синоде. Он архипастырь гуманный и, быть может, пойдёт вам навстречу. Расскажите ему подробно об ужасах, с которыми вы столкнулись в жизни насельников Камчатской области.

Обер-прокурор непримирим

И вот после долгих странствований я прибыл в Петербург – огромный, многолюдный, нарядный и шумный, город чопорных сановников, столицу Российской Империи.

По прибытии я явился к первоприсутствующему³²⁸ в Святейшем Синоде митрополиту Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому). Он принял меня ласково, внимательно выслушал и отвёл мне келлию в Александро-Невской Лавре, где я мог продолжить разработку деталей, касающихся создания Камчатского благотворительного братства.

Я, молодой иеромонах, и не предполагал в своей безвестности и скромности, что мои слова – слова человека, прибывшего из далёкой, в те годы неведомой широкой публике Камчатки, из дымных подземных юрт, – по приезду в столицу получат широкую огласку и известность, в том числе в докладах и в кулуарах Государственной Думы, а также в лекциях и в залах различных петербургских церковных и общественных учреждений.

В Александро-Невской Лавре, в моей скромной келлии, меня посещали некоторые члены Государственной Думы. В один из таких визитов мне сообщили, что проект задуманного мною Камчатского братства встретил одобрение и поддержку всех депутатов, независимо от политических взглядов и партийных группировок. Однако, как мне разъяснили тогда, принятие конкретных мер и оказание материальной помощи не входит в компетенцию Государственной Думы. Поэтому окончательного решения надо ожидать от Святейшего Синода. Тем не менее мне были обещаны исходатайствованные мною при докладе в Государственной Думе 25 тысяч рублей на восстановление Камчатской показательной трудовой обители, наподобие существовавших тогда Валаамского, Соловецкого и Шемановского (в Уссурийском крае) монастырей.

Между тем и митрополит Антоний благожелательно отнёсся ко мне и моему проекту. Он посоветовал обратиться за

содействием к обер-прокурору Святейшего Синода Лукьянову³²⁹.

Не без робости вошёл я в здание Синода и попросил дежурного чиновника доложить обо мне обер-прокурору. Когда дошла очередь, меня пригласили в кабинет. Суровый на вид, замкнутый, Лукьянов строго взглянул на меня, критически окинул холодным взглядом с головы до ног и, не дав даже отрекомендоваться, спросил отрывисто:

– Кто такой?.. Откуда? Зачем явились в Синод?!

Я назвал себя и кратко объяснил причину своего дальнего путешествия. При этом я подал обер-прокурору проект устава Камчатского братства и свои доклады, касающиеся церковно-просветительской и благотворительной деятельности на Камчатском полуострове. Однако Лукьянов не дослушал меня и заявил:

– Имейте в виду, что Святейший Синод не будет рассматривать устав Камчатского братства! Пусть этим займется ваш епархиальный архиерей.

На мою попытку внести некоторую ясность обер-прокурор с оттенком раздражения в голосе повторил:

– Я вам ясно сказал, что мы в Петербурге не будем этим заниматься, а вы можете возвращаться на Камчатку. Мне не о чем с вами разговаривать.

Кивнув головой в знак, окончания аудиенции, Лукьянов сказал:

– Мне подали лошадей. Я должен ехать.

Присутствовавший при этом управляющий синодальной канцелярией открыл дверь и выжидательно смотрел на меня, пока я не ушёл.

Чрезмерно огорчённый, оскорблённый за себя и своего архиерея, я покинул здание Синода. По дороге в Александро-Невскую Лавру я обратил внимание на ювелирный магазин в одном из домов на углу Невского проспекта и площади Николаевского вокзала. У меня моментально возникла мысль заказать здесь орденские знаки для задуманного мною Камчатского братства, что я и сделал. Эскизы, выполненные в соответствующих красках, с пояснениями были при мне.

Владелец ювелирного магазина Н.Г. Линдер внимательно выслушал меня и сказал:

– Если в дальнейшем моей фирме будет поручено изготовление орденских знаков для Камчатского братства, то я в виде подарка или, вернее, бесплатной премии сделаю все четыре модели.

Конечно, я охотно с этим согласился, хотя после холодного приёма и отказа в Синоде с заказом можно было не спешить.

Спустя несколько дней, ещё ничего не добившись, я отправился в ювелирный магазин. Линдер с многозначительной и довольной улыбкой раскрыл передо мною футляр с изготовленными орденскими знаками всех четырёх степеней. Они были выполнены прекрасно, с отделкой из золота, серебра и эмали. Я невольно залюбовался.

Орденский знак 1-й степени был в виде обычной звезды, с той лишь разницей, что в середине её на фоне белой эмали была изображена голова Спасителя, так как Камчатское братство предполагалось назвать Спасским. Кружок белой эмали заканчивался крестообразно (синей и красной эмалью). Плоское кольцо являлось опорой острой звезды. Внутри, на белой эмали, написаны были золотыми буквами слова из Евангелия: «Убеди внити, да наполнится дом Мой».

Смысл этих слов, согласно Евангельскому сказанию, означал следующее: когда господин пригласил к себе на пир знатных гостей, то все они отказались, ссылаясь на занятость и другие причины. Господин тогда приказал слугам своим выйти на перекрёстки дорог и собирать всех бедных, убогих с приглашением «внити, да наполнят дом». Я полагал, что подобная надпись будет вполне соответствовать духу и смыслу Камчатского братства.

Между тем, пребывая в состоянии огорчения и неведения о судьбе задуманного мною проекта, я внезапно был ободрен и обрадован. Совершенно случайно и неожиданно для меня я, возвращаясь в отведённую мне келлию, встретил у входа в Лавру своего авву, епископа Андрея, постригавшего меня в монашество и благословившего на миссионерское служение на Камчатке. Он прибыл в Петербург из Казани по делам духовной

православной миссии среди татар. Я рассказал ему о бездушном отношении к идее создания Камчатского братства со стороны обер-прокурора Святейшего Синода Лукьянова. При виде моего огорчения и некоторой растерянности владыка Андрей предложил тотчас же ехать с ним к директору духовных дел инославных исповеданий Харузину³³⁰, к которому он ехал по личному делу. По дороге епископ Андрей сообщил мне, что этот сановник – глубоко верующий христианин, истинный патриот, весьма гуманный и отзывчивый человек, в чём я сам скоро убедился.

Харузин внимательно слушал мой сжатый рассказ о далёкой Камчатке и её всеми забытых обитателях. Бегло ознакомившись с Проектом устава, он подписался

первым учредителем Камчатского благотворительного братства, после чего написал более ста адресов представителей столичной знати и дал от себя общее письмо для всех.

– Пойдите к каждому из них, – посоветовал он мне, – и никто не откажется стать в ряды членов учредителей Камчатского братства. Не смущайтесь, идите в их дома. Да поможет вам Бог. Такое великое и полезное дело вы, отец Нестор, начинаете, и долг для всех нас, русских людей, поддержать вас и помочь.

Снова окрылённый надеждой, радостно-возбуждённый, я отправился по указанным адресам. И действительно, нигде, ни от кого не было отказа в подписи. Ознакомившись с уставом, эти новые учредители братства давали и от себя дополнительные адреса. Таким образом мне удалось за короткое время собрать свыше двухсот подписей, в том числе от членов Государственного Совета, Государственной Думы, профессоров, директора Государственного банка, генералов и других высокопоставленных лиц.

У Государя Императора

Спустя некоторое время ко мне явился незнакомый гвардейский офицер, как я впоследствии узнал, флигель-адъютант личной канцелярии Его Величества. С изысканной любезностью придворного служаки он вручил мне пакет от управляющего императорской канцелярией генерала Мосолова³³¹. В пакете было извещение о том, что Государь Император приглашает меня в Царское Село для заслушивания моего сообщения о камчатской пастырской деятельности. Но предварительно для инструктирования я должен был прибыть к генералу Мосолову.

И вот я, всего лишь достигший 25-летнего возраста, в скромном монашеском одеянии, неискушённый в тонкостях придворного этикета, предстал пред статным, с бравой гвардейской выправкой и изысканными манерами царедворцем в орденах и лентах.

– Вам будет вручён пригласительный билет, – объяснил мне генерал Мосолов, – но предупреждаю вас, что в разговоре с Его Величеством надо быть простым, говорить без высокопарности и, главное, соблюдая придворный этикет, не задавать Государю Императору никаких вопросов.

Наконец – это было Великим постом – я получил пригласительный билет. В нём были указаны маршрут и время отправления поезда, которым я должен был следовать в Царское Село. Кроме того, было указано, что у Царскосельского вокзала меня будет ожидать придворный экипаж.

С вполне понятным волнением я готовился к аудиенции у Монарха величайшей в мире Империи. Не зная ещё, какой оборот примет предстоящая беседа, я решил во что бы то ни стало просить Царя оказать высокое покровительство в скорейшем утверждении Святейшим Синодом устава Камчатского благотворительного братства. Я думал, как мне лучше, без нарушения придворного этикета, убедительно, ярко обрисовать жалкое прозябание и постепенное вымирание камчатского населения. Предстояло дать понять Царю, что мне

одному, скромному священнослужителю, не по силам облегчить участь камчатского населения, поэтому, по благословению архиепископа Евсевия, следовало бы организовать Камчатское благотворительное братство.

По прибытии на Царскосельский вокзал ко мне подошли два дворцовых человека в красном придворном одеянии, специально посланные, чтобы встретить меня. Они спросили:

– Вы будете камчатский иеромонах Нестор?

Получив утвердительный ответ, они взяли меня под руки и повели к карете. Это несколько смутило меня, довольно молодого, и я возразил:

– Благодарю вас... Я сам... Ведь я не старик... не поддерживайте меня под руки.

Оба они молча улыбнулись. Один из них нёс мой портфель с проектом устава Камчатского братства и модели орденских знаков.

Когда меня бережно усадили в карету с накладными сверкающими позолотой гербами, пара великолепных лошадей в роскошной упряжи помчалась по благоустроенной дороге, ведущей к царскому дворцу. Карета подкатила к крыльцу, с него сошёл в парадной форме дежурный генерал. Он проводил меня в апартаменты, сообщив:

– Сейчас вас примут Их Величества.

Действительно, не прошло и пяти минут, как дежурный генерал в сопровождении придворных скороходов, одетых также весьма пышно, провёл меня в царский кабинет. Я увидел возле большого письменного стола Императора в скромной полковничьей форме. Рядом с ним также в довольно скромном одеянии стояла Императрица Александра Феодоровна.

Помолившись на образ Спасителя, стоявший в углу кабинета, я затем глубоким поклоном приветствовал венценосных супругов. Государь улыбнулся и ласково произнёс:

– Здравствуйте, отец Нестор! О вас и о вашем прибытии с Камчатки в Петербург я имел сведения из Государственной Думы. Я хотел бы опять видеть вас работающим на благо камчатского населения... Чем бы я мог быть вам полезен?

С этими словами Государь сложил ладони рук и попросил меня:

– Благословите, отец Нестор!

Получив благословение, он поцеловал мою, а я его руку. Таким же образом произошло моё знакомство с Царицей.

– Расскажите, отец Нестор, о Камчатке, о нуждах её населения, – негромко предложил мне Николай II, и в его голосе я почувствовал любознательность человека, заинтересовавшегося вдруг местами и людьми, доселе ему неизвестными и неведомыми.

– Впрочем, – продолжил он, – когда я ещё был наследником престола и совершал поездку по Дальнему Востоку, мне в числе многочисленных делегаций были представлены во Владивостоке камчадалы и коряки.

Дав этими словами направление нашему разговору, Император с Императрицей внимательно слушали мой рассказ о трудностях, встречавшихся в моей пастырско-миссионерской деятельности на далёкой Камчатке. Попутно я рассказал им о несметных природных богатствах Камчатского края, о жалком, полном материальных и духовных лишений прозябании её обитателей. Затем я перешёл к вопросу о задуманном мною Камчатском благотворительном братстве во имя Всемиловитейшего Спаса, кратко изложив содержание устава, вручив Государю его проект, и наконец раскрыл футляр с великолепно выполненными образцами орденских знаков, а также развернул цветной рисунок с их эскизами.

Государь взял орденский знак 2-й степени, приложил к груди и вслух высказал восхищение, а об уставе сказал:

– Основательный устав и весьма ценный для оказания широкой помощи населению края.

При виде некоторого замешательства с моей стороны Царь обратился ко мне с вопросом:

– А кто должен утверждать устав? Вероятно, Святейший Синод?

– Да, Ваше Величество, – ответил я, – Святейший Синод должен был бы утверждать, но неприветливый приём, оказанный мне обер-прокурором Лукьяновым и его предвзятость

привели к тому, что устав даже не рассматривался на заседании Синода. Мне же было приказано возвращаться на Камчатку по той причине, что вопрос о создании братства касается Приморской епархии, хотя в проекте устава предусмотрено создание филиалов этого благотворительного братства в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и других городах Российской Империи. И это, следовательно, не епархиальное, а всероссийского масштаба общество, устав которого утверждается Синодом.

Государь между тем, рассматривая орденские знаки и приложенные к ним художественно исполненные эскизы, сказал:

– Очень красивые, но ведь это обычная орденская звезда, принятая у нас. Лучше несколько видоизменим её.

При этих словах Николай II взял со стола сине-красный карандаш, зачеркнул им на эскизе некоторые звёзды и провёл замкнутую линию. Получился гофрированный крест с вогнутыми краями.

– Нравится вам, отец Нестор, такой орден? – спросил Император, не выпуская карандаш из рук.

– Даже очень нравится! – воскликнул я и неожиданно для себя, вопреки придворному этикету, спросил:

– Ваше Величество, не разрешите ли Вы будущему Камчатскому благотворительному братству дать покровителя в лице Наследника, Цесаревича Алексея Николаевича? Ведь на отдаленной Камчатке живут чистые сердцем дети природы, и покровительство вашего Августейшего сына облегчит их участь.

Государь обернулся к Царице и, указывая на неё обеими руками, сказал, улыбаясь:

– Как мать!

Поклонившись Императрице, я повторил свою просьбу.

И Царица со сдержанной улыбкой ответила:

– О да, я согласна, очень рада, что мой сын... любимый сын будет покровителем Камчатского братства... Это очень хорошо!

При виде моей неопишуемой радости Государь сказал:

– Но, отец Нестор, имейте в виду, что Наследник Цесаревич сможет стать покровителем Камчатского братства только в будущем году, когда ему исполнится 7 лет и наступит его

духовное совершеннолетие. И вы, отец Нестор, обязательно приезжайте на будущий год к нам с Камчатки к Цесаревичу как к покровителю создаваемого вами братства.

С этими словами Николай II опять взял цветной карандаш и снова занялся видоизменением эскиза орденового знака 1-й степени. После мгновенного раздумья он изобразил на верхней части эскизного креста синим карандашом кружок с буквой “А” и вопросительно взглянул на меня. Я понял, что буква “А” означает имя наследника – Алексей.

Тем не менее на царский вопрос я ответил не сразу. Задумался. Ведь, признаться, мне не вполне понравилась поправка. Тем временем Царь дал мне карандаш, и я на остальных трёх эскизах изобразил эмблемы: “Н”, “А”, “М” (что должно было обозначать имена остальных членов Царской фамилии: Николай – Император, Александра – Императрица и Мария – вдовствующая Императрица).

– Видите, – продолжал Государь, – получилось красиво, симметрично... Так ведь будет хорошо? Я эти ордена утверждаю.

Мне осталось только благодарить.

После небольшой паузы Государь, как бы что-то вспомнив, спросил меня:

– Отец Нестор, вероятно, у вас большие разъезды и большие расходы?

Я ответил, что получаю всего лишь 40 рублей в месяц, а за каждую подводу при каждой поездке необходимо платить по 6 копеек с версты. А мне приходится брать пять собачьих подвод. Поэтому вся надежда на будущее Камчатское братство.

– Вы ведь знаете, отец Нестор, – с горькой усмешкой сказал Царь, – как поступают люди? С глаз долой и из сердца вон. Сначала вас, возможно, выслушают, много наобещают, а потом забудут. Поэтому приезжайте периодически к нам в Петербург. Обязательно приезжайте и здесь с нами решайте все наболевшие вопросы.

Я высказал сожаление по поводу того, что дальнейшие поездки для меня будут весьма обременительны.

– Не беспокойтесь, – успокоил меня Государь, – я распоряжусь о том, чтобы министр путей сообщения Рухлов³³² обеспечил вас постоянным бесплатным билетом по всем дорогам Российской Империи.

Отказ Синода

После приёма в Царскосельском дворце я возвращался в Александро-Невскую Лавру будто в радостном сне. Кругом меня шумела нарядная столица, сверкали лакированные экипажи, звонко дребезжали трамваи, раздавался цокот копыт рысаков, проносивших в пролётках нарядных петербуржцев. В сизом сумраке угасающего дня расплывчато вырисовывались громады красивых и богатых домов, колонны и башни дворцов, купола храмов. А перед моим мысленным взором неотступно стояла угрюмо-пустынная Камчатка с её убогим бытом и полудикими туземцами.

В этот же день я счёл необходимым сообщить обо всём произошедшем при моём посещении царского дворца митрополиту Антонию. Владыка внимательно выслушал меня и со вздохом облегчения произнёс:

– Ну вот и слава Богу! Видите, отец Нестор, какой вы счастливый, как всё хорошо получилось. Вас, скромного иеромонаха, принял в своих царских чертогах хозяин Земли Русской и обещал удовлетворить все ваши камчатские нужды. Но, отец Нестор, не забывайте о том, что задуманного вами братства ещё нет. Поэтому вам надо пойти к обер-прокурору Лукьянову и добиться обсуждения, а главное, утверждения устава Камчатского братства на ближайшем заседании Святейшего Синода. Тем более что орденские знаки уже одобрены Государем.

Вскоре после этого разговора в одной из влиятельнейших столичных газет «Новое время» была помещена информация от канцелярии двора Его Величества о том, что в Царскосельском дворце был принят Государем Императором иеромонах Нестор; прибывший с Камчатки. Это сообщение меня обнадежило, и я больше не сомневался в успехе своего начинания. А первоприсутствующий митрополит Антоний пообещал на очередном заседании Святейшего Синода поставить на повестку дня обсуждение проекта устава Камчатского благотворительного братства.

В назначенный для этого день я уже с утра находился в синодальном здании. Обер-прокурор Лукьянов, в силу непонятных мне причин, с видом оскорблённого вельможи при виде меня надменно закричал:

– Запомните, что никакого Камчатского братства не будет! Можете сейчас же уезжать на Камчатку!

Тем не менее, когда началось заседание Святейшего Синода, я, взволнованный, ходил взад и вперед в вестибюле на верхнем этаже синодального здания.

Когда заседание закончилось, навстречу мне вышел митрополит Антоний вместе с благожелательно отнёсшимся ко мне членом Святейшего Синода, Виленским архиепископом Никандром³³³. Оба они предварительно знакомились с проектом устава братства и с одобрением отозвались о нём, утверждая, что подобный по широте и размаху устав благотворительной организации они встретили впервые. Подойдя к ним, здесь же в вестибюле, под благословение, я вопросительно взглянул на митрополита Антония, ожидая услышать от него долгожданную радостную весть об утверждении устава, но Владыка с оттенком раздражения в голосе сказал негромко:

– Ничего не вышло... Поезжайте обратно на Камчатку!.. Послужите-ка там ещё лет... сорок!..

Он не закончил своей горько-иронической мысли, и её как бы закончил с откровенной беспощадностью владыка Никандр:

– Ну и посмеялись, отец Нестор, на заседании Синода над вашим Камчатским братством!..

Не щадящее моего самолюбия высказывание глубоко потрясло меня. Я пошатнулся и упал на каменный пол вестибюля, потеряв сознание. Я сильно ушиб голову. Когда меня привели в сознание, я лежал на диване в какой-то незнакомой комнатке синодального здания, огороженный ширмой. В ногах у меня сидел обер-прокурор Лукьянов. Вблизи него за столиком я заметил доктора в белом халате, наливающего из склянки в стаканчик лекарство. Голова моя была забинтована. На столике среди лекарств стояла большая тарелка с супом. Едва я осмотрелся, силясь осознать, что здесь

происходит, как раздался безразличный, с некоторым оттенком раздражения голос обратившегося ко мне Лукьянова:

– Вот видите, отец Нестор, до чего вы голоден, слаб и падаете в обморок от истощения. Ешьте сейчас же этот суп! Подкрепляйтесь!

Нервы мои, вследствие тяжёлых переживаний последних дней, были взвинчены до того, что я совершенно неожиданно для себя громко закричал:

– Я приехал в Петербург, в Святейший Синод с далёкой Камчатки не суп есть, а хлопотать об утверждении устава братства!

Лукьянов сердито скользнул по мне взглядом и с подчеркнутой суровостью ответил:

– Это дерзость!

И с этими словами встал, вызвал синодального дежурного чиновника, приказав ему:

– Отец Нестор должен здесь ночевать. Никуда его не пускайте. Он истощён, кормите его супом.

На мои попытки возражать, а также уйти в Лавру Лукьянов не обратил внимания. Взглянув строго на доктора, он сказал:

– А вы оказывайте ему медицинскую помощь. Укрепляйте его организм.

В это время за ширмой раздался незнакомый мне голос:

– Где здесь отец Нестор, монах с Камчатки?

Лукьянов насторожился, взял из рук вошедшего незапечатанный конверт, извлек из него карточку, прочел и сказал:

– Вот видите, вы больной, слабый, а вас на пятницу приглашают в Аничков дворец на приём к вдовствующей Государыне Императрице Марии Феодоровне. Но, повторяю, вам надо оставаться в постели! Вам нельзя ехать! Здесь указан номер телефона и надо уведомить, что вы по болезни не будете.

Я возразил и взял из рук Лукьянова пакет.

В Аничковом дворце

В пятницу на шестой неделе Великого поста, ещё не оправившись полностью от ушиба, я, по приглашению вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, направился на приём в её резиденцию – Аничков дворец в Петербурге. Там меня встретил приветливый и обходительный старик-генерал, ещё довольно бравый и элегантный князь Шервашидзе³³⁴. Вместе с ним я поднялся на второй этаж, и в огромном роскошном зале мы сели в ожидании приёма.

Мимо меня прошли во внутренние апартаменты двенадцать фрейлин с шифрами³³⁵, недавно окончившие Петербургский институт. Они шли на приём. Это продолжалось недолго, и вскоре генерал Шервашидзе объявил о том, что мне можно зайти в кабинет Государыни.

Скороход открыл дверь, и я увидел стоящую посреди кабинета немолодую женщину невысокого роста, в чёрном бархатном платье, с причёской барашком. На моё приветствие Мария Феодоровна ответила грубоватым контральто:

– Здравствуйте, отец Нестор! Мой сын очарован вами. Он в восторге от вашей пастырско-миссионерской деятельности.

Я растерялся, напрягал усилия, собираясь с мыслями, не понимая, о каком именно сыне идёт речь. Она поняла моё замешательство и пояснила:

– Мой сын – Николай II.

Усадив меня в кресло, Мария Феодоровна начала расспрашивать меня о жизни и деятельности на Камчатке, попутно интересуясь встречающимися нуждами и трудностями. Она признала важность и необходимость создания Камчатского братства. Ей понравилось, что покровителем его будет её внук – престолонаследник Алексей.

– Вот почему мне так хотелось увидеть вас, отец Нестор, и поговорить с вами. Может быть, я смогу быть вам чем-нибудь полезной, – полувопросом закончила она.

Я медлил с ответом, думая про себя о том, что «жалует царь, да не милует псарь», но, не решаясь высказать вслух

столь резкую мысль, ответил:

– Очень жаль, что обер-прокурор Лукьянов упорно не желает даже ознакомиться с проектом устава и не хочет ставить его на утверждение Синодом.

– Ай-ай-ай, – воскликнула с сожалением Мария Феодоровна и, участливо рассматривая меня, спросила:

– Почему у вас, отец Нестор, такой бледный вид?

В некотором замешательстве я объяснил ей:

– У меня на голове опухоль. Дело в том, что я упал на каменный пол в Синоде при известии об отклонении проекта устава Камчатского братства, потеряв сознание.

– Как это ужасно! – испуганно округлила глаза Мария Феодоровна. – Как же так! Мне Император рассказал, что у вас будет покровителем мой внук и что Государь утвердил ордена братства.

А когда я рассказал ей эпизод с тарелкой супа, предложенной мне обер-прокурором Святейшего Синода Лукьяновым, она произнесла, сочувственно улыбаясь:

– Это было бы смешно, если бы не было так грустно!

Мария Феодоровна задумалась и сказала:

– Вот что, отец Нестор, я вас оставляю на некоторое время. Побудьте одни.

С этими словами она ушла во внутренние покои дворца. Прошло не менее получаса, пока открылась дверь и вернувшаяся Мария Феодоровна сказала на ходу:

– Отец Нестор, поздравляю вас! Теперь у вас есть Камчатское братство, у вас есть покровитель – Цесаревич Алексей. В этот момент у Императора с докладом находится обер-прокурор Лукьянов. Я говорила со своим сыном по телефону и узнала, что на заданный Государем вопрос о Камчатке, о количестве находящихся там церквей, их состоянии, а также о нуждах православных христиан, о вашей миссионерской работе Лукьянов не мог дать обстоятельных, исчерпывающих ответов. Поэтому Государь Император велел вам, отец Нестор, совместно с обер-прокурором Синода рассмотреть устав Камчатского благотворительного братства и

утвердить его архиерейскими подписями, когда возобновится сессия.

Аудиенция закончилась принесением Императрице благодарности с моей стороны.

Камчатский негр

Я возвращался в отведённую мне келлию Александро-Невской Лавры, охваченный противоречивыми мыслями. С одной стороны, меня радовал благоприятный исход начатого мною дела, но в то же время как патриота, горячо любящего свою Родину, меня повергало в уныние то безразличие, бездушие, которое я почувствовал при встрече с Лукьяновым, ограниченным бюрократом, не живущим интересами России. Невежественная неосведомлённость его и подобных ему сановников, да и другой столичной публики о состоянии богатейшего и к тому же пограничного края, каким являлась Камчатка, ужасали меня... Иногда дело доходило до анекдотической ситуации.

Однажды, когда я пребывал в состоянии душевной удовлетворенности в связи с утверждением Камчатского благотворительного братства, ко мне в келлию в Александро-Невской Лавре пришёл Ямбургский³³⁶ викарный епископ Никандр.

По поручению митрополита Антония он передал мне его распоряжение и благословение в ближайшее воскресенье выступить в зале столичного епархиального дома с докладом о Камчатке и о моей пастырской деятельности. Я знал, что в Петербурге, на Стремянной улице, в епархиальном здании есть огромный лекционный зал, в котором обычно собирается много народу. Меня это несколько озадачило. Я растерялся и пытался отказаться от этого предложения, но епископ Никандр был неумолим. Он только пояснил мне, что послушать сообщение о Камчатке явятся все члены Святейшего Синода, в том числе три митрополита и архиереи.

Спустя некоторое время, по распоряжению обер-прокурора Святейшего Синода, были разосланы пригласительные билеты. С волнением я начал готовиться к лекции. При мне было до двухсот негативов фотоснимков из жизни насельников Камчатской области. Пришлось срочно заказать цветные диапозитивы.

4 декабря, в день, назначенный для моего первого публичного выступления, я, естественно, нервничал. А тут, в довершение всех волнений, меня обескуражила и возмутила легкомысленная выходка одной из столичных газет.

Дело в том, что все столичные газеты поместили сообщение о моей предстоящей лекции. Но когда я однажды утром взял в руки «Петербургскую газету», то не поверил своим глазам. Прежде всего меня возмутила и удивила нелепейшая иллюстрация на страницах этого печатного органа. На ней был изображён монах-негр в чёрной рясе греческого покроя и в греческой камиллавке. Монах этот был совершенно чёрный; оттопырив пухлые губы, он улыбался со страницы «Петербургской газеты», сообщавшей крупным шрифтом: «Камчатский монах Нестор-негр». Внизу под этим сообщением было напечатано: «Иеромонах Нестор-негр прибыл с Камчатки и сегодня в епархиальном доме на Стремянной улице сделает доклад о Камчатке, где он служил, разъезжая по делам священнослужения на лодке с Камчатки на Ямайку. Он плохо говорит по-русски, но хорошо владеет английским языком. Вход на его лекцию для всех бесплатный».

Прочитав эти строки, я вознегодовал и в то же время готов был рассмеяться. Ведь я до сих пор не знаю английского языка, ни разу не был на Ямайке. Теряясь в оценке, чего больше в этом нелепом сообщении – глупости или издевательской наглости, – я не знал, что предпринять, и готов был отменить лекцию.

Взволнованный, я позвонил по телефону редактору. Когда раздался его деловито-вопрошающий голос, я ответил:

– Как вы слышите, господин редактор, с вами говорит на чистейшем русском языке иеромонах Нестор, такой же «негр», как вы... эфиоп!

– Что за дерзость? – попытался возмущаться редактор.

– А вот возьмите в руки сегодняшней номер редактируемой вами газеты и полюбуйтесь, как вы там расписали меня, – уже успокоившись, но с трудом сдерживая смех, ответил я, закончив свой протест требованием объяснить причину мистификации.

Спустя некоторое время раздался телефонный звонок, и редактор извиняющимся тоном сказал:

– Простите, отец Нестор, но, как я выяснил, произошло чрезвычайно досадное недоразумение, я бы сказал, проявление грубого невежества со стороны одного из наших репортеров. Видите ли, мы послали его в Лавру, где, как нам стало известно, остановился проездом иеромонах Нестор, известный своей миссионерской деятельностью на далёкой Камчатке. Репортеру велено было проинтервьюировать вас... Но этот, я бы сказал «строчкогон» и невежда, встретив в лаврских воротах выходявшего монаха-негра, вообразил, что это вы. Он остановил его и, тыча пальцем в грудь, спросил:

– Камчатка?

Негр с недоумением ответил:

– Ямайка!

В дальнейшем разговоре ни репортер, ни негр-монах не поняли друг друга, так как беседа их проходила на разных языках. Остальное при написании заметки репортеру подсказала его необузданная фантазия, подгоняемая его абсолютной неосведомленностью о Камчатке.

Позже стало известно, что в дни, когда я в Александро-Невской Лавре готовился к докладу, там же жил некий негр-монах с острова Ямайка, по имени Рафаил. Его-то и принял ретивый репортёр за иеромонаха Нестора с Камчатки³³⁷.

На этом история с негром не закончилась. В назначенное для лекции время я отправился на извозничьих дрожках к Стремянной улице на угол Невского проспекта, но из-за толпы, собравшейся у входа в епархиальный дом, подъехать было невозможно. Я сошёл с дрожек, но и пешком пробраться сквозь толпу было трудно. Улица была запружена народом. Люди различного возраста и общественного положения стремились к входу в здание, где должна была состояться лекция «негра с Камчатки». Меня толкали, не пускали вперёд и не хотели выслушивать мои просьбы и объяснения.

– Вы же видите, батюшка, – волнуясь и даже не глядя на меня, объяснял какой-то мужчина из толпы, – мы сами никак не можем пробраться в зал послушать негра-монаха с Камчатки.

Я несколько раз пытался рассеять их ошибочные предположения, рассказать вкратце историю появления нелепейшей газетной информации о «негре с Камчатки», но меня никто не слушал. Наконец вместе с толпой счастливцев мне удалось протиснуться в прихожую епархиального дома. Но и здесь создалась пробка. Пробриться к лестнице мне долго не удавалось. Кругом меня стоял невообразимый шум. Все кричали, спорили и не слушали друг друга. Я застрял в дверях с грустной мыслью о том, что дальше в зал мне вряд ли удастся пройти.

В это время меня сквозь пар, клубившийся в зале над головами сидевших там «счастливчиков», увидел отец протоиерей Дернов, недавно избранный председателем Петербургского отделения благотворительного братства. Он велел собравшимся в зале пропустить меня и сжато объяснил при этом сущность произошедшей ошибки о «негре-монахе».

Когда шум и говор утихли, в зал начали входить митрополиты, архиепископы и епископы. Они усаживались за большим столом. В центре их – владыка Антоний. Он вынул из портфеля «Петербургскую газету» и, указывая на нелепую заметку о «негре с Камчатки», спросил меня:

– Что это такое?

Я коротко объяснил. Все сидевшие за столом рассмеялись, называя меня в шутку негром.

Когда все встали и хором пропели молитву, мне предоставили слово для доклада. Замечу, кстати, что описанное мною невежество в вопросах, касающихся отдаленной от столицы Камчатки, было не единичным явлением, а свойственно многим представителям старой России. Поэтому в своей лекции я подробно рассказал о городе Петропавловске, о Камчатской области, об иерархах и святынях этого края. Упомянул о типах камчатских жителей, об их нравах и обычаях.

После моего доклада митрополит Антоний объявил о том, что сейчас по рядам пройдут сборщики пожертвований на Камчатское благотворительное братство. Была собрана

огромная сумма. Среди золотых, серебряных монет и кредитных билетов были кольца, браслеты, серьги с бриллиантами, крестики и многие другие ценности. Немедленно по окончании сбора был составлен акт, и всё собранное вручили мне в дар Камчатскому благотворительному братству.

В заключение состоялся духовный концерт любителей церковного пения, в основном учителей церковно-приходских школ. Сумму, вырученную за своё выступление, они отчислили также в пользу Камчатского братства.

Продолжая ещё некоторое время оставаться в Петербурге по делам, я был приглашён к старушке-вдове генеральше Александре Алексеевне Куракиной. Это была добрейшая и наивнейшая в своей оригинальной простоте знатная русская женщина. Она по рекомендации вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны (как бывшая её статс-дама) была приглашена в число членов-учредителей Петербургского отделения Камчатского благотворительного братства. Куракина сказала мне, что желает помочь и делом, и деньгами, тем более что её удостоили избранием в вице-президенты столичного отделения братства. Особенно ей хотелось быть полезной в создании задуманного мною монастыря на Камчатке.

И вот, не долго думая, Куракина сняла с себя золотую цепь, украшенную бриллиантами и сапфирами, которую ей в молодости подарила при поездке в Данию Императрица Мария Феодоровна. А так как на цепи был ещё лорнет, она сняла его и сказала:

– Мне кажется, что лорнет на Камчатке не нужен... А вот эту цепь разрешите, отец Нестор, преподнести в дар вашему благотворительному братству.

В дальнейшем при каждом посещении Петербурга я обязательно навещал Александру Алексеевну Куракину. И всякий раз она задавала мне вопрос:

– Нашли ли вы, отец Нестор, достойную, энергичную монашествующую братию для Камчатского монастыря?

Я отвечал ей, что это не так-то просто и я предполагаю посетить монастыри со строгим уставом для подбора

деятельных, трудолюбивых монахов. Но старушка-генеральша не соглашалась со мной.

– Вы не понимаете меня, – твердила Куракина, – вы не понимаете, отец Нестор, как вы этим тормозите своё доброе дело. Вот вы остановились в Александро-Невской Лавре. Там очень много монахов, и не все они там нужны. Я рекомендую вам подходить к каждому встретившемуся в Лавре монаху со словами: «Стой, монах! Ты нужен на Камчатке в монастыре. Поезжай со мной!»

Как я ни старался убедить Куракину в том, что «отобранные» таким путем монахи не подойдут для сурового труда на Камчатке и вряд ли согласятся расстаться с сытой жизнью в столичной Лавре, старушка-генеральша продолжала настаивать на своём, и мы оставались взаимно огорчённые.

Когда же я спустя день-два опять приходил к ней, она принимала меня с распростёртыми объятиями и повторяла, сокрушённо покачивая головой:

– Ах, какая я дура! Как только, отец Нестор, вы ушли от меня, я задумалась над вашими словами и пришла к мысли, что вы правы. Не берите к себе на Камчатку столичных монахов!

Как-то во время такой беседы лакей доложил, что к Александре Алексеевне пожаловала графиня Мусина-Пушкина. Куракина, не задумываясь, ответила лакею:

– Скажи графине, что я сейчас очень занята, у меня отец Нестор с Камчатки. Я никого не принимаю. Пусть пожалует в другой раз.

Но в это время настежь распахнулась дверь и вместе с перепуганной горничной стремительно вошла старуха-графиня Мусина-Пушкина.

– Я к вам на минутку! – прохрипела она.

– Я не могу вас принять. Уйдите! – завопила Куракина. – Вы видите, у меня отец Нестор...

И как графиня ни пыталась броситься с широко распростёртыми объятиями к Куракиной, та отстранялась и просила настойчиво:

– Оставьте меня! Приходите в другой раз! Ведь у меня отец Нестор.

Устав утверждается

Как-то я отправился с докладом к митрополиту Антонию. Владыка встретил меня радушно:

– Поздравляю вас с полным успехом! Сейчас по телефону звонил обер-прокурор Святейшего Синода. Он велел передать, что ждёт вас завтра к 10 часам утра у себя на квартире, в доме на углу Литейной и Невского. Ну, теперь вам, должно быть, влетит по первое число.

Я ответил:

– Ну что ж, я к этому уже готов и другого ничего не жду.

В назначенное время я вошёл в домашний кабинет обер-прокурора Лукьянова. На этот раз, вопреки обыкновению, он впервые протянул мне руку. Видно, на него отрезвляюще подействовала беседа с Государем. Тем не менее довольно иронически Лукьянов спросил:

– Ну что? Добились своего?

Не скрывая горечи и обиды, я ответил:

– Мне лично ничего не надо. Я забочусь о Камчатке и её населении. Кроме того, если бы я не был уверен в успехе задуманного мною начинания, то не рискнул бы совершить тяжёлую длительную поездку из Петропавловска-Камчатского в Петербург. Без устава Камчатского братства мне нельзя возвращаться к обездоленным камчадалам.

– Всё это так, – перебил меня Лукьянов, – но я интересуюсь сейчас другим: почему вы мне раньше не сообщили подробности о камчатской миссии, о количестве церквей, школ, о просветительской деятельности среди туземцев?

– Ваше Высокопревосходительство, с моей стороны было несколько попыток сделать это, но вы заявили, что вам некогда выслушивать меня. При первом моём посещении Святейшего Синода вы, Ваше Высокопревосходительство, приказали мне возвращаться на Камчатку. Что же касается письменного доклада, то я вам вручил не один, а пять докладов о Камчатке.

– Когда? – изумился Лукьянов.

– Во время первого визита, в присутствии управляющего синодальной канцелярией.

При этих словах синодальный управляющий делами, находившийся здесь же, растерянно замялся, но всё же вынужден был пробормотать:

– Да... нет... впрочем, действительно, точно так было... Отец Нестор что-то такое вам передал.

Обескураженный Лукьянов принялся нервно рыться в своих бумагах, затем начал выдвигать ящики письменного стола. И только после того, как я заметил поданные мною доклады, он извлек их из-под вороха старых бумаг.

– Вот что, отец Нестор, – не спеша начал Лукьянов, как бы придумывая выход из создавшегося неприятного для него положения, – в таком случае приходите в Великий Понедельник в Синод к 12 часам дня. Совместно с вами мы рассмотрим проект устава Камчатского благотворительного братства в присутствии управляющего синодальной канцелярией. Утвердим ваш проект, и после праздника Пасхи, на летней сессии Святейшего Синода, архиереи подпишут его.

В понедельник на Страстной неделе в назначенное время я был в кабинете обер-прокурора Лукьянова. В присутствии синодального управляющего делами и ещё одного чиновника начался совместный беглый просмотр устава. При этом Лукьянов, как бы в отместку за проявленную мной настойчивость, принялся безжалостно вычеркивать целые параграфы.

Я старался сдерживать своё возмущение, но управляющий канцелярией начал возражать и высказывался в защиту устава братства. В ответ Лукьянов сказал какую-то дерзость, и обиженный чиновник покинул кабинет обер-прокурора. Закончив просмотр устава, Лукьянов произнёс:

– Ну вот, отец Нестор, теперь устав считается утверждённым. Вы спокойно можете возвращаться к себе на Камчатку.

подавая на прощание руку, он сказал:

– Не поминайте меня лихом.

Я поблагодарил его за снисходительное отношение к созданию Камчатского благотворительного братства и пообещал приехать в будущем году по приглашению Императора.

После праздника Пасхи, когда всё закончилось, я покинул Петербург. Следуя в Петропавловск, я посетил во Владивостоке архиепископа Евсевия. При мне Владыка ещё раз внимательно прочел устав братства, а в ближайшее воскресенье, после торжественного архиерейского богослужения во Владивостокском кафедральном соборе, был избран совет Братства во главе с почётным председателем, архиепископом Евсеем. Меня же избрали пожизненным основателем и учредителем Камчатского братства. Отовсюду, в том числе от многих знатных лиц, подписавшихся в своё время под проектом устава, я получил приветственные телеграммы с пожеланиями успеха в моей дальнейшей пастырско-миссионерской деятельности. Было получено также и приветствие от обер-прокурора Синода Лукьянова.

Спустя год

Прошёл ещё год в трудах на ниве Христовой. И вот пришло время ехать в Петербург за получением покровительства Братства, о чём мне напомнил владыка Евсевий, давший своё архипастырское благословение на далёкий путь. Теперь у меня был выданный министром путей сообщения Рухловым документ на бесплатный проезд в 1-м классе по всем железным дорогам Российской Империи.

По прибытии в столицу я опять остановился в Александро-Невской Лавре, после чего явился к митрополиту Антонию и от него узнал, что обер-прокурор Святейшего Синода Лукьянов в отставке. Вместо него на этот пост назначен В.К. Саблер³³⁸. Владыка Антоний посоветовал мне побывать у него в Святейшем Синоде или на квартире. Жил Саблер на Екатерингофском проспекте, на втором этаже огромного дома.

Рано утром я подымался наверх по устланной коврами лестнице. Навстречу мне спускался какой-то пожилой господин с приятным лицом и седой бородой. Он был в расшитом золотом мундире, с лентой через плечо, звездами, орденами и в парадной треуголке.

– Вы к кому? – обратился он ко мне вежливо.

– К обер-прокурору Святейшего Синода Саблеру, – ответил я.

– А кто вы такой? – заинтересовался незнакомец.

Я назвал себя и объяснил, что прибыл в Петербург по приглашению Государя Императора.

– Вы очень удачно приехали! – улыбнулся мой случайный собеседник и, трижды поцеловав меня, назвался:

– Я обер-прокурор Саблер!.. Но, простите, сейчас иду к Государю с докладом. Кстати, сообщу о вашем приезде. Но вас прошу прийти ко мне сегодня же, если не затруднит, к 12 часам ночи.

В назначенное время я был в гостиной квартиры обер-прокурора. Здесь находились незнакомые мне архиереи,

игумения и протоиерей. В первом часу ночи вошёл Саблер. Вскоре он принял меня, был любезен и предупредителен.

– Садитесь, – сказал он, – я вам весьма рад. На днях вас примет Император и вручит вам покровителя Камчатского благотворительного братства.

Действительно, через 2 дня, 20 августа 1911 года, мною было получено приглашение в Петергофский дворец. Я захватил с собой орденские знаки 1-й степени для членов царской семьи, а также альбом с фотографиями Камчатки в подарок покровителю братства Цесаревичу Алексею.

Во дворце меня встретил дежурный генерал и ввёл в большой зал, в котором никого не было.

– Эти апартаменты в вашем распоряжении, – объявил он, – ждите здесь и будьте готовы к вызову. Их Величество будут принимать вас в Малом Александрийском дворце. Если что-нибудь вам потребуется, быть может завтрак или чай, позвоните.

Мне захотелось отведать царского чая. Просьба моя была немедленно выполнена. Затем меня повезли в Александрийский дворец. По дороге, в парке, я встретил ландо, в котором ехали в светло-голубых платьях четыре княжны с фрейлиной.

Когда я вошёл во дворец, открылась дверь и меня встретил статный офицер в гвардейской парадной форме – князь Иоанн Константинович³³⁹ (сын известного тогда поэта, Великого Князя Константина Константиновича Романова³⁴⁰, подписывавшего свои стихотворные произведения инициалами К.Р.). Он принял у меня благословение, после чего повёл в вестибюль, расположенный внизу. Здесь на старинных стульях и креслах вдоль мраморных стен сидели военные и гражданские сановники.

Некоторым из них я был представлен, например королю Сербии Петру I Карагеоргиевичу³⁴¹, королю Николаю Черногорскому³⁴², известным тогда каждому по фотографиям в газетах и журналах в связи с происходившими Балканскими войнами.

Спустя некоторое время меня пригласили к Императору. В небольшой, уютной, довольно скромно обставленной гостиной находились Государь с супругой и с ними красивый мальчик в матросской форме – престолонаследник Алексей.

Царь, указывая на своего сына, сказал, обращаясь ко мне:

– Вот покровитель вашего Камчатского братства, отец Нестор... Примите.

Я поблагодарил царственных родителей и сказал краткое приветствие покровителю Камчатского братства.

После этого Николай II задал мне ряд вопросов о моей миссионерской деятельности, а я, отвечая, подал покровителю братства – Наследнику Цесаревичу – альбом с видами Камчатки. Государь, ласково поглаживая сына по голове, сказал ему:

– Алешёнька, ты потом посмотришь альбом. Давай-ка лучше спросим отца Нестора о его путешествиях по Камчатской области да о его пастырской деятельности.

Когда я, выполняя монаршую волю, рассказал вкратце о пережитом, виденном и сделанном мною в этом далёком, забытом крае и преподнёс в заключение Царской семье орденские знаки Камчатского благотворительного братства 1-й степени, Николай II, принимая их, осведомился:

– Теперь у вас всё хорошо?

– Да, Ваше Величество, – ответил я с благодарностью, – в настоящее время мною открываются отделения Камчатского братства в Петербурге, Москве, Киеве и других городах. Но я осмеливаюсь просить Вашего Всемилоостивейшего разрешения на один товарный вагон ежегодно от Москвы до Владивостока для отправки приобретаемого братством школьного оборудования, церковной утвари, медикаментов и других пожертвований.

Государь ответил:

– Ваша просьба будет исполнена.

– А что ещё для вас сделать? – спросил Царь и как бы что-то обдумывая, сказал:

– Отец Нестор, наша семья желает подарить Камчатскому братству церковь. Для получения её вам надобно будет заехать

в Зимний дворец к графу Ростовцеву³⁴³. А ещё я и Царица вручаем вам образ преподобного Серафима Саровского.

Царица спросила:

– Можно ли вам подарить шерстяные платья для взрослых и детей Камчатки, связанные моими дочерьми?

Я поблагодарил Царя и Царицу за подарки, высказав при этом мысль, что лучше всего устроить дарственную церковь в глухой части Камчатской области и освятить её в честь святителя Иоасафа Белгородского, прославление мощей которого должно было произойти в Белгороде через 15 дней. Император удовлетворил и эту мою просьбу, спросив, буду ли я на прославлении мощей в Белгороде. Я ответил:

– Я такой маленький человек, что едва ли даже увижу что-нибудь в Белгороде, так как от такого множества людей меня затолкают в толпе.

Тогда Государь сказал:

– Вы, отец Нестор, будете официально участвовать в прославлении мощей, чему я буду очень рад. Все подробности о вашем официальном участии узнаете от Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, посетите её в Москве, и она вручит вам от нашей Семьи специальное иоасафовское облачение, такое, какое будет у всех участников – архиереев и священников.

Я глубоко поблагодарил Государя Императора за дарованную мне милость и долго переживал эту духовную радость.

Наконец я попросил разрешения на право ношения Камчатского орденового знака военными чинами, о чём Государь обещал отдать соответствующее распоряжение, что и было вскоре выполнено. Военным разрешалось носить, после ордена Святого Станислава, орденовые знаки Камчатского благотворительного братства на орденовой ленточке цвета Русского национального флага.

По окончании аудиенции Государь благословил меня походным образочком преподобного Серафима Саровского и одарил многими ценными подарками.

По прибытии в Зимний дворец мне показали опись церковной утвари и огромные ящики с упакованной в них разборной церковью. Здесь же мне вручили дар Царицы для нужд камчатского населения – несколько сот комплектов шерстяного белья, связанного в том числе и Великими Княжнами. А от себя Государь приложил пакет с деньгами (1000 рублей) на мои разъезды по Камчатке.

Через два дня меня пригласили в Аничков дворец ко вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. Как и в минувшем году, она была любезна и заботлива. Когда я вошёл в её кабинет, первым её вопросом был:

– Чем я могу быть вам полезной, отец Нестор?

Я попросил у неё разрешения командировать на Камчатку десять сестёр милосердия. Она удовлетворила эту просьбу. По моему совету, медсёстры были посланы из Сибирской общины Красного Креста, так как тамошние климатические условия совпадали с теми, что были на Камчатке. Сёстры добровольно пошли на самоотверженную работу, я могу свидетельствовать о подвигах любви и милосердия с их стороны ко всем туземцам далёкого уголка России.

Возвращаясь на Камчатку, я решил задержаться в некоторых городах Центральной России, чтобы содействовать открытию там отделений Камчатского благотворительного братства. Но предварительно потребовалось созвать в Петербурге собрание членов-учредителей, на котором временным председателем избрали новоладожского предводителя дворянства Шварца, заместителем председателя – протоиерея Александра Дернова – настоятеля столичного Петропавловского собора, а членами правления – многих представителей петербургской знати.

По прибытии в Москву я отправился в Кремль. Здесь, при Чудовом монастыре, был склад пожертвованных вещей для школ, а также церковной утвари, предназначенных для отправки на Камчатку через Владивосток. Я занялся созданием отделения Камчатского благотворительного братства в Москве. Председателем был избран настоятель Чудова монастыря, московский викарный епископ Арсений³⁴⁴.

В Киеве после лекции в Духовной Академии о целях и задачах Камчатского благотворительного братства председателем его местного отделения избрали ректора, епископа Иннокентия (Ястребова)³⁴⁵, моего бывшего учителя калмыцкого языка в Казани.

Во всех этих филиалах Братства, согласно уставу, проводился энергичный сбор средств путем распространения орденских знаков. За право ношения орденского знака 1-й степени налагался пожизненный взнос в сумме 300 рублей, 2-й степени – 75 рублей, 3-й степени – 50 рублей и 4-й степени – 25 рублей. Попутно все отделения Братства производили сбор школьных принадлежностей, церковной утвари, походных аптек, одежды и т. п. Всё это ежегодно отправлялось в предоставляемом по распоряжению Императора товарном вагоне во Владивосток, а затем на пароходе Добровольного флота на Камчатку. Во Владивостоке, на Седанке, на берегу Амурского залива, под наблюдением архиепископа Евсевия комплектовались в разобранном виде церкви и школы, а после доставки их на место назначения производились сборка и установка. Вскоре таким образом удалось открыть в разных частях Камчатской области школы, церкви, приют для детей местных кочевников и т. п.

Мне тут вспомнился один примечательный случай. В 1910 году к берегам Камчатки приблизился океанский пароход Добровольного флота «Кострома». В период русско-японской войны на этом судне был оборудован плавучий лазарет. А тогда «Кострома» совершала рейс из Петропавловска-Камчатского вдоль побережья на Чукотку с остановками в промежуточных портах. На борту его находились туристы, можно сказать, прожигатели жизни: они коротали время за игрой в карты, флиртом и пьянством. Как-то ночью по небрежности судоводителя пароход на полном ходу налетел на Карагинскую косу; сев на мель, накренился, глубоко врезавшись килем в грунт. Снять его с мели не было никакой возможности. Во время аварии погиб один матрос, его похоронили на берегу. Помощи из Владивостока скоро ожидать не приходилось, а свои технические средства были недостаточны. Наконец на горизонте

показалось японское судно. По международным морским правилам и традициям, оно должно было оказать пострадавшей «Костроме» помощь. Однако японцы с пиратской проворностью ограбили пароход, забрали всё ценное, вплоть до того, что срезали с мебели бархатную обивку. Когда же из Владивостока прибыл русский спасательный пароход, от «Костромы» осталась одна коробка. Некоторое время спустя правление пароходства прислало на моё имя телеграмму. В ней управляющий просил, чтобы я во время моих зимних поездок на собаках вдоль побережья осмотрел, в каком состоянии находится «Кострома». Я выполнил эту просьбу. Мне и моим спутникам, прибывшим к Карагинской косе, предстало печальное зрелище. По возвращении в Петропавловск-Камчатский я составил акт обследования и отослал его в правление. В ответ дирекция пароходства прислала мне благодарность и сообщила, что за оказанную услугу пароход «Кострома», непригодный для дальнейшего эксплуатационного плавания, передаётся в дар Камчатскому благотворительному братству.

Впоследствии в селении Карага, неподалёку от места аварии, я из материалов, снятых с подаренного парохода, устроил зимовку³⁴⁶ деревенской школы. Остов же этого злополучного судна я, в свою очередь, подарил местному населению.

Цели и задачи братства

Твоим, о Боже, попеченьям
Я отдаю всю жизнь мою.
Со страхом и благоговеньем
Готовлюсь к оному я дню.
Я отдаюсь Тебе, Спаситель,
Умом, и сердцем, и душой,
И в оный день, о Вседержитель!
Готов предстать перед Тобой!
Свети во мраке ярким светом,
Мой благодатный путеводный огонек!
Свети язычникам Христовым Светом,
Чтоб Свет Твой всех к Тебе привлёк!
Свети всем сбившимся с дороги,
Свети заблудшимся в пути!
Зови их всех к заветам Бога,
Чтоб верный путь могли найти!
Творить добро есть цель благая:
Господь поможет совершить.
Итак, свети, не уставая,
Чтоб Свет Христов во тьму пролить!

14 сентября 1910 года во Владивостоке было учреждено Камчатское благотворительное братство.

При официальной церемонии открытия я произнёс речь.

«Исполняя волю Высокопреосвященнейшего архипастыря нашего; вступаю я на эту кафедру, чтобы предложить вашему вниманию некоторые свои соображения о главной цели и задачах открываемого ныне Православного Камчатского братства. Быть может, даже для живущих здесь, на Дальнем Востоке, известие это так же ново, как, собственно говоря, ещё ново для нас и всякое известие и сообщение о далёкой Камчатке.

Да, надо сознаться, что для большинства русских людей открытие Камчатки совершилось не более чем каких-нибудь двух, трёх, ну, десяти лет тому назад, несмотря на то, что

иностранцы и ближайшие соседи Камчатки – японцы, американцы – уже сотни лет, подробно исследовав природные богатства края, тайно и явно работают там на пользу своих стран;

Для большей наглядности приведу краткий рассказ из жизни камчатского путешественника. В Японии спрашивает он японцев, где они добыли и приобрели десятки тысяч белок, котиков, лисиц и другой пушныны. Те отвечают:

– На русской Камчатке.

В той же Японии спрашивает, где японцы добыли сотни тысяч пудов рыбы и запасли обилие икры?

Получает ответ:

– На русской Камчатке.

Да, камчатскому путешественнику можно, не спрашивая ни японцев, ни американцев, где добыли, самому всё это наблюдать и видеть по всему Охотско-Камчатскому побережью и в северных водах Камчатки.

Заехал камчатский путешественник в Россию, на Родину; вот земляки в просвещенном центре России его и спрашивают:

– Вы откуда? С Камчатки?.. Ой-ой-ой. Да ведь это... Пойдите-ка, да... да чья она? Она наша или иностранная? И охота вам жить с какими-то грязными дикарями-камчадалами? Бросьте их, оставьте. Идите лучше в Россию, тут своего дела много. А там даже и есть-то нечего – одна собачья пища.

Не так было бы больно это слышать, если бы говорили это не русские люди. Наконец, на самой Камчатке путешественник, видя кругом бедность, нищету, болезни, голод, нужду, хищения и беспомощность, спрашивает камчадалов и туземцев, кто же им во всех их бедах помогает и утешает?

И, о ужас – да будет всем нам стыдно!

Камчадалы отвечают, что “японцы нам – братья, и хотя берут у нас рыбу и пушнину, но и нам помогают...”

Вы всё слышали? Японцы – братья...

А мы зачем собрались сюда?

Выслушав рассказ камчатского путешественника, мне думается, каждый согласится: да, необходимо как можно скорее учредить русское братство для далёкой (пока ещё) земли, а то и

в самом деле Россия, как недобрая мачеха, оставила её на произвол судьбы, а при подобном внимании иностранцев она, действительно, легко может стать американской или японской.

Итак, чтобы Камчатская область не была забыта Россией, чтобы она не была одинока и беспомощна в суровых условиях жизни, чтобы на краю земли не раздавались упреки о русской христианской бессердечности, да будет у Камчатки попечитель – своё святое православное братство, а не японское.

В чём же задачи братства и каковы нужды Камчатки?

Дадим посильный ответ на эти вопросы, занимающие в данное время каждого слушателя. С помощью благотворительных, просветительских и врачебных братских учреждений, питаемых сочувствием всей Православной России, братство должно служить деятельным стражем духовных и материальных интересов всех обитателей своей окраины, оно должно стать противовесом всяким богато-обеспеченным иноверным и иноземным миссиям, обществам и братствам, дабы не дать им совершенно отторгнуть и подчинить себе обширный природно-богатый Камчатский край, представляющий собою окно во второе земное полушарие.

Содействие просвещению Святым Евангелием остатков языческого мира, уцелевшего на дальневосточных окраинах, должно быть тоже одной из главных задач Камчатского братства. Тем более что некоторые камчадалы-язычники сейчас готовы своими душами и сердцами для Христова евангельского посева и есть местами уже зрелая почва для Христа. Но гибнет она вследствие отсутствия духовных вождей, ибо что может сделать одинокий бесправный, необеспеченный миссионер против произвола всевозможных хищников и беспредельного самовластия горе-культурных сограждан, окружающих камчатских туземцев!

Но, к сожалению, некоторые язычники даже при полном сознании пустоты шаманских верований всё же пугливо держатся в стороне и от христианства вследствие нехристианского поведения русского населения.

Язычники спрашивают миссионера:

– А где же светлый Бог вон у тех, которые день и ночь шаманят за картами и вином, грабят нас и дают грабить другим?

Что должен ответить простодушным язычникам миссионер, не имеющий около себя своих русских собратий? Разве мыслимо с успехом проповедовать Христа диким племенам и предлагать им войти в духовное единение с такой средой, от которой с ужасом отвращается их детское сердце?! Вот в этом случае православное братство и должно позаботиться, чтобы русское имя было любимо на Камчатке, чтобы там образовалась такая среда, которая силою добрых примеров и попечений не только удерживала бы просвещённых православных язычников под материнскою властью Святой Церкви, но и давала бы им чистое нравственное понятие, а не ложное и гнусное представление о жизни и вере православных христиан.

Теперь мы приблизительно знаем, чему может служить православное братство, и, несомненно, все в один голос скажем, что именно в настоящее время оно особенно нужно, что дело братства есть дело общегосударственное, жизненное и общенародное, требующее для себя дружной поддержки со стороны всех государственных учреждений.

Камчатская область нуждается в даровании тех же средств, какими три века просвещалась и покорялась Сибирь, то есть в умножении храмов, приходов, походных миссий, школ с ремесленными, слесарными и столярными мастерскими, с общежитиями для детей кочующих туземцев.

Есть нужда в больницах, в благоустройстве лепрозорных колоний – таков должен быть труд камчатских братчиков.

Но самое существенное, самое главное, чтобы у туземцев и вообще камчадалов была точка опоры в нравственной, трудолюбивой, богоугодной христианской жизни, чтобы были молитвенная купель для православного просвещения всей области и духовная лечебница. А в этом качестве незаменима мирная, святая, иноческая обитель, примерная показательная община трудолюбивых братий, послушников, учителей во всех отраслях хозяйственной, сельской, полевой, лесной, огородной, речной, морской работы, в добыче природных богатств.

Если громче, убедительнее кликнуть клич по Святой Руси, то найдутся смиренные, добрые люди, ищущие иноческого подвига, найдутся люди, жаждущие и равноапостольной миссионерской службы Богу и ближним (и сейчас уже есть желающие такого труда, только их надо поддержать, воодушевить и снабдить всем насущным для отправления в далёкий край), и будут эти люди просвещать дикий край светом Божественного Евангелия и орошать неприветливую землю молитвенными слезами, а Бог поможет им в их полезных трудах.

История Камчатского края напоминает нам, что в начале 1711 года заботами первого камчатского миссионера, архимандрита Мартиниана, была устроена в Нижне-Камчатске святая Успенская обитель. Но грубая невежественная сила служивых людей, ссыльных и иностранцев разорила вконец Камчатскую область.

Дорогие братья! Так я дерзаю назвать решительно всех вас, православных русских людей, присутствующих здесь, и чрез ваши головы кричу всей Православной России, без различия звания, состояния, пола и возраста, как братьям или братчикам отдалённой русской Камчатской окраины. Позвольте же больше не сомневаться в том, что уже коснулась вашего сердца леденящая душу совокупность бед и печалей многострадальной забвенной земли. Позвольте прочитать во всеуслышание ваше правильное, сердечное определение и заключение. Да, все жители Камчатки хотя и питаются подчас по нужде собачьей пищей, а иногда лишены и этой пищи и живут, применительно к местным условиям и обстоятельствам, не в хижинах и лачугах, а в юртах и даже под землею, но всё же носят те же духовные черты образа и подобия Божия, а следовательно, они – наши братья, а посему имеют одинаковое право с нами на радость и блага христианской культуры.

Если вы любите и жалеете Камчатку, если не желаете, чтобы русское Охотское море и весь Тихий океан, в котором нашли себе вечное упокоение многие русские самоотверженные воины, были подчинены жёлтому Востоку, то хотя бы ради этих самоотверженных подвигов своих братий, отстаивавших русское

море для России, даже до мученической смерти,— ради их вы все должны прочно водворить на Камчатке русское братство, представляющее собою передовой оплот против коварного языческого Востока, и тем выдворить иностранное своевольное хищное лукавое братство, обращающее Камчатку в рабство. Бог в помощь всем вам! Служите — кто как и чем может. Кто не может послужить средствами, даже малой лептой, тот послужи добрым делом, советом, молитвой и просто сердечным сочувствием — всё это дорого и приемлется братством с глубокой сердечной благодарностью от лица Камчатской области и от лица приемлющих.

Покров для нас — братское знамя Нерукотворенного Образа Всемиловитого Спаса. Надежда у нас на небесное предстательство приснопамятных православных просветителей Сибири и Камчатки. Источником благодатного воодушевления да послужит нам обращённый к каждому рабу Божию великий завет Христов: изыди на пути и халуги, и убеди внити, да наполнится дом мой³⁴⁷ (Лк. 14:23)».

Церемонию учреждения Братства возглавил архиепископ Евсевий. Председателем совета Братства был избран протоиерей Владивостокского кафедрального собора А. Муравьев; его членами — протоиерей Н. Чистяков, камчадал-протоиерей И. Коноплев, начальница женской гимназии А.Г. Кравцова и другие.

Кроме перечисленных лиц, деятельными членами совета Братства были архиепископ Николай, заслуженно названный апостолом Японии за плодотворную архипастырскую деятельность, генерал-губернатор Гондатти, игумения Руфина³⁴⁸ — настоятельница женского Чердынского монастыря и многие другие.

Весьма успешно развивалась деятельность Петербургского отделения Камчатского благотворительного братства. Через год после его основания в нём числилось 258 членов. Средства, собранные в столичном отделении, шли в основном на устройство церквей, школ, приютов, лечебниц и станов. В частности, на столичные пожертвования был создан и отправлен на Камчатку так называемый Первый Петербургский

стан для села Телички Гижигинского уезда. Отсюда же была отправлена церковь для камчатских сел Накики, Пенжино и других, а также оборудован приют для коряков, открыта больница и богадельня в Теличихах.

Камчатское благотворительное братство через три года после создания насчитывало уже 1900 членов и имело свои отделения во всех уголках Российской Империи – от Петербурга до Владивостока.

После одного из моих пребываний в Перми, при возвращении из столицы на Камчатку, я задержался на своей родине, в Вятке. Посетил здешнего епископа Филарета³⁴⁹. Он обрадовал меня сообщением о том, что для оказания содействия в расширении религиозно-просветительской работы на Камчатке туда в моё распоряжение командировается из города Глазова протоиерей Даниил Шерстенников³⁵⁰. По прибытии в Петропавловск он возглавил местное отделение Братства, а впоследствии был епископом Охотским, викарием Камчатской епархии, с тем же именем Даниил.

Каждое освящение вновь открываемых храмов или благотворительных учреждений привлекало огромное количество местных жителей. А освящение храма в Олюторске ознаменовалось массовым крещением коряков, а также вступлением в церковный брак, доселе ими презираемый.

В 1911–1917 годах Камчатское благотворительное братство имело в своём распоряжении огромные суммы денег, исчислявшиеся сотнями тысяч рублей. В течение пяти лет было выстроено семь новых церквей и открыто восемь новых школ. Таким образом, к 1916 году в Камчатской области существовало 35 церквей, 38 часовен со святыми престолами, 42 школы.

Из истории миссионерства на Камчатке

Входите тесными вратами... потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. (Мф. 7:13–14)

Обратим наш взор вглубь веков, ко времени покорения Камчатки и просвещения этого тёмного, языческого края светом Христова учения. Первый священник-миссионер архимандрит Мартиниан, по некоторым свидетельствам, прибыл на Камчатку из Казани в 1705 году. Но во время восстания и войны камчадалов с пришлыми людьми и сборщиками ясака³⁵¹ в 1718 году он был мученически убит и брошен в реку Большую.

Особенного внимания, достоин главнейший продолжатель дела отца Мартиниана – молодой казак Иван Козыревский. С малых лет оставшись сиротой, Козыревский подпал под дурное влияние и воспитывался в среде вольной казацкой дружины и сборщиков ясака, где усвоил грубые нравы и Вольности, присущие духу того времени. Он был соучастником убийства знаменитого покорителя Камчатки Владимира Атласова, и за сию вину, а также за беспощадное убийство некоторых камчадалов, неистовое и жестокое обращение с местным населением Козыревский и Стодухин были наказаны Петром I. Вместо смертной казни им присудили исследовать «соседственные с Камчаткой» Курильские острова. Велено было собственноручно построить кочи³⁵² и отправиться на них в путь на изыскание новых земель, граничащих с Камчаткой, и присоединить их к России. Оба провинившихся казака выполнили это повеление. Геройски отважно совершил Козыревский трудное морское путешествие по неведомому морю и увековечил своё имя подчинением России курильцев, с которых собрал ясак мехами. Своим отважным походом он отбыл наказание и искупил свою вину. Он приплыл к южной части Камчатского полуострова – Лопатке и присоединил под Российский государственный флаг большие острова – Шумшу и Парамушир.

Но сам Иван Козыревский, движимый чувством раскаяния, решил посвятить свою жизнь иноческому служению и в 1711

году принял на Камчатке монашество с именем Игнатий. Отец Игнатий построил здесь первую монастырскую пустынь на незамерзающей реке Николке, впадающей в реку Камчатку, где в 1654 году близ Ключевской сопки было первое русское зимовье казака Ф. Алексеева. С глубокой самоотверженностью стал он служить Камчатскому краю, просвещая его светом Христовым.

При своей обители отец Игнатий устроил убежище для калек и престарелых камчадалов, а на прилегающей к монастырю земле занялся обработкой полей, огородничеством, выращиванием корнеплодов, ведя тяжкую борьбу с суровой природой. В этом далёком северном трудовом монастыре он создал столярную и слесарную мастерские, изготавливал рыболовецкие снасти. Он привлекал к этому делу камчадалов, обучал их земледельческим трудам, заинтересовывая их в этом своим трудолюбием.

Монастырь просуществовал около 18 лет. В 1732 году отец Игнатий, к тому времени уже иеромонах, был вызван в Москву и по постановлению Тайной канцелярии лишён сана и расстрижен, а обитель, осиротевшая без своего руководителя, была разграблена и сожжена во время камчатских бунтов в том же 1732 году. Причина лишения сана отца Игнатия неизвестна: вероятнее всего то, что горячий патриот отец Игнатий не пришёлся по душе временщику Бирону [Эрнесту-Иоганну].

Отец Игнатий оставил на молитвенную память написанный им синодик – небольшую тетрадь с изложением своих преступлений и с просьбой помолиться Богу об упокоении его многогрешной души, о прощении его грехов.

После разорения обители следует период кровопролитных битв, смут и волнений среди туземцев, восставших на защиту своих прав. Истошилось долготерпение жителей Камчатки, притесняемых приказчиками, сборщиками ясака, которые действовали насильственно, принудительно, брали податей больше, чем требовалось по закону. Притом сборщики жестоко, бесчеловечно обращались с беззащитными людьми. Без зазрения совести они отнимали у них всю добытую ими пушнину, любой мех и даже меховую рухлядь. Жизнь

человеческая ничего не стоила, она насильственно отнималась за кожу и мех убитого зверя, хотя мех в те времена ценился очень дёшево.

Но вернёмся в дни моего пребывания на Камчатке.

Место бывшей Игнатиевой пустыни было избрано мною под монастырь, который я намеревался восстановить. Там, где была первая Никольская церковь, по сие время стоит крест в ограде, и место это носит название Монастырь. По берегу незамерзающей реки Ключевой пустующий участок земли на протяжении пяти вёрст и поныне хранит названия, дающие возможность безошибочно определить места существовавших именно здесь монастыря и казачьей крепости. Так, после участка земли, именуемого Монастырем, следуют пелоч³⁵³, казармы, конюшни, банюшки, балаганы для рыбы (навесы), мельница (остатки видны в воде), вершины Ключа, баты³⁵⁴.

Жители селения Ключи и ближайших заимок круглый год промышляют для себя и собак рыбу в незамерзающей реке. 19 декабря 1910 года я ездил на собаках из селения Ключи для осмотра вышеописанного участка земли и реки Ключевой под монастырь и видел, как рыба кижуч шла сплошной стеной, а все заливы (по очертаниям ковшеобразные) представляли из себя как бы огромный чан или котел, в котором кишели десятки тысяч рыбин. Ключевские крестьяне, забредя в непромокаемых шарах (сапогах) в воду, бьют рыбу палками и баграми и выбрасывают её на нарты.

В июле и августе в реке Ключевой появляется рыба азабач (красная), с сентября по февраль – кижуч, постоянная рыба – гольцы. Бывает также застойная рыба, то есть застаивающаяся в протоках. Чавыча и другая морская рыба промышляется в реке Камчатке в 15 верстах от селения Ключи.

Местность бывшего монастыря покрыта невысоким березняком, а строевой лес (7–9 сажень) – лиственница, топольник, берёза и ель – есть в 3050 верстах от селения Ключи (удобный сплав по реке Камчатке).

С Усть-Камчатска до Ключей и Толбачика ходит катер Камчатского торгово-промышленного общества. Земля в долине реки Камчатки и на месте, избранном под монастырь,

плодородная, на ней особенно хорошо произрастают корнеплоды, созревают ячмень, конопля. Привилось также пчеловодство.

Помолившись Богу, 27 марта 1911 года некоторые ключёвцы и представители духовной, полицейской и сельской властей отправились на собаках к месту, избранному мною под монастырь, для водружения креста. Я отслужил молебен, окропил святой водой крест, землю и реку Ключевую и тем молитвенно утвердил сие место за будущей святой обителью Всемиловитого Спаса и святителя Алексия, митрополита Московского – небесного покровителя Камчатки.

Да будет воля Божия!

После упомянутых нами отца Мартиниана и отца Игнатия дело проповеди христианства на Камчатке сильно покачнулось. Возродилось оно в 1743 году, когда начала свою работу Камчатская духовная миссия во главе с её начальником отцом архимандритом Иоасафом (Хотунцевским)³⁵⁵. Труды этой первой миссии были чрезвычайно успешны. Всё население Камчатского полуострова, за исключением немногочисленных племен кочевников-тунгусов, было просвещено Святым Крещением. Построено несколько церквей и часовен, а также открыто на полуострове четыре школы, где обучалось свыше 200 детей, что при общем населении полуострова в 6,5 тысячи составляет большой процент, особенно для тогдашнего времени. Правда, школы нуждались во многом, например, вместо бумаги дети писали на бересте, но самоотверженными трудами работа поддерживалась.

К сожалению, миссия просуществовала только восемнадцать лет, и за этот срок новообращенные камчадалы не были должным образом утверждены в христианской вере. Сменившие же работников миссии отдельные миссионеры-священники далеко не всегда оказывались на высоте положения, не обращали должного внимания на христианское воспитание паствы и потому камчадалы-христиане часто ничем не отличались от язычников. По-прежнему они оставались суеверными, прибегали к шаманству. Туземцы, проживавшие на материке, долгое время не поддавались влиянию миссионеров,

да и вообще относились к русскому человеку с недоверием, или, точнее, со страхом, потому что пришлый народ обращался с ними жестоко и бесчеловечно. Жестокое насилие – грабежи, батога, цепные оковы, пытки, застенки – вот тяжёлый удел несчастных аборигенов, у которых отбирали не только добытую пушнину, но и с самих людей снимали последнюю меховую одежду.

Много усилий было потрачено русскими на введение здесь хлебопашества. Для этого с реки Лены на Камчатку специально посылались пахотные крестьяне. На реке Милькове была устроена первая водяная мельница. Хлебопашество насаждалось строгими принудительными мерами, но суровые климатические условия и неплодородная почва не давали камчадалам возможности успешно заняться земледелием, а главное и почти единственное средство пропитания – рыбная ловля – часто прерывалось из-за попыток введения земледелия: камчадалы пропускали ход рыбы, не успевали сделать годовой запас юколы себе и своим ездовым собакам и голодали.

Так как о Камчатском крае не было постоянной заботы, а главное, не было верных, честных и осведомлённых руководителей и блюстителей порядка, то всякие начинания обычно не доводились до конца, и по причине беспечности всё рушилось и разорялось. В 1840 году уже не осталось и следа от построенных здесь заводов, больниц, школ и других культурно-просветительских учреждений, и нужно было всё начинать сызнова.

В период Крымской войны Церковь на Камчатке находилась под управлением великого духом и разумом архипастыря, одного из виднейших камчатских просветителей, первого тамошнего епископа Иннокентия (Вениаминова)³⁵⁶, о котором я вкратце уже упоминал. Это был действительно истинный пастырь того духовного стада, которое поручено было ему волей Божией. Был он любвеобилен, ласков со всеми, широко отзывался на все духовные и материальные нужды паствы. Лично знакомился со всей своей огромной епархией, предпринимая объезды. Поднял снова на должную высоту

миссионерскую работу. Этот даровитый Владыка много, плодотворно и ревностно потрудился в архипастырском служении на далёкой окраине нашей Отчизны. Он возжёт яркий светильник Православия среди алеутов, колошей, чукчей, коряков, тунгусов, якутов, гиляков, ламутов, камчадалов; заложил твёрдый фундамент Православия в Америке, на Аляске. В то же время он совершал огромную научно-исследовательскую работу, так что его труды по исследованию Тихоокеанского побережья до сих пор имеют большую научную ценность.

К сожалению, хотя владыка Иннокентий носил титул епископа Камчатского, местом пребывания его была Америка, Аляска, город Ситке. И потому его плодотворная, большая работа задевала Камчатку только краем, но всё же приносила добрые, святые плоды.

Сибирь – далёкая, холодная, отчуждённая от тогдашней Центральной России, – дала Русской Православной Церкви великих иерархов и святителей: Иннокентия³⁵⁷ и Софрония³⁵⁸ Иркутских, Иоанна³⁵⁹ и Павла³⁶⁰ Тобольских, а также ряд других известных иерархов, в том числе и упомянутого уже Иннокентия (Вениаминова).

Вот его краткое жизнеописание. Глухое село Анчинское Иркутской епархии. В семье никому неизвестного священника церкви этого села Евсевия Попова родился четвёртый сын – Иван. С пятилетнего возраста, оставшись без отца, он был взят на воспитание своим дядей – диаконом Димитрием Поповым.

За два года маленький Ваня так преуспел в учении по Псалтири и Часослову, что уже семи лет от роду в церкви читал Апостол. Далее он учился в Иркутской Духовной Семинарии, отличался хорошей успеваемостью, был добрым товарищем. По внешности выделялся среди сверстников крупным ростом, полнотой. Характер имел малообщительный и молчаливый.

У него была врождённая страсть к техническим знаниям. Ваня часто тайком убегал из семинарии к часовому мастеру, интересовался работой часового механизма.

Ещё будучи ребенком, он без посторонней помощи собрал для класса часы, детали к которым нашёл на улице. Станок и

колеса были сделаны им при помощи обломка ножа и шила, выброшенных семинарским экономом в мусорный ящик; циферблат – из обрывка бумаги, а стрелки – из лучин. Затем Ваня сделал для многих одноклассников карманные часы.

По обычаям того времени, ректор семинарии давал фамилии учащимся при окончании курса обучения сообразно их внешности и духовным качествам. Таким путем Ване Попову была присвоена фамилия Вениаминов, в память об иркутском епископе Вениамине, незадолго перед тем скончавшемся и отличавшемся при жизни величественной осанкой, спокойным характером.

Молодого Вениаминова готовили к поступлению в Духовную Академию, но в те далёкие времена семинаристам за год до окончания Духовной семинарии разрешалось жениться при условии принятия священства. В период длительного весеннего ледохода на реке Ангаре ректор семинарии, живший в Иннокентиевском монастыре, оказался отрезанным от семинарии. Иван Вениаминов, не дожидаясь его возвращения, подал заместителю ректора прошение о разрешении на женитьбу, на что получил согласие. После женитьбы Иван Вениаминов был рукоположен в сан диакона в Благовещенской церкви. Это дало ему повод впоследствии шутя говорить, что Ангара решила его судьбу – ехать не в Духовную Академию, а в... Америку, так как ему пришлось жить со своей семьей в русских североамериканских владениях. Он научил местных жителей плотницкому, столярному, кузнечному и слесарному ремеслам, а также изготовлению кирпича, каменной кладке и часовому искусству.

Изучив наречие местных народностей, энергичный пастырь Вениаминов перевёл Евангелие и многие молитвы на язык североамериканских туземцев³⁶¹.

В 1839 году у отца Иоанна умерла матушка, и он в 1850 году, уже будучи архиепископом, переселился на берег Охотского моря, в порт Аян, соорудил там церковь, в коей навсегда оставил свой архипастырский жезл.

Во время войны 1854–1855 годов английские корабли вошли в пустынный порт Аян, где взяли в плен находившегося

там мирного жителя – священника Махова. Как раз в это время архиепископ Иннокентий, совершая объезд епархии, возвратился из Якутска в Аян. На Нелькане Владыка встретил свою старшую дочь, спросившую отца:

– Зачем вы едете в Аян? Ведь там англичане.

– А зачем я им нужен? – спокойно возразил архиепископ Иннокентий. – Да если и возьмут в плен, то себе в убыток, меня ведь кормить надо.

21 июля 1854 года в Аянском храме, когда владыка Иннокентий совершал богослужение, в бухту вошла вражеская эскадра. На борту одного из английских кораблей содержался в заключении пленный священник Махов. Английские моряки объявили архиепископу Иннокентию и о его пленении. Владыка ответил им с достоинством и кроткой улыбкой такими же словами, какие он говорил дочери. На следующий день англичане, пристыженные словами православного архипастыря, освободили из плена мирных, безоружных священнослужителей.

В 1861 году архиепископ Иннокентий поселился в Благовещенске и на парусном судне совершал объезды епархии. Туземцы горячо любили своего Владыку, совершавшего богослужения на их родном языке и этим привлечшего их к Православной Церкви.

После того как владыка Иннокентий из Камчатской епархии был поставлен митрополитом Московским, темп миссионерской работы на Камчатке сразу упал. Это произошло в основном из-за того, что в 1861 году была закрыта Камчатская миссия, и на Камчатке оставались только отдельные миссионеры, которые должны были в то же время выполнять и обязанности приходских священников на огромном пустынном пространстве.

Я имел счастье лично знать дочь владыки Иннокентия – Екатерину Ивановну Петелину. Она жила и скончалась в Казани. Будучи ещё мальчиком, я с напряжённым вниманием слушал её рассказы о владыке Иннокентии, о его плодотворной архипастырской деятельности на далёких окраинах нашего необъятного государства, в том числе и в Камчатской области.

Владыка Иннокентий был для меня лучшим примером, лучшим учителем того времени на священнослужительском и миссионерском поприщах.

Изумительно красивы жизнь, подвиги, дела и яркое горение веры в Бога скромного человека и святителя Церкви Христовой – Иннокентия (Вениаминова). На могиле этого замечательного архипастыря лежит распятие и на надгробии написано: «Архиерейство твоё да помянет Господь Бог во Царствии Своём всегда, ныне, присно и во веки веков. Аминь».

За обозримое время Камчатская Церковь управлялась епископами из самых разных мест обширной дальневосточной русской окраины: первоначально, вместе со всей Сибирью, из Тобольска, потом из Иркутска, с Аляски, из Якутска, Благовещенска, Владивостока и, наконец, в лице меня, недостойного, Камчатка получила своего самостоятельного епископа в 1916 году.

Расцвет миссионерской работы на всём Дальнем Востоке и, в частности, на Камчатке, за последние годы особенно связан с именем владыки Евсевия. Он родился в 1860 году в семье бедного тульского священника, отца Иоанна Никольского. С 1897 года, со званием епископа Курильского, Камчатского и Благовещенского, он стал духовным предводителем всего Дальневосточного края.

Первоначально он жил в Благовещенске, но с 1899 года Благовещенск был выделен в отдельную епархию, и владыка Евсевий переехал во Владивосток. Огромная полоса земли – от Камчатки до Китайско-Восточной железной дороги включительно – находилась под его духовным водительством. В продолжение двадцати лет неустанно, непрерывно работал он на этом огромном святом поприще, построил и освятил сто семьдесят одну церковь, возвёл монастыри, открыл миссии, оживил всестороннюю духовную работу в крае.

На Камчатке он был дважды. До него архиереи сюда добирались только семь раз: трижды владыка Иннокентий и по разу епископы Павел, Макарий, Мартиниан и Гурий³⁶². Владыку Гурия я знал лично – держал его жезл во время приездов в Казань.

Для Камчатки посещения эти были крайне редки, и, например, огромный Анадырский край так и остался без архиерейского посещения. Анадырцы даже писали владыке Евсевию ходатайство с просьбой побывать у них.

Я глубоко счастлив тем, что Господь Бог привёл меня начать работу на Камчатке именно во время управления епархией владыки Евсевия, быть его помощником на поприще камчатской работы и впоследствии стать его викарием на Камчатке.

В трудах и заботах

С тоской в очах, с огнём в груди
Ты в мир отверженный иди.
И пусть любви твоей лучи,
Как пламя, будут горячи...
И пусть гремит, как Божий гром,
Твой голос в сумраке ночном...
И будит тех, кто духом мертв,
Чей путь без звезд и храм без жертв,
Кто во тьме скитается без сил,
В ночи шаманства свой светильник погасил...
А ты, как фимиам, в огне любви гори,
О вечной правде неумолчно говори...

В 10-х годах нынешнего столетия³⁶³ приамурским генерал-губернатором был видный сановник, в звании придворного шталмейстера, И.Л. Гондатти.

Первоначально, в 1880 году, ещё молодым деятелем, И.Л. Гондатти был уездным начальником на Чукотке, где оставил о себе добрую память среди туземцев. Впоследствии он был начальником амурской исследовательской экспедиции.

Умный, просвещённый и деятельный Гондатти видел и понимал, что технически и культурно отсталая Россия того времени утрачивала своё влияние на Дальнем Востоке, что в свою очередь давало повод англо-американским и японским хищникам безнаказанно и почти бесконтрольно хозяйничать на наших далёких, забытых окраинах. Вот почему он с глубоким сочувствием, с большим вниманием относился к моей пастырской деятельности и всячески содействовал успешному осуществлению идеи создания Камчатского благотворительного православного братства.

Мне запомнился такой эпизод. Проездом из Петербурга на Камчатку я находился в летних архиепископских покоях на Седанке, близ Владивостока. Тогда же у Владыки Евсевия находился в гостях приамурский генерал-губернатор. И мне

совершенно случайно пришлось быть свидетелем следующего разговора между начальником края и правящим архиереем.

– Когда я давал отцу Нестору своё благословение на создание Камчатского благотворительного братства, – произнёс владыка Евсевий, – у меня, признаюсь, возникло сомнение в успешном выполнении этого полезного начинания. Ведь мне во Владивостоке приходилось за пятак нанимать хоругвеносцев при совершении крещенского крестного хода. Кто же, думал я тогда, согласится субсидировать, затрачивать средства на какое-то благотворительное Камчатское братство? Но молодой и энергичный отец Нестор работал и на Камчатке, и в Петербурге не покладая рук. Он писал и печатал воззвания, посещал сотни лиц, убеждая их вносить свою лепту в дело Божие. Он исходил и изъездил во имя Господне всю Камчатскую область.

– Да, – согласился генерал-губернатор – есть люди, которые оставляют в жизни яркий, немеркнущий свет, распространяющийся далеко в потомство. Их деяния благоухают ароматом особой, неземной благодати... Видно, отец Нестор из таких. Ведь только горение его души и сердца зажгло верой в Бога камчатских туземцев, которых он тысячами обратил в христианство. Надо отдать должное и открыто сказать, что сановная и власть имущая Россия только благодаря отцу Нестору повернулась, наконец, лицом к Камчатке. Не было ни одной стороны жизни насельников Камчатской области, которой отец Нестор не касался бы: он строил храмы, часовни, школы, приюты, лечебницы, организовывал походные аптеки. Нет такого кочевья или населённого пункта на Камчатке, где не знали бы милостивого, доброго, приветливого иеромонаха.

Не скрою, мне было приятно слушать столь положительное суждение обо мне и о моей деятельности из уст двух влиятельных лиц. Однако я не успокаивался на достигнутом, зная, сколько впереди ещё дела, сколько неизбежных трудностей, досадных неприятностей и неудач. Но я был уверен в том, что с Божией помощью их одолею.

Но ещё больше, чем похвалой архиерея и губернатора моей пастырской деятельности, я был до глубины души тронут

проникновенными словами стихотворения, посвящённого Камчатскому братству. Автор, напечатавший его в одном из тогдашних изданий, мне неизвестен. Тем более мне кажется, что стихотворение воплотило мысли не одного, а многих лиц, знакомых с многогранной деятельностью нашего братства.

Над Камчатскою областью,
Далеко заброшенной,
Бурями овеянной,
Братство Православное
Спаса Милосердного,
Что весною солнышко,
Тихо поднимается,
Ярко загорается.
Единеньем крепкое
И любовью спаяно,
Братство Православное
За собратьев горестных,
Тёмных, обездоленных
И на край закинутых,
Дружно ополчается.
Со крестом, с молитвою,
С образом Спасителя –
Церкви окормителя.
Как и предки русские,
Ты сильна не множеством,
О рать Православная,
А могуча верою
И рукою щедрою,
Да сердцем отзывчивым,
Чтоб согреть холодную,
Накормить голодную,
Просветить ту тёмную
Паству ту Камчатскую
Всею любовью братскою.
Помоги же, Спасе наш,
Братству Православному
Укрепляться, шириться

И с любовью многою
Светлою дорогою
Идти к обездоленным.
С жертвою посильною,
Да с душою умильною,
Со словом ободряющим,
С гласом призывающим.
Всем усопшим братчикам
В праведном селении
Дай успокоение,
Царство бесконечное
И блаженство вечное,
И Владыке-учредителю,
И почётным попечителям,
Братчикам-сотрудникам,
Пастырю-ревнителю
Ты пошли, о Господи,
Доброе здоровье,
Мир и благоденствие,
Радость, долгоденствие.

В стремлении расширить круг деятельности Камчатского благотворительного братства я посещал различные города нашей Родины. В частности, в Перми мне привелось побывать в 1910, 1911 и 1914 годах. Здесь в обширном зале Стефановской часовни я выступал с докладом о Камчатке, рассказывал о жителях, их быте и нуждах. Свои лекции я сопровождал так называемыми «туманными» картинами. Они производили на слушателей особое впечатление.

В 1911 году, с благословения Преосвященного Палладия³⁶⁴, мною в Перми было открыто отделение Камчатского благотворительного братства с многочисленными членами, вносившими свои добровольные пожертвования. Мне удалось вдохновить на трудный подвиг трёх сестёр милосердия Пермской Мариинской общины Красного Креста: А.М. Урусову – начальницу этой общины (о ней я уже упоминал), А.А. Кашину и М.Г. Волкову-Жукову, добровольно отправившихся в неизвестную даль.

Население Камчатского края впервые увидело самоотверженный труд русских женщин в лице этих трёх медицинских сестёр милосердия. Их энергичная работа заключалась не только в огромной помощи больным, но зачастую хозяйская, поистине материнская забота в устройстве быта, приносила большую пользу туземцам. Этим сёстрам население всегда выражало чувства глубокой благодарности и признательности.

По примеру этих трёх медсестёр пошли на самоотверженный труд и сёстры из других общин Красного Креста, например Т. Казанцева, Иванова и др.

С открытием Камчатского братства на пожертвования духовных миссий приобреталось много всего необходимого и полезного для походных аптек, а также носильное и постельное бельё, продукты питания для лепрозориев (хлеб, молоко, овощи, консервы и т. п.). В таких колониях уже были условия готовить больным горячую пищу. Там вместо нар появились кровати, кухонная и столовая посуда (для каждого больного отдельная). Специально для больных приобрели лодку, невод, сети для ловли рыбы, материал для шитья и вышивания. Учитывалось удручённое состояние неизлечимо больных, а посему для отвлечения от тяжёлого душевного гнета сёстры милосердия старались занимать прокажённых каким-либо посильным для них трудом.

На севере Камчатской области мною был открыт и оборудован приют с амбулаторией для детей осёдлых и кочующих туземцев, в нём самоотверженно трудилась заведующая приютом – медсестра М.Г. Волкова. Местность была здесь дикая, суровая. Питаться приходилось только рыбой. Священник-камчадал слабо знал русский язык. Для посещения больных и оказания им медицинской помощи сестре приходилось много ходить пешком, ездить на лодке, а зимой на лыжах и на собаках.

Впоследствии я открыл ещё один приют в бухте барона Корфа в большом здании из восьми комнат. Десять плотников едва успели достроить его к прибытию последнего парохода. Помогая им, приходилось работать и мне, и сестре милосердия,

и ребятам. Общими усилиями нам удалось соорудить ещё колонку и оборудовать две ванны. Неизбалованное вниманием местное население не верило, что всё это сделано для их детей, которые здесь будут жить, питаться, учиться и пользоваться бытовыми услугами даром. Детишки первое время с непривычки во сне падали с кроватей. Среди них было много способных к ремесленному обучению (я имею в виду мальчиков), а девочки успешно занимались рукоделием и шитьём. И взрослое население, и дети любили посещать церковь, внимательно следили за богослужением. Я повседневно ощущал их искреннее нежное отношение ко мне, их духовному пастырю. По словам сестры милосердия, туземцы при полном отсутствии телеграфной и почтовой связи за 2–3 дня узнавали о том, что «папа Нестор» едет к ним. Они выезжали встречать меня на нартах, лыжах и радостно приветствовали. Порой, когда где-нибудь в пути пурга заносила меня снегом, они находили меня и заботливо сопровождали до своего селения.

После каждой такой поездки я, с помощью туземцев, на месте своего пребывания водружал крест или сооружал церковь, приют или школу. После моей проповеди и соответствующей подготовки многие крестились, принимая Православную христианскую веру.

Сестра милосердия Т. Казанцева пробыла в Камчатской области шесть лет. По прибытии в Петропавловск она поступила в распоряжение уже бывшего тогда врачебного инспектора доктора А.Ю. Левинского и была назначена им в район западного побережья Охотского моря. Здесь ей пришлось, преодолевая трудности и лишения, обслуживать семнадцать населенных пунктов.

Преисполнен духовной красоты самоотверженный труд сестры милосердия Анны Ивановны Томсон. Она прибыла в колонию прокажённых одной из последних. Как и её предшественницы, эта милая старушка была для больных заботливой и доброй, как мать. В начале 1917 года на Камчатке в том месте, где находилась основанная мной колония для

прокажённых, произошло сильное землетрясение. Случилось это стихийное бедствие глубокой ночью.

Дом, где размещались больные, был огорожен плетнём, а домик, в котором жила сестра милосердия, стоял несколько в стороне от больницы. В момент страшного землетрясения он был разрушен. Анна Ивановна жила одна, и никто не мог прийти к прокажённым и сказать, что их любимая сестра милосердия придавлена обломками рухнувшего домика. Горевшая висючая лампа упала и разбилась, а разлившийся керосин вспыхнул. Пламя быстро распространялось. Пожилой женщине грозила смерть от огня.

Кругом никого не было. Но произошло непредвиденное.

Неизвестный русский охотник со своей собакой проходил в эту ночную пору по горам. В момент землетрясения и бушевавшего снежного бурана он сбился с пути. Ощупью, наугад вместе с собакой спустился он с горы и совершенно случайно пришёл к горящему дому. Услыхав человеческий стон, охотник спросил:

– Кто здесь? Что произошло?

– Спасите меня!.. Снимите балки и бревна, придавившие меня, – слабым голосом просила несчастная старушка. – Я сестра милосердия из колонии прокажённых... Очень волнуюсь за судьбу моих больных... Кто их успокоит?.. Живы ли они? Освободите и ведите меня к ним.

Охотник быстро и ловко погасил огонь, вытащил женщину из-под развалин и, придерживая её, повёл к зданию больницы. Здесь произошла трогательная сцена. Сестра милосердия заплакала от радости, что дом, в котором находились прокажённые, цел и все больные невредимы. А несчастные прокажённые в момент ночного землетрясения страдали не столько от страха, сколько от волнения за судьбу любимой ими сестры милосердия. Их пугало, приводило в недоумение то, что она не пришла к ним в жуткие минуты. Вот почему, когда они увидели её, хотя и израненную, измученную, но живую, радости их не было конца.

Когда землетрясение кончилось, а волнения и страхи улеглись, неизвестный путник, по просьбе Томсон, отправился в

Петропавловск и обо всём произошедшем в колонии прокажённых сообщил мне.

Немедленно, взяв с собой всё необходимое, я на собаках с походной аптекой поехал к месту катастрофы. Прибыв в колонию, я утешил больных и ободрил ослабевшую после пережитого сестру милосердия Томсон.

На Камчатку прибыли по моей просьбе из Петербурга десять сестёр милосердия. Они получили назначения в разные места области. Работать этим сердобольным женщинам приходилось чрезмерно много, причём часто заменяя доктора. Попутно они обучали местное население шитью, кройке, приготовлению горячей пищи, прививали навыки гигиены. Кроме того, приходилось им помогать школьному учителю и проводить культурно-просветительную работу.

Сёстры эти явились истинными ангелами-хранителями для многочисленных туземцев. С любовью, лаской и с большим, глубоким знанием дела пришли они на помощь больным, страдающим людям.

Туземцы также отвечали им любовью. Первоначально, видя женщин с крестом на груди, они принимали их за священников. А потом, узнав сестёр милосердия в деле, они стали называть их матерями.

Христос посреди нас

Вы – соль земли. Вы – свет мира. (Мф. 5:13–14)

Говоря о миссионерской работе, необходимо упомянуть и о первом (к сожалению, единственном) Камчатском миссионерском съезде, проходившем в 1914 году в селе Иоасафовском на севере Камчатки. Ни телефона, ни телеграфа между разбросанными на огромные расстояния селениями Камчатки не существовало. И тем не менее устной передачей, крылатой вестью пронеслось известие о готовящемся съезде по всем миссионерским станам, по всем церквам.

Событие это приобретает ещё больший смысл, если мы представим жизнь камчатских миссионеров, где общение друг с другом было чрезвычайно затруднено. Даже встреча двух-трёх священников была событием. Коряки-дикари впервые увидели здесь соборное торжественное богослужение с участием диакона, какового они ранее никогда не видели. Всего лишь за два года до съезда в селении Иоасафовском, где собрались миссионеры, не было ни церкви, ни школы, ни постоянного священника; не было даже землянок, а люди жили в грязных ямах-юртах с входом через дымовую трубу. На ровной снежной площади селения Иоасафовского, тогда именовавшегося Тиличиками, было разбросано восемь юрт.

Помню, когда я впервые приехал туда, эти юрты с отверстиями посредине напоминали мне маленькие действующие вулканы. Время от времени сквозь густые клубы дыма из отверстий показывались человеческие фигуры коряков и корячек, они пугливо поглядывали на меня. Вой полутора сотен собак был мне встречным гимном. С недоверием и не очень ласково приняли меня коряки. Даже крещёные всячески старались уклониться от выполнения христианских правил, отказывались от венчания, исповеди и причастия. Русского языка они совершенно не понимали. Но прошёл год, и мы с ними стали друзьями...

За сотни и тысячи вёрст съезжались миссионеры. На собаках, оленях неслись по снежной пустыне их лёгкие сани.

Некоторые подвергались смертельной опасности. Так три священника и четыре псаломщика были застигнуты на Анапке жестокой пургой. Несчастные батюшки, занёсенные снегом, вынуждены были отсиживать в течение семи дней. Один псаломщик, Е. Слободчиков, едва не сделался жертвой пурги, он отстал от своих спутников, почти замерз в одиночестве, но спасся чудом и, прибыв на съезд, с умилением отслужил благодарственный молебен.

Съезд совпал с первой половиной Великого поста. Ежедневно в Иоасафовском храме совершались великопостные богослужения, причём все священники служили поочередно, и каждый день произносились проповеди. Храм был переполнен богомольцами – русскими и коряками. Все они говели. Поучения произносились для них как на русском, так и на корякском языках. Много прибыло и язычников-коряков, интересовавшихся происходящим.

В первые же дни съезд возбудил огромный интерес во всех окружающих осёдлых и кочующих туземных племенах. Коряки приходили на заседания, внимательно слушали и глубоко интересовались всем, о чём там говорилось. На съезде были выработаны приёмы миссионерской работы, создавалась атмосфера дружественной взаимопомощи и общения. Мною был сделан доклад, в котором подробно рассказывалось о положении камчатской миссии в то время. Вот главные положения моего выступления.

«Жизнь крещёных тунгусов и коряков (кочующее племя) протекает вдали от священников-миссионеров и учителей. Батюшку большинство туземцев видят раз в год или даже в несколько лет. Поэтому крещёный туземец, предоставленный самому себе, за неимением духовного руководителя в продолжение кочевой жизни, не помнит своё православное имя, забывает, как правильно изображать даже наружный знак молитвенного общения с Православной Церковью (знамение креста), не говоря уже о внутренней молитве, которой он и не научен. Ни учением Православной веры, ни церковной молитвой и обрядами, ни Святыми Таинствами – ничем ещё не был связан прочно с Православием камчатский туземец. После

всего этого можно ли удивляться и ужасаться тому, что он не оставил шаманства, что не прерывает связи со злыми духами, умиловывая их жертвоприношениями. Можно ли осудить его за то, что он не внимает Православному учению, а слушает наговоры шамана и верит ему. Ведь шаман живет рука об руку с туземцем, да нередко и сам-то шаман из тех же крещёных тунгусов или коряков, а священника нет поблизости.

Северная природа Камчатской области, суровая и дикая обстановка, лишения, болезни, голод, эпизоотии, холод, непогода – всё это мало радости оставляет в душе человека, и несчастный, одинокий, беззащитный дикарь ищет где-либо успокоения, облегчения от всех этих невзгод и не находит нигде, как только в колдовстве, наговорах, заклинаниях и шаманстве. Вот что значит быть вдали от туземной крещёной паствы её пастырю и учителю!

Надеть туземцу крест при крещении и думать, что уже сделано всё нужное, и на этом успокоиться – этого мы, миссионеры, не должны допускать. Да не оскорбится слух доброго пастыря в слышании сей горькой правды, если только пастырь чувствует себя по своей совести в этом смысле виновным. Но мы, миссионеры новообразованной камчатской миссии, должны осознать такое горестное положение, должны объединить свои усилия в деле постоянного и частого общения с туземной паствой. Нам ныне, слава Богу, прибавлено содержание, а с ним увеличивается и ответственность. Будем же, по мере сил, не жалея себя и разъездных денег, чаще навещать туземную крещёную паству, коснеющую в язычестве.

Бесспорно, есть несколько серьёзных причин, которые снимают часть обвинений с пастырей-миссионеров, редко посещающих туземцев. Ведь каждый священник-миссионер в камчатской миссии в то же время и приходской священник большого села, где постоянно приходится выполнять прямые обязанности по приходу; тут же миссионер состоит заведующим, а некоторые – даже законоучителями в церковно-приходских школах. Всё это не даёт им возможности надолго и часто отлучаться к аборигенам, находящимся на далёком

расстоянии и рассеянным по обширной тундре и горным хребтам края.

Из всего вышеизложенного видно, что нужно принять какие-то меры к устранению препятствий в посещении отдалённых стойбищ и острожков камчатских туземцев; необходимо установить более тесную, близкую, постоянную духовную связь между крещёными туземцами и священником-миссионером, чего можно достигнуть только путем широкого церковно-школьного строительства. В доступных местах и районах оседлой и кочевой жизни туземцев нужно как можно больше открывать церквей, часовен, школ, молитвенных домов; миссионерских станов и походных миссий.

Жизнь крещёных коряков протекает в более худших условиях, чем тунгусов, так как им часто приходится жить среди язычников. Крещёные коряки не знают даже своего русского имени и называют себя корякским именем. Я могу привести сотни примеров, когда при посещении корякских юрт я спрашивал имя какого-либо крещёного. Он первоначально называл прозвище, а когда спросишь русское имя, он задумается и часто говорит: “Не знаю” (“ко”). Или бежит в соседнюю юрту спрашивать старух или стариков, не знают ли они, как его зовут по-русски, потому-де батюшка спрашивает. Тут начинают вспоминать и перебирать имена: Семён, Иван, Пётр. В этом случае не знаешь, что делать, как назвать, какое из этих имен выбрать, и невольно согрешаешь. Потом справляешься в исповедных росписях и сверяешь их с посемейными списками в уездном управлении, и оказывается – не Семён, не Иван, не Пётр, а по одной справке Илья, по другой Алексей. Это не выдумка, а горький факт, который, наверное, много раз повторялся и повторяется с каждым священником, записывающим имена коряков в юртах. Эти кочующие коряки не знают также и времени своего рождения, так что приходится определять его на глаз. Среди коряков ещё прочно держится верование в заклинание злого духа, а умиловление его сопровождается жестоким обрядом принесения (через заклание) в жертву лучших ездовых собак. С таким жестоким, грубым и разорительным верованием дикаря миссионерам

нужно усиленно бороться. Нужно помнить, что собака для жизни туземца более необходима, чем лошадь для русского крестьянина, и цена ездовой собаки, равно как и охотничьей, – от 50 до 150 рублей. Борясь с подобными варварскими обычаями, миссионерам необходимо установить с коряками более тесную связь и частое общение. Примером благотворного влияния на духовно-нравственную жизнь крещёных коряков может послужить Иоасафовский миссионерский стан. Видно, что здесь с постройкой благолепного храма и школы не только местность просветилась, но и образ обитателей изменился к лучшему. Прекратились жестокие сожжения умерших людей на кострах, жертвоприношения и заклинания злых духов, отпадает верование в колдовство и наговоры, налаживается законная супружеская жизнь, оставляется³⁶⁵ многожёнство.

Отчего всё это произошло? Благодаря влиянию церкви, школы и тесному общению священника-миссионера с местным населением. Все мы – миссионеры, и должны искать удобного случая и возможности для устройства школ, церквей, походных миссий, и сами должны уделять больше внимания, времени и забот просвещению и спасению душ туземной паствы».

В завершение съезда прошли крестные ходы. Всё население, ещё недавно первобытное, дикое, приняло праздничный, торжественный вид. Дома, землянки, школа, храм были украшены национальными флагами, всюду красовались гирлянды из зелёного кедровника и разноцветной материи. Возле храма высилась арка с надписью: «Христос посреди нас».

Утром 23 февраля после литургии был совершён крестный ход к языческому священному месту – апапелю, где язычники-коряки почитали присутствие невидимой силы божества и для его умилоствления приносили жертвы в виде убитых собак, оленьего мяса, рога, жира, табака и пр.

После бесед и молитв во время съезда коряки Иоасафовского села решили раз и навсегда оставить почитание апапеля и уничтожить его. На этом месте была в то утро устроена арка с надписью: «С нами Бог». Стоя у апапеля, я спросил язычников-коряков:

- Что это такое?
- Это наш апапель, где мы умилоствляем злого духа.
- А это что такое? – спросил я, указывая на церковь.
- Это твой апапель, – отвечали язычники, – где живет добрый дух.
- А для чего же вам два апапеля, может быть, довольно одного?

Тогда коряки-язычники заявили:

- Пусть будет один твой апапель, а наш худой (дурной) нам больше не нужен.

Коряки единодушно обещали больше не почитать апапеля, вырыли на этом месте яму, сложили в неё все остатки прежних жертвоприношений, часть их сбросили в море, а на месте апапеля водрузили святой крест.

Закончился съезд праздником, трогательными играми туземцев: гонками на собаках и оленях, борьбой, бегом скороходов и прочими излюбленными развлечениями туземцев. Победителям я раздавал подарки. Вечером были устроены иллюминация, бенгальские огни, ракеты, фейерверк. Надо было видеть восторг и удивление дикарей на этом чудесном зрелище. Их наивная, искренняя радость невольно передавалась и нам.

В понедельник 24 февраля молебном с акафистом святителю Иоасафу официально съезд закончился. На память о нём все священники, его участники, получили в подарок по полному комплекту церковного облачения, которые были приобретены благодаря Камчатскому братству.

На рубеже двух эпох

Сменяйтесь времена, катитесь в вечность годы,
Но некогда весна безсменная взойдёт.
Жив Бог! Жива душа, и царь земной природы –
Воскреснет человек: у Бога мёртвых нет.
Вечная слава вам, славы достойные!
Там в тиши под землей
Спите спокойно, российские воины,
Вечная слава и вечный покой!

В 1914 году архиепископ Владивостокский Евсевий командировал меня в Святейший Правительствующий Синод в Петербург за получением 25 000 рублей, ассигнованных после моего доклада разными учреждениями по ходатайству Государственной Думы.

Я ехал в вагоне 1-го класса сибирского экспресса. За окном проплывали необъятные просторы матушки-Руси, занятой повседневным мирным трудом. Ничто не предвещало военной бури. Жизнь шла своим чередом. Поезд, врезаясь в таёжные дебри, мчался на запад, миновал суровый, гористый Урал, пронёсся с грохотом по ажурному мосту над многоводной, привольной Волгой, быстро приближаясь к столице. Но по прибытии в Петербург я был поражён известием о том, что в июле 1914 года Германия и Австро-Венгрия объявили нам войну, и уже на полях сражений проливается кровь. Неудивительно поэтому, что в Святейшем Синоде мне объявили о том, что в связи с началом военных действий ассигнованные Камчатскому братству 25 000 рублей мы не получим, так как они будут переданы на военные нужды, а я должен был получить их только после войны.

Тогда же, выполняя волю владыки Евсевия, я посетил Валаамский монастырь, где намеревался найти молодых послушников для воссоздаваемой мною на Камчатке обители. Однако все молодые послушники были мобилизованы в армию. Я немедленно телеграфировал архиепископу Евсевию о затруднениях в моих хлопотах по делам Братства. Владыка

телеграфировал ответ: «Война, по-видимому, будет надолго. Продолжайте оставаться. Выполняйте возложенные на вас задания».

Получив такое категорическое распоряжение, я почувствовал себя как бы скованным, бесполезным в тяжёлую годину испытаний, выпавших на долю нашей Родины и русского народа. Поэтому попросил разрешения оказывать посильную христоробивую помощь раненым воинам как в лазаретах, так и на передовых позициях в действующей армии. Я сформировал и возглавил санитарный поезд (в составе врача и санитаров), после чего приступил к оказанию первой медицинской помощи воинам кавалерийских и других родов войск на фронте, но более всего моему санитарному отряду пришлось потрудиться в Лейбгвардии Драгунском полку.

Мне как начальнику санитарного отряда приходилось ездить верхом на лошади вдоль линии огня и руководить не только врачебным и санитарным персоналом, но и обозом с медикаментами. Неоднократно случалось смотреть в глаза смерти под градом пуль, среди рвущихся с оглушительным грохотом фугасов и снарядов, утешать напутственной молитвой умирающих воинов-страстотерпцев, а раненым облегчать страдания оперативной медицинской помощью. Любовь к ближнему и Родине побеждали, заглушали во мне вспышки страха перед смертью. С таким же настроем я выполнял нередко даваемые мне командованием военные поручения, отправляясь на передовые позиции в сторожевую охрану. Приходилось подолгу находиться в окопах среди солдат, напутствуя их молитвой на бранный подвиг за Родину, за Русскую землю. Довольно часто мне поручали как вестовому срочно, под смертоносным огнём перевозить секретные донесения, а также бывать в разведке и участвовать в конной атаке.

На протяжении двух военных лет я стойко переносил все тяготы фронтовой жизни. За участие в боевых операциях в период нахождения в действующей армии, а также за организацию санитарного отряда я получил высшую для священнослужителя воинскую награду: Крест на Георгиевской

ленте, а также ордена Святой Анны 3-й и 2-й степеней, Святого Владимира 4-й степени и утверждённый императорским рескриптом в период войны орден Святого Николая³⁶⁶ (все с мечами и бантами). Эти высокие боевые награды за проявленное мужество при защите Родины сохранены за всеми имеющими их и поныне, согласно декрету теперешнего правительства.

В связи с этим вспоминаю, как в 1945 году после освобождения Харбина от японских захватчиков мне, проживавшему там, привелось быть представленным маршалу Р. Малиновскому. Этот легендарный герой Великой Отечественной войны, увидев мои боевые ордена и знаки отличия, заинтересовался, когда и при каких обстоятельствах меня ими наградили, и со вниманием выслушал мой рассказ, затем подтвердил декрет, сказав:

– Вы имеете право достойно носить все эти боевые награды.

В конце 1915 года архиепископ Евсевий писал мне в действующую армию о том, что без меня моё детище – Камчатское благотворительное братство со всеми духовно-просветительными лечебными учреждениями – может погибнуть. Поэтому Владыка просил по возможности скорее вернуться на Камчатку.

Повинуясь своему правящему архиерею, я сердечно распрощался с фронтовиками и выехал к месту моего постоянного служения. Многообразные и сложные чувства переживал я при этом. Моё сердце как бы раздвоилось. Я скорбел об участи русских воинов, проливавших кровь за мирное благоденствие народа и независимость Родины, и в то же время мне было до слёз жаль обездоленных, несчастных жителей Камчатки.

По прибытии в Петропавловск я немедленно создал Комитет по сбору средств для оказания помощи русским воинам. В числе первых я внёс в фонд этого благотворительного комитета имевшиеся у меня ценности.

Зиму 1916 года я провёл в заботах по сбору средств и оказанию помощи раненым и увечным. В то же время я не

прекращал своих пастырских поездок по краю. Во время одной из них я простудился и заболел воспалением лёгких. Болезнь протекала в весьма тяжёлой форме, и я был при смерти, но по милости Божией начал поправляться. Как-то, ещё не вполне оправившийся и болезненно впечатлительный, я лежал в отведённом мне помещении. Вдруг большая крыса прыгнула на мою кровать. Это мерзкое животное повергло меня в непонятный ужас, и у меня начался жуткий бред.

Тогда ухаживавшие за мной сердобольные люди решили для моего укрепления отвезти меня в село Апачи. Там среди девственно-нетронутой дикой природы, у подножия вулканов я должен был почувствовать себя лучше, тем более что в этой местности имеются горячие целебные источники. По прибытии в Апачи я убедился, что устройство их примитивное. Кроме небольшой кое-как сделанной загородки и одинокой скамьи, ничего здесь не было. А по дороге сопровождавший меня врач сказал:

– Посмотрите, кругом хвойный лес. Вы здесь сможете хорошо отдохнуть и поправить здоровье.

С этими словами он пошёл осмотреть местность, а казак-возница отправился на поиски хвороста. Я остался один и от нечего делать вошёл за изгородь, сбросил с себя одежду и начал купаться. Вода в источнике была настолько горячая, что терпеть было тяжело, но в то же время я почувствовал во всем организме некое облегчение. Мне даже показалось, будто бы с моего тела спала какая-то пелена. После купания в источнике я выздоровел.

Епископская кафедра

Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на Небесех. (Мф. 5:16)

По возвращении в Петропавловск я получил из Владивостока по действующему уже тогда телеграфу распоряжение архиепископа Евсевия срочно прибыть к нему. При первой же представившейся возможности я явился. Архиепископ Евсевий усадил меня за письменный стол и велел составить доклад о моей пастырско-миссионерской деятельности. Это, по его словам, было необходимо для разрешения вопроса о создании на Камчатке епископской кафедры. И тут же сказал:

– Кандидат на эту кафедру один – архимандрит Нестор. Ибо Нестор – это Камчатка, а Камчатка – это Нестор.

Святейший Всероссийский Синод избрал священноархимандрита Нестора, начальника Камчатской духовной миссии, епископом Петропавловским с хиротонией в Петербурге – в Александро-Невской Лавре или в Казанском соборе, «по его благоусмотрению».

Когда управляющий канцелярией Святейшего Синода запросил лично меня (необходимо было представить на заседание Синода ответ об избрании места хиротонии), то я сказал:

– Прошу доложить мою искреннюю просьбу, что я желаю получить архиерейскую хиротонию во Владивостокском кафедральном соборе от руки моего духовного аввы, нашего архиепископа Евсевия, избравшего моё недостойнство епископом на Камчатку. Для осуществления хиротонии необходимы дополнительно архиереи, а на Дальнем Востоке есть епископы в Японии, в Благовещенске, Чите и Никольск-Уссурийске³⁶⁷.

Управляющий мне троекратно повторил, чтобы я серьёзно подумал, пока не поздно, так как, в противном случае, я теряю большие прогонные средства, оплачиваемые мне от Петербурга

до Петропавловска, что составляет огромную сумму, и весьма удивился моей настойчивости и полному отказу от них.

Архиепископ Евсевий с отеческой радостью воспринял моё искреннее желание, чтобы хиротонию совершали во Владивостоке, куда к 16 октября (воскресный день) владыка Евсевий пригласил всех вышеупомянутых архиереев.

По возвращении в архиерейскую церковь на Седанке, где было моё наречение во епископа, я произнёс речь. Приводя эту речь, оглядываясь на пройденный мною долгий жизненный путь в этом сане и снова и снова глубоко сознаю я свою немощность и своё недостойнство.

В раннем детстве я молил Бога сделать меня архиереем, ибо тогда по-детски прельщался я внешним блеском и красотой епископского служения. Но когда Господь исполнил мою детскую молитву, я осознал тяжесть архиерейского омофора и вот уже сорок пять лет сгибаюсь под этим бременем.

Только Божия помощь и благодать дают силы нести это бремя, молитвы великих пастырей и архипастырей – живых и усопших уже руководителей и наставников: епископа Андрея, митрополита Антония, отца Иоанна Кронштадтского, митрополита Евсевия и других, которые ходатайствуют о Божией помощи и Божиим благословением мне, немощному. Добрые имена моих духовных руководителей снова, как и сорок пять лет назад, повторяю я с любовью и благодарностью, отвечая им на любовь любовью, на молитву молитвой,,, смиренно прося Бога принять и мои недостойные молитвы по Своей неизреченной благодати.

«Ваше Высокопреосвященство, богомудрые архипастыри и отцы!

Взирая нашим земным человеческим взглядом, казалось бы, не мне, недостойному, не получившему высшего богословского образования и происходящему из военно-светской семьи, не мне подобало предстоять на сем святом месте в настоящий знаменательный момент архиерейского наречения и в преддверии восприятия епископского сана. Но от Господа стопы человеку исправляются, и судьба моя от лица Божия исходит.

Всемогущий Промысл Божий чрез благословение моего учителя, духовного отца, святителя высокоиноческой жизни епископа Андрея и приснопамятного молитвенника отца Иоанна Кронштадтского предуказывал мне ещё в 1907 году путь пастырского служения в Камчатской области, и во всё время многотрудного моего служения на Камчатке десница Божия управляла мною, немощным.

Верую, что и ныне благодатью Всемогущего Бога, предуказанием богомудрого иерарха камчатских церквей архиепископа Евсевия Святейший Синод избрал и утвердил о бытии моему недостойнству епископом богоспасаемого града Петропавловска-на-Камчатке.

Покорясь всеблаговому о мне Промыслу Божию, изливающему на меня благодать Святаго Духа, в восприятии высокого жребия святительского служения, я смиренно преклоняю главу свою под это благое иго. Но при искреннем сознании своих немощей и греховности моя совесть смущается пред величием настоящего святого момента. Страх и трепет прииди на мя.

Да можно ли не смущаться при сознании высоты и величия воспринимаемого епископского сана! Высота и величие архиерейского служения есть отображение высоты любви и смирения Самого Иисуса Христа, сошедшего с Небес ради нашего спасения. Смогу ли я, слабый и убогий, быть носителем ига Христова, заключающегося в кротости и смирении сердца, в служении ближним до самоотвержения?

Господи Боже мой, вверяющий мне стадо словесных овец Твоих для соблюдения их в правой вере, для спасения их душ! Правилom веры и образом кротости яви мя стаду моему. Не для себя, а для моей паствы должен я поставить цель моей жизни. Архипастырское служение в Камчатской области, населённой туземцами, ещё во множестве пребывающими в язычестве, должно быть служением особенно высоким, миссионерским и равноапостольным.

Само наименование Камчатского епископа Петропавловским по кафедральному граду и собору, освящённым в честь святых апостолов Петра и Павла,

поставляет меня быть подражателем этих первоверховных апостолов, просветителей всея вселенныя, подражателем их трудов и подвигов в деле евангельского благовествования, подражателем святым апостолам в Божественном служении, в несении неизбежно встречающихся на миссионерском поприще всяких трудностей и невзгод.

За истекшие девять лет я до некоторой степени уже изведаль ту тяжесть креста, которую Бог судил мне нести с юного моего возраста при трудных условиях миссионерского служения в Камчатской области. Подобно тому, как некогда апостол Павел поведал коринфянам о всех перенесённых им ради спасения душ человеческих трудностях, невзгодах и лишениях и тем свидетельствовал, как сила Божия в его немощах совершалась, так и тем более я не умолчу и не хвалясь собой (да и нечем мне похваляться), а во славу Божию свидетельствую пред Святою Церковью, как сила Божия в моих немощах совершалась. Совершая дело евангельской проповеди и пастырского миссионерского служения в обширной суровой Камчатской области, среди язычников-шаманистов, поклонников злой тёмной силы, приходилось неоднократно подвергаться смертельной опасности, мёрзнуть под снегом, будучи занесённым снежным бураном, изнуряться голодом, погибать в волнах морской пучины, претерпевать напасти от хищного зверя, изнемогать в тяжёлых болезнях, и Господь всегда оберегал меня, немощного, на всех путях моего миссионерского служения. Налагая этот крест на меня, Господь не только не дал мне упасть под его тяжестью, но даже покрывал всякие невзгоды и все мои немощи великими Своими милостями не ради меня, а ради прославления Его святого имени, для просвещения языческой паствы.

Далёкие камчатские обитатели, пребывающие постоянно в духовной и материальной нужде, холоде и голоде, ныне взысканы милостью Божией. Под святым покровом образа Всемиловитого Спаса и под высоким покровительством Наследника Цесаревича Алексея Николаевича объединяются православные русские люди и составляют собою святое Камчатское братство и своей любовью и благотворительной

деятельностью оказывают большую помощь и поддержку миссионерскому делу на Камчатке. Из далёкой Камчатки, из мрачной и убогой жизненной обстановки я неоднократно имел счастье предстоять в светлых чертогах пред лицом Государя и всей Царской Семьи и был осыпан царскими милостями и дарами для Камчатской миссии, для бедной, а также для прокажённой камчатской паствы.

Ныне, слава Богу, умножается число храмов Божиих на Камчатке, благодаря развивающейся деятельности Камчатского братства и его отделений. Но всё же ещё ощущается недостаток церквей. Нелегко приходится иногда совершать богослужения и исполнять церковные требы в туземных юртах. Все невзгоды, встречающиеся на тернистом пути миссионерского служения, кажутся ничтожными, когда учение и проповедь миссионера о Боге, о христианской вере и жизни, о спасении душ человеческих через Святое Крещение достигают успеха и касаются душ тёмных язычников, неведающих Истинного Бога, сидящих во тьме и сени смертной. Сколько радости испытывает миссионер, когда он видит, как к нему доверчиво идут навстречу сами язычники-туземцы, жаждущие познания истинной Православной веры и ищущие жизни под покровом Церкви Христовой.

Туземцы – это дети природы, это мягкий воск в руках, владеющих им. При таких условиях открывается широкое благодатное поле деятельности миссионерам, но ещё очень мало пастырей, готовых сейчас пойти на этот святой путь. С грустью приходится сказать, что жатва обильна, а делателей мало. Будем молиться Господу Богу, да низведёт Господь делателей на жатву Свою.

Ныне, в эти знаменательные дни духовного торжества в жизни Камчатской области, достойно, с благоговением вспомним бывших немногих духовных деятелей на Камчатке от дней её покорения под державу России с 1689 года.

Первый пастырь и благовестник Святого Евангелия, ступивший в 1705 году на камчадальскую землю, архимандрит Мартиниан положил начало Святого Крещения язычников-камчадалов. Будучи отцом своей паствы и честным защитником

её от пришлых грабителей, притеснявших туземцев, он сам претерпел от них притеснения и пытки, а в довершение принял мученическую кончину от руки злодеев, которые, истязав архимандрита, утопили его в Большой реке. С благоговением я принял в своё наследие Камчатскую миссию, основанную на мученической крови этого первого миссионера, миссию, которая не раз ещё подвергалась тяжёлым испытаниям, гонениям и даже прекращению её благовестнической деятельности.

Не может быть предана забвению память монаха Игнатия (Козыревского), который основал первую Камчатскую пустынь, разрушенную во время камчатских междоусобиц в 1730-х годах. Слава и благодарение Богу! Ныне здесь положено новое начало устройства святой Спасовой обители. Бог даст, этот рассадник благочестия, насаждаемый опытной рукой благочестивого игумена Свято-Троицкой Уссурийской обители³⁶⁸ отца Сергия³⁶⁹, через учеников его и послушников разовьется и послужит священной купелью для просвещения Камчатского края.

Живым образом восстает пред нами блаженной памяти первый начальник Камчатской духовной миссии архимандрит Иоасаф (Хотунцевский), впоследствии епископ Кексгольмский, человек положительного твёрдого характера. Он был строителем церквей и школ на Камчатке и неутомимо странствовал по необозримой камчатской пустыне с евангельской проповедью. Этот святитель ещё в 1740-х годах находил нужным и полезным для успешного просвещения Камчатки учреждение там епископской кафедры.

С чувством истинного сыновнего уважения простираю я ныне взор вдаль, за ограду иркутской Свято-Вознесенской Иннокентиевской обители³⁷⁰, где почивают останки бывшего труженика и исповедника в Камчатской миссии в 1750-х годах архимандрита Пахомия, который после многолетних камчатских трудов, живя на покое в Вознесенском монастыре, сгорел во время бывшего там пожара.

Нельзя также обойти молчанием доброй памяти имена просветителей тунгусов, коряков и чукчей, истинных тружеников иеромонахов – убиенного Флавиана и Иосифа, протопопов

Стефана и Никифора – начальников Камчатской проповеднической свиты.

Преклоняюсь с чувством душевного умиления пред равноапостольным миссионерским служением приснопамятного первого святителя епископа Камчатского Иннокентия, впоследствии бывшего митрополитом Московским. Его труды и подвиги на Камчатке достаточно хорошо известны всем нам.

Вечная память и со святыми упокоение да будет всем этим печальникам о просвещении и спасении душ камчатских обитателей.

В заключение моего слова сыновне припадаю к твоим стопам, мой священноначальник, богомудрый архипастырь и духовный отец, святитель Евсевий. Прошу твоего отеческого наставления, столь необходимого для меня, молодого и неопытного, постоянного твоего руководства как архипастыря, богатого духовным и жизненным опытом. Я же пребуду в послушании, сыновней покорности, преданности и любви к тебе до скончания моей жизни.

Сыновне припадаю ко всем вам, Преосвященнейшие архипастыри, предстоящие пред Господом Богом в молитвах за меня, недостойного, и прошу: благословите меня, да придет чрез возложение ваших святительских рук на мою грешную главу благодать Всесвятого Духа и восполнит и укрепит мои немощи. Помолитесь, дабы Господь помог мне посылать подражать в добрых подвигах всем бывшим просветителям Камчатки.

Помолитесь и за вверяемую мне камчатскую паству, да просветит её Господь словом Истины, да откроет ей Евангелие правды, соединит её Святой Своей Церкви и сопричтет её к избранному Своему стаду, а мне, грешному, да даст Господь сил, крепости и умения право править слово Истины. Аминь».

16 октября 1916 года архиепископ Владивостокский Евсевий при вручении мне жезла епископа Петропавловского сказал: «Радостно приветствую тебя и поздравляю со знаменательным в твоей жизни событием: возведением в сан епископа. Радуюсь по этому поводу не только я, но,

несомненно, ещё больше меня возрадуется вверяемая тебе камчатская паства.

Сам ты хорошо знаешь, как сильно всегда жаждали жители Камчатки видеть архиерея, получить от него наставление. К сожалению, вследствие отдаленности епархиальный архиерей не мог часто посещать Камчатку. Жители даже главного города – Петропавловска видели у себя архиерея не более одного раза в десять лет, а в отдаленных селениях – ни разу.

Будучи начальником своего детища – Камчатского благотворительного братства, – ты по-прежнему, не боясь трудностей и опасностей, станешь, как и раньше, посещать самые отдаленные уголки, поучать паству, совершать торжественные богослужения и оказывать добро ближним. Тебя, посвятившего себя с юных лет священнослужению в диких, отдаленных краях, местные жители любят и уважают за проповеди о Христе, за добрые дела. Иди же на вверяемое тебе высокое служение!

В надежде на помощь Божию твори дело Божие, дело архипастыря со всяким усердием. Ты не новый человек на Камчатке, ты и людей, её населяющих, хорошо знаешь, любишь, а это в значительной степени облегчит трудность архипастырского служения.

Осенив себя крестным знамением, возьми в свои руки жезл сей как символ вверяемой тебе власти и преподай своё архипастырское благословение ожидающим этого благословения людям».

16 октября (старого стиля) 1916 года по милости Божией совершилось посвящение меня в сан епископа Петропавловского, второго викария Владивостокского и Камчатского епископа с пребыванием в городе Петропавловске.

Во Владивостоке это большое церковное торжество было весьма радостно воспринято как православным, так и иноверным населением, сердечно и ласково приветствовавшим новопосвящённого епископа камчадальским хлебом-солью – свежей рыбой. Для меня было сугубо радостно, что на посвящение меня в архиереи во Владивосток прибыла моя

любимая, дорогая мамочка, Антонина Евлампиевна, и соучаствовала во всех церковных торжествах.

Все военно-морские и гражданские власти города оказали содействие по устройству в адмиральском доме парадного обеда в честь впервые совершавшегося большого события – архиерейской хиротонии.

После торжества к вечеру все пять архиереев поехали на Седанку, к месту жительства архиепископа Евсевия. Владыка пригласил всех гостей и мою маму в свой большой кабинет, откуда открывался дивный вид на Амурский залив. Сам владыка Евсевий присел к столу посмотреть последнюю почту. И вдруг при полной тишине он огласил Указ Святейшего Синода: «Архиепископу Евсевию Владивостокскому и Камчатскому о бытии архиепископом Приморским и Владивостокским, а епископу Петропавловскому о бытии епископом Камчатским и Петропавловским с самостоятельным управлением Камчатской епархией и с жительством в городе Петропавловске-на-Камчатке».

Владыка Евсевий, прочитав указ Синода, всплеснул руками и сказал:

– Вот так так! Утром посвящал своего викария, а сейчас уже я его потерял вместе с моим любимым титулом «Камчатский»! Но я искренно рад, что сей титул перешёл именно владыке Нестору, настоящему Камчатскому епископу, с чем я радостно и поздравляю моего дорогого, молодого владыкочку Нестора.

Я всю свою жизнь оставался сыновне преданным моему авве и рад, что нам пришлось вместе быть членами Всероссийского Поместного Церковного Собора 1917–1918 годов в Москве.

Благодарно вспоминаю те счастливые дни, когда моя дорогая мама присутствовала и молилась на посвящении во епископа её родного сына, которому она с детства преподавала самые лучшие религиозно-нравственные наставления и добрые примеры родительского воспитания, желая направить на жизненную дорогу для служения Церкви и Родине на пользу и во благо.

Когда пришло время маме возвращаться, то я попросил начальника Владивостокской таможни осмотреть её чемодан и опечатать пломбой во Владивостоке, чтобы потом на двух таможенных остановках ей не тревожиться. Начальник любезно позвонил в таможню, чтобы на квартире осмотрели чемоданы, запломбировали и вручили маме свидетельство о просмотре багажа. Мама, возвратившись домой, написала мне письмо:

«Когда чиновник таможни вошёл в купе, то я достала из сумочки свидетельство о запломбированном чемодане, а сама не посмотрела ранее этого свидетельства. Чиновник прочитал его и, всматриваясь в моё лицо, спросил:

– А вы кто такая?

– Антонина Евлампиевна Анисимова, мать епископа Нестора, только что посвящённого в архиерея.

Тогда чиновник вернул свидетельство. Там было написано: “Чемодан Ея Преосвященства³⁷¹, госпожи Нестеровой осмотрен во Владивостокской таможне и запломбирован; ничего запретного или требующего налога в вещах нет”. Мы вместе посмеялись».

После посвящения меня в сан епископа я возвращался на Камчатку вместе с архиепископом Японским – Сергием. Он следовал в Японию в город Хакодате, на остров Хоккайдо, куда пригласил и меня, чтобы совместно освятить новый японский храм.

После торжественного освящения храма в честь Святителя Николая, Мир Ликийских Чудотворца, было многолюдное собрание православных японцев в честь восстановления церкви на острове Хоккайдо. На собрании произносились речи и приветствия. Мне также пришлось выступить с приветствием, в котором я сообщил, что впервые был в городе Хакодате в 1907 году, после жесточайшего тайфуна, когда сгорел и православный храм. И вот теперь, через девять лет, японцы построили каменный роскошный храм.

9 ноября 1916 года, в день моего рождения, в 9 часов утра я прибыл на пароходе в Петропавловск, ставший теперь моим кафедральным городом. Власти города и население устроили мне торжественную встречу. Непосредственно с парохода я в

сопровождении губернатора, всей администрации города и представителей различных слоев населения от самой пристани до собора проходил с крестным ходом при торжественной музыке «Коль славен наш Господь в Сионе»³⁷².

Учащиеся петропавловских школ и народ по-праздничному радостно встречали тогда первого архиерея. Среди многих приветствий было и тёплое приветствие представителей китайской колонии Петропавловска. Буддист-китаец Сун-Ин-Тун поднёс мне архиерейский жезл (посох) из мамонтова клыка, выточенный в корякской юрте, с признанием в добрых чувствах ко мне. Туземцы, особенно коряки и чукчи, умело и художественно изготавливали из мамонтова или моржового клыка любые резные вещи или предметы обихода. Всё это они создавали простым рабочим ножом, которым всегда режут корм собакам, раскалывают сухие дрова. Однажды в корякской юрте хозяин-коряк увидел впервые мою митру из золотой парчи с вышитыми на ней цветами и красивым узором. Я рассказал коряку значение этого головного убора и спросил его, может ли он принять мой заказ и сделать точно такую же митру из стоящего в юрте огромного мамонтова клыка, который был выше человеческого роста. Он ответил:

– Могу сделать. Только прошу не торопить, обещаю управиться за 40–50 дней.

Мне показалось, что срок слишком маленький, но он заверил, что этого времени для него достаточно.

Этот клык коряк распаривал в горячей воде, затем разрезал на соответствующие части и за отсутствием всякого материала для закрепления фрагментов, придавая где нужно округлую форму, скреплял их, вставлял в фаску³⁷³.

Мастер рельефно вырезал по митре соответствующие иконки (с четырех сторон), скопировал весь узор, вышитый цветами на моей парчовой митре, а борт митры опушил собольим мехом. В этой митре я совершал в Москве церковные службы и крестные ходы. Впоследствии я подарил её Московскому археологическому институту.

После Поместного собора

В конце февраля 1917 года беспроволочный телеграф ежедневно передавал из Петербурга важные новости и тревожные известия о неспокойствии на войне, на наших фронтах; о нежелании воевать наших воинских частей, о революционном настроении в столице и других городах, об отречении от престола Государя Николая II, об организации Государственной Думой Временного правительства и, наконец, о созыве 15 августа 1917 года Всероссийского Поместного Собора в Москве. На выборных началах участвовали не только епархиальные архиереи, но и по епархиям выборное духовенство и миряне в соответствующих пропорциях. Участвовали в Соборе все епархиальные епископы (немногим более 100 человек); вместе же с выборными членами и мирянами, участниками Собора, было около 770 человек.

Временное правительство не смогло удержать управления государственным кораблём, и в конце октября оно было сметено.

В этот период Церковный Всероссийский Собор, продолжая реформу Православной Всероссийской Церкви, отделённой от государства, при строго церковном и соборном соблюдении канонических установлений, на общем пленарном заседании всех членов постановил после ряда прений подавляющим числом голосов всего Собора восстановить Патриаршество в Русской Православной Церкви, бывшее 200 лет тому назад на Руси, но уничтоженное императором Петром I.

Патриархом Тихоном владыка Евсевий был назначен митрополитом Крутицким. Скончался он в 1922 г. Могила его в Ново-Девичьем монастыре. Всякий раз я с благоговением посещаю её, благодарю доброго авву, молюсь о его упокоении: «Архиерейство его да помянет Господь Бог во Царствии Своём».

Я как епископ Камчатский и Петропавловский представлял на Соборе, имея поручение от

Камчатского Собора духовенства и мирян. В том же Соборе участвовал, имея голос от мирян, камчадал П. Новограбленный.

В 1918 году осенью мы возвращались на Камчатку в свою епархию, но поскольку прямой путь через Сибирь до Владивостока был нарушен сибирскими междоусобицами, то мне пришлось ехать на Камчатку окружным путем: через Киев, Одессу, Крым, Константинополь, Александрию, Египет, Суэцкий канал, Порт- Саид, Гонконг, Шанхай...

В Константинополе я растерялся, так как у меня было только несколько бумажных керенок, нигде не признаваемых. В Турции над моими керенками менялы только посмеялись. Но мне улыбнулось неожиданное счастье. Я случайно узнал, что в Константинополе находился в то время господин Беклемишев – главный представитель Российского Добровольного флота. Я обратился к нему с просьбой взять меня на пароход «Томск», отплывавший вскоре на Камчатку, в счет моей уплаты по прибытии. На что он категорически возразил:

– Вы, Ваше Преосвященство, всегда, будучи на Камчатке, без отказа исполняли любые просьбы Добровольного флота и весьма много пользы приносили нам во время зимних поездок по Камчатской области, а посему мы вам отведём каюту на «Томске» и не считайте себя нашим должником.

Я от глубины души поблагодарил Господа и человека, оказавшего мне содействие в непредвиденном путешествии домой на Камчатку. «Томск» плыл 84 дня с небольшими остановками в попутных портах, но с большой задержкой из-за отчаянного, страшного, длительного шторма в Индийском океане.

Всё же я, благодарный всем и за всё, добрался до Петропавловска-Камчатского, где исполнил все епархиальные дела, много служил, и на следующем пароходе, прибывшем в Петропавловск, имел возможность пройти по Восточному побережью Берингова моря, посетив камчатские селения, где так радостно меня встречала моя паства. Я крестил давно приготовленных к принятию Православия дорогих моих детей природы, оказал посильную помощь походной аптекой больным

и отправился в обратный путь. Увы! Наш пароход не пустили в Петропавловск, так как там происходило восстание.

Так больше мне и не пришлось вернуться на мою любимую, дорогую Камчатку. Но сердце моё осталось там, среди любимых мною камчадалов. И молитва моя неугасима за всю Камчатскую землю со всеми её туземцами.

Я отправился через Японию в Харбин (Маньчжурию), где некоторое время служил и управлял Камчатским миссионерским подворьем и Домом трудолюбия и милосердия. Впоследствии Святейшим Патриархом Алексием и Священным Патриаршим Синодом я был назначен епархиальным архиереем Харбинским и Маньчжурским, с возведением в сан митрополита, и Экзархом по Восточной Азии (27 июля 1946 г.).

Молитвенно и смиренно благодарю Тебя, Господи, даровавшего моей скудости пронести ниспосланные Тобою три креста послушания моего: пастырского, иноческого и миссионерского в predetermined Тобою период времени в Камчатском крае. Слава Богу за всё!

При всех недостатках и немощах моих я, укрепляемый верою и любовью, по совести исполнял вверенное мне служение во имя Господа Иисуса Христа. И моим бывшим духовным чадам оставляю то же завещание апостольское, какое было мной положено в основу моей проповеди: Живите достойно благовествования Христова, чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единодушно за веру Евангельскую (Флп. 1:27–28). Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте, – и Бог мира будет с вами (Флп. 4:9).

Аминь.

Часть III. Расстрел Московского Кремля 27 октября – 3 ноября 1917 года

От автора

Первое издание было выпущено в Москве 1917 года в количестве 10 000 экземпляров, но из них 8 000 уничтожено большевиками, а также конфискованы и клише фотографий расстрела Кремля. Бумага, печать и снимки первого издания имели весьма неприглядный вид, так как лучшего материала в советской России невозможно было достать.

В настоящем, втором издании, исправленном и дополненном, не без затруднений удалось переснять фотографии уцелевшей книжки первого издания и в лучшем виде невозможно воспроизвести, а подрисовывать фотографии нежелательно, дабы каждый читатель мог убедиться в подлинных фотографиях, удостоверяющих жестокое варварство большевиков и все их злодеяния в Московском священном Кремле и повсюду, где появляются эти варвары двадцатого века.

Текст сохранён в авторской редакции.

И когда приблизился [Иисус] к городу, то, смотря на него, заплакал о нём. (Лк. 19:41)

Грозное пророчество Исайи во всей полноте сбывается ныне над нашей многострадальной Родиной, над некогда Великой и Святой Русью: «Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня» (Ис. 1:2).

Чаша Гнева Господнего исполнилась. «Отнял у нас Бог всякое подкрепление хлебом и всякое подкрепление водою, храброго вождя и воина, судью и пророка, прозорливца и старца, советника и мудрого, художника и оратора и дал нам отроков в начальники, и дети господствуют над нами. И один угнетается другим, и каждый ближним своим. Юноша нагло превозносится над старцем и простолудин над вельможей. И мы хватаемся за первого встречного человека и говорим: “У тебя хоть есть одежда, будь нашим вождём и царствуй над нашими развалинами”, – но он отвечает с клятвой: “Я не могу исцелить ран общества, и в доме моём нет ни одежды, ни

хлеба, не делайте меня вождём народа”» (Ис. 3:1–7). «И наши некогда честные, некогда прекрасные лица, покрытые шлемом защиты Родины, ныне опозорены печатью всяческой слабости, всяческого страха, и позорный ужас владеет нашими душами, когда от угрозы одного, тысяча нас бросается в бегство, а от угрозы пяти бежим все мы» (Ис. 30:16–17)³⁷⁴.

Так погиб наш некогда славный Иерусалим, так гибнет Россия.

С 27 октября по 3 ноября сего 1917 года первопрестольная Москва пережила свою Страстную седмицу и в течение семи суток расстреливалась артиллерийским, бомбомётным, пулемётным, ружейным огнём³⁷⁵. Русское оружие, в котором ощущался недостаток для обороны от сильно вооружённого неприятеля на фронте в начале войны, ныне было заготовлено (нами и нашими союзниками) в огромном количестве, но, к ужасу нашей Родины, оно было обращено не на неприятеля, а в своих же русских братьев, на расстрел своих родных городов и святынь.

Лишь только замолкли вечерние колокола Московских Сороков и верующий народ возвратился из храмов в свои мирные домашние очаги, как улицы белокаменной оглушились первыми ружейными выстрелами. Было бы понятно, если бы действительно полонил нашу Москву лютый враг немец, то и жизнь бы свою не пощадил тогда всякий из нас – русских людей, кому дорога Родина и дороги великие московские и всероссийские святыни с их священным Кремлём, но если вы пристальнее всмотритесь в лица людей, стрелявших по мирной Москве и разрушавших священный Кремль, то вы увидите в большинстве случаев в них своего родного русского брата. С 28 октября жизнь в Москве становилась всё страшнее и ужаснее. Засверкали в воздухе тысячи ружей и штыков, затрещали ружья и пулемёты, загудели орудия, воздух со зловещим свистом и воем прорезали снаряды и беспощадно разрушали всё встречавшееся им на пути. Мирное население Москвы притаилось в своих домах и попряталось в сараи и подвалы, но снаряды настигали и здесь, засыпая под развалинами домов. Сколько в этих холодных подвалах было страха, горя и слёз,

холода и голода. Матери и дети плачут и молятся, многие женщины от испуга впадают в обморочное состояние и теряют рассудок. И в продолжение восьми дней, сидя в подвалах, несчастные московские обыватели в районах обстрелов вынуждены были страдать и голодать, так как всякий выход из дома или подвала угрожал [им] быть намеренно или ненамеренно убитым и застреленным. Сколько эта междоусобица породила горя и несчастья, об этом и не нужно говорить, оно слишком очевидно и чутко для всех.

Позволю себе сообщить мои личные наблюдения и переживания в Москве во дни бывших смятений и братоубийства.

Свободный от соборных занятий воскресный день 29 октября дал мне возможность отправиться в качестве пастыря-санитара на улицы Москвы. Всякий мною слышанный выстрел и разрыв снарядов толкал меня идти и исполнять свой долг, поскольку хватит сил и умения.

Жутко было проходить по пустынным улицам и переулкам в районе, где происходил ружейный, пулемётный и орудийный бой родных русских братьев. Обычная кипучая уличная жизнь Москвы замерла, исчезли хвосты голодных людей, и днём и ночью ожидавших очереди возле лавок и магазинов. Попрытались все люди, и только кое-где из подвалов или из приоткрытых дверей показывались испуганные лица обывателей, прислушивавшихся к разрыву снарядов и трескотне пулемётов.

Гул от разрыва снарядов всё усиливался и учащался, и при каждом разрыве тяжёлое эхо болезненно ударяло и отражалось на мозг, давило его, а мрачная мысль уже рисовала все действительные последствия этих разрывов ещё прежде, чем глаза увидят самые разрушения и смерть.

Но вот я уже на боевом фронте мирной Москвы.

Небольшая группа солдат, вооружённых винтовками, смело подходит ко мне и допрашивает меня: кто я такой, к какой принадлежу партии, нет ли при мне оружия. Потребовали мой документ о моей личности, осмотрели мою сумку, в которой было походное, соответствующее пастырю одеяние и

перевязочный материал. Эти солдаты с площадной руганью обыскали меня и, ничего не найдя, отпустили. Подобных допросов и обысков трезвыми и пьяными вооружёнными людьми и даже в более грубой форме было не мало ещё впредь, но к этому я себя подготовил и относился совершенно спокойно, как к неизбежному явлению. В районе Пречистенки и Остоженки я попал уже под перекрёстный огонь, уносивший много жертв, и я решил обслуживать этот район. Здесь же на улицах среди раненых и убитых я находил учащихся подростков, женщин, солдат и даже раненую сестру милосердия. Здесь я имел возможность принести посильную помощь несчастным жертвам. В одном из проулков я снова столкнулся с вооружённой командой в пять человек, и один из них по команде солдата: «Вон идут люди, стреляй!» – уже нацелился из револьвера по проулку, но мгновенно на мои резкий окрик: «Не стреляй, там мирные обыватели!» – опустил револьвер и подбежал ко мне с допросом. Если бы мне не удалось удержать своим криком руку этого ожесточённого человека, искавшего кого-либо убить, то неизбежно пал бы ещё одной невинной жертвой какой-то мирный обыватель. Хотя в то время нервы мои совершенно притупились, но всё же я чувствовал усталость и зашёл отдохнуть к неизвестному мне священнику Троицкого Пречистенского прихода. Добрый батюшка оказал мне самый радушный и ласковый приём, и я, обогревшись и подкрепив свои силы любезно предложенными мне чаем и хлебом, снова мог пойти на уличную работу. Особенно тяжело я почувствовал себя, когда наступили сумерки, когда подобно мыши, попавшей в ловушку, я не мог выбраться из обстрела, так как при пересечении улиц рисковал быть подстреленным; с этого времени по всякой отдельной фигуре прохожего загорался ружейный огонь с чердаков. В дальнейшем своём пути я встретил санитарный отряд, состоявший из трёх учащихся и двух сестёр милосердия, и с их согласия присоединился к ним и имел возможность поделиться с ними своим перевязочным материалом. Ни вечером, ни в течение ночи стрельба не прекращалась и не стихала ни на минуту. Оставаться в темноте на произвол озверевших людей я

не мог, и так как добраться домой в семинарию было немыслимо, я приютился у добрых людей, моих давнишних знакомых. Наутро мне-таки удалось пробраться к Соборной Палате, несмотря на ружейный и орудийный огонь, вспыхнувший к полудню с невероятной силой. Собор ни на один день не прерывал своих занятий, люди работали сосредоточенно и глубоко, ораторы, будто стыдясь лишних слов, снимали свои имена с очереди, в эти дни был решён самый большой из вопросов сессии – восстановление на Руси Патриаршества. Несмолкаемые ни днём ни ночью орудийные залпы и грохот разрывов тяжёлых снарядов, зарево пожаров горящей Москвы, грабежи, убийства и разбой – в тяжёлой тоске внушали мысли, что дальше жить так нельзя, что нужно немедленно же остановить пролитие крови, что нужно остановить чью-то жестокую кощунственную руку, беспощадно разрушающую наше святое достояние, древнерусские святыни священного Московского Кремля. И этот таинственный голос справедливого укора в ответственности перед Богом и Родиной за целостность наших родных святынь был сильнее сознания своего бессилия и подвиг меня дерзновенно испросить благословения у Собора епископов и разрешения мне снова пойти в качестве пастыря на этот раз для решительных и настойчивых переговоров о прекращении братоубийства и ограждении от разрушения и поругания Кремля с его святынями и великими Кремлёвскими соборами.

В ответ на мою просьбу последовало благословение Собора епископов. Для исполнения этой миссии я предложил пойти вместе со мной Димитрию, архиепископу Таврическому³⁷⁶, а затем митрополит Платон³⁷⁷ изъявил своё желание и готовность исполнить вышеупомянутую высокую миссию. После переговоров по этому вопросу с прочими членами Собора к нам присоединились ещё члены Собора архимандрит Виссарион³⁷⁸, два протоиерея Бекаревич³⁷⁹ и Чернявский³⁸⁰ и два крестьянина Юдин³⁸¹ и Уткин³⁸². По совещании с членами Собора уже почти в 12 часов ночи соборяне пожелали отслужить в семинарском храме молебен об умиротворении враждующих братьев, и всякий, кто

присутствовал за этим ночным молебном, вероятно, чувствовал необычайное молитвенное настроение и высокий религиозный подъём, и верилось тогда в грядущий мирный исход, и все люди без различия казались тогда добрыми братьями и казалось, что ничего нет проще и легче начать скорее жить мирно, единодушно и согласно. И наконец, всё это кошмарное братоубийство казалось каким-то недоразумением, влиянием вражеской немецкой тёмной силы, губящей и порабащающей всю Россию³⁸³.

Наутро мы в качестве депутатов Собора по окончании ранней литургии отправились, куда призывал нас долг перед Церковью и Родиной.

Впереди нашей мирной процессии шли два крестьянина с белыми флагами, на которых был красный крест, далее следовали два священника, архимандрит с иконой Святителя Патриарха Ермогена, архиепископ Димитрий шёл со Св. Евангелием, рядом с ним я, имея на себе Св. Дары, а позади всех нас шёл митрополит Платон со Св. Крестом. Батюшки были в епитрахиях, а архиереи в епитрахиях, малых омофорах и клобуках. От самого здания Соборной Палаты почти до Петровского монастыря нас с пением молитв провожали некоторые члены Собора, многие из них шли со слезами. Случайные встречные с благоговением снимали шапки, молились и многие плакали, становились на колена, настойчиво просились с процессией, но присоединяться к нам мы не разрешали, дабы не подвергать их опасности расстрела. Печальное зрелище представляли из себя московские улицы. Стёкла во многих домах и магазинах были выбиты или прострелены, всюду следы разрушений, местами по улицам нагромождены баррикады; конные патрули, грузовики и автомобили, наполненные солдатами с винтовками наперевес, разъезжали во все стороны. По площадям пушки и пулемёты.

У большевицкого комиссариата много солдат. Когда мы приблизились к дверям, нас остановили и долгое время мы ждали, когда угодно будет большевицкому начальству о нашем приходе. В ожидании у крыльца, на улице, в толпе солдат пришлось перенести площадную брань и

оскорбление³⁸⁴. Здесь нам пришлось видеть тяжёлую и потрясающую картину. К дому комиссариата солдаты вели под конвоем человек от 25–30 весьма прилично одетых евреев. Солдаты встретили их с угрозой немедленно расстрелять и, сжимая тесно кольцо пленников, кричали всё настойчивее и настойчивее о расстреле. Евреи громко зывали о пощаде, поднимали свои руки к небу, и некоторые из них громко плакали. Это была потрясающая, страшная и жуткая картина...³⁸⁵

После долгого ожидания на улице в комиссариат был пропущен только один Митрополит Платон, которому и было обещано, как он сообщил Собору, сохранить в целости Кремль и объявлено, что стрельба в этот же день будет прекращена и что переговоры об этом уже ведутся³⁸⁶. Несмотря на обещание, именно в ночь с 2 на 3 ноября священный Кремль подвергся жестокому обстрелу и разгрому со стороны большевиков³⁸⁷. Узнав об этом, 3 же ноября я со священником Чернявским отправился в Кремль. Нас пропустили в Спасские ворота. Прежде всего мы по пути зашли в женский Вознесенский монастырь. Здесь уже было полное разрушение. В храме Св. Великомученицы Екатерины насквозь пробита артиллерийским снарядом стена верхнего карниза и верхний свод храма. Отверстие по одному квадратному аршину. Другим снарядом разрушена часть крыши на главном куполе. От ружейных пуль и снарядных осколков разбиты купола храмов монастыря и крыши всех построек обители. Стёкол выбито до 300 мест. В храме Св. Екатерины на носилках среди церкви на полу лежал убитый ружейной пулей в висок юнкер Иоанн Сизов. У тела убиенного я отслужил литию. Когда солдаты уносили из Кремля тело этого юнкера, в ответ на соболезнование из толпы о мученической смерти они выбросили тело с носилок на мостовую и грубо надругались над ним.

Из Вознесенского монастыря мы с батюшкой прошли осматривать разрушение Кремля. Когда мы находились во дворе Синодальной Конторы, близ казарм слышался какой-то крик и гул толпы. Толпа, видимо, приближалась к Чудову монастырю. Когда она была близко, то стало ясно, что

озверевшая толпа над кем-то требует самосуда и ведёт жертву к немедленному расстрелу. Я перебежал как мог быстро со двора к толпе солдат, бушевавшей между Царь-пушкой и Чудовым монастырем; батюшка Чернявский подходил к толпе с другой стороны. Здесь я увидел, как неизвестный мне полковник отбивался от разъярённой окружавшей его многолюдной толпы озверевших солдат. Солдаты толкали и били его прикладами и кололи штыками. Полковник окровавленными руками хватался за штыки, ему прокалывали руки и наносили глубокие раны, он что-то пытался выкрикивать, но никто его не слушал, только кричали, чтобы немедленно его расстрелять. Какой-то офицер вступился за несчастного, пытаясь защитить его своей грудью, тоже что-то кричал. Я подбежал к толпе и стал умолять пощадить жизнь полковника. Я заклинал их именем Бога, родной матери, ради малых детей – словом, всеми возможными усилиями уговаривал пощадить, но озверевшей толпой овладела уже сатанинская злоба, мне отвечали угрозами немедленно расстрелять и меня, ругали буржуем, кровопийцей и проч. В это мгновение какой-то негодяй солдат отбросил несчастного мученика в сторону, и раздались выстрелы, которыми всё было кончено. Офицер, защищавший полковника, здесь же бросил бывшую у него винтовку, отошёл к разрушенной стене у Синодальной Конторы и повалился на груды кирпичей. Причина убийства этого полковника (56-го полка) заключалась в том, что полковник должен был временно сократить довольствие солдат за недостатком провианта на $\frac{1}{3}$ порции хлеба в течение полудня до подвоза нового запаса³⁸⁸.

Но что случилось с нашим Кремлём?! Замолк рёв артиллерийской пальбы, затих шум братоубийственной бойни, и из праха и дыма гражданской войны глядит он на нас, зияя ранами, разбитый, осквернённый, опозоренный Кремль – твердыня нашего духа, немой свидетель прежней нашей славы и настоящего позора, сложенный по кирпичу трудами поколений, залитый в каждом камне кровью его защитников, стоявший свыше полтысячи лет, переживший всякие непогоды и бури и павший ныне от руки своего же народа, который через полтысячи лет стал разрушать свои вековые святыни, покрыв

ураганным огнём Кремлёвские соборы, это диво дивное, восьмое чудо мира, привлекавшее к себе за тысячи вёрст толпы любопытных иностранцев, приезжавших в Москву подивиться на красоту Кремлёвских соборов.

Пробраться в Кремль сейчас нет почти никакой возможности. С большими неприятностями и после длинной волокиты всяких хлопот нынешние правители Москвы выдают на небольшом обрывке бумаги с какими-то непонятными отметками – пропуск, который при посещении Кремля бесконечно проверяется часовыми. Виновники, в безумной ярости разрушавшие святыни, в ужасе затворили кремлёвские ворота и скрыли Кремль от взоров, справедливо боясь народного гнева³⁸⁹, который безусловно последовал бы, если бы толпы людей, с жадным любопытством устремившихся посмотреть свой Кремль после боя, пропустили бы внутрь, в его распавшееся каменное недро. Чувство невыразимой тоски поистине неизглаголанного горя охватывает вас при виде этих разрушений и ужаса, и

чем вы углубляетесь дальше в осмотр поруганной святыни, тем эта боль становится сильнее и сильнее. С неподдающимся описанию волнением вы переступаете ограду на каменную площадь к великому Успенскому собору и видите огромные лужи крови с плавающими в ней человеческими мозгами. Следы крови чьей-то дерзкой ногой разнесены по всей этой площади.

Успенский собор

Успенский собор расстрелян. В главный его купол попал снаряд, разорвавшийся в семье его пяти глав, из коих кроме средней одна также попорчена. Пробоина в главном куполе размером в 3 аршина, а в поперечнике 1 ½ аршина. В барабане купола есть опасные трещины. От сильных ударов осколками снарядов в некоторых местах кирпичи выдвинулись внутрь собора, а на стенах барабана образовались трещины, но всё это ещё не исследовано архитекторами окончательно, ещё не определено, излечимы ли и какими средствами эти страшные раны. Снаружи вся алтарная стена собора испещрена мелкими выбоинами от пуль и осколков снарядов. Таких следов на белокаменной облицовке насчитывается свыше 70. Да на северной стене 54 выбоины. Зеркальные стёкла всюду в окнах выбиты или прострелены пулями. Одних только стёкол перебито в соборе на 25 000 руб. Внутри Успенского собора разбросаны осколки разорвавшегося там шестидюймового снаряда и по солее и по собору разбросаны осколки белого камня, кирпича и щебня. Стенопись внутри храма в куполе попорчена, паникадила погнуты. Престол и Алтарь засыпаны разбитым стеклом, кирпичами и пылью. Гробница Св. Патриарха Ермогена тоже покрыта осколками камней и мусором. Такова мрачная картина разрушения и поругания нашей православно-русской святыни великого Успенского собора – этой духовной твердыни и многократного возрождения и укрепления православно-русского благочестия даже во дни древних тяжёлых лихолетий³⁹⁰. И ещё становится страшнее, когда вы узнаете, что эта всероссийская народная святыня расстреливалась по прицелу, по обдуманному плану. Расстрел всего этого происходил в ночь на 3 ноября, когда мир был уже заключен и господствовали большевики над священным Кремлём. Последний ужасный удар по Кремлю приходился в 6 часов утра 3 ноября.

Православные! Не щемит ли ваше сердце зияющая перед вами эта чёрная рана вашей родной святыни, разбитая глава

твоего великого собора? Не стыдно ли вам за вашу Родину, когда вы слышите, как стоящий в толпе перед развалинами Кремлёвских святынь чужестранец, серый китаец, изумленно глядит на развалины и бормочет: «Русский не хороший, худой человек, потому что стреляет в своего Бога!».

Чудов монастырь

Тяжёлое впечатление производит настоящий вид расстрелянного Чудова монастыря. Фасад с южной стороны пробит шестью тяжёлыми снарядами. В стенах глубокие разрывы и трещины; выбоины достигают от 2–3 аршин в диаметре. В сильной степени пострадала иконная и книжная лавка. Двумя снарядами пробиты стены митрополичьих покоев, которые занимал член Собора Петроградский митрополит Вениамин³⁹¹. Внутри покоев полное разрушение. Обломки мебели и всего того, что находилось в покоех, смешалось с горами камней и мусора. В одной комнате снаряд пробил огромной толщины оконный откос и разрушил вплоть до стоящей рядом иконы Богоматери всю стену, а икона со стеклом и с висящей возле неё лампадой осталась невредима. Храм, где покоятся мощи св. Алексия, не пострадал, там выбиты только окна. Мощи Святителя Алексия с начала обстрела были перенесены в пещерную церковь, где под низкими сводами пещерного храма днём-ночью митрополит Вениамин, архиепископ Гродненский Михаил³⁹², наместник Чудова монастыря епископ Арсений³⁹³, Зосимовский старец Алексей³⁹⁴ и вся братия совершали моления под несмолкаемый грохот орудий, потрясавших стены храма.

Иван Великий

Колокольня Ивана Великого повреждена снарядами с восточной и юго-восточной стороны, и по стенам видно много выбоин и пулевых ран.

Николо-Гостунский собор

В алтарное окно Николо-Гостунского собора влетел снаряд и разрушил внутри алтаря восточную стену, разорвался в самом алтаре. Большое старинное Евангелие, стоявшее у разрушенной стены, отброшено на пол к Престолу. Верхняя крышка с Евангелия отбита, и бывшие на ней иконы Воскресения Христова и евангелистов выбиты и разбросаны в разные стороны.

Много листов из этого Евангелия разорвано и скомкано. Жертвенник разбит, богослужебные книги изорваны. По всему алтарю разбросаны кирпичи, осколки снарядов, церковные предметы и всё это нагромождено между Престолом и Царскими вратами. Престол же, несмотря на свою близость к пробоине, остался невредим. В храме Николы Гостунского предлежит великая святыня, часть Святых Мощей Святителя Николая – того святого, которого чтут все христиане и даже язычники. Увы, русский человек проявил к этой святыне такое поругание, о котором страшно и говорить! Стены у входа в храм исписаны самыми площадными, грязными и кощунственными надписями и ругательствами на русском и немецком языках³⁹⁵, а при входе в храм, где находится святыня, устроили отхожее место. Заметьте, что это не на улице, а наверху, в колокольне Ивана Великого.

Благовещенский собор

Знаменитое крыльцо Лоджетты Благовещенского собора, с которого Грозный Царь любовался кометой, разрушено орудийным снарядами. Мы видели одного художника, который бросился к этому крыльцу и, увидев его разрушение, залился слезами. Здесь разрушен неповторимый образец красоты человеческого искусства. От ударов снарядами сотрясались стены храма и рушились храмовые святыни.

Архангельский собор

Рассыпая губительные снаряды по Кремлю, безумцы, очевидно, решили заранее не пощадить ни одного Кремлёвского храма, и, действительно, следы преступления остались на всех Кремлёвских святынях. Архангельский собор тоже изъязвлен ударами снарядов.

Смерть, не различая святости места, оставила свои кровавые следы между этими двумя святыми алтарями. Между Архангельским и Благовещенским соборами видны громадные лужи крови.

Подверглись разрушению и святотатству Кремлёвские храмы Воскресения Словущего, Ризоположенская церковь с часовней иконы Печерской Божией Матери и Предтеченская церковь на Боровицкой башне. Последняя церковь подверглась сильному ружейному обстрелу, и несколько пуль попало в иконы Московских Святителей, Казанской Божией Матери. Искалеченный лик Пречистой укором глядит на дела рук человеческих; я уверен, что ни один негодяй не посмел бы приблизиться теперь к этой иконе.

Патриаршая ризница

Патриаршая ризница, представляющая собой сокровища неисчислимой ценности, превращена в груды мусора, где в кучах песка и щебня, обломках стен и разбитых стёкол от витрин раскапываются бриллианты и жемчуга.

Самому большому разгрому подверглась палата № 4, которая пробита разорвавшимся снарядом, и здесь несколько витрин и шкафов с драгоценными старинными покрывами, украшенными золотыми дробницами и камнями, превращены в щепы. Некоторые покрывы-памятники пробиты и попорчены безвозвратно. От осколков снарядов пострадало Евангелие XII века (1115 г.) вел. кн. Новгородского Мстислава Владимировича. С верхней серебро-позлащённой крыши сбита часть финифтяной эмали, чрезвычайно ценной по своей старинной работе. Различные предметы драгоценных украшений патриархов: митры, поручи, а также церковная старинная утварь, сосуды, кресты и проч.— всё это выброшено из разбитых витрин на пол и вбито в щебень и мусор. Вторым снарядом в палате № 6 разрушены витрины с патриаршими облачениями. Разбита церковно-историческая русская сокровищница, составлявшая самый лучший памятник минувшей патриархальной жизни Великой Святой Руси³⁹⁶.

Собор Двенадцати Апостолов

Собор Двенадцати Апостолов расстрелян весь. Изборождённая снарядами, изрытая, развороченная восточная часть зияет дырами, пропастями и трещинами, она производит впечатление живой развалины, которая держится каким-то чудом. На наружной стене этого храма более тяжёлых и, так сказать, болезненных ран виднеется 16 орудийных, 96 осколочных и множество ружейных. Несмотря на толщину старинной кладки кирпича, в местах удара образовались глубокие прострелы, а внутренняя алтарная стена покрыта опасными трещинами. Один снаряд пробил стену с южной стороны под окном и разорвался в церкви, причинив разрушение: подсвечники оказались разбитыми, многие иконы на стенах изранены осколками. Стоявшее у северной стены большое Распятие жестоко поругано. Ударом снаряда сорваны распростёртые, пригвождённые ко Кресту Пречистые Руки Спасителя. Тело его покрылось изъязвлениями от кирпичных вонзившихся осколков, и Распятие всё залито маслом из лампы. Красные пятна создают потрясающую картину живого окровавленного Тела. Богомольцы, которым удалось проникнуть в Кремль, подходя к этому Святому разбитому и поруганному Распятию, не могли спокойно смотреть на это жестокое поругание, предавались неописуемому отчаянию, плакали навзрыд, обнимали подножие Распятого Христа. Один из снарядов попал в окно так называемых Петровских Палат, где спасался от стрельцов Пётр Великий, разбил оконный простенок и разорвался внутри Палаты. В настоящее время в этих Палатах всё разрушено.

Малый Дворец

Малый Николаевский Дворец, принадлежавший ранее Чудову монастырю, сильно пострадал от орудийного погрома. Снаружи видны громадные сквозные пробоины. Внутри всё тоже разрушено, и когда мне пришлось обойти комнаты, то я увидел картину полного разгрома. Громадные зеркала и прочая обстановка дворца варварски разбивались и разрушались. Шкафы разбиты, книги, дела и бумаги разбросаны по всем комнатам. Петропавловская в Николаевском дворце церковь пробита снарядом и разгромлена. Иконостас разбит, сотрясением взрывов распахнулись Царские врата и завеса церковная разорвана надвое. Отсюда расхищено много ценных икон.

Здание судебных установлений

Расстрелян Суд, где пробит снарядом купол знаменитого Екатерининского зала. В том же зале разорван замечательный портрет Екатерины и причинено много других повреждений. Безумцы натолкнулись в комнатах судебной экспертизы или у следователей на горшки с вещественными доказательствами, то есть с препаратами отравленных желудков, мёртвых выкидышей и проч., и пожрали эти «маринады», благо они были налиты спиртом³⁹⁷.

Никольские ворота

На Никольской башне, которую разбили в 1812 году французы, образ Святителя Николая, оставшийся невредимым от французского нашествия, ныне подвергся грубому расстрелу. Как Никольская башня, так и Никольские ворота совершенно изрыты снарядами, пулемётами, ручными гранатами. Совершенно уничтожен киот, прикрывающий икону Святителя Николая. Сень над иконой сбита и держится на одном гвозде. С одной стороны изображение Ангела сбито, а с другой прострелено. Среди этого разрушения образ Святителя Николая уцелел, но вокруг главы и плеч Святителя сплошной узор пулевых ран. При первом взгляде кажется, что иконы нет, всматриваясь внимательнее, сквозь пыль и сор вырисовывается сначала строгое лицо Святителя Николая, а затем становится яснее весь этот чудотворный образ – стена и ограждение священного Кремля.

В 1918 году произошёл необычайный случай перед этим образом Святителя Николая, который вызвал даже в большевиках большое недоумение и смущение. Здесь я приведу дословно сообщение члена Церковного Собора А.А. Салова³⁹⁸, правдиво описавшего чудо с образом Святителя Николая, что на Никольских воротах Кремля.

«Первого мая (по новому стилю), в Великую среду, властители, засевшие в Кремле и назвавшие себя народными, устроили “торжество социализма”; они долго его подготовляли и много денег на него затратили, но “торжество” их не удалось: в манифестациях и шествиях участвовали жалкие кучки в несколько сот человек; улицы и площади, обвешанные красными тканями, были безлюдны, и напрасно гремели на пустых перекрёстках оркестры музыки...

А храмы Божии были полны, как никогда, и покаянный день Страстной седмицы народ московский провёл не под знамёнами революции, а у подножия Креста, у Святых алтарей Господних. Это была первая крупная моральная победа духа над служением только плоти, победа тех, кто с Христом, над

Его врагами, и видимым, чудесным знаком этой победы было открытие силами неземной иконы Святителя Николая на Никольских воротах Кремля. Эта икона, чудесно уцелевшая в дни наполеоновского нашествия в 1812 году и несколько повреждённая (в левом краю своём) в дни октябрьского переворота, была завешена красным широким полотнищем, которое на глазах тысячных очевидцев крестообразно разорвалось, и суровый лик Святителя открылся взорам толпы, и ткань, до того времени крепкая и неповреждённая, постепенно изменила свой цвет в коричневый и скрученными клочками стала падать на каменную мостовую у ворот. Это всенародное чудо быстро облетело Москву, и к иконе Святителя со всех концов потекли вереницы богомольцев. День и ночь горячо и пламенно молились православные Великому Чудотворцу. Непреложность факта этого закреплена на бумаге документально целым рядом бесспорных свидетелей. В Николин день, 9 мая, по почину Совета объединённых московских приходов, с благословения Его Святейшества был совершён крестный ход из всех храмов Москвы на Красную площадь, и здесь Патриарх Тихон среди несметного моря народа, под немолчный гул колоколов московских пламенно молился Святителю Николаю у подножия Никольских ворот. Этот день Святого Николая был днём великой радости и светлого торжества Православия, ибо под святые хоругви церковные и иконы Божии встало и притекло на Красную площадь море людей. Здесь было около миллиона народа. Все фабрики и заводы стали, магазины и рынки закрылись, весь рабочий и торговый московский люд пошёл молиться любимому святому своему – Николаю Угоднику. Чудный весенний день, прохладный и солнечный, безоблачное, чистое небо – всё это дало торжеству ликующий блеск и незабвенную красу. А самозванные властители задолго до 9 мая приказали, чтобы “день Николая был днём будней, рабочим, и чтобы все станки фабричные непременно работали и магазины и рынки торговали”, и грозили эти властители мечом и огнём тем, кто не подчинится их приказам и будет с контрреволюционерами-церковниками покушаться на их советскую власть...»

Кремлёвские башни

Испорчены кремлёвские башни, из которых угловая Беклемишевская сбита и стоит без вершины. Ещё в 1812 году, при нашествии французов, когда наш священный Кремль подвергся разгрому и поруганию, тогда осталась нетронутой вражеской рукой единственная из многочисленных кремлёвских башен – Беклемишевская. С XVII века эта башня, красавица по своей архитектуре, стояла неприкосновенной. Зубчатые узоры придавали ей особенную художественную красоту. И вот 28 октября 1917 года зловещий снаряд зажужжал над башней и мгновенно её разрушил.

Стоит одиноко обезглавленная, разбитая башня. Безучастно проходят мимо этой развалины каждый день толпы народа, и каждый думает, как бы не запнуться о разбросанные камни и черепки. Никто не понимает, что в разбитой башне поруган, уничтожен драгоценный памятник древнерусского строительства.

У самой башни стоит группа людей. Все смотрят, как один господин с типичной наружностью русского художника, нагнувшись над грудой обломков, выбирает черепки узора, сбитого с башни. Толпа не понимает и этого странного человека, собирающего черепицы керамики, она клеймит его грубыми, бранными словами, называет провокатором. И не сознаёт толпа зевак, что человек этот не странный, не провокатор, а честный потомок благочестивых строителей священного русского Кремля; она не понимает, что он оплакивает разрушение памятников древнерусского искусства – драгоценное наследие наших русских дедов. Этот художник с болью в сердце собирает осколки и черепки в назидание потомству, которое в будущем, наверное, справедливо осудит варварство большевиков, разрушивших святая святых Руси – священный Кремль.

* * *

Ружейной пулей прострелена на Троицких воротах икона Казанской Божией Матери.

* * *

Спасские ворота доньше были освящены святым обычаем, где всякий проходящий через эти святые ворота, даже иноверец, с чувством благоговения обнажал свою голову. Теперь там стоит вооружённая стража с папиросами в зубах, ругается с прохожими и между собой площадной бранью.

Спасская башня пробита и расстреляна. Знаменитые часы с музыкальным боем разбиты и остановились. Остановилась и стрелка часов в ту роковую минуту, когда ворвался тяжёлый снаряд в стены Кремля и наложил несмываемое пятно крови и позора на это священное сердце Москвы³⁹⁹.

И как хотелось бы сейчас открыть все кремлёвские ворота, чтобы не только москвичи, но все русские люди могли перебивать на развалинах своих святынь. Но какие нужны слёзы, чтоб смыть всю ту нечистоту, которой осквернили священный Кремль наши русские братья – солдаты, руководимые врагами!

Русская история отметит на своих страницах гнусно позорное, отвратительно кощунственное деяние своих сынов. Большевицкое варварство беспощадно и справедливо уже осуждается иностранцами всего мира.

Красная площадь

Осмотрев расстрелянный священный Кремль, пойдём теперь на Красную площадь и посмотрим, что делается там.

Московская Красная площадь имеет свою историю. С древних времён Красная площадь является центром религиозной, общественной, политической и торговой жизни Москвы. Все окружающие эту площадь храмы и здания есть памятники жизни древней Москвы и памятники величия и славы всей России.

На всех памятниках варвары XX века наложили несмываемое клеймо своего позорного деяния, подвергнув их орудийному обстрелу и кощунственному поруганию.

На кремлёвской стене между Спасскими и Никольскими воротами большевики вывесили громадного размера плакат – красное полотнище с надписью аршинными буквами: «Религия – опиум для народа».

Там же, на Красной площади, у стены под плакатом, большевики устроили кладбище для «товарищей». Вид этого кладбища производит удручающее впечатление. На могильных взрытых холмах нет ни одного креста, и только, подобно иудейскому кладбищу, на некоторых могилах торчат доски с какими-то непонятными надписями. Там лежат в красных гробах «товарищи большевики», зарытые в землю по революционному обряду: «с песнями и “Марсельезой”», без церковной молитвы.

Москвичи избегают проходить поздно вечером мимо этого кладбища, прозванного народной молвой «поганым» и «мерзостью запустения». И уже передаются из уст в уста различные легенды о подземном завывании неотпетых покойников, о зловонии возле этой «стены позора» от плохо зарытых трупов, о своре собак, ищущих ночью там себе добычу, и прочее...

Бывали даже случаи, что большевицкие часовые в ужасе разбегались ночью с этого страшного места⁴⁰⁰.

На той же Красной площади, вблизи указанного плаката, большевики-изуверы раздают и разбрасывают свою гнусную

литературу, в которой поощряется разврат и кощунственно высмеивается религия и святая вера. Проходя через Красную площадь, я тоже получил мерзкую книжонку. Вот несколько образчиков её.

Какой-то большевик, очевидно иноплеменник, за подписью «И. Мост» в своей книжонке, озаглавленной «Религиозная язва», пишет следующее:

«Наша цель – вывести людей из религиозного мрака. Всякое средство, употребляемое для достижения этой великой цели, должно быть признано хорошим всеми истинными друзьями человечества и должно быть применено на практике при всяком удобном случае.

Поэтому всякий человек, считающий себя врагом религии, пренебрегает своими обязанностями, если он ежедневно, ежечасно не делает всё, что он в силах сделать, чтобы уничтожить религию. Всякий неверующий изменяет своим убеждениям, если он при всяком удобном случае не борется с попами.

Надобно бороться с ними не покладая рук всюду, где это возможно...»

Я опускаю кощунственное и святотатственное ругательство, написанное Мостом, где изрыгается хула на Бога, на Святого Духа, на Церковь и т. д.; моя рука не может этого писать. В конце книжонки Мост призывает к поруганию и разрушению святынь. Он пишет: «Будем надеяться, что скоро наступит тот день, когда распятие и иконы будут брошены в печь, из священных сосудов и кадилниц будут приготовлены полезные предметы, церкви будут обращены в залы для концертов, театральных представлений или собраний, а в случае если они не будут годиться для этих целей – в хлебные магазины или в конюшни».

Таков идеал своей животной жизни, без Бога, без религии, без веры проводят большевики-сатанисты в жизнь русского народа-Богоносца.

Поймите глубже своей душой весь ужас, всё зло безбожного учения большевизма и остерегайтесь его!

Спасайте от него ваших детей!

Расстрел священного Кремля, осквернение храмов, поругание святынь – всё это есть организованный поход сатанистов-большевиков на религию, как о том и пишет один из разрушителей – иноплеменник Мост.

Ведь в самом деле, глядя на осквернённый Кремль, невольно задаёшься вопросом: кому и для чего понадобились все эти ужасы? Нельзя же не понимать того, что в Кремле вся история могущества, величия, славы, святости и силы земли Русской.

Если древняя Москва есть сердце всей России, то алтарём этого сердца искони является священный Кремль.

Святотатственно посягнуть на него мог только безумец или человек, в сердце которого нет ничего святого, человек, чуждый сознания значения и важности этого памятника свято-русской истории и, несомненно, под влиянием какой-то злой воли, исполненной сатанинской ненависти ко всему русскому, православному.

Нельзя считать серьёзным основанием то, что артиллерийская канонада, направленная на Кремль, имела цель сокрушить горсть защитников-офицеров и юнкеров. Не смея приблизиться к ним, их искали по Кремлю снарядами, разрушая то главу Успенского собора, то церковь Двенадцати Апостолов, то колокольню Ивана Великого, то Чудов монастырь и дальше по порядку все до единого храмы... Хороший, нечего сказать «стратегический» приём борьбы, весьма характерный для тех, кто к нему прибегает.

То, что большевики сделали с Кремлём, делают ныне со всей Россией, разыскивая в ней орудиями смерти врагов своих неосуществимых, противобожеских и противочеловеческих утопий.

Всюду и везде на Руси большевики разрушают исторические памятники, оскверняют и уничтожают святыни, алтари, храмы, морят людей голодом, заливают кровью и слезами русский народ. Во всех действиях большевиков-коммунистов нельзя не видеть определенного плана, последовательности. Так и сказывается во всем чужая, тёмная, злая сила нерусского происхождения.

Нельзя не заметить, не почувствовать, что тут орудует чужой ум, что чужая рука направляет и руководит.

Ясно, что если в этом преступном, позорном деле участвовали не только иноплеменники, но и русские люди, то, несомненно, такие, из сердец которых было совершенно вытравлено чувство любви к своей Родине и которые были духовными рабами врагов России.

Я видел Кремль ещё когда раны сочились кровью, когда стены храмов, пробитые снарядами, рассыпались. Без боли в сердце нельзя было смотреть на эти поруганные святыни. Сейчас же эти раны чьей-то сердобольной, заботливой рукой по мере возможности как бы забинтованы: защиты досками, покрыты железом, чтобы зимнее ненастье не влияло на эти разрушения ещё более. Но пусть они, эти раны, будут закрыты, пусть их прячут, скрывают от нашего взора – они остаются неизлечимы. Позор этот может загладиться лишь тогда, когда вся Россия опомнится от своего безумия и заживет снова верой своих дедов и отцов – созидателей этого священного Кремля, собирателей Святой Руси.

Пусть этот ужас злодеяния над Кремлём заставит опомниться весь русский народ и понять, что такими способами не создается счастье народное, а вконец разрушается сама когда-то Великая Святая Россия.

К тебе, православный русский народ, оплакивающий разрушение твоего священного Кремля, прилично здесь обратиться словами псалмопевца: «Пойдите вокруг Сиона и обойдите его; пересчитайте башни его. Обратите сердце ваше к укреплениям его; рассмотрите дома его, чтобы пересказать грядущему роду» (Пс. 47:13–15).

* * *

Всероссийская Святыня осквернена и поругана в позорном деянии большевиков над священным Московским Кремлём в октябрьские дни 1917 года.

Это было вступление, начало варварского «комиссароправства» большевиков на Руси, называющих себя «русскими комиссарами». Но теперь народ русский уже знает, что это «не русские» и «не народные» властители засели и

забронировались в священном Московском Кремле, а иноплеменники: Бронштейны, Нахамкесы и другие, подобные им⁴⁰¹.

Захвативши власть, эти иноплеменники научили русских воинов, недавно ещё храбрых и непобедимых, бежать с полей сражения, уговорили отказаться защищать Родину от врагов – немцев.

Русские солдаты, у которых ещё первые «творцы революции» вытравили патриотизм и сознание чести и долга перед Родиной, теперь под влиянием большевиков открыто заявили, уходя с фронта: «Зачем мы будем сражаться с немцами, мы самарские, мы вятские, мы пермские, а мы сибирские и т. д. К нам немец не придёт. Будем лучше жить спокойно дома». Увы! Как обмануты вы, доверчивые воины!

Вас большевики отвлекли с фронта для того, чтобы привести Россию к «позорному Брестскому миру», унижительные условия которого даже сами виновники-большевики не решились обнародовать полностью. Вас те же большевики вовлекли в жестокое братоубийство, продолжающееся уже три года.

Взгляните, русские люди, теперь на ваши родные города, сёла и деревни! Они превращены в развалины и кладбища. Посмотрите, как те же обманутые большевиками самарские, вятские, пермские, сибирские и другие воины теперь лежат убитые, изуродованные, изрубленные в своих родных селах и деревнях, на своих хлебных полях-кормильцах.

Вот что сделали иноплеменники, комиссароправцы с русским народом. Им не жаль, что гибнет Россия, что миллионами гибнет русский народ. Что им русский народ! Что им его страдания!

Ведь под флагом Интернационала на крови русского народа подготавливается мировая революция, мировой большевизм. Им мало русской крови. Эти иноплеменники хотят принести в жертву Молоху кровь всего мира.

Всесильными кажутся они, самозванные властители, сидючи в Москве. Но загляните в их чёрную душу, и вы увидите страх – страх оставить Москву. Ибо они – пришлецы, лгуны и

обманщики – погибнут в тот день, когда оставят Москву. А теперь ещё стонет и плачет Россия под игом большевиков и ждёт себе избавления.

Кто же избавит от рабского плена наших братьев? Кто спасёт поруганные русские святыни и священный Всероссийский Кремль?

Все русские люди должны ополчиться на защиту Церкви и Отечества, как это было в Смутное время на Руси 1613 года, когда по зову Патриарха Ермогена и под водительством князя Пожарского и Козьмы Минина-Сухорука народ ополчился и спас Москву, её священный Кремль и установил порядок на Руси⁴⁰².

Так и ныне: все должны идти к Москве.

Все немедленно пойдём спасать наших дорогих братьев, изнемогающих от большевизма.

С Богом, русские люди, с верой вперёд! Поспешите же к родной Москве, в священный Кремль, где будет положено начало порядка на Руси⁴⁰³.

Церковь и Родина ждут вас.

Часть IV. Из моих воспоминаний

С чувством глубокой любви к Камчатке и её обитателям я уношусь всей душой на эту чудную нашу русскую окраину в знаменательные дни Камчатских юбилейных торжеств.

С юных моих лет я отдал своё сердце милой Камчатке для церковно-миссионерской работы и за каждый день моего служения возношу молитву благодарения Богу.

Когда я прибыл впервые в 1907 году на Камчатку и провёл первый год в далёкой Гижиге на побережье Охотского моря, я понял, как тяжело и даже невозможно быть полезным населению Камчатки для той или иной культурно-просветительной деятельности.

Приходилось вести работу в одиночестве, в условиях оторванности от России, среди диких людей, я не имел средств, а дикость и некультурность обстановки жизни туземцев требовали больших средств и напряжения духовных сил и крепкого здоровья.

Надо было принимать героические меры для продуктивности работы, и вот моя любовь к Камчатке и к её обитателям победила всё и дала мне силу и возможность побороть все препятствия и трудности в моей работе путем основания и организации мною Камчатского Православного братства во имя Всемилостивого Спаса.

В текущем году исполнилось ровно 30 лет существования Камчатского братства, и я считаю весьма своевременным привести хотя бы вкратце итоги деятельности этого Братства и его значение в жизни Камчатки.

В 1910 г. я со своим начальником и архипастырем, блаженной памяти архиепископом Владивостокским и Камчатским, впоследствии митрополитом Евсеем Крутицким был командирован в Петербург для представления в Святейший Синод моего проекта о создании Камчатского братства.

Мог ли я тогда предполагать, что юный камчатский миссионер, прибывший из далёкой холодной Камчатки, из

дымных подземных юрт – жилищ диких туземцев, предстану в пышные Царские чертоги пред лицо самого Царя.

Мои доклады в Петербурге в различных учреждениях и обществах были весьма успешны, а после доклада Государю Императору Николаю II премьер-министра П.А. Столыпина о Камчатском крае и моей работе там я был приглашён к Е[го] И[мператорскому] В[еличеству] Государю Императору.

Но, увы, в Святейшем Синоде на мои доклады о Камчатской Миссии посмотрели как на пустяковые и поддержку в моих тягостных заботах по созданию Братства оказали Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) и архиепископ Виленский Никандр. Они как могли содействовали мне в рассмотрении устава Братства и в утверждении его, но успеха у обер-прокурора Синода Лукьянова не имели.

В период моих мытарств с проектами Братства я имел счастье получить приглашение к Е[го] В[еличеству] Государю-Мученику, который живо заинтересовался жизнью Камчатского края и моей миссионерской работой и милостиво предложил просить у него всё, что я находил полезным для Камчатки.

Полный счастливейших и ярких впечатлений я покинул Царский дворец и, возвратившись в Невскую Лавру, поделился своими успехами с митрополитом Антонием.

Государь Император уяснил значение Камчатского братства, устав которого был предreshён Государем для утверждения, и кроме того, я был осчастливлен обещанием Высочайшей милости дарования Братству Августейшего Покровителя в лице Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и о приглашении меня ко Двору на будущий год (в 1911 г.) для получения Покровителя Братства.

Вскоре же я получил приглашение представиться Е[е] В[еличеству] Государыне Императрице Марии Феодоровне, которая приняла меня в Аничковом дворце, и здесь, на приёме, Государыня Императрица поздравила меня с полной победой, сказав с ласковой улыбкой: «Поздравляю вас, у вас теперь есть Братство и у вас есть Покровитель. Я сейчас говорила по телефону с Государём, у Него сейчас с докладом обер-прокурор, и Государь сказал ему, что Братство должно быть

утверждено, а вас обер-прокурор должен пригласить к себе. Я за вас рада».

14 сентября 1910 г. во Владивостоке при торжественной обстановке Высокопреосвященным архиепископом Евсевием было открыто Камчатское братство. Открытие сопровождалось получением радостных приветственных телеграмм от Государя, Государынь Императриц, Наследника Цесаревича, от обер-прокурора Лукьянова и архиереев – членов Святейшего Синода.

16 августа 1911 г. в день братского праздника в честь образа Всемиловитого Спаса я приехал в Петербург, а 20 августа по докладу уже нового обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблера имел счастье представиться Е[го] В[еличеству] Государю Императору Николаю II, Государыне и Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу.

После церемониала взаимных приветствий Государь, показав мне Наследника, сказал: «Примите Покровителя вашего Камчатского братства», – и я сказал затем краткую благодарственную речь Наследнику и Августейшим Родителям с выражением благодарности за Камчатку и её обитателей.

Камчатское Православное братство обогатило и продолжает обогащать Камчатскую Духовную миссию огромным числом членов Братства (насчитывалось до 3000 человек), которые полезны для нашей миссии не только материально, морально, но и деятельно, так как они близко принимают к сердцу заботу о церковно-культурном просвещении Камчатского края, имея неразрывную связь с Камчатской миссией и помогают в развитии религиозно-просветительной деятельности при Доме Милосердия Камчатского подворья в Харбине.

За всё время деятельности Камчатского братства общая цифра прихода сумм с 1910 по 1917 гг. выразилась более [чем в] 400 тысяч рублей, а с 1922 по 1940 гг. – более 350 000 иен, а помимо этого Братство имело свои земельные наделы на Камчатке, в Хабаровске и под Петербургом, на ст. Поповка Николаевской ж[елезной] д[ороги].

Царская Семья пожаловала для строительства церквей на Камчатке церковную утварь, иконостасы, пожаловала одну оборудованную церковь, Великие Княжны послали в разное

время в Камчатскую миссию несколько сот комплектов шерстяной одежды и белья, Вел[икая] Кн[ягиня] Елисавета Феодоровна пожертвовала три иконостаса и три комплекта церковной утвари, казанский купец П.В. Щетинкин пожертвовал позолоченный иконостас в 24 000 рубл., граф Мусин-Пушкин пожертвовал очень ценный иконостас из своей домово́й церкви, правление Добровольного флота пожертвовало Братству выброшенный на берег Камчатки пароход «Кострому», из которого были сооружены школа и другие постройки, а также крупными суммами жертвовали другие учреждения и отдельные лица.

На церковно-школьное строительство было потрачено свыше 250 000 рублей, не считая учреждённых ученических стипендий на Камчатке, во Владивостоке и Петербурге.

Даже из этих кратких данных видно, какое колоссальное значение имело Камчатское братство.

Не могу не вспомнить здесь о благословении Святейшего Патриарха Тихона Московского, который согласно постановления Русского Заграничного Архиерейского Синода дал право расширения границы Камчатской епархии с присоединением в состав её Охотского уезда и открытием кафедры викарного епископа в сентябре 1922 г.

Первым викарным епископом с титулом «епископа Охотского» был прот. о. Даниил Шерстенников, принявший иночество с оставлением ему имени Даниила и посвящённый в этот сан в г. Владивостоке епископом Михаилом Владивостокским⁴⁰⁴ и мною.

Революция и коммунизм смели сейчас все наши труды и начинания не только в Камчатской епархии, но и во всей Великой России, но мы верим, что возродится снова Святая Русь и Православная Русская Церковь и, очищенное в тяжком и жгучем горниле испытаний, Христово Православие утвердится по всей Русской земле и до края Камчатской землицы.

Слово Преосвященного Нестора

архиепископа Камчатского и Петропавловского на молебне в г. Харбине 19 августа 1945 г. по случаю победы над Японией и установления мира во всём мире Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Во всю землю изыде вещание о победоносной славе Отечества нашего Российского и во все концы вселенныя гремит эта слава величайших побед русского воинства. Победы русского оружия на полях брани прославляют все народы мира. Неустрашимости русского воинства дивятся ныне побеждённые непроходимые дебри, горы и холмы. Отваге их воспещут моря и океаны, восклицают хвалу свою бури и ветры смелости и стойкости нашего войска. Доблести и храбрости русских воинов страшатся и трепещут все враги, воюющие против них. Бесчисленные поля, обильно орошённые кровью, возрастили великие плоды и лавры победы русского оружия и земля получила покой свой. Когда происходила грозная война, тогда Церковь Христова в лице её служителей и верующих горячо молилась о победе своего воинства. Тогда архипастыри и пастыри призывали к жертвам на нужды войны и воодушевляли воинов соучастием в подвигах милосердия и неустанного труда на благо полонимого врагом своего Отечества. Голос Церкви на Руси сослужил великую службу в помощь своей дорогой Отчизны, и зато Церковь Божия сейчас возвеличена и торжествует. Радуйся, Христова Православная Церковь на великой земле русской, ибо ты плодоносна своими угодниками, мучениками, исповедниками, преподобными подвижниками и святителями, а наипаче воинами, исполнившими величайшую заповедь Божию, положившими жизни свои за други своя. А ныне ты соделалась великой и торжествующей среди других сестёр Автокефальных Церквей Православных.

Всего лишь полгода назад в Москве собирались Вселенские Патриархи и другие высокие иерархи и голосом и молитвой Вселенской Церкви поставили канонически законного Святейшего Патриарха Алексия Московского и всея Руси.

Радуйтесь все русские люди-христиане своему русскому и вселенскому Православному торжеству. Милостивый Божий Промысл привёл в настоящее время дорогое Отечество наше, нашу матушку-Русь, к ещё большей силе и славе. Великий народный Советский Вождь Генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин покорил под ноги России сильнейшего и злейшего извечного врага – тевтона, совершенно уничтожил его и тем спас всю Русь от вечного порабощения, смерти и гибели. Он совместно со своими союзниками умиротворил всю Европу.

Достойно похвалы и то, что меч Российский поднимался не для того, чтобы напрасно и безрассудно умерщвлять людей, но чтобы даровать жизнь людям и спасти их от угрожавших зверскими убийствами. О жестоких зверствах немцев над неповинными женщинами, детьми и старцами теперь знает всё человечество и содрогается от ужаса. Одним авторитетным своим словом Великий Вождь народов прекратил страшную многолетнюю кровопролитную войну здесь, на Дальнем Востоке. И мы, пережившие в минувшие дни предсмертные страхи ввиду возможности и взрыва нашего города в критический момент, мы обязаны возблагодарить Господа Бога за Его милости к нам. Мы все обязаны спасением авторитетному голосу и стальной воле Сталина, опустившему поднятый меч врага и избавившему от неизбежной гибели и смерти даже вражеских женщин и детей.

И прежде чем смогли возгреть установленные по городу смертоносные орудия, мы внезапно увидели их разрушенными не огнём и мечом, а единым твёрдым словом мира. На наш богохранимый город Харбин и в последний грозный момент слетел ангел мира и обратил всех нас от скорби к великой радости.

Вспоминается библейская страница из древней истории, когда водимый Божией волею вождь и предводитель израильского народа Иисус Навин остановил силой веры и воли течение небесного светила – солнца и победил все царства Ханаанской земли и дал успокоение от войн своему народу и земле. А здесь той же силой веры и силой воли вождь и предводитель русского народа затмил и угасил грозно

пламеневшее в государствах Восточной Азии Восходящее Солнце – страну Японию. В мгновение ока померкло это всходящее солнце, и народы Дальнего Востока облегченно вздохнули, вернувшись к мирным условиям жизни. Слава Богу! Мир настал во всём мире и во всей вселенной. Радуйтесь, Русские люди, радуйтесь и все люди! Познаем друг в друге брата и да воцарится любовь Христова во всей вселенной. Будем неустанно воздавать славу и благодарение Богу. Мы, жившие долгие годы вдали от Родины, чувствовали себя людьми на чужбине и приняли это как наказание и тяжкое испытание, ибо мы всегда тосковали по Родине. Мы остались верными своему Отечеству и счастливы засвидетельствовать, что наши дети и юноши, несмотря на все трудности и сложности в создавшихся условиях жизни и несмотря на то, что наши дети родились здесь и не видали России, все они до мозга костей русские и часто в ущерб своему спокойствию и благополучию не скрывали своей любви и готовности послужить милой Родине.

Ныне, когда наша Святая Церковь открыла свои объятия для бывших русских «эмигрантов», да внидем и мы с вожденной радостью в единую общерусскую семью с чувством сыновней верности и принесём молитвы наши Господу Богу. Если Господь благословил примириться с самими воевавшими неприятелями, то да не будем мы всякими злоухищрениями или местью преследовать и угрызать друг друга. Мир и любовь да воцарятся между всеми нами русскими людьми-братьями.

Победоносным вождям и воинам Великой Руси воздадим должную славу, хвалу и честь, ибо они победами своими обеспечили благополучие и мир всему Отечеству. Преклоним главы наши и колена пред вечной и славной памятью героев и защитников Великой Руси, павших смертью храбрых, и пред всеми замученными неповинными жертвами в плену у злобных варваров-врагов.

И да сияет слава в вышних Богу, а на земле да утвердится мир и в человецех благоволение. Аминь.

Нестор, архиепископ Камчатский и Петропавловский

Приветственное слово Преосвященного Нестора

архиепископа Камчатского и Петропавловского, победоносному воинству Красной Армии на митинге 2 сентября 1945 г. в г. Харбине

Отчего так радостно сияют все лица многочисленного собрания русских граждан г. Харбина?

Отчего так весело трепещут сердца всех народов, населяющих Дальний Восток?

Оттого, что низринуто, повергнуто в прах, разбито и совершенно разоружено одно из жесточайших агрессивных государств – Япония, которая с мрачной настойчивостью оттачивала меч для нападения на нашу Родину и покорения её. Самурайское государство, безжалостно угнетавшее, ограбившее и залившее кровью всю Восточную Азию, теперь на многие-многое годы потеряет охоту и способность творить присущие ему злодеяния. Сейчас наш Дальний Восток горит, сияет зарёю новой, светлой, лучезарной, зажжённой рыцарской рукой русских воинов несокрушимой Красной Армии.

Где вы, японские самураи, кичившиеся тысячелетней непобедимостью?

Куда девалась ваша дерзость, с которой вы навязывали свой пресловутый «новый порядок» под одной вашей крышей?

Вы ныне поверглись в прах от панического страха, когда только лишь начало бряцать русское оружие.

Непобедимость, настойчивость и самоотверженность доблестного воинства Красной Армии выявилась в борьбе не только с коварным врагом, но и с дикой природой и с суровыми стихиями здешнего края.

Непроходимые дебри, горы, болота и овраги решительно побеждались героями-танкистами. Бурные многоводные реки, моря и океаны покорялись силе и мощи русской эскадры. Бури и ветры не могли сопротивляться неустрашимости и стойкости наших славных орлов – гигантских самолетов и беспощадных истребителей.

Каждый русский воин своею храбростью и своим овеянным славой оружием наводил страх и повергал в ужас полчища японских солдат.

Горячее русское спасибо тебе, великий вождь Советского Союза, Генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин, одним своим твёрдым авторитетным словом освободивший нас от японского рабства. Слава Великому миротворцу, мировому герою – вождю Сталину!

Теперь, когда всё миновало, мы свидетельствуем перед русской победоносной Красной Армией, что мы, жители Харбина, ещё так недавно находились в страшной опасности быть взорванными японцами вместе со всем минированным городом. Но панический страх, наведённый вами на самурайское воинство, понудил их к безоговорочной капитуляции, а нас вы, Сталинские орлы-рыцари, спасли от грозившей всеобщей смерти. Благодарность вам, победоносное русское воинство, всегда будет жить в сердцах наших, и мы, православное русское духовенство, всегда будем молиться Богу за вас, наших избавителей.

Слава бессмертная, слава вам вечная, вожди и воины Красной русской Армии!

Не мы одни торжествуем вашу победу и освобождение Маньчжурии от дерзких захватчиков, но и бессмертные имена многих тысяч героев, старых русских воинов, сорок лет назад сражавшихся на сопках Маньчжурии и в Порт-Артуре с тем же вероломным врагом – японцами, и они получили, наконец, свободу и успокоение с приходом сюда вас, своих товарищей-бойцов, отвоевавших обратно эту землю с их доселе сиротливыми могилами.

Не стало японцев, – и весь Дальний Восток, словно пробудившийся от кошмарного и ужасного сна, ликуя, приветствует вас, носители мира, поборники правды, гениальные вожди, полководцы и доблестные воины Красной Армии.

В моём лице приветствует вас ныне всё православное русское духовенство Дальнего Востока во главе со всеми местными архипастырями. Ведь японцы, бессердечно и зверски

угнетая народы Восточной Азии, не только физически, но и морально глумились над человеческими правами порабождённых ими людей, заставляя в своём безумии всех, в частности живущих здесь русских детей, совершать ритуальные поклонения своей мифической богине Аматерасу, калеча тем самым чистые души православных детей. Мой голос, восставший против этого изуверства, к сожалению, остался тогда единственным и потерялся как глас вопиющего в пустыне и только впоследствии местным архипастырям с трудом удалось отстоять христианскую точку зрения о недопустимости пресловутых поклонений. Доблестная героическая Красная Армия освободила нас не только от угнетения и порабощения, но и от неминуемой расправы и мести как за непочитание японской богини, так и за признание и подчинение Родной нашей Матери-Церкви и Родины под мудрым водительством Святейшего Патриарха Алексия и славнейшего из славных Великого Вождя Генералиссимуса Сталина. Мы, архипастыри и пастыри Дальневосточной Церкви Православной, в знак своей благодарности и признательности воинам-героям призываем и будем призывать всех русских людей к помощи осиротелым детям, у которых убиты на войне отцы и братья и перед которыми мы всегда должны чувствовать и сознавать себя неоплатными должниками.

Всем воинам, принявшим геройскую смерть на войне, да будет вечная слава и вечная память. Благодаря только им, этим героям, наша Отчизна – Русь теперь вкушает мир. О зверствах гитлеровского фашизма знает весь мир, а о зверствах японцев знаем все мы.

Вот один из недавних ужасных случаев, происшедших в Харбине: русская женщина, мать двоих маленьких детей, по просьбе японки соседки пошла купить ей продукты, а вернувшись, к своему неопишуемому ужасу, нашла своих детей зарезанными этой самой японкой...

Кто другой, кроме этих жестоких зверей, мог совершить подобное злодеяние?

А убийства в спину со стороны так называемых смертников-камиказовцев [sic!] – это ли не зверства?

Слава Богу, всё это позади. И минуло оно только благодаря русским героям.

Поистине наша Отчизна Россия есть жилище героев! Да пребудет наша Русь всегда под благодатным Покровом Божиим. Да будет могучая, великая Отчизна наша достойно прославляема всеми народами мира в их славных сказаниях, песнях народных и гимнах торжественных!

Слава тебе, наша Родина-Мать, и поклон Тебе земной от нас, беззаветно любящих тебя русских людей – твоих детей, отныне вошедших в единую родную нераздельную великую русскую семью.

Слава тебе, Великий Водитель нашей Матери России, давший ей недостижимую мощь, величие и заслуженный покой!

Дорогие друзья, наша Русская Православная Церковь на Руси свободна и никем не преследуется. Священнослужители на Руси, искренние служители Церкви Христовой, исполняют честно и добросовестно свой пастырский долг под мудрым водительством Святейшего Патриарха Алексия. Церковь Русская Православная и её служители, как и все пастыри и архипастыри во главе с ныне почившим Святейшим Патриархом Сергием и здравствующим Патриархом Алексием, сослужили великую и полезную службу в период тяжёлой Отечественной войны духовной и материальной поддержкой как правительству, так и воинству Красной Армии.

Я получил от нашего Святейшего Патриарха Алексия письмо ещё до начала войны с Японией в самое трудное и тяжёлое переживаемое нами время, в котором Патриарх поручает мне передать всем вам Его Святительское Патриаршее Благословение.

Архиепископ Нестор

Приложения

Список основателей Православного Камчатского Братства во имя Нерукотворенною Образа Всемилоственного Спаса

1. Евсевий, Архиепископ Владивостокский и Камчатский.
2. Антоний, Архиепископ Тверской и Кашинский.
3. Никон, Епископ Вологодский и Тотемский.
4. Евлогий, Епископ Холмский.
5. Митрофан, Епископ Гомельский.
6. Андрей, Епископ Мамадышский.
7. Никандр, Епископ Нарвский.
8. Вениамин, Епископ Гдовский.
9. Архимандрит Адриан.
10. Архимандрит Василий Лузин, духовный цензор.
11. Архимандрит Киприан, Карельский миссионер.
12. Протоиерей Евгений Аквилонов, профессор.
13. Настоятель С.-Петербургского Петропавловского Придворного Собора протоиерей Александр Дернов.
14. Протоиерей церкви Собственного ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Дворца Иоанн Вениаминов.
15. С.-Петербургской Симеоновской церкви протоиерей Александр Косухин.
16. Протоиерей Александр Журавский.
17. Протоиерей Константин Знаменский.
18. Протоиерей Александр Рахманин.
19. Протоиерей С.-Петербургской Волковско-кладбищенской церкви Николай Соколов.
20. Протоиерей С.-Петербургской Волковско-кладбищенской церкви Иоанн Крылов.
21. Протоиерей Николай Михалович [sic!] Павский.
22. Член Государственной Думы священник Савва Богданов.
23. Св. Троице-Сергиевой Лавры духовник Иеромонах Ипполит.
24. Священник Коломяжской Св. Димитрия Солу некого церкви Иоанн Лебедев.

25. Леснинского женского монастыря священник Владимир Сейбут.
26. Священник Сергиевского храма в Перкиярви Михаил Прудников.
27. Камчатский миссионер Иеромонах Нестор.
28. Александро-Невской Лавры Архидиакон Авраамий.
29. Настоятельница Балашовского Покровского монастыря Саратовской епархии Игуменья Мария.
30. Академик ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Наук тайный сов[етник] Алексей Иванович Соболевский.
31. Профессор С.-Петербургского университета Николай Иванович Веселовский.
32. Тайный сов[етник] Александр Александрович Макаров, Государственный Секретарь.
33. Статс-Секретарь ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА член Государственного Совета Галкин-Враской.
34. Член Государственного Совета, Сенатор тайный сов[етник] Николай Андреевич Зверев.
35. Член Государственного Совета князь Алексей Оболенский.
36. Член Государственного Совета А.Стишинский.
37. Член Государственного Совета, Сенатор Владимир Саблер.
38. Генерал-адъютант Адмирал Н.Чихачев.
39. Князь Владимир Давидович Жевахов.
40. Член Государственной Думы Баратынский.
41. Член и Секретарь Государственной Думы И. Созонович.
42. Член Государственной Думы Камергер ВЫСОЧАЙШЕГО Двора Дмитрий Чихачев.
43. Военный инженер генерал-лейтенант Константин Иванович Величко.
44. Военный инженер генерал-майор Петр Карпович Ставицкий.
45. Тайный сов[етник] Алексей Потапов.
46. Управляющий Кабинетом ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА генерал-майор Е.Волков.

47. Генерального Штаба генерал-лейтенант Аким Михайлович Золотарев.
48. Генерал-майор Свечин, Военный Губернатор Приморской области.
49. Камергер ВЫСОЧАЙШЕГО Двора Томский Губернатор Николай Гондатти.
50. Отставной генерал от инфантерии Ордынский.
51. Контр-адмирал в отставке Иван Николаевич Елагин.
52. Артиллерии генерал-майор Николай Петрович Сухотин.
53. Камергер ВЫСОЧАЙШЕГО Двора действительный] ст[атский] сов[етник] Евгений Григорьевич Швартц.
54. Камер-юнкер Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА граф Павел Константинович Ламздорф.
55. Старший делопроизводитель Государственной Канцелярии надв[орный] сов[етник] князь Николай Давидович Жевахов.
56. Помощник Обер-Секретаря 2-го Департамента Правительствующего Сената граф Николай Константинович Ламздорф.
57. Генерального Штаба полковник Иван Павлович Сытин, штаб-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа.
58. Ст[атский] сов[етник] доктор медицины Павел Иванович Ижевский.
59. Подполковник Анатолий Николаевич Гудзенко, адъютант Командующего войсками Приамурского военного округа.
60. Л[ейб]-гв[ардии] Павловского полка капитан Дмитрий Николаевич Ломан.
61. 12-го гусарского Ахтырского ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великой Княгини Ольги Александровны полка штаб-ротмистр Лев Аркадьевич Панаев.
62. Л[ейб]-гв[ардии] Егерского полка штабс-капитан Александр Сергеевич Кутепов.
63. Поручик Иларию Александрович Анисимов.
64. 1-го резервного саперного батальона подпоручик Михаил Катанский.

65. Заведующий Сыр-Дарьинским переселенческим районом Николай Николаевич Шавров.
66. Александр Эрикович Пистолькорс.
67. Председатель общества для распространения Св. Писания в России помощник Статс-Секретаря Государственного Совета действительный] ст[атский] сов[етник] Феодор Константинович Пистолькорс.
68. Действительный] ст[атский] сов[етник] Василий Тимофеевич Георгиевский.
69. Фрейлина ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ графиня Евгения Георгиевна Менгден.
70. Камер-фрейлина графиня Мария Васильевна Голенищева-Кутузова.
71. Камер-фрейлина графиня Аглайда Васильевна Голенищева-Кутузова, состоящая при ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМ ВЕЛИЧЕСТВЕ Государыне Императрице Марии Феодо- ровне.
72. Анна Александровна Вырубова.
73. Графиня Ольга Дмитриевна Апраксина.
74. Графиня София Сергеевна Игнатьева.
75. Вдова генерал-лейтенанта графиня Екатерина Ламздорф-Галаган.
76. Графиня Мордвинова.
77. Вдова генерал-адъютанта графиня Вера Сергеевна Голенищева-Кутузова.
78. Мария Львовна Казем-Бек, начальница С.-Петербургского Елизаветинского института.
79. Дочь действительного] тайн[ого] сов[етника] Александра Ивановна Корнилова.
80. Любовь Алексеевна Толстая, жена Казанского Губернского предводителя дворянства.
81. Вера Александровна Волкова.
82. Жена тайн[ого] сов[етника] Юлия Федоровна Лисенкова.
83. Наталия Александровна Мосолова.
84. Прасковья Казем-Бек.
85. Жена генерала от инфантерии Александра Алексеевна Козен, рожд. Кн. Куракина.

86. Вдова генерала от инфантерии Анна Николаевна Прокопе.

87. Дочь генерал-майора Лидия Васильевна Еропкина, член отделения Ученого Комитета Министерства Народного Просвещения.

88. Александра Владимировна Швартц.

89. Александра Евгеньевна Швартц.

90. Наталия Михайловна Головина.

91. Мария Михайловна Булгак, рожд. Бартенева.

92. Жена генерал-лейтенанта Александра Николаевна Авинова.

93. Жена инженера генерал-майора Прасковья Ивановна Ставицкая.

94. Жена тайн[ого] сов[етника] Мария Павловна Писарева.

95. Вдова генерала от кавалерии Екатерина Леонова.

96. Жена действ[ительного] ст[атского] сов[етника] Евгения Ивановна Арсеньева.

97. Жена действ[ительного] ст[атского] сов[етника] Глафира Дамиановна Керн.

98. Вера Михайловна Бузни.

99. Нина Варфоломеевна Бузни.

100. Вдова тайн[ого] сов[етника] Анна Ивановна Сергиевская.

101. Анна Александровна Вениаминова, жена протоиерея.

102. Анна Михайловна Катанская.

103. Вдова полковника Вера Николаевна Панаева.

104. Евгения Петровна Шлыкова.

105. Жена генерал-лейтенанта Александра Александровна Кузьмина-Караваева.

106. Антонина Евлампиевна Анисимова.

107. Действ[ительный] ст[атский] сов[етник] инженер Александр Юлианович Сокович.

108. Действительный член общества Ревнителей Русского Исторического Просвещения в память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III флота капитан I ранга Петр Иванович Спицын.

109. Действ[ительный] ст[атский] сов[етник] Николай Николаевич Лодыженский.

110. Доктор князь Сергей Владимирович Жевахов.
111. Граф Сергей Игнатъев.
112. Георгий Васильевич Бутми.
113. Инженер ст[атский] сов[етник] Константин Гаврилович Иванов, чиновник особых поручений V класса при Приамурском генерал-губернаторе.
114. Ст[атский] сов[етник] врач Владимир Леонидович Мартиновский.
- И5. Артиллерии капитан Николай Михайлович Кодратович.
- И6. Член ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Военно-Исторического Общества Лев Евфимиевич Катанский.
117. Г.Б. Петкевич, Казанский вице-губернатор.
118. Свободная художница Ольга Ивановна Самохина, рожд. Сибилева.
119. Губ[ернский] секр[етарь] Павел вёл Афанасьевич Шлыков.
120. Редактор «Окраин России» П. Бывалкевич.
121. Михаил Иустинович Русецкий надв[орный] сов[етник], смотритель Елизаветинского института.
122. Евдоким Николаевич Квашнин-Самарин.
123. Николай Николаевич Квашнин-Самарин.
124. Иван Александрович Татищев.
125. Тит[улярный] сов[етник] Николай Феодорович Волков.
126. Пот[омственный] поч[етный] гражд[анин] Александр Феодорович Классен.
127. Кол[лежский] сов[етник] Михаил Петрович Удинцев.
128. Над[ворный] сов[етник] Николай Яковлевич Васильев.
129. Юрьевский купец Николай Алексеевич Красковский.
130. Диакон Иоанн Смолин, миссионерский писатель.

Письма и документы

Из дневника генерала графа Ф.А.Келлера 1918 Г.

14 декабря. Часов около 2-х дня раздался сильный звонок и в переднюю вошли три вооружённых винтовками офицера, старший из них заявил мне, что дружина, сформированная Всеволожским и записавшаяся в состав Северной армии, не желает сдаваться уже входящим в город войскам Директории и просит меня принять её под моё начальство и вывести из города, куда я хочу, что к этой дружине примкнула ещё и конная сотня (пешком), тоже формировавшаяся для Северной армии, с тем же намерением – не сдавать оружие. О других войсках имелось сведение, что они собрались у городского музея с намерением пробиться на Дон, но что в голове их нет начальника. [...]

Уже не доходя Думы, от дозоров донёсся крик – идут петлюровцы – и всё, что было впереди, бросилось назад и сбилась в одну кучу. Я приказал свернуть в переулок, рассчитывая избежать встречи и кровопролития и боковыми улицами вывести отряд к музею, где, по сведениям, собрались уже дружины Кирпичева и Святополк-Мирского. Не успели мы пройти и 20 шагов, как из-за Думы послышалось несколько редких выстрелов (думается мне, провокаторских); ни одной пули близко не просвистело, но в моём отряде произошло то, чего я уже от офицеров никак ждать не мог. Всё бросилось бежать, кто лез под ворота, кто протискивался в подъезды и в магазины, кто просто бежал, куда глаза глядят. Около меня осталась группа, не более 50 человек, уменьшавшаяся при каждом повороте в следующую улицу, и к приходу нашему к Софийскому собору растаявшая до 30 человек, которых я благополучно и довёл до Михайловского монастыря, и в ограде которого все почувствовали себя почти в безопасности. Ничего подобного я от поведения офицеров ожидать не мог, до сих пор противно и совестно вспоминать, что случилось несколько раз, что я, при одном вдали одиночном выстреле, оставался окружённым моими ординарцами и не более как 8–10

офицерами, всё остальное пряталось по подъездам и дворам, откуда их нельзя было вытащить, ни добрым словом, ни руганью.

Не скажу, чтобы и духовное начальство отличалось храбростью в выполнении своего долга укрыть преследуемых. Как настоятель Михайловского монастыря Никодим, так и митрополит Одесский Платон и даже Преосвященный Нестор Камчатский, эти, как говорили, убеждённые и твёрдые иерархи, прибежали ко мне расстроенные, и вся их забота и разговоры клонились к тому, чтобы мы скорее уходили из монастыря и не навлекали на них ответственности, а куда уйдёт эта кучка людей и не будет ли она расстреляна на первом же повороте в улицу, об этом никто из них не заботился. Положение создавалось такое, что о том, чтобы пробиться силою, нечего было и думать, вести переговоры о вооружённом выходе из города можно было бы, имея в руках внушительную силу, готовую постоять за себя, но не во главе 30 панически настроенных людей, из которых половина готова была разбежаться при первом выстреле. [...]

Из Воззвания Епископа Нестора

«Ко всему казачеству»

Осень 1919 г.

[...] С верой в Промысел Божий я принял призыв Походного атамана всех казачьих войск генерала Дутова⁴⁰⁵ и войскового атамана Сибирского казачьего войска генерала Иванова-Ринова⁴⁰⁶, а также других войсковых атаманов к усиленной работе в духовном строительстве жизни всего славного казачества [...]

Большевики стремятся сейчас в пределы вашей родной земли, чтобы отнять вашу землю, все ваши угодья, которыми казачество справедливо владеет, как драгоценным наследием своих дедов [...] Разрубите же смелой рукой, рассеките казацкой шашкой цепи красных разбойников – кровавых убийц и освободите Святую Русь от большевицкого ига. [...]

Из письма епископа Нестора

Митрополиту Иннокентию (Фигуровскому)

[...] Я настоящее время нахожусь в Японии, но в ноябре на непродолжительное время буду в Харбине и, если позволите, я бы мог приехать в Пекин на денёк с письмом из Москвы⁴⁰⁷, да и вообще мне лично хотелось бы побеседовать с Вами. Предполагаемый Дальневосточный Собор или съезд по-видимому не состоится, т. к. Преосвященный Михаил⁴⁰⁸ против всего этого, а без него на его епархиальной территории собраться нельзя. [...] 12/25 окт[ября] 1921 г.

Япония – Цуруга.

Письмо епископа Нестора

Митрополиту Антонию (Храповицкому)

11 октября 1925 г.

Шанхай.

†

Ваше Высокопреосвященство, милостивейший любимый Владыка.

Шибко благодарю Вас за Ваше письмо и за удовлетворение моих просьб.

Буду ожидать почту из Сербии, о которой Вы сообщаете.

Прилагаю для Вас и для Загр[аничного] Синода послание митрополита Петра⁴⁰⁹, сверенное мною с подлинником, присланным одним священником из Москвы г[оспо]же Литвиновой⁴¹⁰.

Послание написано просто и хорошо, а, принимая во внимание все неблагоприятные условия, в коих приходится жить и вести церковный корабль среди бушующих волн Совдепии и врагов Православия – оно написано и смело.

(Деян. Ап. 4:18–19) и (1Петр. 2:12–14).

[Да и что другое можно там сказать? Самое же главное почему-то заграницей все считали митр. Петра соглашателем с живцами и пр., но теперь это послание рассеивает все сомнения и смущения. Поделитесь Вашим взглядом на это послание.]

В Китае опять началась война между кит[айскими] генералами и угрожает вспышкой кит[айского] большевизма.

Карахан⁴¹¹ для этого всё подготовил и уехал в Москву. Маршал же Маньчжурской обл[асти] Чжай-Цзо-Лин, хотя и в соглашении с СССРи [sic!], но отличает «красное» от «белого» и вынужден до времени терпеть красных, чтобы удержать КВЖД и свою власть.

[В советники себе он вызвал Хорвата и Остроумова; последнего (по тайн[ому] договору с СССРи [sic!]) держал 11 месяц[ев] в тюрьме. Ник[олай] Льв[ович] Гондатти, отсидевший за революцию 9-й раз в тюрьме, бодр духом и светлый умом⁴¹².

Он просил меня написать Вам глубочайший привет и просит благословения.

Харбин пугают нашествием живоцерковников, но пока Бог хранит.]

Я в данное время в Шанхае для объединения беженцев (их здесь до 9000). Служу и проповедую с соизволения арх[иепископа] Иннокентия [Фигуровского], у которого был недавно в Пекине.

Надо бы хоть раз Шанхайскому еп[ископу] Симону⁴¹³ побывать в Шанхае, но вл[адыка] Иннокентий не может ни на один день расстаться с еп[ископом] Симоном, а это плохо. Из Шанхая приеду к вл[адыке] Сергию [Тихомирову] в Японию, откуда у меня есть связь с Камчаткой. Вл[адыка] арх[иепископ] Сергей очень много работает на пользу и во славу Японск[ой] Православной] Церкви. Мой викарий, епископ Даниил Охотский выслан большевиками в Читу, сидел в 3-х тюрьмах, а сейчас на свободе, служит и борется с живцами.

В Ханькоу по поручению⁴¹⁴ арх[иепископа] Иннокентия я освящал церковь и послужил там. В пути я заболел (каж[ется,] катар кишок и appendix).

Предстоит операция. Помолитесь.

Посылаю Вам, Владыка, альбом моего Харбинского детища “Кружок ревн[ителей?] и сестричества”.

Прошу благословить дальнейшую работу. Работаем ради спасения русских страдальцев и несчастных детей. Бог благословляет, а добрые люди посильно поддерживают меня, немощного и слабого в работе.

Слава Богу за всё!

Прошу передать сердечный привет всем Святителям. Молитвенно пребываю со всеми Вами в общении. Благословите и помолитесь. [...]

Из письма епископа Забайкальского и Нерчинского Мелетия Митрополиту Антонию (Храповицкому)

14/27 декабря 1928 г. [...] Наши Святители – Харбинские и Пекинские – здравствуют. Пр[еосвященный] Нестор поправился совершенно, служит и занят своим Домом милосердия, совершая святое дело.

Как-то становится страшно, что Первосвятители: Вселенский, Александрийский и Румынский перешли на новый стиль и двое из них ещё и модернисты. [...]

Из письма Митрополита Харбинского Мелетия Митрополиту Антонию (Храповицкому)

Входящий: 16/29.7.1931 г.

[...] Июня 24 ч[исла] с/ст. получил Ваше письмо по поводу епископа Нестора. Взгляды его действительно странны; на раскол в Церкви он смотрит именно как на личную ссору архиереев. Были ли наложены какие-либо прещения на еп[ископа] Нестора Архиерейским Синодом, когда он откололся от него, мне неизвестно, так как по этому делу епископ Нестор имел сношение с покойным митрополитом Мефодием. От епископа Нестора я только слышал, что из Москвы ему был послан указ образовать здесь особую епархию, но он от этого решительно отказался, да, конечно, хорошо и сделал, так как при том настроении русских, какое здесь существует, конечно, у него ничего бы не вышло. В видах, вероятно, этого, он ничем и не проявлял за богослужениями своей принадлежности к Московской Патриархии. Все время поминал митрополита Петра, Ваше Святое имя и митрополита Мефодия. Так что эта «церковная аполитичность» наконец привела его к убеждению, что он остался, как говорил мне, «без стула». По приезде из Пекина я говорил с ним откровенно по поводу его положения «вне пространства и времени», а также предполагаемого его свидания с митрополитом Иннокентием, указывая на то, что М[итрополит] И[ннокентий] прежде всего спросит его «как веруеши». Результатом этой беседы было его решение возвратиться в юрисдикцию Заграничного Архиерейского Синода, но прошения своего об этом он мне не показывал.

С владыкой Иннокентием он примирился, поднёс ему икону святителя Иннокентия с мощами, служил в Миссии вместе с Преосвященным Симоном, пробыл в Миссии целую неделю, у покойного Митрополита⁴¹⁵ бывал каждый день; Владыка Митрополит был очень рад этому примирению. Пр[еосвященный] Нестор оказал Миссии во время своего пребывания там важную услугу. Уговорил присяжного поверенного Ребрина⁴¹⁶, взыскавшего [sic!] с Миссии 10

т[ы]с[я]ч долларов, по пристрастным к Миссии расчётам, прекратить дело, и он прекратил. Покойный Митрополит подарил Пр[еосвященному] Нестору для церкви дома Милосердия колокол в 22 п[уда]. В отношении Пр[еосвященного] Нестора я исполню все сделанные Вами указания.

Ещё прошу Вас дать один разъяснительный ответ. Пр[еосвященный] Нестор, по поручению митр[о]п[олита] Мефодия, а отчасти и по своему изволению, делал поставления во иерея и диакона. Как относиться к рукоположенным им? И имеет ли он право, находясь в чужой епархии, рукополагать для нужд своей Камчатской епархии, к каковой он причисляет церковь его приюта – «Дом Милосердия», находящегося в Харбине. Приют этот он именует «Камчатским подворьем»; разрешение на устройство таких подворий, думается, должно быть даваемо Высшей церковной властью. Как смотреть на всё это?

Письмо Елизаветы Литвиновой Митрополиту Антонию (Храповицкому)

12/25 февраля 1934 г.

На пути в Шанхай.

[...] Посетивший меня в Ханькоу на прошлой неделе архиепископ Нестор привёз мне от Вас Ваш дорогой мне привет, Божие благословение и грамоту Священного Синода. Спаси Вас Господи и всех архипастырей членов Синода за такое исключительно доброе ко мне внимание. [...]

Много порассказал мне наш дорогой путешественник в края святые, архиепископ Нестор. Радуюсь за него, что наконец-то Господь дал ему лично повидаться с Вами и со всем Синодом, и Вы лично убедились, что это за человек. Знаю, что много писали в Сербию о нём отрицательного и недоброго и, конечно, кто писал⁴¹⁷, тоже не знал его хорошо. Я была в Пекине за месяц до блаженной кончины достоуважаемого митрополита нашего Иннокентия. Перед кончиной к нему приезжал в Пекин сначала архиепископ Мелетий, а потом и епископ Нестор. Я со своей стороны очень способствовала этому приезду и посылала владыке Нестору об этом телеграмму, прося его приехать, и рада была, что он эту мою просьбу исполнил. Я всегда стараюсь сделать, что могу, для мира церковного и добрых отношений между иерархами. Владыка Нестор привёз с собой святыню – икону с мощами святителя Иннокентия, и их встреча с умирающим Митрополитом была до слёз трогательна. Первый раз в госпиталь к митрополиту Иннокентию его сопровождал покойный архиепископ Симон, а я приезжала туда вечером, и первыми словами Владыки Митрополита на моё поздравление с дорогим приезжим гостем были: «Я очень рад приезду владыки Нестора. Он хороший человек». И, подумав с минуту, добавил: «Большого человека мы приобрели». Поймите, дорогой Владыка, как я была счастлива этому – казалось бы, прочному миру и единению между двумя одинаково дорогими мне Иерархами. Я видела в этом только громадную пользу Миссии и всему делу церковному здесь, на Далёком [sic!]

Востоке. Очень недолго был епископ Нестор в Пекине, а архиепископ Мелетий ещё раньше приезда владыки Нестора уехал обратно в Харбин. Много я говорила с Высокопреосвященнейшим Владыкой [Иннокентием] обо всех делах Миссии, видела, что он глубоко скорбит о многих неприятных осложнениях и очень хочет иметь мудрого помощника архиепископу Симону. Мне не судил Господь остаться до дня блаженной кончины и похорон дорогого Владыки Митрополита: я уехала за три дня до его смерти. Не буду продолжать всё, что шло за эти последние два года. Вам, вероятно, много пишет и новый поставленный Вами Начальник Миссии⁴¹⁸, и его сотрудники, а, может быть, и Архиепископ [Нестор] порассказал Вам о делах Церкви. Отрадного мало, и больно православному сердцу верующего человека видеть полный разлад среди духовенства, кто должен был бы показывать нам, грешным людям, пример кротости и смирения. Теперь приехал сюда опять владыка Нестор, но немало неприятного приходится ему переживать. Перед его приездом я получила длинное письмо от уважаемого мною митрополита Сергия Японского. Он глубоко возмущен архиепископом Нестором, что он мог принять назначение быть заведывающим [sic!] Корейской Миссией, когда эта Миссия, по указу последнего Всероссийского Собора, под председательством самого Святейшего Патриарха Тихона, отдана в ведение Японской Миссии, то есть под его, митрополита Сергия, полное управление. Кроме того, как я слыхала, владыка Сергей, чтобы спасти имущество Корейской Миссии от большевиков, передал его всё японцам уже с 1924 г.

Простите меня, дорогой, глубоко почитаемый мною Владыка, я много думала об этом ещё до приезда владыки Нестора от Вас и не зная всех дел. Думалось мне, что всё же лучше ему быть не Корейским и не возбуждать неприязни в людях, а остаться в Китае. Откровенно пишу Вам, может, Вы меня за это побраните, но позвольте уж до конца высказать всё, что наболело и чего хочется высказать – может быть, для лучшего исхода этих неприятных осложнений. Один добрый человек как-то месяца три тому назад говорил со мной на эти,

самые близкие и родные моему сердцу темы: о Церкви и духовенстве, и спросил меня: знаю ли я, что архиепископ Нестор возвращается сюда с новым назначением – Корейского, что это, конечно, вызовет много разных для него неприятных слухов, что уже есть в газетах статьи по этому поводу с протестами и обвиняющие Архиепископа в захвате места в чужой епархии и прочие неприятные слухи. Я ответила, что знаю, но что можно сделать, когда уже это факт неоспоримый; он говорит, почему не просили Синод раньше о назначении архиепископа Нестора в Пекин начальником. Отвечаю: да как же просить, когда уж (как говорят) это было решённое дело, что епископ Виктор является наследником этого сана после смерти архиепископа Симона и что потому-то он и был отправлен в Сербию для хиротонии там во епископы. Но, говорит мой собеседник, ведь он так молод для этого трудного дела и совершенно не опытен, хотя бы дали ему в помощники и руководители архиепископа Нестора. Отвечаю: вероятно, этого сделать нельзя теперь, когда уже епископ Виктор в большом сане, хотя, по желанию Синода, Главного Председателя Синода Блаженнейшего митрополита Антония, может быть, и можно выдать такое назначение владыке Нестору. Умный мой собеседник говорит: «А если бы Вы написали Блаженнейшему митрополиту Антонию и попросили бы о таком назначении. Ведь можно назначить Экзархом всех Церквей и Миссий на Дальнем Востоке, находящихся под ведением Вашего⁴¹⁹ Синода». Я только могла ответить, что за такое дело я не достойна браться и просить о том, чего не знаю, можно ли сделать, не буду, а напишу весь наш разговор Владыке, Блаженнейшему Антонию на его суд. Простите за всё написанное, но лучше сказать всё и Вы увидите, что тут говорят. Не могу не сказать, очень бы желательно, чтобы владыка Нестор не был опять чужим в Шанхае, где его очень любят и где он, безусловно очень нужен в деле враждующей военной церкви для примирения, да и около Архиерейской Церкви, где очень мало полезных пастырей. Если бы возможно назначить его вместо Корейского – Шанхайским и Ханьковским [sic!]. Думаю, что вся русская семья была бы в обоих этих городах довольна, а владыка Виктор, вероятно, под

Вашим добрым водительством скоро бы смирился и, вероятно, скоро был бы доволен, что у него есть такой мудрый добрый истинно Христоролюбивый Руководитель. Я мало ещё знаю владыку Виктора, но думаю, что, он чуткой души человек, только окружение у него неподходящее и портит ему иногда. Я писала ему и просила приехать сейчас в Шанхай повидаться с владыкой Нестором, который от меня из Ханькоу уехал в Шанхай, чтобы там помолиться в день годовой памяти архиепископа Симона 11/24-го февраля. Он приехал в Шанхай за два дня до памяти владыки Симона. Я сейчас тоже на пароходе еду в Шанхай. [...] Предполагаю побыть недолго в Шанхае и, надеюсь, застану там ещё владыку Нестора. Хочется послушать ещё его рассказы о Палестине [и] Сербии. [...]

Письмо атамана Г.М. Семёнова митрополиту Анастасию (Грибановскому)

14 февраля 1938 г. Исх. № 198.

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему митрополиту
АНАСТАСИЮ,
Белград.
Ваше Высокопреосвященство
Всемиловейший Архипастырь
Глубокочтимый ВЛАДЫКО!

Получивши от владыки Нестора сообщение о Вашем милостивом отношении к моей просьбе, изложенной в письме Вашему Высокопреосвященству от 23 ноября истекшего года, я почитаю долгом принести глубочайшую благодарность и просить впредь не отказывать в благосклонности Вашей к насущным просьбам, могущим часто являться на пути моей национальной работы во имя блага нашей многострадальной РОДИНЫ-РОССИИ!

Продолжая укреплять нужное понимание с переживаниями страждущего нашего народа под игом советовластия, я почёл долгом своим, во имя усвоения авторитетности идеи возглавления Православной Церкви нашей Вашим Высокопреосвященством и в пределах родной земли, когда наступит сему время, то для этого с первых же дней делового общения с церковными кругами на местах настоятельно требуется неоспоримость иерархического превосходства ИЕРАРХА, представляющего ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО, что может быть разрешено лишь согласием ВАШИМ на возведение владыки Нестора в сан Митрополита. Ходатайствуя усердно об этом перед Вашим Высокопреосвященством, я уверен, что ВЫ, ВЛАДЫКО, не усмотрите в моём ходатайстве ничего иного, как только пламенное желание служить и ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ, и МАТЕРИ РОДИНЕ.

Одновременно с возведением в сан Митрополита также ходатайствую [о] благословении Вашего Преосвященства владыке Нестору по всем тем вопросам, кои он имел изложить Вам по моему поручению.

Испрашивая Ваших Архипастырских молитв и благословения, остаюсь покорным слугою Вашего Высокопреосвященства

Григорий СЕМЕНОВ.

[В верхнем левом углу 1-й стр. собственноручная резолюция митрополита Анастасия:]

1938 16/29 марта.

К докладу Синоду.

М[итрополит] Анастасий.

[Пометка на полях:]

Передать в Собор.

**Выписка из определения Архиерейского Синода
Русской Православной Церкви за границей от 16/19
марта 1938 года**

Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей

16/29 марта 1938 года слушали: ходатайство атамана Семёнова от 14 февраля 1938 года за № 198 о возведении архиепископа Нестора в сан Митрополита.

Постановили: Ходатайство атамана Семёнова о возведении архиепископа Нестора в сан Митрополита доложить Архиерейскому Собору, для чего передать его в Соборную Канцелярию при выписке из сего определения.

[Подписи.]

16/29 апреля 1938 г.

№ 377.

Из статьи в газете «Царский вестник» «В обществе памяти Императора Николая II»

[...] В Музей памяти Императора Николая II продолжают поступать в дар предметы, главным образом фотографии [...]

Издан каталог музея (по 1 июля 1937 г.) на русском языке и продаётся по себестоимости [...]

Между прочим, в музей поступили следующие предметы:

1) От архиепископа Нестора: медаль с изображением Императора Николая II и Короля Александра I, и альбом с видами храма-памятника в Харбине, посвященного памяти умученных Императора и Короля.

Письмо епископа Нестора Священному Синоду

Русской Православной Церкви за границей
Священному Синоду

Русской Православной Церкви за границей.

Представляю при сем своё заявление о наложении отлучения на клеветников, возводящих на Архипастырей Русской Православной Церкви Заграницей в моём лице безосновательное обвинение в принадлежности к масонству. Такое обвинение возводится не только на меня, но и на других наших Архипастырей. Пора положить конец этой недостойной клевете, приносящей огромный неисчислимый вред нашей Церкви. И как решительную меру в этом направлении я предлагаю настоящее моё заявление, которое усердно прошу Священный Синод поддержать своим высокоавторитетным словом и со своей стороны принять действенные меры против лиц, дерзающих клеветать на священнослужителей.

Всепокорнейший слуга Священного Синода Архиепископ
НЕСТОР.

6–19/VI 1938 г.

[Собственноручная резолюция митрополита Анастасия:]

1938. 15/28 июня. К докладу Синоду. М[итрополит]
Анастасий.

Указ из Архиерейского Синода Русской Православной Церкви заграницей

№ 633.

Преосвященному Нестору,
архиепископу Камчатскому и Петропавловскому.

Архиерейский Синод Русской Православ[ной] Церкви заграницей 17/30 июня 1938 г. слушали: рапорт Вашего Преосвященства от 6/19 июня с. г. с приложением заявления в форме посланного Вами в газету «Голос Правды» открытого письма Вашего о наложении Вами отлучения от Церкви на всех, кто возводит клевету на Ваше Преосвященство о причастности Вашей к масонству. Ваше Преосвященство просите Архиерейский Синод о поддержке настоящего заявления Вашего о принятии Архиерейским Синодом действительных мер против дерзающих клеветать на священнослужителей, нанося тем значительный вред церковному делу.

Постановили: принять нижеследующее определение и опубликовать его в Синодальном органе «Церковная жизнь»: «Архиерейский Синод, рассмотрев заявление архиепископа Камчатского и Петропавловского Нестора о появившихся в печати обвинениях его в масонстве, которое он решительно осуждает, как учение враждебное Церкви, и которое не может разделять Епископ, постановил: осудить распространение про архиепископа Нестора клеветнических сведений, имеющих целью подорвать к нему общественное доверие, что является излюбленным способом действий врагов Церкви, то распространяющих против неугодных им Иерархов слухи о принадлежности их к враждебным Церкви организациям, то обвиняющих их во всевозможных измышлённых грехах. Тем же приёмом пользуются и некоторые недобросовестные члены Церкви, желая воздействовать на то или иное неугодное им направление церковной деятельности иерархов, и забывающие, что клевета и бунт приличествуют слугам дьявола, а не чадам Христовой Церкви. Архиерейский Синод призывает верных чад Церкви не приобщаться к сим порокам, а согрешивших принести

искреннее покаяние в том, как делавших то злонамеренно, так и
грешивших по легкомыслию или неведению».

[Подписи.]

9/22 июля 1938 года.

Сремские Карловны.

Письмо архиепископа Нестора Митрополиту Анастасию (Грибановскому)

22 августа 1938 г.

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ
МИТРОПОЛИТУ АНАСТАСИЮ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СВВ. СОБОРА
И СИНОДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ
ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО!

Дополнительно к представленному мною в Священный Синод моему открытому письму по поводу опорочения моего имени принадлежностью к масонству, представляю при сем фотографии обложки и страниц 151 и 152 книги «Враги Вселенной» Г. Моллера⁴²⁰, где это обвинение формулируется. Я нигде не мог достать самой книги и потому представляю фотографии, доставленные мне Его Высочеством Князем Никитой Александровичем⁴²¹, который глубоко возмущён преступной инсинуацией.

Усердно прошу Священный Собор Русской Православной Церкви Заграницей принять действенные меры против тех, кто порочит не только моё имя, но и имена многих других русских иерархов и церковных деятелей.

Лишь высокий авторитет Св. Собора имеет возможность прекратить распространение лжи и клеветы в широких кругах русской эмиграции.

Вашего Высокопреосвященства Милостивого Архипастыря покорный послушник

† архиепископ НЕСТОР.

22/VIII 1938.

[Собственноручная резолюция митрополита Анастасия:]
1938

13/26 авг[уста].

К докладу

А[рхиерейскому] Собору.

М[итрополит] Анастасий.

Указ из Архиерейского Синода Русской Православной Церкви заграницей

№ 1082.

Циркулярно.

Епархиальным Преосвященным.

АРХИЕРЕЙСКИЙ СИНОД

РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ

20 октября/2 ноября 1938 г. слушали: Определение Архиерейского Собора от 16/29 августа 1938 года, по ходатайству архиепископа Нестора, о защите Епископов от обвинения в масонстве, распространяемых некоторыми людьми.

Справка: Архиерейским Синодом 17/30 июня 1938 года принято нижеследующее определение: [...] ⁴²²

Постановили: Уведомить Епархиальных Преосвященных о нижеследующем Соборном определении по вопросу об обвинении некоторых Епископов в масонстве: «Подтвердить постановление Синода по этому предмету и поручить Епархиальным Архиереям в подобных случаях предпринимать канонические меры, о чём послать циркулярный указ Епархиальным Преосвященным».

[Подписи.]

13/26 ноября 1938 года.

Белград.

Протоиерей Григорий Разумовский

(Московская патриархия)

28 марта 1947 г. Копия.

[...] Мы не брезгуем вести переговоры и собираемся простить таких архипастырей, как митр[ополит] Феофил⁴²³ и К°. Мы уже простили и архиеп[ископу] Александру⁴²⁴ и митр[ополиту] Серафиму⁴²⁵ (Парижскому), которые давным давно потеряли свой авторитет.

Мы приласкали митр[ополита] Нестора, менее повредившего Церкви – и не ошиблись: он крепко взял и высоко держит вручённое ему патриаршее знамя. [...]

Письмо Экзарха Восточной Азии

Митрополита Нестора (Анисимова)
председателю совета по делам
Русской Православной Церкви Г.Г. Карпову
Восточно-Азиатский
Экзархат Московской
Патриархии.
25 января 1948 г.
г. Харбин.
Батальонная, 24.
Телефон 24–20.
Глубокоуважаемый Георгий Григорьевич.

Настоящим с чувством огромного удовлетворения и радости прошу принять от меня и от всей корпорации Лицея Александра Невского в городе Харбине самую искреннюю, глубокую, сердечную благодарность за Ваше поистине доброе и действенное, отзывчивое участие в нашей большой и многотрудной работе здесь, вдали от Родины, на Востоке Азии в г. Харбине, выразившееся в получении нами из Москвы весьма ценной и чрезвычайно благовременной материальной поддержки в американской валюте 9 433 долл, и 96 центов наличными дензнаками.

Оказанная нам помощь по местным условиям имеет очень большое и, сказал бы, чрезвычайно важное значение.

Ныне мы имеем возможность полностью противостоять враждебной нам иностранной идеологической тлетворной пропаганде, проводимой местными ватиканскими «благотворительными» организациями.

В гор. Харбине существует католический лицей св. Николая, в котором под видом «благотворительности» воспитываются наши советские дети, с безусловно враждебным по отношению СССР иностранным влиянием.

В соответствии с указом Святейшего Патриарха № 46 от 17 января 1946 года, в противовес этому католическому лицей, Восточно-Азиатский Экзархат, при содействии нашего

Генконсульства открыл в прошлом 1946/47 учебном году свой советский Лицей св. Александра Невского, который, являясь закрытым учебным заведением (с патронатом), с программой советской десятилетки, соответственно расширенной и дополненной специальными предметами, воспитывает молодежь в духе абсолютной преданности и любви к нашей Великой Дорогой Отчизне. Оканчивающие наш Лицей, программа коего находится под контролем Отдела Народного Образования, имеют беспрепятственный доступ в любое высшее учебное заведение – без экзаменов.

Отсутствие материальных средств, при существующей всё время непомерно возрастающей дороговизне продуктов питания, поставило в настоящем учебном году нас в весьма тяжёлое, безвыходное положение. А закрытие созданного нами Лицея Александра Невского было бы равносильно полной капитуляции перед иностранной пропагандой и американским капиталом...

Теперь мы, благодаря Вашей мудрой доброте и личному благожелательству, смело можем вести наш Лицей по предначертанному пути и с своей стороны обещаем приложить и прилагаем все наши усилия и возможности, чтобы достойно выполнить принятую задачу и поставить наш лицей на должную высоту.

В настоящее время нами заканчивается полная инвентаризация церквей и всех подведомственных учреждений вверенного мне Экзархата, данные которой будут включены в общий Отчет по Экзархату. Такой отчет вместе с отчетом по Лицею А[лександра] Н[евского] считаю своим долгом со следующей почтой представить Вам для сведения через Патриархию.

Ещё и ещё глубоко и сердечно благодарю Вас за Ваши заботы и помощь, оказанную нам, и прошу принять мои искренние уверения в глубоком и совершенном к Вам почтении и уважении.

Экзарх Восточной Азии Московской Патриархии митрополит НЕСТОР.

Заместитель министра иностранных дел СССР. Справка о Восточно-Азиатском экзархе Митрополите Несторе

Секретно. Экз. № 2.

Среди подавляющего большинства местной православной советской колонии, равно как и среди большинства духовенства НЕСТОР никаким авторитетом не пользуется. Для всех не является секретом аморальное поведение НЕСТОРА⁴²⁷, хотя и в прошлом, но очень недалёком. Многие уверяют, что все это имеет место и в настоящее время.

Подавляющее большинство всей местной советской колонии выражает удивление, почему НЕСТОР остался экзархом, несмотря на то, что он был одним из самых активных вдохновителей борьбы против Советского Союза. Не было ни одного эмигрантского праздника, юбилея, богослужения, где бы НЕСТОР не выступал с речами, полными самой ядовитой клеветы против Советского Союза и его вождей.

Большинство местных советских граждан помнят статьи в эмигрантской прессе, посвященные заслугам НЕСТОРА, вроде статьи, обнаруженной [sic!] [в] «Луч Азии» за 1937 год, № 26/10⁴²⁸. В этой статье говорится:

«При известии о начале белой борьбы на юге России НЕСТОР направился туда и в Крыму стал духовником Императрицы Марии Фёдоровны, Великого Князя Николая Николаевича и других членов Императорской Фамилии».

Далее описывается, как он из Крыма через Индию прибыл в Омск, в ставку Колчака, а затем жил в Японии. Описывается, какие ордена им получены от императора Маньчжоу-Го и т. д.

Архиепископ НЕСТОР окружил себя самыми ярыми антисоветчиками, в числе которых особенно бросаются в глаза лица, у которых сыновья находятся в Америке или Англии.

Имеются сведения, что все основные богатства, оставшиеся после атамана Семёнова, находятся в руках НЕСТОРА.

Есть предупреждения, что НЕСТОР стремится пробраться в Америку. В этой связи особенного внимания заслуживает то, что недели три тому назад НЕСТОРУ стало известно о предполагаемом совещании глав Православных Церквей в Москве летом этого года. После этого НЕСТОР в личной беседе три раза поднимал вопрос перед Консульством о его желании до поездки в Союз обязательно съездить в Дальний через Корею для ознакомления с положением дел в его епархии. Можно предполагать, что он хочет попасть к американцам.

Все вышеприведённые компрометирующие материалы архиепископа НЕСТОРА приводят к убеждению о необходимости постановки вопроса об отзыве его в Союз.

Ст. инспектор Совета [по делам Русской Православной Церкви] АНАНЬЕВ.

17/III – 1948 г.

**Заместитель Председателя Совета по делам
Русской Православной Церкви С.К. Бельшев –
заведующему 1-м Дальневосточным отделом МИД
СССР Тункину**

Секретно. Экз. № 2.

23 марта [194]8.

№ 158/с.

[...] По сообщению МИД, экзарх митрополит Нестор имеет намерение перебраться в Америку.

Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР доводит до Вашего сведения, что Патриарх Московский готовит митрополиту Нестору замену и, по прибытии его в Москву на совещание, ему будет предоставлена епархия в пределах Советского Союза.

Со своей стороны, Совет просит дать указание консульству в Харбине о невыдаче митрополиту Нестору разрешений на поездки в районы, расположенные близко к зонам американской оккупации, и оказать содействие митрополиту Нестору, по получении им официального приглашения от Патриарха, в выезде в СССР.

Зам. председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР [С.К.] БЕЛЫШЕВ.

СПРАВКА

Секретно.

Митрополит Нестор издал указ № 677 от 1/XII 47 г. об инвентаризации церковного имущества по состоянию на 1/I-48 г.

В этом указе, согласно пункта 5, Нестор требует подробные данные о верующих. К указу приложен список № 2 личного состава прихожан с графами: фамилия, имя, отчество, гражданство, социальное положение, основная профессия, размер членского взноса (пол, возраст) и так далее.

Согласно указа, хайларский священник Стрельников назначил Комиссию, которая ходит по квартирам советских граждан и собирает нужные данные.

В Комиссию вошли английская шпионка Бродди – имеет советский паспорт, Чухнина – отец – англичанин, мать русская, она не имеет советского паспорта и другие.

Такая «Комиссия» по существу занимается шпионской работой и собирает нужные ей данные о советской колонии.

Нестор в своём указе ссылается на инструкцию отдела внешних церковных сношений при Священном Синоде Московской Патриархии.

Пункт 5 целесообразно отменить, а если требуется характеристика советской колонии, то это может сделать Консул.

Ст. инспектор Совета [по делам Русской Православной Церкви] АНАНЬЕВ.

С.К. Бельшев – Тункину

Секретно. Экз. № 2.

8 апреля [194]8.

№ 191/с.

[...] По наведённым в Московской Патриархии справкам, инвентаризация церковного имущества митрополитом Нестором проводится по собственной инициативе, и Московская Патриархия никаких директив по этому поводу не давала.

По просьбе митрополита Нестора, ему была выслана только форма бухгалтерского учета инвентаризируемого им имущества.

Изданный Нестором указ за № 677 от 1/XII –47 г., пункт 5 которого предусматривает сбор данных о верующих, является делом его личной инициативы.

Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР считает необходимым немедленно пресечь сбор каких-либо сведений о верующих и просит предложить Нестору отменить пункт 5-й указа, распустить созданные для этого комиссии, а собранные данные сдать нашему Консульству.

Указаний по этому вопросу Патриархия Нестору не может посылать, так как по этому вопросу ей ничего не известно. [...]

Из докладной записки Г.Г. Карпова К.Е. Ворошилову

О заграничной работе Русской Православной Церкви
по состоянию на 1 мая 1948 года

9 мая 1948 г.

№ 298 с.

2-й экземпляр.

Секретно.

[...] Восточно-Азиатский Экзархат. Во главе Экзархата (г. Харбин) стоит митрополит Нестор Анисимов – эмигрант. Митрополит Нестор был одним из вдохновителей борьбы против Советского Союза в период гражданской войны. В Крыму, при Деникине, он был духовником Императрицы Марии Фёдоровны, Великого Князя Николая Николаевича и др. членов Императорской Фамилии. Позже он перебрался к Колчаку и, по сведениям, в его руках остались богатства, награбленные атаманом Семёновым. В последнее время поступили сведения, что он намерен бежать в США.

Московской Патриархией будет назначено и командировано на должность Экзарха новое лицо.

Экзархат объединяет 76 православных приходов в Маньчжурии и 3 прихода в Северной и Южной Корее.

В г. Харбине Экзархатом организован Лицей имени Александра Невского с программой школы-десятилетки.

При содействии Экзархата создано Общество Красного Креста и Полумесяца.

Издательская деятельность Экзархата способствует усилению русского влияния в Маньчжурии и Китае. [...]

СПРАВКА

Митрополит Нестор просит Патриарха разрешить взять с собой на совещание в свите [?] сопровождающих 3-х лиц: нач. канцелярии протодиакона Лобас, личного секретаря Караулова и нач. Харбинской Китайской миссии протоиерея Даниила Хэ.

Также разрешить везти при себе пакет с различ[ны]ми отчетными материалами по Экзархату для Патриарха, Альбом,

фото, подарки для руководителей Патриархии и парадное церковное облачение для себя и свиты.

(Подробный список свиты будет прислан дополнительно.)

Разрешить сделать перевод в [1 сл. нрзб.] через Дальбанк сов. валюты на путевые расходы его и свиты по советской территории со взносом в Дальбанк соответствующий эквивалент юаней. М[итрополит] Нестор имеет в виду по окончании торжества проситься на грязевый курорт лечить ревматизм.

О выдаче виз на всю свиту.

Выяснить, должен ли он, Нестор, предусмотреть все расходы по содержанию свиты на время пребывания в Москве при переводе денег через Дальбанк или Патриархия берёт эти расходы на себя.

Ст. инспектор Совета АНАНЬЕВ.

31/V [19]48 г.

Епископ Цицикарский Никандр

Патриарху Московский и всея Руси Алексию
Телеграмма.

14 июня накануне отъезда в Москву Митрополит Нестор арестован харбинским правительством по обвинению в связи с японцами в прошлом.

Хлопоты Генконсулом об освобождении успехом не увенчались.

Епископ Никандр с 14 июня вступил в управление Харбинской епархией.

Подробности высланы письмом.

Просим святительского благословения и распоряжений.

Епископ НИКАНДР.⁴²⁹

Начальник канцелярии Экзархата протодиакон ЛОБОС.

Из письма Епископа Никандра Патриарху Алексию

от 28.07.1948 г.

№ 201.

Харбин.

Копия.

[Получено 28.10.1948.]

[...] 13 июня в неделю Св. Отец в Св. Николаевском кафедральном соборе после Литургии мы служили митрополиту Нестору напутственное молебствие перед предполагавшейся его поездкой на Собор в Москву и в его честь устроили в моей квартире скромную чашку чая, а в понедельник, 14 июня рано утром, митрополит Нестор был задержан китайскими властями. Одновременно с ним были задержаны – секретарь Епархиального Совета, Е.Н. Сумароков, священник Василий Герасимов, – личный секретарь Митрополита, и монахиня Зинаида (Бриди) в Хайларе.

По получении этих известий я принял все возможные меры, чтобы выяснить происшедшие события. Моё заявление по сему было любезно принято Управляющим нашим Генконсульством, который уполномочил своих помощников – двух вице-консулов лично съездить в подворье Митрополита и к председателю местного китайского правительства. Через несколько времени Управляющий Генконсульством сообщил мне, что моё заявление подтвердилось; Митрополит, действительно, задержан. Я просил Консула на случай, если вопрос с задержанием Митрополита скоро не разрешится, после ухода китайской полиции послать в Митрополичье подворье особую комиссию для опечатания помещения и учёта всего имущества Экзархата. Эта моя просьба совершенно совпала с мнением Консула. В результате тут же была назначена комиссия из представителя Генконсульства, О[бщест]ва граждан СССР и моего. Комиссия опечатала покои Митрополита, канцелярию Экзархата и в дальнейшие дни произвела учёт имущества и личных вещей Владыки Нестора. По всем хлопотам о судьбе Митрополита Консул держал меня в курсе дела. В Троицкую

субботу 19 июня представилась возможность свидания с Митрополитом. На этом свидании присутствовали два вице-консула и я и вели беседу с задержанным. В результате был согласован вопрос о передаче пищи, белья и смягчения режима заключения. Тем временем местное китайское Правительство информировало Консульство о том, что задержанным инкриминируются якобы деяния политического характера. Передачу заключённым принимали в течение двух дней, а 22 июня передачу для заключённых не приняли и Консульство было уведомлено, что заключённые освобождению не подлежат и депортируются в Союз. Я рад засвидетельствовать полное внимание ко мне в эти дни со стороны Генерального Консульства и до сих пор я не перестаю беспокоить управляющего Генконсульством, И.Л. Малинина, своими посещениями.

29 июня через Генеральное Консульство мной была послана о происшедшем Вашему Святейшеству подробная телеграмма. [...].

О здравии Митрополита Нестора было предписано по храмам совершать молебствия, а церковная поминальная формула в ожидании распоряжений и указаний сохраняется до настоящего времени лишь с присоединением поминовения после митрополита и епископа Цицикарского.

Верующим через о.о. настоятелей церквей дана была директива блюсти полное спокойствие, выдержку и не придавать значения всяким городским досужим разговорам.

Теперь Владыка Нестор не у китайцев... Спаси его Господь!.. Он на Родине. И мой долг подойти ближе к учреждениям Экзархата. [...]

Патриарх Алексей – Епископу Никандру

17.08.1948 г.

Епископу Никандру.

Харбин, Батальонная, 24.

Телеграмму только что получил 17 августа до возвращения Митрополита Нестора временно обязанности Экзарха возлагаются на Ваше Преосвященство тчк Прошу твёрдо охранять интересы нашего Экзархата во всем держась установленного нами положения тчк Ожидаю Ваших докладов
ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ.

Епископ Никандр – Патриарху Алексию

Телеграмма.

[...] Два месяца как задержан китайцами митрополит Нестор* ⁴³⁰.

Ожидаю распоряжений по управлению, как быть с лицеем Александра Невского.

Без Вашей поддержки лицей существовать не может.

Прошу благословения.

Епископ НИКАНДР.

19/VIII [19]48. ⁴³¹

Приписка Г.Г. Карпова на справке Афанасьева

[...] Бельшеву. Телеграмму⁴³² за исключением слов (депортирован в Союз) передать Патриарху Алексию. О лице переговорю с Патриархом сам, но получение в текущем году затруднительно, документ верните.

[Подпись.]

20/VIII [19]48.

Тункин – Г.Г. Карпову

от 15.11.1948 г.

№ 409.

Входящий № 3379.

16/XI 1948 г.

[...] При этом направляем для передачи адресату⁴³³ материалы, поступившие от Восточно-Азиатского Экзархата.

Приложение: упомянутое.

[Подпись.]

[Резолюция Г.Г. Карпова:] т. Уткину.

Передать письмо еп. Никандра Патриарху Алексию.

[Подпись.]

16/XI

СПРАВКА⁴³⁴

Письмо еп. Никандра направлено П[атриар]ху Алексию.

[Подпись.]

17/XI [19]48.

**Письмо Патриарха Московского и всея Руси
Алексия (Симанского) Председателю Совета по
делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпову**

18 ноября 1948 г.

Дорогой Георгий Григорьевич!

Вчера из Совета я получил две посылки из Маньчжурии: шкатулку с вещами м[итрополита] Нестора – иконами, его панагиями и проч, мелкими вещами вплоть до зубного протеза... И прилагаемый при сем футляр с бюваром на Ваше имя и ещё бюваром – на моё имя. «Адреса» не надписаны, очевидно, из-за отсутствия м[итрополита] Нестора.

Где сам м[итрополит] Нестор – неизвестно. Видимо предполагают, что он на нашей территории. [...]

Комментарии

Моя Камчатка

Записки православного миссионера

Воспоминания митрополита Нестора (Анисимова) в предлагаемой публикатором редакции печатаются по первому изданию, вышедшему в издательстве Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в 1995 году. Издавались они по машинописному экземпляру, предназначавшемуся Владыкой для его духовных чад и близких ему людей. Есть сведения о существовании более полного текста мемуаров, сопровождавшегося многочисленными фотографиями и хранившегося после кончины Митрополита у одного из его келейников.

По признанию автора, воспоминания были написаны после его освобождения из лагерей. На сей труд его благословил Патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский), с которым Митрополита связывали доверительные отношения: Патриарх не раз приезжал отдыхать к владыке Нестору в бытность его митрополитом Кировоградским и Николаевским.

Исходным материалом для данной книги воспоминаний в какой-то мере послужили другие работы Владыки, как изданные, так и неопубликованные⁴³⁵ (список их мы помещаем в настоящем издании), а также его устные рассказы, ибо он был замечательным рассказчиком.

Текст воспоминаний печатается с небольшими сокращениями чисто редакторского характера. Публикатор благодарит духовника Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандрита Кирилла (Начиса) за предоставление наиболее выверенной машинописной копии воспоминаний митрополита Нестора, а также О.Т. Ковалевскую, взявшую на себя труд получить из Центрального архива кинофотофонодокументов в Санкт-Петербурге ряда редких снимков.

Открывающее книгу жизнеописание митрополита Нестора существенно расширено и дополнено архивными материалами.

Расстрел Московского Кремля

27 октября – 3 ноября 1917 года

Первое издание этой книги, отпечатанной «с благословения Священного Собора Православной Российской Церкви» в Москве в 1917 г. в типографии «Общественная польза»

(ул. Тверская-Ямская, д. 34), было практически полностью уничтожено большевиками. По свидетельству самого владыки Нестора, из десяти тысяч экземпляров уцелело не более двух тысяч, да и те впоследствии беспощадно истреблялись.

Книга была снабжена большим количеством фотографий. «В городской управе, – сообщал «Московский листок» 16.11.1917, – возникла мысль о необходимости сделать фотографические снимки всех учреждений и храмов, находящихся в Кремле и пострадавших во дни большевицкого бунта. Снимки эти послужат ценным материалом для истории варварства XX века». К сожалению, по свидетельству Владыки, большевиками были конфискованы в типографии и сами клише снимков. Известны фотографии П. Оцупа, опубликованные в журнале «Нива» (1918, № 2–3), и А.Ф. Дорна. Были даже отпечатаны две серии почтовых карточек: «Москва после 24.X-3.XI.1917» и «Москва во власти большевиков».

До сих пор перепечатывалось именно это первое издание книги. Впервые его поместили в журнале Русской Зарубежной Церкви «Православная Русь» (Джорданвилль), потом оно воспроизводилось в первом издании известной книги П.Г. Паламарчука (вышедшей тогда под псевдонимом С. Звонарев) «Сорок сороково (Т. 1. Париж: ИМКА-Пресс, 1988). Первое переиздание труда епископа Нестора в России увидело свет в альманахе «Царь-Колокол» (М., 1990. № 3. С. 5–20). После этого книга воспроизводилась в отечественной периодике, по крайней мере, дважды. С подробными комментариями её осуществил автор этих строк в журнале «Лепта» (М., 1991. № 3. С. 181–190) и В. Ф. Козлов со своим послесловием в «Московском журнале» (1992. № 4. С. 24–31). Отдельным изданием книга выходила так-же дважды: в издательстве «Эхо

Чернобыля» в 1992 г. и с предисловием Н. Малинина в Москве в издательстве «Столица» в 1995-м.

Мы впервые воспроизводим текст второго «исправленного и дополненного» самим автором издания, вышедшего незначительным тиражом в Токио в 1920 году. До этого П.Г. Паламарчук воспроизвёл лишь некоторые фрагменты этого текста в журнале «Москва» (1998. № 1).

Составитель использовал собственные комментарии к труду владыки Нестора, опубликованные в журнале «Советская литература», а также статью: Фомин С.В. Расстрелянные Святые. Москва. 27 октября – 3 ноября 1917 г. // Град-Китеж. № 4 (9), 1992. С. 8–11.

Из моих воспоминаний

Печатается по: Архиепископ Нестор. Из моих воспоминаний // Харбинское время. 27.10.1940.

Слово Преосвященного Нестора, архиепископа Камчатского и Петропавловского на молебне в г. Харбине 19 августа 1945 г. по случаю победы над Японией и установления мира во всем мире

Печатается по: Слово Преосвященного Нестора, архиепископа Камчатского и Петропавловского на молебне в г. Харбине 19 августа по случаю победы над Японией и установления мира во всем мире // Журнал Московской Патриархии. 1945. № И. С. 27–28.

Приветственное слово Преосвященного Нестора, архиепископа Камчатского и Петропавловского, победоносному воинству Красной Армии на митинге 2 сентября 1945 г. в г. Харбине

Печатается по: Приветственное слово Преосвященного Нестора, архиепископа Камчатского и Петропавловского, победоносному воинству Красной Армии на митинге 2 сентября в г. Харбине // Журнал Московской Патриархии. 1945. № И. С. 30–31.

Список основателей Православного Камчатского братства во имя Нерукотворенного Образа Всемиловитого Спаса

Печатается впервые: См.: ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Е.х. 2313. Лл. 7–10. Печатается с учетом особенностей орфографии

подлинника.

Из дневника генерала графа Ф.А.Келлера

Печатается по: Дневник генерала гр. Ф.А. Келлера 1918 г. // Царский вестник. Белград. № 542. 1937. 28 февраля.

Дата дневниковой записи дана, вероятно, по новому стилю. Как известно, генерал был убит петлюровцами 8/21 декабря.

Из воззвания епископа Нестора «Ко всему казачеству»

Печатается по: Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск. – Иркутск. 1930. С. 25–26.

Из письма епископа Нестора митрополиту Иннокентию (Фигуровскому)

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Е. х. 233. Л. 55.

Машинописная копия для Временного Синода.

Письмо епископа Нестора митрополиту Антонию (Храповицкому)

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Е. х. 233. Л. 115–119.

Автограф. Получено 10.12.1925. Часть письма, зачеркнутая адресатом (эти абзацы заключены нами в прямые скобки), свидетельствует о том, что его, вероятно, зачитывали на заседании Синода.

Из письма епископа Забайкальского и Нерчинского Мелетия митрополиту Антонию (Храповицкому)

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Е. х. 233. Л. 180–181.

Из письма митрополита Харбинского Мелетия митрополиту Антонию (Храповицкому)

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Е. х. 233. Л. 15150 об.

Письмо Елизаветы Литвиновой митрополиту Антонию (Храповицкому)

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Е. х. 233. л. 189–191.

Машинопись с подписью-автографом. Получено 20.3/2.4. 1934.

Письмо атамана Г.М.Семёнова митрополиту Анастасию (Грибановскому)

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Е. х. 248. Л. 3–3 об.

На официальном бланке атамана Семёнова. Машинопись, последний абзац письма и подпись – автограф. Получено 16/29.3. 1938. Вх. № 196.

В публикуемом письме речь, вероятно, идёт о предполагавшемся в недалёком времени вторжении японской армии (при активном участии вооружённых формирований русской эмиграции) на территорию СССР. Информировать об этом Синод Зарубежной Церкви и руководителей русской монархической и военной эмиграции в Европе и должен был архиепископ Нестор во время его поездки в марте-апреле 1938 г., когда, как известно, он посетил Югославию, Болгарию, Чехословакию, Францию и Великобританию.

Выписка из определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей от 16/29 марта 1938 года

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Е. х. 248. Л. 2.

Из статьи в газете «Царский вестник» «В Обществе памяти Императора Николая II»

Печатается по: Царский вестник. Орган народного движения за восстановление Престола Православного Царя-Самодержца. Белград. № 608. 23.5/5.6.1938. С. 2.

Письмо архиепископа Нестора Священному Синоду Русской Православной Церкви за границей

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Е. х. 295. Л. 1.

Машинопись с подписью-автографом. Получено 15/28.6.1934. Вх. № 399.

Указ из Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Е. х. 295. Л. 4–4 об. Машинопись.

Письмо архиепископа Нестора митрополиту Анастасию (Грибановскому)

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Е. х. 295. Л. 5. Машинопись с автографом.

Указ из Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Е. х. 295. Л. 7. Машинопись с автографами-подписями митрополита Анастасия и «За секретаря. Правитель Дел Синодальной Канцелярии гр. Ю. Граббе».

Этот указ был разослан в ноябре-декабре 1938 г. архиепископу Серафиму (Соболеву), епископу Феодосию, митрополиту Серафиму (Лукьянову), епископу Берлинскому Серафиму (Ляде), архиепископу Мелетию, архиепископу Виктору (Святину) и митрополиту Феофилу (Пашковскому) в США (ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Е. х. 295. Л. 8 об.).

Протоиерей Григорий Разумовский (Московская Патриархия)

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 140. Л. 123.

Письмо Экзарха Восточной Азии, митрополита Нестора (Анисимова) председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпову

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Е. х. 66. Л. 4.

Заместитель министра иностранных дел СССР А.Я.Вышинский – председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР Г. Г. Карпову

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 434. Л. 9.

Заместитель председателя Совета по делам Русской Православной Церкви С.К. Бельшев – заведующему 1-м Дальневосточным отделом МИД СССР Тункину

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 434. Л. 38.

Справка

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 434. Л. 43.

С.К. Бельшев – Тункину

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 434. Л. 44–44 об.

Из докладной записки Г.Г. Карпова К.Е. Ворошилову о заграничной работе Русской Православной Церкви по состоянию на 1 мая 1948 года

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 289. Л. 145.

Справка

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 434. Л. 71.

Епископ Цицикарский Никандр – Патриарху Московскому и всея Руси Алексию

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 434. Л. 88.

Епископ Никандр (Викторов, 1891–1961), Цицикарский, викарий Харбинский – происходил из семьи протоиерея Ярославской епархии. Окончил Казанскую Духовную Академию (1915). В Маньчжурию прибыл с Белой армией, в которой служил военным священником. Близкий друг атамана Г.М. Семёнова. В годы японской оккупации – главный священник Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурии. Настоятель Никольского кафедрального собора в Харбине (до 1946 г.). Согласно сведениям управляющего Генконсульством СССР в Харбине Малинина, «проводил работу среди верующих с целью привлечения их к поклонению японской богине Аматерасу» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. Х. 434. Л. 142). Митрополитом Нестором хиротонисан во епископа Цицикарского. Скончался в СССР в сане архиепископа.

Из письма епископа Никандра Патриарху Алексию

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 434. Л. 117–119. Машинописная копия.

Патриарх Алексей – Епископу Никандру

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 434. Л. 89.

Епископ Никандр – Патриарху Алексию

Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 434. Л. 94.

- Приписка Г.Г. Карпова на справке Афанасьева
Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 434. Л.
95. Автограф.
Тункин – Г.Г. Карпову
Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 434. Л.
108.
Письмо Патриарха Московского и всея Руси Алексия
(Симанского) председателю Совета по делам Русской
Православной Церкви Г.Г. Карпову
Печатается впервые по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 66. Л.
50.

Библиография основных трудов Митрополита Нестора

Печатные работы:

Русско-тунгусский перевод миссионера иеромонаха Нестора. Владивосток, 1908.

Православие в Сибири. СПб., 1910.

Объяснительная записка к Уставу [Камчатского братства]. СПб., [1910].

Историческая справка о православном просвещении в Сибири. СПб., [1910].

Из жизни камчатского миссионера. СПб., 1910.

Из жизни камчатского миссионера и записки из дневника иеромонаха Нестора. СПб., 1912.

Расстрел Московского Кремля (27 октября – 3 ноября 1917 г.). М., 1917 (2-е изд. Токио. 1920).

Таинственная, великая книга бытия и деяний человеческих кладбище. Харбин, 1929.

Житие святителя Иннокентия. Харбин, 1931.

Облик женщины при свете христианства. Шанхай, .1932 (2-е изд. Белград. 1933).

Маньчжурия. Харбин. Белград, 1933.

Житие святителя Арсения. Харбин, 1934.

Старая Русь. Харбин, 1934.

Очерки Югославии. Впечатления путешествия. Харбин, 1934.

Египет, Рим, Бари. Шанхай, 1934.

Очерки Дальнего Востока. Белград, 1934.

Святая Земля. Харбин, 1935.

Камчатка. Харбин, 1936.

Воспоминания. (Детство и юность.) Харбин, 1936.

Митрополит Антоний. Харбин, 1936.

Личные воспоминания о Государе Императоре Николае II и Его Царской Семье. Харбин, 1936.

Личные воспоминания о прославлении мощей св. Иоасафа Белгородского в 1911 г. Харбин, 1936.

Часовня-памятник памяти Венценосных мучеников в г. Харбине. Харбин. 1936.

Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 г. Харбин, 1936.

Чудо в Магловите. Б. м. и г.

Литургия. Б. м. и г.

Православная Церковь в СССР. Харбин, 1942.

Юбилейный доклад о Камчатской епархии//Хлеб

Небесный. Харбин. 1940. № 11. С. 5–20.

Юбилейный очерк о Камчатской области и епархии, 14/27 сентября 1940 г.//Камчатка, 1740–1940. Юбилейный сб. в память 200-летия основания г. Петропавловска на Камчатке. Ред.-изд. А.А. Пурин. Шанхай, 1940. С. 39–65.

Личные воспоминания об о. Иоанне Кронштадтском//Хлеб Небесный. Харбин, 1944. № 2. С. 5–9.

Моя Камчатка. Записки православного миссионера. СвятоТроицкая Сергиева Лавра, 1995.

Мои воспоминания. Материалы к биографии, письма. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1995.

Расстрел Московского Кремля. М.: Столица, 1995.

Неопубликованные труды:

Песнослов. (Богослужебный круг годовых служб.)
Божественная Литургия и всеупотребительное Евангелие на корякском языке.

Молитва Господня. (На тунгусском языке.)

Акафист преподобному Сергию Радонежскому.

Молитвы на лов рыбы, на освящение рыбы, рыбных снастей и мреж, утверждённые Св. Синодом в 1910 г.

Акафист Арсению, архиепископу Сербскому, одобренный к служению Патриархом Сербским Варнавою.

Великопостные беседы.

Сборник проповедей и лекций.

Великие истины Великого Учителя.

Женщина в свете христианства.

Кладбище – путь вечного упокоения.

Религиозная идея человека.

Нравственная мораль и связанные с нею чистота поведения, речи, слова и совести.

Семья и мир должны быть нерушимы.

Летопись Камчатского Православного братства во «Владивостокских епархиальных ведомостях».

Камчатское Православное братство Всемилоственного Спаса Камчатский край.

Житие Арсения, архиепископа Сербского.

Личные воспоминания о Царской Семье.

Евсевий, митрополит Владивостокский и Приморский.

Николай, архиепископ Японский.

Патриарх Тихон.

Владимир, митрополит Киевский.

Российские Православные Патриархи.

Дом Милосердия.

О посещении колоний прокажённых на Камчатке, в Ямбургском уезде Петербургской губернии, в Индии и в Иерусалиме.

Иерусалим – Палестина.

Египет, Рим, Бари.

Югославия.

Путешествия в Индию и на Цейлон.

Китай и Япония.

Антитеза двух систем капитализма и их особенности.

Словарь на тунгусском языке.

Словарь на корякском и русском языках.

Примечания

¹ - Архиепископ Андрей (князь Ухтомский, 26.12.1872 – 4.9.1937) – родился в с. Вослома Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии. Окончив 5 классов гимназии, поступил (1887) в Нижегородский имени гр. Аракчеева кадетский корпус, по окончании которого был принят в Московскую Духовную Академию (1891). Определен учителем русского языка в 1-й класс Казанского Духовного училища (9.11.1895). Пострижен в монахи (2.12.1895), рукоположен в иеромонаха (6.12.1895). Инспектор Александровской миссионерской семинарии (1897), наблюдатель Казанских миссионерских курсов в сане архимандрита (1899). Хиротонисан (4.10.1907) во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии (был первым Казанским викарием по делам миссионерства). С 25.6.1911 – епископ Сухумский, а с 22.12.1913 – епископ Уфимский и Мензелинский. Духовником епископа Андрея был владыка Антоний (Храповицкий). Играл видную роль в «революционном Синоде» 1917 г. Участвовал в созванном в Омске (1918) Сибирском Поместном Соборе, где был избран в созданное на Соборе Временное Высшее Церковное Управление, руководил духовенством III армии адмирала А.В.Колчака. Арестован большевиками в Новониколаевске (фев. 1920), но через десять месяцев выпущен, после особого заявления, в котором Владыка «раскаивался в прежних нападках на советскую власть за её декрет об отделении Церкви от государства»; направлен в Уфу «под надзор верующих». В программе созданного там Уфимского братства, в частности, говорилось: «...Чрез церковное единение славянства идти к единению Вселенской Церкви и будущему VIII Вселенскому Собору». В 1921 г. назначен епископом Томским, но к месту служения не поехал. Арестован в феврале 1922 г. «за произнесение проповеди, в которой призывал крестьян организоваться в крестьянские союзы»; этапирован в Москву на Лубянку, где был выпущен на свободу для лечения (!). В том же году Московский ревтрибунал

постановил прекратить дело Владыки «за недостатком улик». В 1922–1928 гг. во исполнение благословения свт. Тихона явно и тайно поставил (хиротонисал) ряд архиереев. В 1923 г. сослан в Среднюю Азию (Ташкент, Педжент, Ашхабад). 28.8.1925 в молитвенном доме ашхабадской старообрядческой общины во имя Святителя Николая епископ Андрей принял миропомазание от старообрядцев, перейдя таким образом в раскол, за что Патриаршим Местоблюстителем Петром (Полянским), митрополитом Крутицким; запрещён в священнослужении (13/26.4.1926); Осенью 1927 г. арестован в Москве и выслан в Казахстан, – в Кзыл-Орду. Вновь арестован (4.10.1928) и препровожден в Ярославль, где в местном изоляторе отсидел в одиночной камере три года (до 7.10.1931). После освобождения уехал в Москву, где находился в молитвенном общении со старообрядцами. Новый арест и новая ссылка, на этот раз в Алма-Ату (с 1.4.1932). Характерно, что в письмах этого периода владыка Андрей рекомендовал своим ученикам посещать собрания евангелистов (протестантов), когда там читалось и толковалось Священное Писание. Это, по его мнению, должно было способствовать укреплению веры, а также помочь осознать непреходящее значение Библии. 19.9.1932 епископ Андрей получил Святые Дары и миро от старообрядческого архиепископа Московского и всея Руси Мелетия. В письме, написанном 23.5.1933 предсовнаркома В.Молотову, он призывал главу советского правительства дать возможность созвать собор, целью которого будет «нравственное оправдание социализма». Сведения о дальнейшей судьбе Владыки противоречивы. По одним данным, он после возвращения в Москву из среднеазиатской ссылки некоторое время жил там в старообрядческой архиепископии, а затем был выслан в Архангельскую область, где и завершил свой жизненный путь в 1944 году. По другим, более достоверным, данным, в 1934 г. он был приговорен к трем годам тюремного заключения, которое отбыл в Ярославской тюрьме. Там же вновь приговорен (27.3.1937) к лишению свободы, а 4.9.1937 расстрелян.

² - Митрополит Крутицкий Евсевий (Никольский, 1861–18.1.1922) – родился в Тульской губернии в семье священника.

В 1855 г. окончил Московскую Духовную Академию. Пострижен в монахи (1893), тогда же рукоположен в иеромонаха. Хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии (26.1.1897). Епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский (4.10.1897); Владивостокский и Камчатский (1.1.1899; с 6.5.1906 – архиепископ). С 1916 г. архиепископ Владивостокский и Приморский. За годы своего правления построил на Дальнем Востоке более ста храмов. Участник Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг., после которого остался в Москве в связи с невозможностью вернуться назад из-за начавшейся гражданской войны. Митрополит Крутицкий, временно управляющий Московской Патриаршей областью (1920). Скончался в Москве. Погребен у Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

³ - Епископ Благовещенский и Приамурский Иннокентий (Солодчин, 1842–23.10.1919) – родился в семье священника Рязанской губернии. После окончания Томских Духовных училища и Семинарии, а также Санкт-Петербургской Духовной Академии (1863) поступил в Алтайскую Духовную миссию, где состоял учителем Улалинского миссионерского училища. Трудился в Забайкальской миссии (с 16.2.1874). Пострижен в монахи (30.11.1876). Возведён в сан игумена (1889) и архимандрита (1893). Миссионерское служение сочетал с преподавательской работой. Настоятель Томского Алексеевского монастыря (31.8.1898). Хиротонисан во епископа Благовещенского и Приамурского (9.2.1899). На покое (24.9.1900). Проживал в одном из монастырей Таврической епархии. Принял схиму с именем Иоанн.

⁴ - Архиепископ Владимирский и Суздальский Алексей (Дородницын, 22.11.1859–1919) – родился в с. Успенское Славяносербского уезда Екатеринославской губернии в семье дьячка. Окончил Екатеринославскую Духовную Семинарию и Московскую Духовную Академию (1885) со степенью кандидата богословия. Учитель Херсонского Духовного училища (1886). Боролся против распространения штундизма в Херсоне (с июня 1890). Присвоена степень магистра богословия (1891) за сочинение «Церковно-законодательная деятельность Карла

Великого». Помощник строителя Бахмутского Духовного училища (1892). Епархиальный миссионер Екатеринославской епархии (1894); преподаватель обличительного богословия Черниговской Духовной семинарии. Пострижен в монахи (1902); посвящен в иеромонаха. Инспектор Ставропольской Духовной семинарии (1902). Ректор Литовской Духовной Семинарии (1903). Хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии (30.5.1904). Епископ Елисаветградский, викарий Херсонской епархии (18.7.1905) и одновременно ректор Казанской Духовной Академии, доктор церковной истории (март 1910). Епископ Чистопольский,, викарий Казанской епархии (27.8.1905); Саратовский и Царицынский (17.1.1912). Архиепископ Владимирский и Суздальский (30.7.1914). Весной 1917 г. съездом духовенства снят с епархии «за деспотическое» управление и дерзкое обращение с: духовенством. За попытку захватить церковную власть на Украине и объявить автокефалию запрещён в служении (1918). Скончался, примирившись с Церковью. Отпет в Новосибирске.

⁵ - Равноапостольный Николай (Касаткин, 13.8.1836 – 3.2.1912), архиепископ Японский – родился в бедной семье диакона Димитрия Касаткина в с. Березовка Смоленской губернии. Блестяще окончив Санкт-Петербургскую Духовную Академию (1860), принял монашеский постриг и отправился миссионером в Японию. Был настоятелем православной церкви при Русском консульстве в Хакодате. В 1868 г. зародилась Японская Православная Церковь, а в 1870 г. о. Николай назначается начальником Российской Духовной миссии в Японии. Хиротонисан во епископа Японского (1880), заложил в японской столице собор во имя Воскресения Христова (1884). На пожертвование Императора Николая II, сделанное им, когда он был ещё Наследником Престола, основал в Токио Духовную семинарию (1897). «Епископ Николай, – пишет писатель его жития, – сделал для японцев то же самое, что святые равноапостольные Кирилл и Мефодий для славян: он создал для них христианский язык и стремился поднять их до понимания евангельского и богослужебного языка». Накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. «встревоженные

возможностью войны со своими единоверцами, православные японцы обратились к своему Епископу. Он ответил им, что они по присяге обязаны исполнять свой воинский долг, но воевать – совсем не значит ненавидеть неприятеля, это значит – защищать своё Отечество. Патриотизм завещал нам Сам Спаситель, скорбевший об участи Иерусалима». Японское правительство, взяв под защиту Миссию и её сотрудников, разрешило свт. Николаю и священникам (которые все были японцы) окормлять русских военнопленных. Характерно, что во время войны никто из японцев не отпал от веры; более того, они продолжали принимать крещение (в 1905 г. крестилось 627 человек). Росло и число сотрудников Миссии. Никто в России не понял Японского святителя так хорошо, как Император Николай II. По окончании войны Царь писал ему: «Вы явили перед всеми, что Православная Церковь Христова, чуждая мирского владычества и всякой племенной вражды, одинаково объемлет любовью все племена и языки. В тяжкое время войны, когда оружие брани разрывает мирные отношения народов и правителей, Вы, по завету Христову, не оставили вверенного Вам стада, и благодать любви и веры дала Вам силу выдержать огненное испытание и посреди вражды бранной удержать мир веры и любви в созданной Вашими трудами Церкви...» Святителю был вручен орден св. блгв. Вел. Кн. Александра Невского (9.10.1906). По желанию Царя-Мученика Святитель был возведён в сан архиепископа (24.3.1906). Прославлен Русской Православной Церковью (10.4.1970).

⁶ - Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского, по его собственноручным записям. Ч. 1. СПб., 1996. С. 4.

⁷ - Митрополит Нестор, камчатский миссионер// Надежда. Христианское чтение. Вып. 7. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 53.

⁸ - Там же. С. 57.

⁹ - Там же. С. 53–54.

¹⁰ - Как это ни парадоксально, много лет спустя, уже в Маньчжурии, владыку Нестора за его сыновнее отношение к

Московской Патриархии и к Родине – России, облеченной насильниками-богоборцами в красную хламиду СССР, голословно обвиняли в принадлежности к... масонству.

- 11 - Колокол. СПб. 29 9.1909.
- 12 - Там же.
- 13 - Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910. М.: РОССПЭН, 1998. С. 473.
- 14 - Там же. С. 480.
- 15 - Там же. С. 492.
- 16 - Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910. М.: РОССПЭН, 1998. С. 494.
- 17 - Там же. С. 510.
- 18 - Сергей Михайлович Лукьянов (23.8.1855–2.09.1935) – обер-прокурор Святейшего Синода (5.2.1909–2.5.1911), тайный советник, сенатор. Родился в Москве. Окончил Военно-медицинскую академию. Работал при клинике профессора С.П. Боткина в лабораториях профессоров Гольца и Гоп-пе-Зейлера (Страсбург), в Лейпциге и Геттингене. Доктор медицины (1883). Приват-доцент по кафедре общей патологии. Экстраординарный профессор Варшавского университета (1886). Директор Института экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге (1894). Совецательный член Медицинского совета Министерства внутренних дел (1897). Преподаватель кафедры судебной медицины Училища правоведения (1898). Член Комиссии по вопросу о реформе средней общеобразовательной школы (1900). Товарищ министра народного просвещения (1902–1905). Член Государственного совета (1904).
- 19 - Устав 1910 г., поднесенный Царю-Мученику, см. в Царском фонде архива: ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Е. х. 2313. Лл. 15–23. За указание на это дело благодарю Г.Б. Кремнева.
- 20 - Владимир Карлович Саблер (с 1914 г. взял фамилию жены – Десятовский; 1845 или 1847–1929) – сын штаб-лекаря и дворянки Тульской губернии. После окончания юридического факультета Московского университета был привлечен К.П. Победоносцевым к службе по духовному ведомству в качестве юрисконсульта. Оставил службу в

Святейшем Синоде (6.5.1905) из-за разногласий с Победоносцевым – противником восстановления Патриаршества. Назначен членом Государственного совета. Действительный тайный советник, сенатор. Обер-прокурор Святейшего Синода (2.5.1911–1913). Человек обновленческого духа, весьма пристрастный в характеристиках, протопресвитер военного и морского духовенства Г.И. Шавельский, тем не менее, говорил о нем: «В.К. Саблер был оригинальнейшим обер-прокурором. Он всегда был другом архиереев... Но он был другом и всего духовного и особенно монашеского чина. Его приёмная всегда была переполнена монахами и монахинями, игуменами и игумениями, архимандритами и протоиереями. Ревность к делу у В.К. не оставляла желать большего. Он был занят каждый день, очень часто принимал посетителей после 12 часов ночи, всё время, казалось, дышал церковностью». В имении Саблеров, в 15 верстах от Каширы, была создана женская богословская семинария, рассчитанная на 500 девочек, с 6-летним курсом обучения; выпускницам предоставлялось право преподавания Закона Божия в общеобразовательных школах. В апреле 1918 г. В.К. Саблер был репрессирован; под усиленным конвоем его доставили в Москву из-под Новочеркасска, где он был арестован. Из ЧК его скоро выпустили «за отсутствием состава преступления». Проживая в начале 1920-х гг. в Москве на Поварской, он влачил жалкое существование. Саблер прекрасно знал Патриарха Тихона, ценил его чрезвычайно высоко, но считал, что политика Церкви должна быть более гибкая, более лояльная в отношении «внешних», и в связи с этим большие надежды возлагал на митрополита Сергия (Страгородского). В конце жизни, будучи уже древним старцем, он был сослан в Тверь, где, обречённый на медленную муку, он голодал, ютясь в церковной сторожке.

²¹ - Степанов С. Между миром и монастырем. Жизненный путь князя Николая Жевахова//Православие или смерть! Публицистический альманах. Вып. 14.; Чёрная сотня. М., 2000. С. 33. Со ссылкой на: ЦГИА. Ф. 753. Камчатское Православное братство. Оп. 1. Е. х. 6. Лл. 1–4. См., также:

Список основателей Братства//ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Е. х. 2313. Лл. 7–10.

22 - Там же. С. 23.

23 - Епископ Арсений (Жадановский, 6.3.1874 – 27.9.1937) – родился в с. Писаревка Харьковской губернии в семье священника. Окончил харьковские духовные училище (1888) и Семинарию (1894). Учитель Осиновской церковно-приходской школы Харьковской епархии (1894). Надзиратель-репетитор в Сумском Духовном училище (26.1.1896). Пострижен в мантию в Святогорской Успенской пустыни Харьковской епархии (17.7.1899). Рукоположен в иеродиакона (14.8.1899) и иеромонаха (9.5.1902). Учился в Московской Духовной Академии (1.10.1899 – 1903), которую закончил со степенью кандидата богословия. Казначей Московского Чудова монастыря (2.9.1903). Наместник (26.3.1904). Возведён в сан архимандрита (27.3.1904). Открыл при обители Московский отдел Камчатского миссионерского братства (1911), публикуя материалы о его деятельности в издававшемся им журнале «Голос Церкви» (1912 – 1917). Хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии (8.6.1914). В 1918 – 1919 гг. проживал в Серафимо-Знаменском скиту, основанном его духовной дочерью схиигуменией Фамарью (Марджанишвили), вместе с архимандритом (впоследствии епископом) свщмч. Серафимом (Звездинским). С 1923 г. епархией не управлял. В общественных богослужениях участия не принимал. Проживал в подмосковных и нижегородских обителях. Неоднократно арестовывался (1931, 1932, 1933, 1937). Расстрелян в посёлке Бутово под Москвой на полигоне НКВД. См. о нем: «Свете тихий». Жизнеописание и труды епископа Серпуховского Арсения (Жадановского) Сост. С.В. Фомин. Т. 1. М.: Паломник, 1996.

24 - Свете Тихий. Жизнеописание и труды епископа Серпуховского Арсения (Жадановского), Сост. С.В. Фомин. Т. 1 М.: Паломникъ, 1996. С. 411.

25 - Святитель Макарий (Парвицкий-Невский, 1.10.1835 – 16.2/2.3.1926), митрополит Московский и Коломенский – старец-митрополит, выдающийся миссионер, просветитель

алтайского народа (его называли «Сибирским столпом Православия», «Апостолом Алтая»). Родился в с. Шапкине Ковровского уезда Владимирской губернии в семье пономаря. После окончания Тобольской Духовной Семинарии (1854), в которой он получил прозвание Невский, поступил в состав Алтайской Духовной миссии. Приняв монашество и будучи рукоположен во иеромонаха (1861), трудился над устройением Чулышмановского монастыря (1861–1864), работал в Казани над грамматикой алтайского языка, издал на нем ряд богослужебных и святоотеческих книг (1868 – 1869). Начальник Алтайской Духовной миссии, архимандрит (1883). Хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии (12.2.1884). Епископ Томский и Семипалатинский (26.5.1891); Томский и Барнаульский (18.2.1895; с 6.5.1906 – архиепископ). Архиепископ Томский и Алтайский (17.10.1908). Митрополит Московский и Коломенский, член Святейшего Синода (25.11.1912). Почётный член Санкт-Петербургской Духовной Академии (1913). Революционным обер-прокурором Святейшего Синода Львовым антиканонично уволен на покой (20.3.1917). Местом пребывания определен Николо-Угрешский монастырь. Святителем Тихоном митрополиту Макарию дарован почётный пожизненный титул митрополита Алтайского (август 1920). Скончался в пос. Котельники Московской губернии. В 1956 г. останки Святителя (по свидетельству очевидцев – нетленные) были перенесены в Сергиев Посад и упокоены под Успенским собором Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Канонизирован на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 13–16.8.2000.

²⁶ - [Иеромонах Нестор.] Православие в Сибири. (Исторический очерк.) В память основания Камчатского Православного братства во имя Нерукотворенного Образа Всемиловитого Спаса. СПб., 1910. С. 65.

²⁷ - Архиепископ Нафанаил (Львов). Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. 5. Нью-Йорк: Комитет русской православной молодежи за границей. 1995. С. 211–212.

²⁸ - ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Е. х. 4816. Лл. 1–2 об. Автор выражает благодарность Г.Б. Кремневу, взявшему на себя труд

скопировать данное письмо.

²⁹ - Доклад архимандрита Нестора о войне//Новое время. СПб. 9/22.12.1915. № 14279. С. 5.

³⁰ - Заря. Харбин. 1.11.1936. №296. С. 9.

³¹ - Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М. 1997. С. 69.

³² - Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 2. М., 1994. С. 369.

³³ - Несмелов А. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М., 1990. С. 300, 302.

³⁴ - Всероссийский церковно-общественный вестник. 15.11.1917.

³⁵ - Встречается и написание Иудин. – Ред.

³⁶ - Встречаются разные написания: старое – Гермоген, новое – Ермоген. – Ред.

³⁷ - [Июдин А.И.] Воспоминания о революционных событиях с 1 ноября 1917 года и роли духовенства/Московский Кремль, осаждённый революцией. Октябрь-ноябрь 1917 г. Свидетельства очевидцев. Публ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 1997. № 3. С. 66.

³⁸ - Всероссийский церковно-общественный вестник. 15.11.1917.

³⁹ - Расстрелянные Святые. Москва. 27 октября – 3 ноября 1917 г. Сост. С.В. Фомин // Град-Китеж. М., 1992. № 4 (9). С. 9.

⁴⁰ - Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 3. М., 1994. С. 67, 82.

⁴¹ - Там же. С. 75.

⁴² - Епископ Нестор Камчатский. Расстрел Московского Кремля. 27-го октября – 3-го ноября 1917 года. (С 48-ю фотографиями). Изд. 2-е. Токио, 1920. См. в нашем изд. с. 409.

⁴³ - Там же.

⁴⁴ - Из письма М.В. Нестерова А.В. Жиркевичу. Нестеров М.В. «Продолжаю верить в торжество русских идеалов» // Наше наследие. 1990. № 3. С. 21–22.

- ⁴⁵ - Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге». 1909–1930. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 1. С. 67.
- ⁴⁶ - Несмелов А. Указ. соч. С. 305–306.
- ⁴⁷ - [Денисов А.И.] Первые дни Февральской и Октябрьской революций 1917 года в Московском Кремле / Московский Кремль, осаждённый революцией. Октябрь-ноябрь 1917 г. Свидетельства очевидцев. Публ. М.И.Одинцова // Исторический архив. 1997. № 3. С. 75.
- ⁴⁸ - Блок А. Интеллигенция и революция. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1982. Т. 4. С. 235.
- ⁴⁹ - Словно подтверждение всемогущества Божия рядом с предполагаемой могилой Блока сохранилась могила 40 мучеников – священников и мирян, замученных той самой властью, которую приветствовал поэт и которая вроде бы должна была заботиться о памяти своего певца.
- ⁵⁰ - Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 3. С. 122–123.
- ⁵¹ - Там же. С. 123–125.
- ⁵² - Сосуд избранный. История российских духовных школ. 1888–1932. СПб., 1994. С. 203–204.
- ⁵³ - Епископ Нестор Камчатский. Расстрел Московского Кремля. М.: Столица, 1995. С. 31.
- ⁵⁴ - Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 5. М., 1996. С. 375.
- ⁵⁵ - Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 2000. С. 266.
- ⁵⁶ - Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 2000. С. 265.
- ⁵⁷ - Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 160–161.
- ⁵⁸ - Там же. С. 164.

⁵⁹ - Посетивший Патриарха Тихона перед отъездом на юг России весной 1918 года генерал князь Г.И. Трубецкой вспоминал: «... Я не просил разрешения Патриарха передать благословение его войскам Добровольческой армии, и Святейшему Тихону не пришлось мне в этом отказывать, но я просил разрешения Его Святейшества передать от его имени благословение лично одному из видных участников Белого движения, при условии соблюдения полной тайны. Патриарх, однако, не счёл и это для себя возможным, настолько он держался в стороне от всякой политики...» (Руль. Берлин. 1923. 17 июля).

⁶⁰ - Е.Б. ещё раз о Державной иконе Божией Матери // Православная Русь. Джорданвилль. 1967. № 8. С. 9.

⁶¹ - Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль, 1974. С. 250.

⁶² - Отвечая на вопросы следователя А.Я. Агранова, 5 марта 1923 г. Патриарх Тихон заявил: «27/XI 1917 г. во время моего служения в Знаменском монастыре (в то время в Москве заседал Собор) ко мне обратился служивший со мной Литургию Тобольский епископ Гермоген с просьбой вынуть частицы из поданной им мне просфоры за Николая, Александру, Алексея, Ольгу и прочих. Я, вынимая частицы, спросил у Гермогена: “Это, вероятно, за бывшего Государя с Семейей?” Гермоген ответил: “Да, я с собой это отвезу Государю”. Через несколько дней Гермоген уехал в Тобольск, так как сессия Церковного Собора заканчивалась в первых числах декабря 1917 г.» (Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2000. С. 227). Давая советы, как половчее построить обвинения против Святителя, главный атеист страны советов Губельман-Ярославский писал весной 1923 г. заместителю наркома юстиции Н. В. Крыленко: «5) Связь Патриарха с [Императором] Николаем. Письмо еп. Гермогена к тов. Белобородову (в Екатеринбурге). Воспоминания Вырубовой-Танеевой с письмами [Императрицы] Александры, которая подтверждает соглашения с [Патриархом] Тихоном» (там же, с. 262). Всё сказанное нашло отражение в

так называемом Обвинительном заключении Верховного суда РСФСР по делу Патриарха Тихона 1923 г. (там же, с. 319).

⁶³ - Хвалин А. Восстановление монархии в России. Приамурский Земский Собор 1922 года. (Материалы и документы.) М., 1993. С. 30. Со ссылкой: Государственный архив Приморского края. Ф. 1368. Оп. 1. Е. х. 3. Л. 28.

⁶⁴ - С.П. Мельгунов делает к этому инициалу примечание: «Не Минятов ли?» (Мельгунов С. Судьба Императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж, 1951. С. 251). Далее он уточняет, что присяжный поверенный Константин Александрович Минятов «в январе принимал участие в снаряжении экспедиции Соловьева», в мае 1918 г. прибыл в Сибирь и вскоре погиб «в связи с делом еп. Гермогена» (там же, с. 359).

⁶⁵ - Соколов К. Попытка освобождения Царской Семьи (декабрь 1917 г. – февраль 1918 г.) // Архив русской революции. Т. 17. Берлин. 1926. С. 280–283. Подробный обзор этой попытки см. в кн.: Мельгунов С. Судьба Императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж, 1951. С. 228–229, 250–255.

⁶⁶ - Мельгунов С. Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1951. С. 250.

⁶⁷ - Георгиевский Н. Светлой памяти моего духовного отца. Митрополит Нестор (Анисимов) – просветитель Камчатки / / Десятина. 2000. № 13 (46). С. 4.

⁶⁸ - Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 7. М., 1999. С. 108.

⁶⁹ - Там же. С. 99–100.

⁷⁰ - Церковные ведомости. 1918. № 9–10. С. 366.

⁷¹ - Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 7. С. 101–102.

⁷² - Там же. С. 102.

⁷³ - Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 7. С. 102.

⁷⁴ - Там же. С. 103.

- 75 - Там же. С. 103–104.
- 76 - Там же. С. 113.
- 77 - Там же. С. 103.
- 78 - Российская Церковь в годы революции (1917–1918). Сборник. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 194.
- 79 - В своё время Владыка, будучи игуменом, принимал участие в освящении Обители Милосердия Великой Княгини.
- 80 - Российская Церковь в годы революции (1917–1918). Сборник. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 194. С. 195.
- 81 - Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 7. С. 147.
- 82 - Церковные ведомости. 1918. № 9–10. С. 365–366.
- 83 - Российская Церковь в годы революции. С. 233.
- 84 - См. Церковные ведомости. 1918. № 15–16. С. 518–519.
- 85 - Заря. Харбин. 1.11.1936. №296. С. 9.
- 86 - О пребывании Императрицы Марии Феодоровны и других членов Дома Романовых в Крыму см.: Князь Ф.Ф. Юсупов. Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887–1919. В изгнании. М., 1998. С. 231–243, 250–252; Великий Князь Александр Михайлович. Воспоминания. Две книги в одном томе. М., 1999. С. 282–297; Ден Л. Подлинная Царица. Воррес Йен. Последняя Великая Княгиня. М., 1998. С. 307–317; Кудрина Ю.В. Императрица Мария Феодоровна (1847–1928 гг.): Дневники. Письма. Воспоминания. М., 2000. С. 169–206, 233–238.
- 87 - По сообщению журнала «Луч Азии» (1937. № 26. Октябрь), в Омск епископ Нестор добрался из Крыма через Индию.
- 88 - Тубанов С. Церковь на службе врагов народа. Свердловск. 1940. С. 44. Датировка статьи газеты 4 декабря 1918 г. является, видимо, ошибкой. Поскольку известно, что Владыка 1/14.12.1918 г. был в Киеве. Впрочем, такую же

датировку см. в кн.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М. 1991. С. 162–163.

⁸⁹ - Заметим, кстати, что миссия «объединения» как нельзя больше подходила епископу Нестору (он продолжал исполнять её, как мы убедимся далее, в 1930-х годах, но уже в отношении эмигрантских церковных кругов). Видимо, недаром путь его в Омск проходил через Киев, Одессу, Крым и Дальний Восток. Немалую роль в укреплении авторитета епископа Нестора в Омске сыграл и его авва – епископ Андрей (Ухтомский), занимавший видное положение на Сибирском Поместном Соборе 1918 г., – член Сибирского Временного Высшего Церковного Управления, руководивший духовенством 3-й армии адмирала А.В. Колчака. – С . Ф .

⁹⁰ - Православная Русь. Джорданвилль. 1975. № 14. С. 9.

⁹¹ - Правильно РОСТА – Российское телеграфное агентство. – С . Ф .

⁹² - Следственное дело Патриарха Тихона. С. 94–96.

⁹³ - Архиепископ Иоанн (Шаховской). Интервью по случаю 80-летия //Вестник Русского христианского движения. № 137. Париж, 1982. С. 279–280. О других свидетельствах этого чуда см. в статье: Паламарчук П. Перед картой России //Москва. 1998. № 1. С. 197.

⁹⁴ - Жизнь за всех и смерть за всех. Записки личного адъютанта Верховного правителя адмирала А.В. Колчака ротмистра В. В. Князева. Джорданвилль, 1971. С. 20–23; Паламарчук П.Г. Сорок сороков. Т. 1. М., 1992. С. 107; Георгиевский Н. Светлой памяти моего духовного отца. Митрополит Нестор (Анисимов). С. 4. К сожалению, само письмо Патриарха Тихона адмиралу А.В. Колчаку, приводимое В.В. Князовым, вызывает большие сомнения в аутентичности (см. его публикацию П.Г. Паламарчуком в журнале «Москва». 1998. № 1. С. 52).

⁹⁵ - Эйнгорн И. Союз несбывшихся надежд. Церковь и контрреволюция в Сибири //Наука и религия. 1987. № 2. С. 23.

- 96 - Монахиня Сергия (Клименко). Минувшее разворачивает свиток... //Благо. 1998. С. 109–110.
- 97 - Хвалин А. Указ. соч. С. 43, 45, 52.
- 98 - Атаман Семенов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М., 1999. С. 249.
- 99 - Хвалин А. Указ. соч. С. 64
- 100 - Россия перед Вторым пришествием. (Материалы к очерку Русской эсхатологии.) Изд. 3-е испр. и расширенное. Сост. С.В. и Т.И. Фомины. СПб., 1998. С. 159.
- 101 - Хвалин А. Указ. соч. С. 82, 84.
- 102 - Там же. С. 81.
- 103 - Ещё осенью 1918 г. адъютант Великого Князя рассказывал в семье Львовых, что Великий Князь Михаил Александрович «спасся и направляется на Восток» (Архиепископ Нафанаил (Львов). Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. 5. Нью-Йорк, 1995. С. 225). В мае 1921 г. известный на Дальнем Востоке генерал барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг (1885–1921), выступая из Урги на север, отдал «Приказ русским отрядам на территории советской Сибири»: «Россию надо строить заново, по частям. Но в народе мы видим разочарование, недоверие к людям. Ему нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя лишь одно,— законный хозяин Земли Русской Император Всероссийский Михаил Александрович, видевший шатанье народное и словами Своего Высочайшего Манифеста мудро воздержавшийся от осуществления своих державных прав до времени опаматования и выздоровления народа русского». На трёхцветном Российском знамени. знаменитой Азиатской конной дивизии Унгерна золотом было выткано «Михаил II». Некоторое представление о мыслях барона могут дать вот эти отрывки из его личных писем: «Я знаю, что лишь восстановление Царей спасёт испорченное Западом человечество. Как земля не может быть без Неба, так и государства не могут жить без Царей». «Лично мне ничего не надо. Я рад умереть за восстановление монархии хотя бы и не своего государства, а другого». «По моему мнению, каждый честный воин должен стоять за честь и

добро, а носители этой чести – Цари. Кроме того, ежели у соседних государств не будет Царей, то Они будут взаимно подтачивать и приносить вред одно другому...» «Единственно, кто может сохранить правду, добро, честь и обычаи, так жестоко попираемые нечестивыми людьми – революционерами, Это Цари. Только они могут охранить религию и возвысить веру на земле. ... Самое наивысшее воплощение идеи Царизма – это соединение; божества с человеческой властью, как был Богдыхан в Китае, Богдохан в Халхе (Сев. Монголия. – Ред.) И в старые времена – Русские Цари». (Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. М., 1993. С. 139, 225, 226, ,230).

104 - Воля России. Прага. 5.12.1920.

105 - Хвалин А. Указ соч. С. 132–134.

106 - Хвалин А. Указ соч. С 74–75.

107 - Вечер. Владивосток. 21.8.1922.

108 - Хвалин А. Указ. соч. С. 93.

109 - См. Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 5.

262–263.

110 - Хвалин А. Указ соч. С. 154–155.

111 - Там же. С. 96–97.

112 - См. Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ соч. Т. 5.

С. 263–265; Несмелов А. Указ. соч. С. 272–280.

113 - Территория на северо-востоке современного Китая, являющаяся бассейном рек Ган, Дербул и Хаул и ограниченная с севера Амуром, с юга и востока – Сунгари, с Запада – Аргунью. На западе, севере и востоке эта территория граничила с землями Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. Большая часть русского населения бежала сюда из Сибири и Приморья после 1922 г.

114 - Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992. С. 60.

115 - Только с 1922 по 1945 г. в Маньчжурии было построено 48 православных храмов, в том числе 23 в Харбине. По другим данным, в период с 1917 по 1924 г. в том же Харбине возвели 13 церквей. Во всех храмах Маньчжурии служили около

460 священников (Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917– 1924 гг.). М., 1997. С. 67).

¹¹⁶ - Митрополит Мефодий (Герасимов, 1856–15/28.3.1931) – после окончания Казанской Духовной Академии (1882) принял монашеский постриг (1886). Хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии (2.6.1894). Епископ Забайкальский и Нерчинский (24.12.1898); Томский и Алтайский (20.12.1912); Оренбургский и Тургайский (30.7.1914). Возведён в сан архиепископа (1918). В эмиграции (1919). Архиепископ Харбинский и Маньчжурский (1920). Возведён в сан митрополита (1929).

¹¹⁷ - Впоследствии в архиерейский сан в качестве викариев Харбинского митрополита были посвящены протоиерей Николай Вознесенский (епископ Хайларский Димитрий), архимандрит Ювеналий (Килин) (епископ Цицикарский) и протоиерей Леонид Викторов (епископ Никандр). Архиепископ Ювеналий (Иоанн Кельсиевич Килин, 1875–28.12.1958) – поступил в Белогорский Свято-Николаевский монастырь близ Перми (1896). Заведовал Белогорским подворьем в Перми (1904). Строитель Спасо-Преображенской Фаворской пустыни (1909). После революции и гражданской войны настоятель Казанско-Богородицкого монастыря в Харбине в сане архимандрита. Хиротонисан во епископа Синьцзянского (16.2.1935) с пребыванием в Урумчи. Военная обстановка не позволила ему проехать в Синьцзян. Выехал в Пекин, где исполнял различные поручения Православной Миссии. Вернулся в Харбин (1940). Епископ Цицикарский (май 1945). Воссоединился с Московской Патриархией (октябрь 1945). Епископ Шанхайский (1946). На покое (январь 1947). Епископ Челябинский и Златоустовский (12.5.1947); Иркутский и Читинский (3.6.1948). Архиепископ Омский и Тюменский (21.2.1949); Ижевский и Удмуртский (31.7.1952). Скончался, приняв схиму с именем Иоанн. Архиепископ Никандр (Викторов, 16.8.1961) – хиротонисан во епископа Цицикарского, викария Харбинской епархии (22.9.1946). Епископ Харбинский и Маньчжурский, управляющий Восточноазиатским экзархатом (1952); Курский (7.2.1956); Архангельский и Холмогорский

(1956). Архиепископ (25.2.1957). Архиепископ Ростовский и Новочеркасский (16.3.1961).

¹¹⁸ - Митрополит Мелетий (Заборовский, t 6.4.1946) – хиротонисан во епископа Барнаульского, викария Томской епархии (21.11.1908). Епископ Якутский и Вилюйский (23.2.1912); Забайкальский и Нерчинский (26.1.1916). Епископ Харбинский (1929). Митрополит Харбинский и Маньчжурский (1939).

¹¹⁹ - См. Следственное дело Патриарха Тихона. С. 405, 408, 411–412.

¹²⁰ - Известия. 19.2.1930.

¹²¹ - Имеется в виду отколовшийся в 1920-х годах от Зарубежного Синода митрополит Евлогий (Георгиевский) с приверженцами. Это был так называемый «Парижский раскол», организованный при участии «русских» масонов, – С.Ф.

¹²² - Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль, 1988. С. 246.

¹²³ - Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 3. С. 118.

¹²⁴ - Этот чудотворный образ, позднее перенесенный в Свято-Николаевский собор в Харбине, к сожалению, не избежал общей участи святынь, оставшихся в Китайской Народной Республике. Во время «культурной революции» 23 августа 1966 г. он был сожжён хунвэйбинами на огромном костре (Священник Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997 гг.) . М., 1998. С. 164).

¹²⁵ - Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 3. С. 116.

¹²⁶ - На месте (лат .).

¹²⁷ - Стефан Дж. Указ. соч. С. 65–66.

¹²⁸ - Там же. С. 399.

¹²⁹ - Константин Владимирович Родзаевский (1907 – 30.8.1946) – родился в Благовещенске в семье нотариуса. В 1925 г. бежал в Маньчжурию. Генеральный секретарь созданной в 1931 г. в Харбине Русской фашистской партии (с 1934 г. – Всероссийская фашистская партия, с 1938 г. – Российский

фашистский союз; распущен японцами в 1943 г.), ставившей себе целью борьбу с «антирусской властью» в России. По свидетельству современников, Родзаевский был человеком глубокой православной веры. В результате операции МГБ в октябре 1945 г. захвачен советскими спецслужбами. Расстрелян.

- 130 - Стефан Дж. Указ. соч. С. 367.
- 131 - К юбилею архиепископа Нестора. Интересные воспоминания Владыки//Заря. Харбин. 30.10.1936. №294. С. 5.
- 132 - Там же.
- 133 - Вараксина Л. А. Харбинский Дом Милосердия – приют для неприкаянных душ // Словесница искусств. Журнал Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры. Хабаровск, 2000. № 6. С. 23.
- 134 - Архиепископ Мефодий. О знамении обновления святых икон. М.: Паломникъ, 1999. С. 61–62.
- 135 - Там же, С. 58.
- 136 - Там же. С. 58–60.
- 137 - Протопресвитер Александр Киселев. Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории. Н. У. 1976. С. 113.
- 138 - Заря. Харбин. 30.10.1936. №294. С. 5.
- 139 - Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М., 1997. С. 70.
- 140 - Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). С. 106.
- 141 - См. Стефан Дж. Указ. соч. С. 67.
- 142 - Столица Чанчунь; переименована в Синьцзин (Новая столица). Ровно через два года (1.3.1934) была провозглашена Маньчжурская империя (Маньчжудиго). Позже (1.3.1937) последовало объявление наследственной монархии с императором Пу И во главе.
- 143 - См. Стефан Дж. Указ. соч. С. 84.
- 144 - Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 3., С. 127–128/
- 145 - Стефан Дж. Указ. соч. С. 87–88.
- 146 - Стефан Дж. Указ. соч. С. 61.

- 147 - Денежная единица в Маньчжоуго. – С.Ф
- 148 - Вараксина Л.А. Указ. соч. С. 23.
- 149 - Заря. Харбин. 30.10.1936. №294. С. 5.
- 150 - Через всю свою жизнь пронес Владыка почитание Царственных Мучеников. Вот как, например, описывает харбинская газета «Заря» празднование 20-летия пребывания архиепископа Камчатского и Петропавловского Нестора в сане епископа 19 октября (1 ноября) 1936 г.: «...Владыка совершил в храме Дома Милосердия всенощную и по окончании её панихиду по Императоре Николае II, Августейшем Покровителе Камчатского Братства Наследнике Алексее Николаевиче, всей Царской Семье, почившим архипастырям, принимавшим участие в хиротонии – митрополите Евсевии, епископе Павле, и о. Иоанне Кронштадтском по случаю дня его Ангела [прп. Иоанна Рыльского]. Юбилейное торжество началось... Литургией, которую совершал высокий юбиляр в сослужении с причтом и городским духовенством. Владыка был в облачении, пожалованной ему [Императором. Николаем II] в день хиротонии» (Заря. Харбин. 2.11.1936. № 297. С. 5).
- 151 - Архиепископ Нафанаил (Львов, 17/30.8.1906–26.10/ 8.11.1985) – родился в Москве. Учился в Петербургской гимназии, Бугурусланском и Томском реальных училищах. Окончил Харбинское реальное училище (1922). Рабочий на КВЖД (1922–1929). Учился на вечерних богословских курсах (1928–1939), а впоследствии на богословском факультете Свято-Владимирского института. Принял монашеский постриг (1929). Рукоположен во иеромонаха (1929). Законоучитель в детском приюте при Доме Милосердия в Харбине. Игумен (1933). Редактор в Харбине журнала «Православный голос» (1934–1937). В качестве секретаря и келейника владыки Нестора предпринял ряд миссионерских путешествий. Жил среди христиан Южной Индии (1935–1936). Архимандрит (1936). Начальник Православной миссии на Цейлоне (1937–1939). Вступил в братство преп. Иова Почаевского в Ладомировой на Карпатах в Словакии (1939). Помощник настоятеля монастыря преп. Иова. Редактор журналов «Православная Русь» (1939–1945) и «Детство во Христе» (1939–1944). Настоятель

Воскресенского собора в Берлине (1945). Хиротонисан в епископа Брюссельского и Западноевропейского (1946). Находился в Англии (1951), Тунисе (1952). Преподавал Ветхий и Новый Завет в монастыре преп. Иова (1953–1956). Окормлял приходы в Маннгейме и Берлине (с 1954). Настоятель монастыря преп. Иова в Мюнхене (1966). Временно управлял Австрийской епархией (1971). Епископ Венский и Австрийский (1976). Возведён в сан архиепископа (1981). Скончался в обители преп. Иова. Погребён на русском кладбище в Висбадене.

152 - По странному стечению обстоятельств двоюродным дедом его был Алексей Федорович Львов (1798–1870) – автор Русского народного гимна «Боже, Царя храни».

153 - Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 3. С. 125–126.

154 - Там же. С. 135–136.

155 - Солоны – дальневосточная народность. – С.Ф.

156 - Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 3. С. 136–140.

157 - Митрополит Филарет (Вознесенский, 8/21.11.1985) хиротонисан во епископа Брисбенского (13/26.5.1963). Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви (1965–1985).

158 - Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 3. Т. 4. С. 76.

159 - Там же.

160 - Валаам Христовой Руси. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000. С. 542.

161 - Впоследствии в сане архимандрита стал настоятелем монастыря в Магопаке (США).

162 - Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 4. С. 78, 81, 82.

163 - Trewin J.C. The House of Special Purpose. N.Y., 1975. P. 143–144. Пер. Н. Ганиной.

164 - Trewin J.C. The House of Special Purpose. N.Y., 1975. P. 144. Пер. Н. Ганиной.

¹⁶⁵ - В докладной записке Владыки в Совет по делам Русской Православной Церкви с отчетом о поездке в Англию (в записи под 15 июня) читаем: «В 2 ч. м[итрополит] Николай с делегатами посетил русскую церковь св. Филиппа (евлогианской ориентации), где м[итрополит] Николай выступил с большой речью к русским, проживающим в Лондоне. Речь была принята восторженно. ... В результате этого выступления в русской церкви принята в Московскую юрисдикцию (из карловацкой группы) церковь св. Варфоломея в Оксфорде во главе с настоятелем архимандритом Николаем Гриббсом [sic!], который со значительной частью своих прихожан прибыл в лондонскую русскую церковь к выступлению в ней м[итрополита] Николая» (ГАРФ. Ф. 6991. Е. х. 26. Лондон – Москва: межцерковный диалог. Обмен делегациями Англиканской и Русской Православной церквей. 1943–1945 гг. Публ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 1995: № 1. С. 105).

¹⁶⁶ - См. публикацию этих писем в указ. кн. Тревина. Р. 133–134, 146–147.

¹⁶⁷ - Trewin J.C. The House of Special Purpose. N.Y., 1975. Р. 145–146. Пер. Н. Ганиной.

¹⁶⁸ - Архимандрит Константин (Зайцев, 1886–1975) – зарубежный духовный писатель. С 1950 г. редактировал такие известные православные периодические издания, как «Православная Русь», «Православная жизнь» и «Православный путь», выходившие в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (США).

¹⁶⁹ - Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо Русской истории / Сост. С.В. Фомин. М., 2000. С. 817.

¹⁷⁰ - См.: Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 3. С. 129–132.

¹⁷¹ - Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 5. С. 106–107.

¹⁷² - Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). С. 267.

¹⁷³ - Там же. С. 246.

- 174 - Полчанинов Р. Варнава, Патриарх Сербский (1880–1937 гг.) // Православная Русь. Джорданвилль, 1995. М? 17. С. 6, 14.
- 175 - Цитируется неточно. – Ред.
- 176 - Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 3. С. 78.
- 177 - Там же. С. 79–80.
- 178 - Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 3. С. 80.
- 179 - Там же. С. 80–81
- 180 - Протоиерей Николай Вознесенский бежал из СССР, где жил в Благовещенске. В Харбине он был настоятелем храма Иверской иконы Божией Матери. Его сыном был иеромонах Филарет (впоследствии митрополит). Постриженный в монахи с именем Димитрий, он вскоре был хиротонисан во епископа Хайларского (1934). В 1944 г. был возведён в сан архиепископа. В сентябре 1946 г. ушёл на покой. Скончался 31 января 1947 г. Свидетельством его любви к молитве остался составленный им в 1943 г. «Молитвослов для усердствующих», недавно переизданный (М.: Православный молитвослов, 1999). – С.Ф.
- 181 - Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 3. С. 81.
- 182 - Там же. С. 86–87.
- 183 - Архиепископ Иоанн (Разумов). Патриарх Сергей и его значение в истории Русской Православной Церкви. Машинопись. Псков. С. 319.
- 184 - Владыка Нестор был лично знаком с Патриархом Варнавой. Около 1934 г. Предстоятель Сербской Церкви вручил архиепископу Нестору драгоценный дар для Скорбященского храма в Харбине – гробницу со святыми мощами святителя Арсения I (1266), архиепископа Сербского. Перу Владыки принадлежит изданное им «Житие святителя Арсения» (Харбин, 1934) и акафист Святителю, «одобренный к служению Патриархом Сербским Варнавой». После отъезда в Австралию архимандрита Филарета (Вознесенского) Камчатское подворье и Дом Милосердия были закрыты 23 февраля 1962 г. Во время

последовавшей затем «культурной революции» в Китае было уничтожено большинство храмов, исчезли многие чтимые святыни. Известна фотография «Перенесение мощей святителя Арсения Сербского в Харбине, 31 мая 1965 г.» (Священник Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997 гг.). М., 1998. С. 159, 160).

¹⁸⁵ - Маевский В. Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 155.

¹⁸⁶ - Воспоминания владыки Василия (Родзянко) // Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 2000. С. 214.

¹⁸⁷ - Маевский В. Указ. соч. Т. 2. С. 154.

¹⁸⁸ - Епископ Платон Чигиринский (Рождественский, 23.2.1866–20.4.1934) – овдовевший сельский священник (поступил в Киевскую Духовную Академию в 1891 г.), пострижен в монахи в 1894 г. С 1902 г. – ректор Киевской Духовной Академии, 3.6.1902 хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии, был настоятелем Киево-Братского монастыря. С 8.6.1907 – архиепископ Алеутский и Северо-Американский. С 1914 г. – архиепископ Кишиневский и Хотинский, в 1915–1917 гг. – архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии. Именно он благословил Великого Князя Николая Николаевича просить св. Императора Николая II об отречении. Участник Собора 1917–1918 гг. С 9/22.2.1918 – митрополит Одесский и Херсонский. В 1920 г. эмигрировал в США. В сентябре 1923 г. свт. Тихоном назначен управляющим Северо-Американской епархией с освобождением от управления Одесской и Херсонской епархией в России. Назначен на эту же кафедру Синодом Русской Православной Церкви Заграницей. С 16.1.1924 уволен свт. Тихоном от управления Северо-Американскими приходами, однако приказа не выполнил и продолжал управлять епархией. В 1923 г. объявил Американскую Церковь автономной. 16.8.1933 запрещен в священнослужении митрополитом Сергием. Скончался в расколе, не покайсявшись. 19.4.1946, вменяя

просьбе паствы митрополита Платона, Святейший Патриарх Алексий разрешил совершать панихиды по митрополиту Платону.

189 - Воспоминания владыки Василия (Родзянко). С. 213–214.

190 - Протоиерей Митрофан Зноско-Боровский. В защиту правды. Статьи 1952–1977. Нью-Йорк, 1983. С. 97.

191 - Воспоминания владыки Василия (Родзянко). С. 215.

192 - В курсе (фр.).

193 - Один из приходов, которые он посетил, был храм Святителя Филиппа в Лондоне, настоятелем которого был отец Николай (Гиббс), постриженный в монахи и рукоположенный в священный сан архиепископом Нестором ещё в Харбине. Во время приезда Владыки в Лондон в 1938 г. он возвёл о. Николая в сан архимандрита (4 /17 апреля, в Вербное воскресенье), вручив ему митру (это был первый православный англичанин, удостоившийся столь высокой церковной награды). – С.Ф.

194 - Примечательны при этом церковные взгляды самого Е.В. Саблина – старого царского дипломата, выраженные им в том же письме: «Я в этом году в церковь не ходил и слушал заутреню и обедню по радио с рю Дарю. И думалось мне, что как было бы хорошо, если бы слова божественного утешения и вообще вся служба церковная преподносились бы нам из какого-то центрального невидимого места, как подаётся нам газ или электричество». («Чему свидетели мы были...» Переписка бывших Царских дипломатов. 1934–1940 гг.: Сб. документов. В 2 кн. Кн. 2. М.: Гея, 1998. С. 85).

195 - Там же.

196 - Там же.

197 - Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ. соч. Т. 5. С.

8.

198 - Отсюда другое название этих несториан, утвердившихся в Индии, – фомиты. О пребывании епископа

Нестора в Индии и на Цейлоне пишем, используя сведения, содержащиеся в труде митрополита Мануила (Лемешевского, 12.8.1968), в свою очередь пользовавшегося неопубликованными воспоминаниями Владыки «Путешествие в Индию и на Цейлон».

199 - Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 85.

200 - Сингалозэцы (или сингалы) – основная коренная национальность на о. Цейлон.

201 - Митрополит Нестор (Анисимов). Мои воспоминания. Материалы к биографии, письма. Подготовка текста и публикация М.И. Одинцова. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 180–181.

202 - Там же. С. 182–183.

203 - Архиепископ Нестор. Пушкин и современность // Вятские епархиальные ведомости. 1994. Июнь. Публикация В. Сергеева.

204 - Иероглиф «оцу» [ ] может означать «второй», «последний», «странный», «изысканный». Между прочим, так называется город в Японии, в котором 29.4.1891 г. произошло покушение на будущего Царя-Мученика Николая II. См. об этом: Денисьевский М. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича. С подробностями злодейского покушения 29 апреля в г. Оцу. СПб., 1891; Злодейское покушение японца Сандзо Цуда // Русский вестник. СПб., 1891. № 8. С. 322–324; С нами Бог! Премудрый вторично сохранил нам жизнь Наследника Цесаревича от угрожавшей Его Императорскому Высочеству страшной опасности в Японии от руки злоумышленника. М., 1891; Беклемишев Н. Описание покушения на жизнь Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича в г. Отсу. СПб., б. г.; Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891. Т. 3. С. 1–49 . – С.Ф.

205 - Стефан Дж. Указ. соч. С. 364.

206 - Там же. С. 85.

207 - Государственный архив Хабаровского края (в дальнейшем Г А Х К). Ф . Р-830. Оп. 3. Е. х. 1069. Л. 11 об. Пользуясь случаем, автор благодарит священника Дионисия Поздняева за возможность использования найденных им документов из Хабаровского архива.

208 - ГАХК. Ф . Р-830. Оп. 3. Е. х. 1069. Л. 11.

209 - Там же. Л . 18. 2.5.1938.

210 - Там же. Л . 21. 3.5.1938

211 - ГАХК. Ф . Р-830. Оп. 3. Е. х. 1069. Л. 17. 29.7.1938.

212 - Присяжный поверенный Василий Федорович Иванов в годы гражданской войны был министром внутренних дел в дальневосточном правительстве братьев Меркуловых. Впоследствии он стал одним из видных деятелей дальневосточной правой эмиграции. Труды его о масонстве, часто содержащие непроверенные сведения, а порой и вздорные слухи, не выдерживают элементарной научной критики. Тем не менее, они в последнее время неоднократно переиздавались. В предисловиях к ним автора именуют не иначе как «крупнейшим русским исследователем масонства». – С,Ф.

213 - ГАХК. Ф . Р-830. Оп. 3. Е. х. 1069. Л. 24. 29.8.1938.

214 - Один из районов Харбина, располагавшийся на юго-востоке от Нового города. Построили его русские эмигранты уже после революции. В составлявших его маленьких деревянных домиках с резными наличниками жили люди с умеренным достатком. Именно на территории этого района находился и Дом Милосердия.

215 - Не знаем, принес ли покаяние владыке Нестору прот. Аристарх Пономарев. Возможно, у него была личная антипатия к Владыке, не угасшая и после разоблачения клеветы (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Е. х. 1069. Л. 26). Судя по его рапортам, касающимся положения дел в Маньчжурии и позднее направленным в ОВЦС Московской Патриархии, от него вполне можно было получить сведения для решения послевоенной участи митрополита Нестора.

216 - ГАХК. Ф . Р-830. Оп. 3. Е. х. 1069.. Л. 25. 13.8.1938.

- 217 - ГАХК. Ф . Р-830. Оп. 3. Е. х. 1069. С. 27. 28.7.1938.
- 218 - Григорий Михайлович Семенов (1890–30.08.1946) – сын казака Забайкальского казачьего войска. Участник Германской войны. Награждён орденом св. вмч. Георгия 4-й степени и золотым Георгиевским оружием. Есаул. После революции возглавил борьбу с большевиками в Забайкалье, объявив себя в начале 1919 г. атаманом Забайкальского казачьего войска. Продолжал антибольшевицкую борьбу даже после вынужденного ухода за границу в сентябре 1921 г. После второй мировой войны был схвачен советскими спецслужбами. Казнён.
- 219 - Шкаренков Л.К. Агония Белой эмиграции. Изд. 2-е. М., 1986. С. 173.
- 220 - ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Е. Х. 1069. Л. 24. 29.8.1938.
- 221 - Там же. Л. 37. 10.5/1939.
- 222 - Протоиерей Иоанн Петелин. Письмо Патриарху Московскому и всея Руси Алексию 1 от 24 марта 1945. // ив ОВЦС Московской Патриархии. Д , .№[39. Цит. по га.: Священник Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997 гг.). М., 1998. С, 88.
- 223 - Православный путь. Джорданвилль, 1970. С. 25.
- 224 - Цит. по ст.: Диакон Иоанн Хайдаров. Харбинские. архиереи и поклонение Аматерасу в Маньчжурской империи // Китайский благовестник. М., 2000, № 2. С. 20.
- 225 - См.: Там же. С. 21.
- 226 - Дьяков И.А. Аматерасу. Правда о пережитом в Трехречье за веру , и отчизну // Священник Дионисий Поздняев. Указ. соч. С. 189. См. также отд.; изд.; Дьяков И.А. О пережитом в Маньчжурии за веру и Отечество. Записки православного. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000.
- 227 - Православный путь. Джорданвилль, 1970. С. 25.
- 228 - Дьяков И.А. Аматерасу. С: 180.
- 229 - Там же. С. 226.
- 230 - Цит. по ст.: Диакон Иоанн Хайдаров. Харбинские- архиереи и поклонение Аматерасу и Маньчжурской империи.

С.:21.

- 231 - Там же. С. 23.
- 232 - Там же. С. 22–23
- 233 - Там же. С. 23.
- 234 - Архимандрит Константин (Зайцев). Указ. соч. С.

17–18.

- 235 - Архимандрит Константин (Зайцев). Указ. соч. С. 26.
- 236 - Там же.
- 237 - Священник Андрей Голиков, С. Фомин. Кровью
убелённые. Мученики и исповедники Северо-Запада России и
Прибалтики (1940–1955). М.: Паломникъ, 1999. С. XLII.
- 238 - Архиепископ Нафанаил (Львов). Указ соч. Т. 3. С.

133.

- 239 - Несмелов А. Указ. соч. С. 118.
- 240 - Стефан Дж. Указ. соч. С. 370–371.
- 241 - В течение почти что пяти лет император Пу И
находился в СССР. Затем был передан властям КНР по их
просьбе. Там он до 1959 г. находился в заключении в особом
лагере. Позднее, амнистированный, стал депутатом
Всекитайского народно-политического консультативного совета.
Работал в ботаническом саду Академии наук КНР. Известны его
мемуары. Скончался в 1967 г. – С.Ф.

- 242 - Стефан Дж. Указ. соч.. С. 372–373, 375, 377, 395,
399.

243 - Журнал Московской Патриархии. 1945. № 9. С. 5–
6.

- 244 - Священник Дионисий Поздняев. Указ. соч. С. 90.
- 245 - Там же. С. 109–110.
- 246 - «В 1922 г., – пишет отец Дионисий Поздняев, –
Харбинская епархия была выделена из Владивостокской
епархии Заграничным Высшим Церковным Управлением, её
правлящим архиереем был назначен архиепископ Мефодий .
Открытие Харбинской епархии было фактически признано
Всероссийской церковной властью: её не приписывали к
соседней Пекинской епархии и не назначали в Харбин нового

архиерея. Владивостокским архиереям Харбинская епархия не подчинялась. Вместе с тем Московская Церковная власть не подчиняла Харбинскую епархию каким-либо иерархам, находившимся за рубежом. Епархия эта, выделившаяся из состава Владивостокской, подобно Благовещенской, должна была быть рассматриваема как каноническая территория Русской Православной Церкви, находящаяся в пределах Китая. Вопрос о выделении Харбинской епархии в самостоятельную стоял ещё в 1907 г., поднимался он и на Поместном Соборе 1917–1918 гг. С 1907 г. в составе Владивостокской епархии существовало Харбинское благочиние, не подчинявшееся Духовной Миссии в Китае, хотя и находившееся на его территории» (Священник Дионисий Поздняев. Православие в Китае, 1900–1997 гг. М., 1998.).

247 - Священник Дионисий Поздняев. Указ. соч. С. 112.

248 - Таким образом, сведения об аресте Владыки в Москве, когда он сошёл с трапа самолета, распространённые в том числе и в мемуарных заметках, следует признать недостоверными. Документы об обстоятельствах ареста см. в Приложениях к книге.

249 - Священник Дионисий Поздняев. Указ. соч. С. 112.

250 - Эти панихиды Владыка совершал во время пребывания тел мучеников в Харбине. В последнее время появилось безосновательное утверждение, что «на исходе гражданской войны он вывез святые мощи Великой Княгини Елисаветы и её келейницы Варвары с Урала на Святую землю» (Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви. 1917–1997 гг. М., 1997. С. 402). В действительности сделал это игумен Серафим (Кузнецов, 1873–1959). См. предисл. к кн.: Игумен Серафим (Кузнецов). Православный Царь-Мученик/Сост. С.В. Фомин. –М.: Паломникъ, 1997.

251 - См. Краснов-Левитин А. Воспоминания. В поисках нового града. Тель-Авив, 1980. С. 180.

252 - Люди Божии. Рассказы отца Серафима // Духовный собеседник. Журнал Самарской епархии Русской Православной Церкви. 1995. № 4. С. 32–33.

- 253 - Георгиевский Н. Указ. соч. С. 4.
- 254 - Рассказ А. Георгиевского и его ст.: Камчатский миссионер // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 11. С. 32; Hermanowicz T. Chiny – Sybir – Moskwa. Wsomnienia misjonarzazfagrow Sowiejch. London. 1966. S 14–15, 63, 88; Mitr. Manuil (Lemeševskii). Die Russischen orthodoxen Bischöfe von 1893–1965. T. 5. Erlangen. 1987. S. 42, 47.
- 255 - Молитва всех вас спасёт. Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост. О.В. Косик. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. 2000. С. 25.
- 256 - Митрополит Нестор (Анисимов). Указ. соч. С. 184.
- 257 - Там же. С. 185.
- 258 - Георгиевский Н. Указ. соч. С. 4.
- 259 - Архиепископ Даниил (Юэвьюк, 2.10.1880–27.8.1965) – окончил Духовную Семинарию. Преподаватель Виленской Духовной Семинарии (1925–1939). Секретарь митрополита. Литовского и Виленского Елевферия (1939). Пострижен в мантию (апрель 1942). Рукоположен во иеромонаха: Хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской митрополии (1942). Архиепископ (май 1944). Временно управляющий Виленской и Литовской епархией. Находился в лагере перемещённых лиц в Чехословакии (май 1945). Архиепископ Пинский и Брестский (30.12.1945). Арестован (1949). Освобожден (1955): На покое (с 1956). – С.Ф.
- 260 - Схиерископ Пётр (Потайий Трофимович Ладыгин, 1.12.1861–2.6.1957) – родился в г. Глазове. После прохождения воинской, службы уехал на Афон, где поступил в Андреевский монастырь. Пострижен в мантию с именем Питирим (1880): Рукоположен в иеромонаха (1889). Настоятель Андреевского подворья в Одессе (1910). Арестован (1923). В ссылке в Уфе (1923). В Уфимских лесах основал скит. В Ссылке на ст. Теджен в Таджикистане (1925). Хиротонисан архиепископом Андреем (Ухтомским) И епископом Львом (Черепановым) во епископа Нижегородского и Уржумского (8.6.1925). Находился под следствием по делу уфимского духовенства (1926). Постригся в

схиму с именем Пётр (21.4.1927). Арестован (декабрь 1928) и приговорен к 3 годам лагерей (1931–1933). На нелегальном положении: в Глазове (1934–1937), Калуге (1937–1940), в Белорецке (1940–1945). Арестован в Уфе (1945). Приговорен к 5 годам ссылки в Среднюю Азию, Скрывался в горах. На нелегальном положении в Белоруссии и на Кубани (1949–1951). Скончался в Глазове. – С. Ф.

²⁶¹ - Митрополит Серафим (Лукьянов, 18.2.1959) – хиротонисан во епископа Сердобольского, викария Финляндской епархии (7.9.1914). Епископ Финляндский и Выборгский (17.1.1918). Архиепископ (1920). Глава автономной Православной Церкви в Финляндии (1921). Сведен с кафедры за нежелание переходить под омофор Константинопольского Патриарха (1923). В юрисдикции Зарубежной Церкви (1927). Воссоединился с Московской Патриархией (31.8.1945). Экзарх Западной Европы в сане митрополита (9.8.1946). Арестован (15.11.1949). – С.Ф.

²⁶² - Епископ Феодор (Текущее, 1908–3.4.1985) – хиротонисан во епископа Аргентинского (1943). Епископ Сан-Францисский и Калифорнийский (июль 1952). На покое (с ноября 1956). Проживал в Псково-Печерском монастыре. – С. Ф.

²⁶³ - Епископ Иоанникий (Сперанский, 31.12.1885–2.11.1969) – окончил С.-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия (1912). Рукоположен во иеромонаха (27.5.1919). Настоятель Новгородского Антониева монастыря. Тайно хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии (27.5.1923). Временно управлял Новгородской епархией (1923–1924). В заключении в новгородской тюрьме (1926–1927). Епископ Орловский (29.4.1931). В заключении (31.12.1931). Выслан в Красноярск (1941). Временно управлял Красноярской епархией (декабрь 1947). Проживал на покое в Кицканском монастыре Кишиневской епархии (с 1956). Позднее – в Псково-Печерском монастыре. – С. Ф.

²⁶⁴ - Люди Божии. С. 26–28.

²⁶⁵ - Митрополит Нестор (Анисимов). Указ. соч. С. 186.

- 266 - Люди Божии. С. 28–29.
- 267 - Протоиерей Борис Пивоваров. Церковь и консолидация гражданского общества // Исторический вестник. № 9–10. М., 2000. С. 100.
- 268 - Молитва всех вас спасет. С. 499.
- 269 - Люди Божии. С. 29.
- 270 - Там же.
- 271 - Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви. 1917–1997 гг. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 403.
- 272 - Георгиевский Н. Указ. соч. С. 4.
- 273 - Молитва всех вас спасет. С. 546.
- 274 - Там же. С. 550. Письма П.Н. Савицкого находятся в архиве Православного Свято-Тихоновского Богословского Института.
- 275 - Игуменья Елевферия (1965) – подвижница высокой духовной жизни. Духовная дочь уже упоминавшегося нами схиепископа Петра (Ладыгина). Из 106 лет земной жизни 103, не считая нескольких лет тюремного заключения, подвизалась в киевских обителях. Насельница, а потом игуменья известного своим строгим уставом Киевского Введенского женского Монастыря. После закрытия обители (1962), уже будучи глубокой старицей, доживала свой век в Киевском Покровском женском монастыре. Старицу весьма чтит Патриарх Алексий (Симанский). Перед кончиной пострижена в схиму с именем Михаила. Тело её покоится в Киеве на Зверинецком кладбище. – С.Ф.
- 276 - Люди Божии. С. 29–32.
- 277 - Запись О.Т. Ковалевской.
- 278 - Митрополит Нестор (Анисимов). Указ. соч. С. 189–190.
- 279 - Георгиевский Н. Указ. соч. С. 4.
- 280 - Георгиевский А.С. Клейма // Слово. 1995. № 1–2. С. 22–23.
- 281 - Люди Божии. С. 33–34.

- 282 - Георгиевский Н. Указ. соч. С. 4.
- 283 - Люди Божии. С. 34.
- 284 - Георгиевский Н. Указ. соч. С. 4.
- 285 - Люди Божии. С. 34–35.
- 286 - В послевоенные годы она была вывезена из Харбина и помещена в особом киоте в Синодальном соборе Зарубежной Церкви в Нью-Йорке. «Когда последний настоятель храма Дома Милосердия архимандрит Филарет [Вознесенский] (ныне митрополит), – пишет протопресвитер Александр Киселев, – также после больших затруднений выехал из Харбина в Австралию, а оттуда в США, обновлённый образ продолжал оставаться, как и другие святыни, в этом храме, который был закрыт после отъезда настоятеля, а его святыни и утварь перешли в распоряжение китайского правительства. После долгих, напряженных и трудных хлопот исполнявшей в последние годы обязанности церковного старосты З.Л. Тауц-Зверевой удалось добиться разрешения на вывоз святынь за границу. И только осенью 1965 года, во время поездки владыки митрополита Филарета в Европу, обновлённый образ, после длительного пребывания в Гонконге, был отправлен в США...» (Протопресвитер Александр Киселев. Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории. N. V., 1976. С. 114)
- 287 - Место упокоения владыки Нестора под сенью Подворья Лавры Преподобного Сергия глубоко символично. Дело в том, что, по личному свидетельству Митрополита, в августе 1948 года (уже после ареста!) он посылал Патриарху Алексию «на рассмотрение и утверждение исправленный текст акафиста Преподобному Сергию Радонежскому» (Mitr. Manuil (Lemeševskii). Die Russischen orthodoxen Bischöfe von 1893. T. 5. Erlangen. 1987. S. 45). – С. Ф.
- 288 - Владыка Леонид (Поляков) скончался в сане митрополита 8 сентября 1990 г. – С.Ф.
- 289 - «В конце отпевания, – вспоминал присутствовавший при этом Н. Георгиевский, – происходившего в Преображенской церкви Подворья Троице-Сергиевой Лавры, в Переделкино, в боковой вход, расположенный у ворот дачи

Патриарха, вошли Святейший Патриарх Алексей (Симанский) и Д.А. Остапов. Патриарх испытывал недомогание, как я помню, в этот день, поэтому отпевал Владыку архиепископ Можайский Леонид с сонмом духовенства» (Георгиевский Н. Светлой памяти моего духовного отца. Митрополит Нестор (Анисимов) – просветитель Камчатки. С. 4). – С.Ф.

290 - Журнал Московской Патриархии. 1962. № 12.

291 - Люди Божии. С. 29.

292 - Митрополит Нестор, Камчатский миссионер // Надежда. Христианское чтение. Вып. 7. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 69.

293 - Судьба дневника, о котором пишет владыка Нестор, неизвестна.

294 - Имеется в виду Патриарх Алексей I (Симанский Сергей Владимирович), Предстоятель Русской Православной Церкви с 1945-го по 1970 г. Воспоминания владыка Нестор начал писать, как следует из текста, в 1961 г.

295 - По петровской Табели о рангах чин статского советника принадлежал к V классу и соответствовал воинскому чину бригадира, то есть между генерал-майором (IV класс) и полковником (VI класс).

296 - Епископ Варсонофий (Курганов, 1839–8.1.1904) – сын священника Пензенской епархии. После окончания Пензенских Духовных училища и Семинарии (1856) и рукоположения во иерея (26.10.1857) служил около 10 лет в родном селе (до смерти жены). По окончании Казанской Духовной Академии (1870) оставлен при ней помощником инспектора. Удостоен степени кандидата (1872) и магистра (1873) богословия. Законоучитель Казанского учительского института (1876). Возведён в сан протоиерея (30.4.1887). Ректор Орловской Духовной семинарии (3.2.1889). Пострижен в монахи (27.2.1889). Ректор Казанской Духовной Семинарии (25.2.1891). Хиротонисан во епископа Великоустюжского, викария Вологодской епархии (21.6.1892). Епископ Глазовский, викарий Вятской епархии (10.12.1894), настоятель Вятского Успенского монастыря. Почётный член Казанской Духовной Академии

(1903). Внёс крупное пожертвование для учреждения стипендии имени Высокопреосвященного Никанора (Бровковича), архиепископа Херсонского и Одесского (бывшего ректора Казанской Духовной Академии). По мысли жертвователя, на проценты с этого капитала должен был содержаться «один из беднейших студентов духовного звания, отличающийся благонравием и успехами». Епископ Варсонофий скончался в Вятке от воспаления лёгких.

²⁹⁷ - Митрополит Одесский и Херсонский Борис (Вик, 28.8.1906–16.4.1965) – уроженец г. Саратова. Рукоположен во иерея (1930). Хиротонисан во епископа Нежинского, викария Черниговской епархии (2.4.1944). Епископ Черниговский и Нежинский (апр. 1945); Саратовский и Вольский (13.1.1947); Чкаловский и Бузулукский (4.3.1949); Берлинский и Германский (26.9.1950; с 24.10.1951 – архиепископ). Архиепископ Алеутский и Североамериканский, Экзарх Северной и Южной Америки (11.11.1954); Херсонский и Одесский (25.2.1956; с 25.2.1959 – митрополит). Экзарх Северной и Южной Америки до 16.6.1962.

²⁹⁸ - Евреи, исповедующие староталмудический иудаизм с большим влиянием учения саддукеев, чтители Пятикнижия Моисеева. Противостоят иудейскому раввинизму, формировавшемуся, начиная с конца I в. н. э. В России караимы небольшими группами жили в Крыму, на Украине, в Литве, Польше.

²⁹⁹ - Архиепископ Андрей (князь Ухтомский, 26.12.1872–4.9.1937) – родился в с. Вослома Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии. Окончив 5 классов гимназии, поступил (1887) в Нижегородский имени гр. Аракчеева кадетский корпус, по окончании которого был принят в Московскую Духовную Академию (1891). Определён учителем русского языка в 1-й класс Казанского Духовного училища (9.11.1895). Пострижен в монахи (2.12.1895), рукоположен в иеромонаха (6.12.1895). Инспектор Александровской миссионерской семинарии (1897), наблюдатель Казанских миссионерских курсов в сане архимандрита (1899). Хиротонисан (4.10.1907) во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии (был первым Казанским викарием по делам

миссионерства). С 25.6.1911 – епископ Сухумский, а с 22.12.1913 – епископ Уфимский и Мензелинский. Духовником епископа Андрея был владыка Антоний (Храповицкий). Играл видную роль в «революционном Синоде» 1917 г. Участвовал в созванном в Омске (1918) Сибирском Поместном Соборе, где был избран в созданное на Соборе Временное Высшее Церковное Управление, руководил духовенством III армии адмирала А.В.Колчака. Арестован большевиками в Новониколаевске (фев. 1920), но через десять месяцев выпущен, после особого заявления, в котором Владыка «раскаивался в прежних нападках на советскую власть за её декрет об отделении Церкви от государства»; направлен в Уфу «под надзор верующих». В программе созданного там Уфимского братства, в частности, говорилось: «...Через церковное единение славянства идти к единению Вселенской Церкви и будущему VIII Вселенскому Собору». В 1921 г. назначен епископом Томским, но к месту служения не поехал. Арестован в феврале 1922 г. «за произнесение проповеди, в которой призывал крестьян организоваться в крестьянские союзы»; этапирован в Москву на Лубянку, где был выпущен на свободу для лечения (!). В том же году Московский ревтрибунал постановил прекратить дело Владыки «за недостатком улик». В 1922–1928 гг. во исполнение благословения свт. Тихона явно и тайно поставил (хиротонисал) ряд архиереев. В 1923 г. сослан в Среднюю Азию (Ташкент, Педжент, Ашхабад). 28.8.1925 в молитвенном доме ашхабадской старообрядческой общины во имя Святителя Николая епископ Андрей принял миропомазание от старообрядцев, перейдя таким образом в раскол, за что Патриаршим Местоблюстителем Петром (Полянским), митрополитом Крутицким; запрещён в священнослужении (13/26.4.1928); Осенью 1927 г. арестован в Москве и выслан в Казахстан, в Кзыл-Орду. Вновь арестован (4.10.1928) и препровожден в Ярославль, где в местном изоляторе отсидел в одиночной камере три года (до 7.10.1931). После освобождения уехал в Москву, где находился в молитвенном общении со старообрядцами. Новый арест и новая ссылка, на этот раз в Алма-Ату (с 1.4.1932). Характерно, что в письмах этого периода

владыка Андрей рекомендовал своим ученикам посещать собрания евангелистов (протестантов), когда там читалось и толковалось Священное Писание. Это, по его мнению, должно было способствовать укреплению веры, а также помочь осознать непреходящее значение Библии. 19.9.1932 епископ Андрей получил Святые Дары и миро от старообрядческого архиепископа Московского и всея Руси Мелетия. В письме, написанном 23.5.1933 предсовнаркома В.Молотову, он призывал главу советского правительства дать возможность созвать собор, целью которого будет «нравственное оправдание социализма». Сведения о дальнейшей судьбе Владыки противоречивы. По одним данным, он после возвращения в Москву из среднеазиатской ссылки некоторое время жил там в старообрядческой архиепископии, а затем был выслан в Архангельскую область, где и завершил свой жизненный путь в 1944 году. По другим, более достоверным, данным, в 1934 г. он был приговорен к трем годам тюремного заключения, которое отбыл в Ярославской тюрьме. Там же вновь приговорен (27.3.1937) к лишению свободы, а 4.9.1937 расстрелян.

³⁰⁰ - Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Канонизирован Русской Православной Церковью в 1990 г.

³⁰¹ - Равноапостольный Николай (Касаткин, 13.8.1836–3.2.1912), архиепископ Японский – родился в бедной семье диакона Димитрия Касаткина в с. Березовка Смоленской губернии. Блестяще окончив Санкт-Петербургскую Духовную Академию (1860), принял монашеский постриг и отправился миссионером в Японию. Был настоятелем православной церкви при Русском консульстве в Хакодате. В 1868 г. зародилась Японская Православная Церковь, а в 1870 г. о. Николай назначается начальником Российской Духовной миссии в Японии. Хиротонисан во епископа Японского (1880), заложил в японской столице собор во имя Воскресения Христова (1884). На пожертвование Императора Николая II, сделанное им, когда он был ещё Наследником Престола, основал в Токио Духовную семинарию (1897). «Епископ Николай, – пишет писатель его жития, – сделал для японцев то же самое, что святые равноапостольные Кирилл и Мефодий для славян: он создал

для них христианский язык и стремился поднять их до понимания евангельского и богослужебного языка». Накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. «встревоженные возможностью войны со своими единоверцами, православные японцы обратились к своему Епископу. Он ответил им, что они по присяге обязаны исполнять свой воинский долг, но воевать – совсем не значит ненавидеть неприятеля, это значит – защищать своё Отечество. Патриотизм завещал нам Сам Спаситель, скорбевший об участи Иерусалима». Японское правительство, взяв под защиту Миссию и её сотрудников, разрешило свт. Николаю и священникам (которые все были японцы) окормлять русских военнопленных. Характерно, что во время войны никто из японцев не отпал от веры; более того, они продолжали принимать крещение (в 1905 г. крестилось 627 человек). Росло и число сотрудников Миссии. Никто в России не понял Японского святителя так хорошо, как Император Николай II. По окончании войны Царь писал ему: «Вы явили перед всеми, что Православная Церковь Христова, чуждая мирского владычества и всякой племенной вражды, одинаково объемлет любовью все племена и языки. В тяжкое время войны, когда оружие брани разрывает мирные отношения народов и правителей, Вы, по завету Христову, не оставили вверенного Вам стада, и благодать любви и веры дала Вам силу выдержать огненное испытание и посреди вражды бранной удержат мир веры и любви в созданной Вашими трудами Церкви...» Святителю был вручен орден св. блгв. Вел. Кн. Александра Невского (9.10.1906). По желанию Царя-Мученика Святитель был возведён в сан архиепископа (24.3.1906). Прославлен Русской Православной Церковью (10.4.1970).

³⁰² - Митрополит Крутицкий Евсевий (Никольский, 1861–18.1.1922) – родился в Тульской губернии в семье священника. В 1855 г. окончил Московскую Духовную Академию. Пострижен в монахи (1893), тогда же рукоположен в иеромонаха. Хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии (26.1.1897). Епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский (4.10.1897); Владивостокский и Камчатский (1.1.1899; с 6.5.1906 – архиепископ). С 1916 г. архиепископ

Владивостокский и Приморский. За годы своего правления построил на Дальнем Востоке более ста храмов. Участник Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг., после которого остался в Москве в связи с невозможностью вернуться назад из-за начавшейся гражданской войны. Митрополит Крутицкий, временно управляющий Московской Патриаршей областью (1920). Скончался в Москве. Погребён у Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

³⁰³ - Архиепископ Казанский и Свияжский Димитрий (Самбикин, 1839–17.3.1908) – образование получил в Воронежской Духовной Семинарии и Санкт-Петербургской Духовной Академии (1865). Ректор Тамбовской Духовной Семинарии (1872). Пострижен в монашество и возведён в сан архимандрита (1877). Ректор Воронежской Духовной семинарии (1881). Хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии (4.1.1887). Епископ Балтский, викарий Подольской епархии (28.10.1887); Подольский и Брацлавский (13.12.1890); Тверской и Кашинский (2.11.1896; с 6.5.1898 – архиепископ). Архиепископ Казанский и Свияжский (26.3.1905). В 1907 г., в годы правления Владыки, в епархии было учреждено третье викариатство для епархиального миссионера, которым стал епископ Андрей (Ухтомский). Будучи замечательным учёным в области церковной истории и археологии, архиепископ Димитрий оставил после себя множество научных трудов.

³⁰⁴ - Епископ Благовещенский и Приамурский Иннокентий (Солодчин, 1842–23.10.1919) – родился в семье священника Рязанской губернии. После окончания Томских Духовных училища и Семинарии, а также Санкт-Петербургской Духовной Академии (1863) поступил в Алтайскую Духовную миссию, где состоял учителем Улалинского миссионерского училища. Трудился в Забайкальской миссии (с 16.2.1874). Пострижен в монахи (30.11.1876). Возведён в сан игумена (1889) и архимандрита (1893). Миссионерское служение сочетал с преподавательской работой. Настоятель Томского Алексеевского монастыря (31.8.1898). Хиротонисан во епископа Благовещенского и Приамурского (9.2.1899). На покое

(24.9.1900). Проживал в одном из монастырей Таврической епархии. Принял схиму с именем Иоанн.

305 - По воспоминаниям владыки Нестора, записанным его духовными детьми, кронштадтский пастырь «передал о. Нестору неполную бутылочку хереса, сказав при этом, что о. Иоанн велел ему передать, что он сам выпил половину этого, а ему надлежит испить вторую половину. Впоследствии на Камчатке в тяжёлые минуты болезни одна капля этого хереса являлась для о. Нестора лучшим лекарством» (Митрополит Нестор, Камчатский миссионер // Надежда. Христианское чтение. Вып. 7. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 53–54). – С.Ф.

306 - Епископ Благовещенский и Приамурский Владимир (Благодарумов, 3.4.1845–1914) – сын диакона Пензенской епархии. После окончания Пензенской Духовной Семинарии рукоположен во иерея и назначен священником в уездный город Городище (1866). После смерти супруги поступил в Казанскую Духовную Академию (1878). Принял монашество (1888), назначен преподавателем в Волынскую Духовную Семинарию. Редактировал «Почаевский листок». Преподавал Священное Писание в Кишинёвской Духовной Семинарии (1891). Возведён в сан архимандрита (1897). Старший цензор Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета. Хиротонисан во епископа Сарапульского, первого викария Вятской епархии (4.2.1901). Епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии (5.4.1902); Благовещенский и Приамурский (3.11.1906). На покое (25.5.1909). Магистр богословия, автор научных трудов.

307 - По данным Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона – 237266 кв. вёрст (или 472300 кв. км).

308 - Святитель Иннокентий (Попов-Вениаминов, 26.8.1797–31.3.1879), митрополит Московский и Коломенский. Прославлен Русской Православной Церковью 23.9.1977. (подробнее см. комм. 356 – ред.)

309 - Селение на Камчатке.

310 - Апапель – это открытое, по их понятию и верованиям, капище, холм, где пребывает злой дух, держащий в тисках своего влияния язычников. На этом холме могут

лежать жертвы в виде оленьих рогов, мяса, табака, убитых ездовых собак, умиловывая злого духа.

311 - Широкое распространение болезней среди животных.

312 - Маняла – кровь оленя – Ред.

313 - Святитель Макарий (Парвицкий-Невский, 1.10.1835–16.2/2.3.1926), митрополит Московский и Коломенский – старец-митрополит, выдающийся миссионер, просветитель алтайского народа (его называли «Сибирским столпом Православия», «Апостолом Алтая»). Родился в с. Шапкине Ковровского уезда Владимирской губернии в семье пономаря. После окончания Тобольской Духовной Семинарии (1854), в которой он получил прозвание Невский, поступил в состав Алтайской Духовной миссии. Приняв монашество и будучи рукоположен во иеромонаха (1861), трудился над устройением Чулышмановского монастыря (1861–1864), работал в Казани над грамматикой алтайского языка, издал на нём ряд богослужебных и святоотеческих книг (1868–1869). Начальник Алтайской Духовной миссии, архимандрит (1883). Хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии (12.2.1884). Епископ Томский и Семипалатинский (26.5.1891); Томский и Барнаульский (18.2.1895; с 6.5.1906 – архиепископ). Архиепископ Томский и Алтайский (17.10.1908). Митрополит Московский и Коломенский, член Святейшего Синода (25.11.1912). Почётный член Санкт-Петербургской Духовной Академии (1913). Революционным обер-прокурором Святейшего Синода Львовым антиканонично уволен на покой (20.3.1917). Местом пребывания определен Николо-Угрешский монастырь. Святителем Тихоном митрополиту Макарию дарован почётный пожизненный титул митрополита Алтайского (август 1920). Скончался в пос. Котельники Московской губернии. В 1956 г. останки Святителя (по свидетельству очевидцев – нетленные) были перенесены в Сергиев Посад и упокоены под Успенским собором Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Канонизирован на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 13–16.8.2000.

314 -

Епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский Мартиниан (Муратовский, 1820–5.7.1898) – родился в семье причетника Казанской епархии. По окончании Казанской Духовной Семинарии (1842) определён учителем в Свияжское Духовное училище. Пострижен в монашество (13.6.1845), рукоположен в иеродиакона (5.8.1845) и иеромонаха (3.3.1846). Смотритель Свияжского Духовного училища (1853), настоятель Свияжской Макарьевской пустыни (25.7.1856). Настоятель Иркутского Вознесенского монастыря в сане архимандрита (19.7.1861). Хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии (9.2.1869). Епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский (17.10.1877). В том же году заложил первый в епархии храм во имя святителя Иннокентия Иркутского при братской трапезе Корсунского монастыря. Епископ Таврический и Симферопольский (11.5.1885; с 14.5.1896 – архиепископ). Уволен на покой (19.1.1897). Скончался в Симферополе.

315 -

Епископ Благовещенский и Приамурский Владимир (Благоразумов, 3.4.1845–1914) – сын диакона Пензенской епархии. После окончания Пензенской Духовной Семинарии рукоположен во иерея и назначен священником в уездный город Городище (1866). После смерти супруги поступил в Казанскую Духовную Академию (1878). Принял монашество (1888), назначен преподавателем в Волынскую Духовную Семинарию. Редактировал «Почаевский листок». Преподавал Священное Писание в Кишиневской Духовной Семинарии (1891). Возведён в сан архимандрита (1897). Старший цензор Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета. Хиротонисан во епископа Сарапульского, первого викария Вятской епархии (4.2.1901). Епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии (5.4.1902); Благовещенский и Приамурский (3.11.1906). На покое (25.5.1909). Магистр богословия, автор научных трудов.

316 -

Архиепископ Владимирский и Суздальский Алексей (Дородницын, 22.11.1859–1919) – родился в с. Успенское Славяносербского уезда Екатеринославской губернии в семье дьячка. Окончил Екатеринославскую Духовную Семинарию и Московскую Духовную Академию (1885) со

степенью кандидата богословия. Учитель Херсонского Духовного училища (1886). Боролся против распространения штундизма в Херсоне (с июня 1890). Присвоена степень магистра богословия (1891) за сочинение «Церковно-законодательная деятельность Карла Великого». Помощник строителя Бахмутского Духовного училища (1892). Епархиальный миссионер Екатеринославской епархии (1894); преподаватель обличительного богословия Черниговской Духовной семинарии. Пострижен в монахи (1902); посвящён в иеромонаха. Инспектор Ставропольской Духовной семинарии (1902). Ректор Литовской Духовной Семинарии (1903). Хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии (30.5.1904). Епископ Елисаветградский, викарий Херсонской епархии (18.7.1905) и одновременно ректор Казанской Духовной Академии, доктор церковной истории (март 1910). Епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии (27.8.1905); Саратовский и Царицынский (17.1.1912). Архиепископ Владимирский и Суздальский (30.7.1914). Весной 1917 г. съездом духовенства снят с епархии «за деспотическое» управление и дерзкое обращение с духовенством. За попытку захватить церковную власть на Украине и объявить автокефалию запрещён в служении (1918). Скончался, примирившись с Церковью. Отпет в Новосибирске.

³¹⁷ - Архиепископ Казанский и Свияжский Никанор (Каменский, 1848–1910) – окончил Казанскую Духовную Академию. Хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии (1891). Епископ Смоленский и Дорогобужский (1896); Орловский и Севский (1899); Екатеринбургский и Ирбитский (1902); Гродненский и Брестский (1903). Архиепископ Варшавский и Привислинский (1905); Казанский и Свияжский (1908). Автор трудов: «Изображение Мессии в Псалтири», «Экзегетико-критическое исследование messiанских псалмов с кратким очерком учения о Мессии до пророка Давида», «Объяснение послания Апостола Павла» и др.

³¹⁸ - Архиепископ Казанский и Свияжский Димитрий (Самбикин, 1839–17.3.1908) – образование получил в

Воронежской Духовной Семинарии и Санкт-Петербургской Духовной Академии (1865). Ректор Тамбовской Духовной Семинарии (1872). Пострижен в монашество и возведён в сан архимандрита (1877). Ректор Воронежской Духовной семинарии (1881). Хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии (4.1.1887). Епископ Балтский, викарий Подольской епархии (28.10.1887); Подольский и Брацлавский (13.12.1890); Тверской и Кашинский (2.11.1896; с 6.5.1898 – архиепископ). Архиепископ Казанский и Свияжский (26.3.1905). В 1907 г., в годы правления Владыки, в епархии было учреждено третье викариатство для епархиального миссионера, которым стал епископ Андрей (Ухтомский). Будучи замечательным учёным в области церковной истории и археологии, архиепископ Димитрий оставил после себя множество научных трудов.

319 - Евсевий, митрополит Владивостокский и Приморский.

320 - Равноапостольный Николай (Касаткин, 13.8.1836 – 3.2.1912), архиепископ Японский.

321 - Митрополит Японский Сергий (Тихомиров, 1871–11.8.1945) – уроженец Новгородской губернии. Учился в Санкт-Петербургской Духовной Академии (1892–1896). Пострижен в монахи (1895), рукоположен во иеромонаха. Инспектор Санкт-Петербургской Духовной Семинарии (1896), архимандрит (1899). Ректор Санкт-Петербургских Духовных Семинарии и Академии (1905). Хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии (6.11.1905). Епископ Киотоский и помощник начальника Русской Духовной миссии в Японии (21.3.1908). Епископ Японский и начальник Русской Духовной миссии в Японии (19.5.1912). Архиепископ (1921). Митрополит (1931). На покое (4.9.1940).

322 - Выступ морского дна, иногда район рыболовства.

323 - Каюр – возница, который управляет собаками, везущими нарты. Способ управления прост. Каюр говорит собакам: ках-ках, кгхыр-кгхыр, тай-тай, поть-поть. Это означает –

направо, налево, быстрее, остановиться. Собаки понятливы и весьма послушны. (Прим, авт.)

324 - Аборигены Камчатки верили в духов тёмной силы Апапеля. Апапель, по их представлению, – это холм, где пребывает злой дух, который держит под своим влиянием всех жителей и все природные процессы. (Ред.)

325 - Это облачение тунгусы мне вышили оленьими жилами, окрашенными в разные цвета; краску они сами изготавливают из разных трав. Так же художественно они украшают и свой наряд. А коряки вышили орлец, который был вложен в гробницу с мощами святителя Иоасафа Белгородского (Горленко, 1705–1754, епископ Белгородский), когда в 1911 г. в Белгороде я принимал участие в его прославлении. (Прим, авт.)

326 - Притча о богаче и Лазаре (Лк. 16:19–31).

327 - Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Антоний (Вадковский, 3.8.1846–2.11.1912), первенствующий член Святейшего Синода – сын сельского священника Тамбовской губернии. После окончания Казанской Духовной Академии (1870) – профессор, магистр богословия, с 1874 г. – редактор «Православного собеседника». В 1883 г. пострижен в монахи, возведён в сан архимандрита. Инспектор Санкт-Петербургской Духовной академии (1885). Ректор (1887). Хиротонисан во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1892 г. получил самостоятельную Финляндскую кафедру. В 1895 г. утверждён в степени доктора церковной истории, избран почётным членом Казанской, Московской и Санкт-Петербургской Духовных академий. В 1898 г. возведён в сан митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского. Автор множества духовных сочинений.

328 - До 1917 года, в отсутствие в Русской Церкви Патриарха, митрополит С.-Петербургский имел в Святейшем Синоде статус «первоприсутствующего», т. е. главы.

329 - Сергей Михайлович Лукьянов (23.8.1855–2.9.1935) – обер-прокурор Святейшего Синода (5.2.1909–2.5.1911), тайный советник, сенатор. Родился в Москве. Окончил Военно-медицинскую академию. Работал при клинике профессора С.П.

Боткина в лабораториях профессоров Гольтца и Гоппе-Зейлера (Страсбург), в Лейпциге и Геттингене. Доктор медицины (1883). Приват-доцент по кафедре общей патологии. Экстраординарный профессор Варшавского университета (1886). Директор Института экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге (1894). Совецательный член Медицинского совета Министерства внутренних дел (1897). Преподаватель кафедры судебной медицины Училища правоведения (1898). Член Комиссии по вопросу о реформе средней общеобразовательной школы (1900). Товарищ министра народного просвещения (1902–1905). Член Государственного совета (1904).

³³⁰ - Алексей Николаевич Харузин – в 1900-х годах статский советник, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Товарищ министра внутренних дел. В 1910-х гг. – гофмейстер, тайный советник, сенатор.

³³¹ - Александр Александрович Мосолов (1854–1939) – генерал-лейтенант Лейб-гвардии Конного полка. Начальник Канцелярии Министерства Императорского Двора и уделов (1900–1917). Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Бухаресте (янв. 1917). Будучи в числе тех, кто принадлежал к ближайшему окружению Императора Николая II, участвовал в попытках спасения Царской Семьи в 1918 году. Один из организаторов Общероссийского монархического съезда в баварском городе Рейхенгале в мае 1921 г. С 1933 г. жил в Болгарии, где написал свои записки «При Дворе последнего Императора» (СПб., 1992).

³³² - Сергей Васильевич Рухлов (1853–1918) – начал службу в Министерстве внутренних дел. Статс-секретарь Государственного совета (1903–1905), товарищ главноуправляющего торговым мореплаванием и портами, министр путей сообщения (1909–26.10.1915). Член Государственного совета (1905), тайный советник. Один из учредителей и первый председатель (1908) Всероссийского национального союза.

³³³ - Архиепископ Литовский и Виленский Никандр (Молчанов, 1.4.1852–5.6.1910) – родился в семье диакона

Московской епархии. После окончания Московской Духовной Академии (1878) преподавал греческий язык в Тамбовской Духовной Семинарии. Магистр богословия (1884). Пострижен в монахи (18.7.1885), рукоположен во иеродиакона (20.7.1885) и иеромонаха (21.7.1885). Назначен ректором Тамбовской Духовной Семинарии с возведением в сан архимандрита (30.8.1885). Хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии (10.2.1891). Ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии (19.12.1893). Епископ Симбирский и Сызранский (23.8.1895), архиепископ Литовский и Виленский (23.4.1904). Назначен в Святейший Синод для присутствия (1909).

334 - Георгий Димитриевич Шервашидзе (1845–1918) – князь, генерал-адъютант. Тифлисский губернатор (1888–1898). Обер-гофмейстер. Состоял при вдовствующей Императрице Марии Феодоровне (с 1898).

335 - Шифр – вензель Государыни, который получали институтки на выпуске, знак фрейлинского звания.

336 - Ошибка памяти владыки Нестора. Владыка Никандр (Феноменов, 2.5.1872–18.2.1933?) был епископом Нарвским, викарием Санкт-Петербургской епархии. Уроженец Орловской губернии. После Окончания Киевской Духовной Академии проходил административные должности по духовно-учебному ведомству (1900–1905). Хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии (10.7.1905). Епископ Нарвский (15.2.1908), епископ Вятский и Слободской (20.3.1914). Архиепископ Крутицкий (1918). В заключении (15.4.1922). Митрополит Одесский (ноябрь 1925). Митрополит Одесский и Туркестанский (1927). Один из основателей Камчатского братства.

337 - Ср. с воспоминаниями монахини Амвросии (Оберучевой, 1870–1943), относящимися к тому же периоду времени: «Однажды в трамвае я увидела севшего со мной рядом негра, совершенно чёрного, с блистающими белыми зубами, высокого роста, одетого в монашескую рясу, в камилавке (греческого фасона), с золотым крестом на груди и с чётками. Я очень заинтересовалась, не выдержала и спросила,

откуда он. Он ответил, что он православный монах из Нью-Йорка, там есть православная миссия, а едет он в Троице-Сергиеву помолиться. Говорил он хорошо по-русски, вполне правильно. Мне приятно было видеть, что есть и негры монахи» (Монахиня Амвросия (Оберучева). Очерки из многолетней жизни одной старушки, которую не по заслугам Господь не оставлял Своею милостью и которая считала себя счастливой всегда, даже среди самых тяжёлых страданий / Под ред. Г.Б. Кремнева и М.В. Свешниковой. М. [1999.] С. 81).

³³⁸ - Владимир Карлович Саблер (с 1914 г. взял фамилию жены – Десятовский; 1845 или 1847–1929) – сын штаб-лекаря и дворянки Тульской губернии. После окончания юридического факультета Московского университета был привлечён К.П. Победоносцевым к службе по духовному ведомству в качестве юрисконсульта. Оставил службу в Святейшем Синоде (6.5.1905) из-за разногласий с Победоносцевым –противником восстановления Патриаршества. Назначен членом Государственного совета. Действительный тайный советник, сенатор. Обер-прокурор Святейшего Синода (2.5.1911–1913). Человек обновленческого духа, весьма пристрастный в характеристиках, протопресвитер военного и морского духовенства Г.И. Шавельский, тем не менее, говорил о нём: «В.К. Саблер был оригинальнейшим обер-прокурором. Он всегда был другом архиереев... Но он был другом и всего духовного и особенно монашеского чина. Его приёмная всегда была переполнена монахами и монахинями, игуменами и игумениями, архимандритами и протоиереями. Ревность к делу у В.К. не оставляла желать большего. Он был занят каждый день, очень часто принимал посетителей после 12 часов ночи, всё время, казалось, дышал церковностью». В имении Саблеров, в 15 верстах от Каширы, была создана женская богословская семинария, рассчитанная на 500 девочек, с 6-летним курсом обучения; выпускницам предоставлялось право преподавания Закона Божия в общеобразовательных школах. В апреле 1918 г. В.К. Саблер был репрессирован; под усиленным конвоем его доставили в Москву из-под Новочеркасска, где он был арестован. Из ЧК его скоро

выпустили «за отсутствием состава преступления». Проживая в начале 1920-х гг. в Москве на Поварской, он влачил жалкое существование. Саблер прекрасно знал Патриарха Тихона, ценил его чрезвычайно высоко, но считал, что политика Церкви должна быть более гибкая, более лояльная в отношении «внешних», и в связи с этим большие надежды возлагал на митрополита Сергия (Страгородского). В конце жизни, будучи уже древним старцем, он был сослан в Тверь, где, обречённый на медленную муку, он голодал, ютась в церковной сторожке.

³³⁹ - Князь Иоанн Константинович (23.6.1886–18.7.1918) – сын Великого Князя Константина Константиновича (см. комм. ниже) и Великой Княгини Елисаветы Маврикиевны (1865–1927). Был женат на Княгине Елене Петровне (1884–1962), дочери Короля Сербии Петра I (см. прим. ниже). Флигель-адъютант, штабс-ротмистр Лейб-гвардии Конного полка. Отличался редкостным духовно религиозным настроем и сострадательностью к несчастным и обездоленным, чуткостью и простотой. Проводя очень много времени в молитве, он был особенно близок к Великой Княгине Елисавете Феодоровне, с которой немало времени провёл в религиозно-нравственных беседах. Великая Княжна Ольга Николаевна сообщала из Тобольска 6.2.1918, что Князь Иоанн «сделался иподиаконом, кажется и пойдёт дальше. Страшно доволен, но жена его не одобряет». Во время пребывания в Вятке в 1917 г. он, будучи посвященным в иподиакона, участвовал в богослужениях в соборе св. блгв. Великого Князя Александра Невского, пел на клиросе. Убит под Алапаевском. Погребён при храме Всех святых Русской миссии в Пекине.

³⁴⁰ - Великий Князь Константин Константинович (10/23.1858–2/15.6.1915) – внук Императора Николая I и племянник Императора Александра II. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии по гвардейской пехоте и по Оренбургскому казачьему войску. Командир Лейб-гвардии Преображенского полка (1891–1900), главный начальник военно-учебных заведений (1900–1910), генерал-инспектор военно-учебных заведений (с 1910). Присутствующий

Правительствующего Сената. Президент Императорской Академии наук (1899). Поэт, писавший под псевдонимом «К.Р.».

³⁴¹ - Пётр I Карагеоргиевич – Король Сербии (1903–1918), Король Югославии (1918–1921).

³⁴² - Николай I Петрович (1841–1921) – князь Черногорский Негош (1860–1910). Король Черногорский (1910–1918).

³⁴³ - Яков Николаевич Ростовцев (1863 – не ранее 1917) – граф, действительный статский советник, гофмаршал, заведующий канцелярией и личный секретарь Императрицы Александры Феодоровны, управляющий делами Августейших Детей. Член Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, член Комитета помощи русским военнопленным.

³⁴⁴ - Епископ Арсений (Жадановский, 6.3.1874–27.9.1937) – родился в с. Писаревка Харьковской губернии в семье священника. Окончил харьковские духовные училище (1888) и Семинарию (1894). Учитель Осиновской церковно-приходской школы Харьковской епархии (1894). Надзиратель-репетитор в Сумском Духовном училище (26.1.1896). Пострижен в мантию в Святогорской Успенской пустыни Харьковской епархии (17.7.1899). Рукоположен в иеродиакона (14.8.1899) и иеромонаха (9.5.1902). Учился в Московской Духовной Академии (1.10.1899–1903), которую закончил со степенью кандидата богословия. Казначей Московского Чудова монастыря (2.9.1903). Наместник (26.3.1904). Возведён в сан архимандрита (27.3.1904). Открыл при обители Московский отдел Камчатского миссионерского братства (1911), публикуя материалы о его деятельности в издававшемся им журнале «Голос Церкви» (1912–1917). Хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии (8.6.1914). В 1918–1919 гг. проживал в Серафимо-Знаменском скиту, основанном его духовной дочерью схиигуменией Фамарью (Марджанишвили), вместе с архимандритом (впоследствии епископом) свщмч. Серафимом (Звездинским). С 1923 г. епархией не управлял. В общественных богослужениях участия не принимал. Проживал в подмосковных и нижегородских

обителях. Неоднократно арестовывался (1931, 1932, 1933, 1937). Расстрелян в посёлке Бутово под Москвой на полигоне НКВД. См. о нём: «Свете тихий». Жизнеописание и труды епископа Серпуховского Арсения (Жадановского) / Сост. С.В. Фомин. Т. 1. М.: Паломникъ, 1996.

³⁴⁵ - Архиепископ Астраханский Иннокентий (Ястребов, 16.7.1867–22.5.1928) – после окончания Казанской Духовной Академии (1892) преподавал в ней. Пострижен в монахи (7.6.1902), рукоположен в иеродиакона (8.6.1902) и иеромонаха (9.6.1902), возведён в сан архимандрита (1905). За сочинение «Миссионер Высокопреосвященнейший Владимир, архиепископ Казанский и Свияжский», исследование по истории развития миссионерства в России, получил степень магистра богословия. Хиротонисан во епископа Каневского, викария Киевского (26.6.1906). Ректор Киевской Духовной Академии. Епископ Полоцкий и Витебский (11.7.1914). Постоянно присутствующий в Святейшем Синоде (10.1.1915), председатель миссионерского совета при Святейшем Синоде (14.1.1915). Управлял на правах настоятеля Донским монастырём в Москве. Епископ Полоцкий и Витебский (сент. 1917–19.3.1918–1922). Возведён в сан архиепископа (1920). Архиепископ Ставропольский (1926); Астраханский (1927). Погребён на кладбище Свято-Данилова монастыря.

³⁴⁶ - Зимнее помещение.

³⁴⁷ - Русский перевод: пойдя по дорогам и изгородям и убедив придти, чтобы наполнился дом мой.

³⁴⁸ - Игуменья Руфина (Кокорева, 27.6.1872–15.8.1937) – родилась в Перми в семье крупного промышленника А.Т. Кокорева. Послушница Успенского женского монастыря в Перми (июль 1880). После двух лет, проведённых в московских монастырях, она вновь возвратилась на Урал – в Верхотурский Покровский монастырь, где работала в иконописной мастерской и управляла монастырским хором, а позже исполняла должность благочинной. В 1911 г. инокиня Ольга была пострижена с именем Руфина, возведена в сан игумении и направлена в Чердынь Пермской губернии восстанавливать Иоанно-Богословский монастырь, упразднённый в

Царствование Императрицы Екатерины II. Постепенно обитель обустроивалась. С началом войны в ней был создан приют для сирот воинов, погибших на фронте. Высочайшей покровительницей его стала Великая Княжна Татиана Николаевна. Летом 1917 г. матушка побывала в Москве в Марфо-Мариинской обители у Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. В годы революции и гражданской войны матушка Руфина как могла пыталась защитить сестёр и обитель от поругания и разорения, но в конце концов вынуждена была оставить Чердынь вместе с отступавшими «белыми». Во Владивостоке она пыталась устроить обитель во имя Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия». В начале июня 1923 г. матушка прибыла в Харбин. Здесь ею был основан Владимирский монастырь после сотворенного Господом чуда (26.8.1925): моментально в руках игумении Руфины обновилась потемневшая Владимирская икона Божией Матери. Позднее (26.4.1926) там же чудесно обновился образ Бога Саваофа. От новоявленных чудотворных икон исходили дивные чудеса и подавались исцеления. «Большую благотворительную деятельность, – свидетельствовал очевидец, – вела настоятельница Богородице-Владимирской женской обители, игумения Руфина, приобретшая особенно большую популярность среди японцев тем, что она заранее предсказала Японской императрице рождение у неё наследника престола, будущего принца Акихито. С того времени все выдающиеся японцы, посещавшие Харбин, считали своим долгом повидать матушку Руфину и возглавляемый ею монастырь и девичий приют при нём» (Архиепископ Нафанаил (Львов). Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. 3. Нью-Йорк, 1992. С. 124). С 1927 г. обитель постепенно переводится в Шанхай, где сёстры нашли себе духовную поддержку у святителя Иоанна (Максимовича). Скончалась матушка Руфина в день Успения Пресвятой Богородицы. Преемницей её стала игумения Ариадна, возглавлявшая обитель и позднее, когда её после войны перевели в Сан-Франциско.

³⁴⁹ - Епископ Филарет (Никольский, 6.3.1858–1921) – сын дьячка Костромской епархии. После окончания Костромской

Духовной Семинарии (1880) определён надзирателем в Костромское Духовное училище. Рукоположен во иерея (11.10.1881). Овдовев, поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию (1887–1891). Пострижен в монахи (25.9.1888). Инспектор Тифлисской Духовной Семинарии (1891), ректор Казанской Духовной Семинарии в сане архимандрита (1892). Ректор Тульской Духовной Семинарии (1895). Хиротонисан во епископа Глазовского, викария Вятской епархии (30.1.1904). Епископ Вятский и Слободской (27.11.1904); Астраханский и Енотаевский (20.3.1914). Уволен на покой (25.5.1916). Временно управлял Костромской епархией (1918–1920). Епископ Самарский (1920).

350 - Епископ Охотский Даниил (Шерстенников, 1.2.1932) – хиротонисан во епископа Читинского, викария Забайкальской епархии (1920). Арестован (1922); отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Епископ Киренский, викарий Иркутской епархии (1927). Арестован (фев. 1927); осуждён на три года. Епископ Охотский, викарий Владивостокской епархии (1928). По другим данным, был жив ещё в 1950-е годы. Будучи освобожден из лагерей в конце 1953 г., тайно поселился в Барнауле.

351 - Ясак – подать.

352 - Здесь: небольшие лады.

353 - Пелоч (полач) – сеть.

354 - Бат – долблёная лодка.

355 - Архимандрит Иоасаф (Хотунцевский, (29.4.1759) – впоследствии епископ Кексгольмский, викарий Новгородской епархии (24.5.1758).

356 - Святитель Иннокентий (Попов-Вениаминов, 26.8.1797–31.3.1879), митрополит Московский и Коломенский – родился в с. Ангинском Иркутской губернии в семье пономаря Евсевия Попова. Осиротев в раннем возрасте и сам научившись грамоте, он семи лет читал Апостола за литургией. Был принят на казённый счет в Иркутскую Духовную Семинарию, ректор которой, обнаружив в нём душевное и внешнее сходство с владыкой Вениамином (Багрянским),

бывшим в 1789–1814 гг. епископом Иркутским и Нерчинским, дал ему новую фамилию – Вениаминов. В 1817 г. Иоанн Вениаминов (так звали Владыку в миру) женился на дочери священника Екатерине Ивановой (25.11.1839), был рукоположен в сан диакона и определён учителем 1-го класса приходского училища. В 1823 г. епископ Иркутский Михаил (Бурдуков) получил от Святейшего Синода указ послать священника в колонию Российско-Американской компании на остров Уналашку. Им стал будущий Святитель. Он проповедовал среди местных алеутов и креолов слово Божие, обучил их плотничьему, столярному, слесарному и кузнечному делу, построил с их помощью храм. Перевёл на алеутско-лисьевский язык Евангелие от Матфея и Катехизис, составил букварь с полным переводом важнейших молитв. За труды его наградили наперсным крестом и в виде повышения перевели на остров Ситху (1834). Святитель Филарет любил говаривать о нём: «В этом человеке что-то апостольское». После смерти жены (1839) пострижен на Троицком подворье святителем Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским (1840), а в конце того же года (15.12) был хиротонисан в Казанском соборе во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского (с 1850 г. – архиепископ). Вскоре к его епархии была присоединена Якутская область (1852), куда он переселился на постоянное жительство. В 1862 г. архиепископ Иннокентий переселился в Благовещенск, откуда, продвигаясь по Амуру, совершал богослужения в сёлах. В 1868 г. был назначен Святейшим Синодом митрополитом Московским и Коломенским. Святитель учредил миссионерское общество и превратил Московский Покровский монастырь в миссионерский. В 1879 г. в Великую Пятницу владыка Иннокентий отошёл ко Господу. Прославлен Русской Православной Церковью 23.9.1977.

³⁵⁷ - Святитель Иннокентий Иркутский, в миру Кульчицкий (1680–26.11.1731) – родился в Чернигове в дворянской семье. Окончил училище при Киевском Братском монастыре (1706), принял постриг в Киево-Печёрской Лавре; впоследствии профессор Славяно-греко-латинской академии в Москве, обер-иеромонах Флота, наместник Александро-Невской

Лавры. Хиротонисан во епископа Переяславского (1721) и поставлен во главе Китайской Духовной миссии, однако правительство Китая отказалось её принять. поселившись до окончания дела в Селенгинске (Забайкалье), Святитель терпел жестокую нужду, так как выплата жалования была ему прекращена. В поисках пропитания участники Миссии открыли иконописную школу, занимались рыболовством и даже просили милостыню. Сам Святитель, выучив за это время бурятский язык, создал монгольскую школу, и многие буряты приняли тогда христианство. В 1722 г. назначен епископом Иркутским, став, таким образом, первым архиереем новой епархии. Он умножил число новых церквей, создал русскую школу для будущего священства, просвещал светом Христовой Истины язычников – тунгусов, якутов, бурят. Жил Святитель в Иркутском Вознесенском монастыре, проводя ночи в изучении святоотеческих творений и составлении проповедей. Чудеса на его могиле и по его молитвам привели к почитанию святителя Иннокентия в Сибири наравне со Святителем Николаем. Причислен к лику святых в 1804 г. Память 26 ноября и 9 февраля.

³⁵⁸ – Святитель Софроний Иркутский (Кристалевский, 25.12.1703–30.3.1771) – уроженец м. Березани Переяславского уезда Полтавской губернии. По окончании Переяславской Духовной Семинарии поступил послушником в Красногорский монастырь Полтавской губернии. В течение 11 лет управлял Александро-Невской Лаврой, при которой устроил Троице-Сергиеву пустынь (позднее в ней, как известно, подвизался святитель Игнатий Брянчанинов). Назначен на Иркутскую епископскую кафедру (23.2.1753). Архиерейская хиротония состоялась 20.3.1754. Ревностно благоустраивал епархию, учредил Сибирскую миссию, открыл Духовную семинарию. Отличался святостью жизни. После кончины тело Святителя находилось в соборе непогребенным шесть месяцев и десять дней. Нетленность мощей впоследствии подтверждалась неоднократно. Память святителя Софрония как угодника Божия благоговейно-молитвенно почиталась жителями Иркутска, причём сразу же после его смерти. «18 апреля 1917 года в

Богоявленском соборе Иркутска от неизвестной причины произошёл пожар, уничтоживший гробницу и нетленные мощи святителя Софрония. Обгоревшие кости Святителя освидетельствованы особой, избранной пастыре-мирянским собранием комиссией ... Верующие чада Церкви объединились в Союз православных христиан, имеющий целью ограждать неприкосновенность святых Православия, и в частности останки святителя Софрония, от бесчестия и поругания со стороны врагов Церкви» (Церковные ведомости. 1918. № 19–20). Священный Собор Православной Российской Церкви 5/18.4.1918 причислил святителя Софрония к лику святых угодников Божиих, определив совершать его память 30 марта – в день блаженной его кончины. Под этим актом стоит подпись и епископа Нестора.

³⁵⁹ - Святитель Иоанн, митрополит Тобольский и Сибирский (Максимович, 1651–10.6.1715) – родился в Нежине в дворянской семье Максимовичей. Образование получил в Киевской Академии, по окончании которой остался в ней профессором. Постриг принял в Киево-Печерской Лавре и назначен проповедником. Святитель Феодосий, архиепископ Черниговский, назначил его архимандритом Елецкого монастыря в Чернигове, которым до этого управлял сам (1695). После смерти святителя Феодосия был хиротонисан в Москве во епископа Черниговского (10.1.1697). Управлял кафедрой 15 лет, основав первую в России Духовную Семинарию (Черниговский коллегиум). В марте 1712 г. по Царскому указу архиепископ Иоанн был назначен на Сибирскую кафедру в Тобольск с возведением в сан митрополита. Он оказался единственным епископом на громадных просторах Сибири. Неустанная служба, пламенная проповедь слова Божия, дела милосердия – всё это снискало ему горячую любовь паствы. 10 июня 1715 г., совершив Литургию, Святитель пригласил к себе на трапезу местное духовенство, бедноту и сам им прислуживал. Затем, запершись в келлии, предался молитве и скончался на коленях перед образом Богородицы. Среди творений святителя Иоанна особо выделяются сочинения «Илиотропион, или Как согласовать волю свою с волей Божией»

и «Царский путь Креста». Причислен к лику святых 10 июня 1916 г. Святые мощи его до 1920 г. открыто почивали в Тобольском кафедральном соборе Св. Софии, Премудрости Божией. Память 10 июня.

360 - Митрополит Сибирский и Тобольский Павел (Конюшевич, 1705–1770) – родился в Галиции, учился в Киевской Духовной Академии, где впоследствии преподавал. Пострижен в монахи (1735), проповедовал в Московской Духовной Академии (1741). Настоятель Юрьева монастыря (1744). Митрополит Сибирский и Тобольский (1758). Уволен на покой с пребыванием в Киево-Печерской Лавре (1768). Поводом к этому последнему обстоятельству послужила подача им вместе с владыкой Арсением (Мацеевичем) протеста против секуляризации монастырских имений.

361 - Имеются в виду алеуты, кадьяки, колоши и другие племена.

362 - Имеются в виду епископы Камчатские, Курильские и Благовещенские: 1873–1877 гг. – владыка Павел (Попов, 25.5.1877); 1877–1885 гг. – владыка Мартиниан (Муратовский, 1820–5.7.1898); 1885–1892 гг. – владыка Гурий (Буртасовский, 1845–1907); 1892–1898 гг. – владыка Макарий (Дарский, 7.9.1897).

363 - Тут: «в 1910-х годах» (прим. редакции)

364 - Епископ Палладий (Добронравов, 18.11.1865–1922) – родился в семье коллежского советника Могилевской губернии. Окончил московские духовные Семинарию (1887) и Академию (1891). Пострижен в монахи (1888), рукоположен во иеромонаха (15.4.1890). Был смотрителем Коломенского и Звенигородского духовных училищ (2.10.1891). Преподавал в Духовных семинариях: Вологодской (1892), Могилевской (1894), Тульской (1896). Возведён в сан архимандрита (1897). Назначен наблюдателем миссионерских курсов Казанской Духовной Академии, а потом ректором Литовской Духовной Семинарии (1899). Синодальный ризничий (1901). Хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии (6.12.1903). Епископ Пермский и Соликамский (28.11.1908), Саратовский и

Царицынский (30.7.1914), Сарапульский и Елабужский (1918). Уволен на покой (1919). Жил в Москве, будучи настоятелем Новоспасского монастыря.

365 - Оставляется (церковнослав.) – прекращается.

366 - Ордена Святителя Николая в Российской Империи никогда не было. Известен Орден Святителя Николая Чудотворца, учреждённый генералом П.Н. Врангелем на Юге России, девизом которого стали слова: «Верой спасётся Россия». Кроме того, уже в эмиграции, 18.7/1.8.1929 был учрежден орден под таким же названием «в память Великой мировой войны 1914–1917 гг.» Вручался он от имени «Великого Государя Всероссийского» Кирилла (т. е. Великого Князя Кирилла Владимировича), в том числе и участникам мировой войны. Разумеется, владыку Нестора не память подвела: признать, что среди Царских орденов он носит «белогвардейскую» награду (а он действительно носил её открыто), даже в воспоминаниях, не предназначавшихся к печати, было тогда небезопасно. Кроме перечисленных наград известно, что владыка Нестор был награждён: Патриархом Иерусалимским – Святым Крестом Живоносного Гроба Господня, орденом-звездой Св. Саввы Сербского, крестом-знаком Его Величества Императора Маньчжоуго, медалью Японского Красного Креста, по представлению Главного бюро русских эмигрантов – орденом-крестом «За усердие» (25 лет в святительском сане. Б. м. 1941. С. 8).

367 - Епископ Никольск-Уссурийский Павел (Ивановский), 1874–1919) – родился в Тульской епархии. Окончил Тульскую Духовную Семинарию (1895), пострижен в монахи (1896) и посвящён во иеромонаха. Назначен миссионером в Забайкальскую епархию, причислен ко Владивостокскому архиерейскому дому (1900), окончил Восточный институт во Владивостоке (1904). Возведён в сан архимандрита и назначен начальником Корейской миссии в Сеуле. Перевёл на корейский язык богословские книги. Хиротонисан во епископа Никольск-Уссурийского, викария Владивостокской епархии (24.6.1916). Вместе с епископом Камчатским Нестором в числе 39 архиереев Русской Православной Церкви подписал в Москве

5.4.1918 «Деяние Священного Собора Православной Российской Церкви о прославлении святителя Софрония (Кристалевского), епископа Иркутского». Епископ Вяземский, викарий Смоленской епархии (1918). Скончался от сыпного тифа по дороге в Новочеркасск, где и погребён. Составил акафист святым апостолам Петру и Павлу.

368 - Свято-Троицкий Николаевский монастырь в Южно-Уссурийском крае располагался на левом берегу реки Уссури, в 19 верстах от станции Шемановка. Идею создания монастыря высказал ещё святитель Иннокентий (Вениаминов). Однако учреждён он был лишь в 1894 г. Первым настоятелем и строителем обители был игумен Алексей (Осколков). «Все виды монастырского хозяйства поставлены образцово и по новейшим приёмам, так что монастырь является культурным центром, из которого распространяются сельскохозяйственные знания среди местного крестьянства. При монастыре – школа для крестьянских детей, 2 странноприимницы и больница с аптекой. Кроме того, при монастыре учреждено Уссурийское братство Пресвятыя Богородицы для защиты в епархии веры, нравственности и установлений Православной Церкви».

369 - Сергей (Озеров) (1862 – 1937), архимандрит

370 - Иркутский Вознесенско-Иннокентиевский мужской монастырь первого класса располагался на левом берегу Ангары верстах в 5–6 от Иркутска. Монастырь был основан в 1669–1672 гг. старцем Герасимом.

371 - Титул епископа, ошибочно присвоенный А.Е. Анисимовой.

372 - Русский духовный (нецерковный) гимн «Коль славен наш Господь в Сионе» был написан между 1790 и 1801 гг. композитором Д.С. Бортнянским (1751–1825) на стихи поэта М.М. Хераскова (1733–1807). Гимн подлежал исполнению во время торжественных церемоний церковного характера, когда в них участвовали войска.

373 - Углубление в кости.

374 - Цитаты даны в пересказе. – Ред.

Московский военно-революционный комитет 31.10.1917 отдал приказ подчинившимся революционерам Мастерским тяжёлой осадной артиллерии: «Обстрелять Кремль, для этого выбрать, занять позицию и немедленно приступить к обстрелу» (1917 год в Москве. М., 1957. С. 170). В этих мастерских, созданных в годы Германской войны, на момент восстания имелось 60 отремонтированных орудий. Батареи японских 6-дюймовых гаубиц, расстреливавших Кремль, размещались на Воробьевых горах (командир А.Д. Блохин); у Большого театра, на Швивой горке в ограде храма Никиты мученика (П.К. Штернберг) и напротив Никольских ворот на Никольской улице. Батарея из двух французских осадных 155-миллиметровых орудий (Н.С. Туляков) стояла на набережной у Крымского моста. В самый центр города из мастерских было вывезено даже одно 42-дюймовое орудие. Расстрелом Кремля руководил П.К. Штернберг (1865–1920) – революционный деятель и астроном. Небезынтересные сведения о его деятельности в 1907–1908 гг. содержатся в «Энциклопедическом словаре Гранат»: «Организует работы по изучению Москвы на случай восстания и гражданской войны (под видом руководителя работ студенч. группы по измерению аномалии силы тяжести – с разрешения градонач. и губернатора – он делает в течение неск. месяцев с группой товарищей съёмку улиц, отметку проходных дворов, удобных пунктов и пр.)». Именно по «требованию» Штернберга против Кремля была применена тяжёлая артиллерия. Газета «Всероссийский церковно-общественный вестник» отмечала (4.11.1917): «По полученным сведениям, московским военно-рев. комитетом на Воробьевых горах и в Камергерском переулке сосредоточена тяжёлая артиллерия. ... Кремль особенно усиленно обстреливается с Таганки. ... С Ходынского поля город всё время обстреливается из тяжёлых орудий. ... Выясняется, что в Москве оперирует какая-то третья вооруженная сторона, которая стреляет в обе стороны. Из кого она состоит, трудно сказать. Надо полагать, это сплошь преступные элементы, так как Бутырская тюрьма была распущена».

376 - Схиархиепископ Антоний (князь Давид Ильич Абашидзе, 12.10.1867–1.11.1942 ? дек. 1943 ?) – родился в Тифлисской губернии. После окончания Новороссийского университета (1891) принял монашество с именем Димитрий; иеродиакон. Окончил Киевскую Духовную Академию (1896) со степенью кандидата богословия; рукоположен во иеромонаха. Ректор Александровской миссионерской Духовной Семинарии, архимандрит. Хиротонисан во епископа Алавердского. Позднее епископ: Гурийско-Мингрельский (1903), Туркестанский и Ташкентский (1906), Таврический и Симферопольский (1912). С 1914 г. добровольно в качестве рядового священнослужителя в составе Черноморской эскадры участвовал в Германской войне. Архиепископ Симферопольский и Таврический (1915). Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. Состоял во Временном Высшем Церковном Управлении Юго-Востока России и в организации Юго-Восточного Церковного Собора в Ставрополе (май 1919). В 1920-х гг. проживал в Киеве; был наместником Киево-Печерской Лавры. Принял схиму с именем Антоний, пребывал в затворе, старчествовал. Погребен на территории Киево-Печерской Лавры, у входа в Ближние пещеры. В настоящее время готовится его канонизация.

377 - Епископ Платон Чигиринский (Рождественский, 23.2.1866–20.4.1934) – овдовевший сельский священник (поступил в Киевскую Духовную Академию в 1891 г.), пострижен в монахи в 1894 г. С 1902 г. – ректор Киевской Духовной Академии, 3.6.1902 хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии, был настоятелем Киево-Братского монастыря. С 8.6.1907 – архиепископ Алеутский и Северо-Американский. С 1914 г. – архиепископ Кишинёвский и Хотинский, в 1915–1917 гг. – архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии. Именно он благословил Великого Князя Николая Николаевича просить св. Императора Николая II об отречении. Участник Собора 1917–1918 гг. С 9/22.2.1918 – митрополит Одесский и Херсонский. В 1920 г. эмигрировал в США. В сентябре 1923 г. свт. Тихоном назначен управляющим Северо-Американской епархией с освобождением от управления Одесской и Херсонской епархией в России.

Назначен на эту же кафедру Синодом Русской Православной Церкви Заграницей. С 16.1.1924 уволен свт. Тихоном от управления Северо-Американскими приходами, однако приказа не выполнил и продолжал управлять епархией. В 1923 г. объявил Американскую Церковь автономной. 16.8.1933 запрещён в священнослужении митрополитом Сергием. Скончался в расколе, не покайсясь. 19.4.1946, вняв просьбе паствы митрополита Платона, Святейший Патриарх Алексий разрешил совершать панихиды по митрополиту Платону.

378 - Архимандрит Виссарион (ок. 1851–?) – член Собора, настоятель Макариево-Унженского монастыря Костромской епархии. Избран в члены Высшего Церковного Совета.

379 - Протоиерей Эмилиан Игнатьевич Бекаревич (ок. 1859-?) – член Собора, настоятель Люблинского собора Холмской епархии.

380 - Протоиерей Василий Антонович Чернявский (ок. 1882–?) – член Собора, законоучитель Платовской гимназии в Новочеркасске Донской области.

381 - Александр Иванович Июдин (ок. 1865– ?) – член Собора, хлебопашец и кожевник деревни Савиной Вытегорского уезда Олонецкой губернии.

382 - Павел Иванович Уткин (ок. 1873-?) – член Собора, крестьянин Рождественской волости Кунгурского уезда Пермской губернии. Окончил начальное училище.

383 - Известно, что в обстреле Кремля большевики прибегли к помощи унтер-офицеров австро-венгерской и германской артиллерии. «По мнению офицеров, – свидетельствовал очевидец, – стрельба превратилась из “солдатской” в “офицерскую”, – или “немецкую”, очень точную» (Московский листок, 14.11.1917). Специалисты отмечают высокую «кучность» попаданий и то обстоятельство, что обстрел вёлся по всем правилам военного искусства (Безсонов В. Объективности ради // Архитектура и строительство Москвы. 1990. № 1. С. 28).

«...В первый раз в жизни я испытал такое острое и сильное впечатление, – делился увиденным с участниками Собора 2 ноября 1917 г. митрополит Платон, – Большого озлобления у людей и непонимания того, что они совершают, я не могу себе и представить. Я даже предположить не мог, чтобы люди доходили до такой страшной злобы. Единственное утешение я находил в том, что впервые я увидел на улицах всю силу веры в душе православного человека. Нас всюду сопровождал крест, творимый на себе массой людей, бывших на тротуарах и глядевших из домов. Многие целовали крест, который я нёс в руках; многие желали идти вместе с нами, но мы их отговаривали от этого. Не могу забыть, как из глаз одного встречного градом хлынули слёзы. Всё это неизгладимо останется в моей памяти. Идя к цели нашего путешествия, мы спросили по дороге милиционера, где находится Военно-революционный комитет. По указанию этого милиционера мы направились к бывшему генерал-губернаторскому дому на Тверской улице. В дальнейшем пути мы встречали на улицах абсолютно одно внимание. Многие солдаты снимали фуражки, крестились и подходили ко мне целовать крест. Такое отношение к нам поселяло во мне уверенность, что, Бог даст, мы хоть несколько достигнем своей цели. Подходим, наконец, к генерал-губернаторскому дому и видим здесь большую солдатскую толпу; у выхода из дома тянулась бесконечная лента солдат, которые начали посматривать на нас далеко не дружелюбно. Так мы здесь попали в атмосферу злобы. Нам сразу поставили вопросы: “Где вы были раньше? Зачем мешаете религию в наши дела? Зачем тут духовенство? Оно уже известно своим раболепством. Идите лучше к своим юнкерам”. Обращаясь лично ко мне, некоторые сказали: “Уходи в Кремль. Там твои”. Так, встреченные подобными замечаниями, мы простояли у генерал-губернаторского дома минут 15 или 20, или даже полчаса...» (Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 3. М., 1994. С. 67).

«К нам отнеслись враждебно, – подтверждал приведённые слова Митрополита прот. Э.И. Бекаревич. – Эта враждебность видна была во взорах, но во внешних действиях

не обнаруживалась» (там же, с. 70). То же говорил и А.И. Июдин: «...Когда мы подошли к бывшему генерал-губернаторскому дому, солдаты набросились на Высокопреосвященного и других лиц, как собаки. “А вам что нужно?» – говорили они. ... Спрашивали, зачем мы пришли. Я сказал: “Мы от Церковного Собора для переговоров”. Мне ответили: “Не нужно никаких переговоров!”» (там же, с. 72). «Около дома, – делился своими впечатлениями прот. В.А. Чернявский, – стоит толпа солдат, человек в 300. Встретила нас толпа враждебно. Одни встречали нас более враждебно, другие менее. ... А красная гвардия совсем остервенела и смотреть на нас не желает. Во всё время разговора солдаты твердили нам: “Зачем вы пришли к нам? Идите в Кремль, там ваша кровь, там сражаются поповичи. Они стреляют с домов, с колоколен. Нас много, а их мало, мы всё равно победим, и чем дальше они будут сопротивляться, тем будет хуже. Не сдадутся сегодня, будет стрелять тяжёлая артиллерия, и всё будет сравнено с землей». – “А как же будет с Кремлёвскими святынями?» – “Что нам ваши святыни? Нам нет дела до Бога, до святынь: нужно здесь на земле устроить порядок, чтобы быть сытыми!” ... Всё время нам твердили: “Уходите в Кремль”. Очевидно, наше присутствие понижало их боевое настроение и нас старались поскорее удалить с площади: “Уходите, уходите в Кремль”» (там же, с. 74–75).

385 - Этот эпизод нашёл отражение в рассказах нескольких участников Соборного посольства. Митр. Платон: «Пришлось наблюдать нам и такую картину: солдаты, окружив кольцом, вели значительную группу евреев, захваченных, когда последние стреляли из переулка и готовились стрелять из пулемёта. Над головой евреев солдаты махали ружьями и повели их, как говорили в толпе, к расстрелу. Вообще озлобление против евреев неопишемое» (Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 3. М. С. 68). А.И.Июдин: «...На меня произвело сильное впечатление, когда привели евреев и сказали, что всех расстреляют. Слышались их мольбы и стоны. Шапки надевают, шапки падают. Их увели, не знаю куда» (там же. С. 72). П.И. Уткин:

«...Появились солдаты с винтовками, которые привели евреев, которых пригнали, а одного ударили прикладом. Я думал, что их на моих глазах разорвут. Спрашиваю: “В чём дело?» Сказали: “Пулемёт нашли”. Но у них, видимо, власти нет. Одни говорили: “Надо расстрелять”, другие: “Надо разобрать дело”. “Что с ними будет?” – спрашиваю. Одни говорят, что расстреляют, другие, что посадят в тюрьму» (там же. С. 74). Прот. В.А. Чернявский: «При нас привели кучку человек в 25 из интеллигентных людей, часть которых, по внешнему впечатлению, состояла из евреев. Они держали руки вверх, их били прикладами, слышались крики: “Разорвать их, расстрелять”. Поставили их посреди улицы, кругом стояла озверелая толпа. Получалось такое впечатление, что их тут же, у нас на глазах, хотят расстрелять. Мы умоляли, ради Креста и Евангелия, не проливать крови. Затем их повели к подъезду гостиницы “Дрезден”. Что с ними случилось, я не знаю» (там же. С. 74).

³⁸⁶ - «В дальнейшем я, и только один я, – говорил митрополит Платон, – получил приглашение войти в дом. ... Если на улице всюду теперь грязь, то там в полном смысле болото! Мне пришлось протискиваться среди женщин, среди всевозможного народа, со свирепыми лицами, в загрязнённом виде, не знающими туалета; у многих людей были испытанные лица от бессонных ночей. Так меня провели через две комнаты, повели потом вниз, затем вверх; опять я прошёл через две комнаты и уже в третьей увидел группу военных и светских лиц, а также проходящих женщин. ... Я говорил, что пришёл к ним с приветом, с Богом, со Христом. “И вы, – продолжал я, – со Христом, и между нами – Христос. По Его милости Господней, я пришёл к вам и буду говорить с вами о любви”. Первая дальнейшая фраза моя была такова: “В настоящий момент, когда здесь кровь льётся, когда стон несётся по нашей земле, когда ужасом наполняется страна, Священный Всероссийский Собор не может молчать и он послал меня к вам, во имя братолюбия, во имя московских святых, во имя Еρμοгена и других святителей, на святые жилища коих летят бомбы, во имя ни в чём неповинных женщин и детей, во имя всего этого Собор послал меня и спутников моих призвать вас к прекращению

братоубийства”. Помнится также, что какой-то господин предложил мне сесть и утешал меня. Я сел. Он также опустился на сиденье против меня. Я стал умолять его употребить все силы к прекращению междоусобия. “Если нужно, – добавил я, – то я прибегну к последнему средству”. При этом я стал опускаться пред ним на колена. Он подхватил меня и стал рассказывать, что драма переживает последние минуты; что всего несколько часов отделяют нас от мира; но что перемирия другой стороне дано не будет. ... “Но что же с Кремлём?” – спросил я. На это последовал ответ: “На Успенский собор не было направлено специальных ударов. Пострадал только Чудов монастырь”. ... Я продолжал: “Не отправиться ли мне со спутниками, которых сюда не пропустили, в Кремль? Мы побеседовали бы с юнкерами; и их надо бы посетить”. На это последовал ответ: “Это было бы возможно, но по пути туда вы подвергаетесь опасности попасть под выстрелы. Гостиница “Метрополь” взята, но кругом идёт обстрел”. – “Что же, значит, нам надо возвращаться домой?” – спросил я. «Да», – ответил этот господин. Я спросил: “А с кем я имею дело?”. Он ответил: “Фамилия моя – Соловьёв”. При этом он взял у меня благословение, проводил на площадь и старался, чтобы обезопасить проход. ... При выходе из военно-революционного комитета я на площади увидел псаломщика, бывшего на службе в моей епархии, в бытность мою в Америке. Я спросил его: “Ты, брат, как здесь?”. Он смутился и почувствовал, видимо, себя неловко» (Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 3. С. 68–69, 71). Эта встреча позднее нашла отражение и в воспоминаниях большевика В.И. Соловьёва (1890–1939). См.: Москва. Октябрь. Революция. Документы и воспоминания. М., 1987. С. 307–308.

³⁸⁷ - Кремль расстреливали трое суток: днём и ночью. Причём одновременно с ослаблением сопротивления юнкеров обстрел только усиливался. Еще 1 ноября вечером юнкера стали готовиться к уходу из Кремля. На следующий день разведка большевиков сообщала, что к полудню «в Кремле войска почти нет, только стоят пулемёты». В 17.00 было подписано перемирие, один из пунктов которого гласил: «С

момента подписания мирного договора обе стороны немедленно отдадут приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах». В 19.00 юнкера, оставив Кремль, ушли в Александровское училище. В 21.00 приказ о перемирии поступил в войска. Тем не менее именно в это время начался самый ожесточённый артобстрел опустевшего священного Кремля. Приведём свидетельства прессы тех дней. «Особенно сильной была бомбардировка Кремля 1 и 2 ноября, а также после заключения мира, в ночь на 3 ноября. В этот период времени был повреждён Вознесенский женский монастырь. Пробит один из куполов монастырского храма. По-видимому, из шестидюймового орудия пробита нижняя часть средней главы Успенского собора» (Русское слово. 8.11.1917). «Почти всю ночь шла непрерывная канонада. Не только ружейная и пулемётная, но и артиллерийская стрельба не прекращалась почти до утра. Временами канонада достигала крайнего напряжения. ... Обыватели, осведомлённые о соглашении, с тревогой прислушивались. У всех возникал страшный вопрос: неужели опять расстроится соглашение и снова начнётся бой? Однако под утро канонада стала затихать...» (Вперёд. 4.11.1917). Последний артиллерийский выстрел был выпущен по Кремлю 3.11.1917 в 6 часов утра. А в 9.00 в разгромленный Кремль без единого выстрела вошли большевики. Осматривавший Московский Кремль 3 ноября митрополит Московский Тихон (будущий Патриарх) сообщил на заседании Собора на следующий день: «Из бесед с насельниками Кремля выяснилось, что 1 и 2 ноября были самыми тяжёлыми для Кремля днями и ночами. Но и 3-го числа ужасы продолжались. Преосвященный епископ Арсений [Жадановский] говорил, что выпущено было на Кремль за минувшие страдные дни до 300 выстрелов. Одна башня на стенах Кремля снесена» (Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 3. М., 1994. С. 88).

388 - Свидетелями этого убийства были также объезжавшие Кремль будущий Патриарх Тихон, архиепископ

Кишиневский Анастасий (Грибановский), протопресвитер Успенского собора Н.А. Любимов и профессор В.Н. Бенешевич. «Произведши осмотр помещений [Чудова] монастыря, – рассказал на следующий день участникам Собора митрополит Московский Тихон, – мы направились к выходу и у ворот монастыря увидели много солдат с оружием, хотя уже и последовал приказ о разоружении. Тут мы слышали большой шум. Оказывается, солдаты нашли полковника, защитника Кремля, и стали его бить; его затем расстреляли, и мы находились недалеко от места расстрела. От членов Собора Преосвященного Нестора, епископа Камчатского, и священника В.А. Чернявского мы узнали, что они были очевидцами этого расстрела» (Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 3. С. 88).

389 - После погрома Кремля большевики в своих изданиях немедленно стали распространять ложь. «Любители старины, – писали “Известия Московского военно-революционного комитета” (4.11.1917), – боялись за Кремль, который пришлось подвергнуть форменной бомбардировке из орудий всякого калибра. Можем их успокоить: Кремль в целом, как исторический памятник, сохранился. Ни одно здание, имеющее археологическую ценность, не разрушено до основания или хотя бы частью. Из кремлёвских башен более всего пострадали Никольские ворота, но и они стоят и могут быть реставрированы (исправлены), на первый взгляд, без большого труда. Спасские ворота пострадали уже менее (разворочены часы). Внутри Кремля масса пробоин на Николаевском дворце, где была главная квартира восставших юнкеров и который служил определенной мишенью советской артиллерии. С промаха снаряды попадали в угол Чудова монастыря – тот, что к церкви Двенадцати Апостолов, и в саму церковь. Повреждения кажутся чисто внешними. Соборы Успенский, Архангельский, Благовещенский невредимы так же, как и колокольня Ивана Великого...» Но даже эта наглая ложь коммунистов бледнеет перед заключением Комиссии по охране памятников искусства и старины Моссовета, состоявшей из серьёзных ученых: «...все снаряды, попавшие в Кремль,

меньше нанесли вреда художественно-историческим памятникам, чем невежественная малярная реставрация дивных фресок Успенского собора” (Фомин С.В. Расстрелянные Святые. С. 10).

³⁹⁰ - «Вчера, – сообщал “Московский листок” 19 ноября 1917 г., – было совершено освящение Большого Успенского собора после разгрома, произведённого в нем войсками большевиков. ... Комиссия по осмотру собора и повреждений, причинённых обстрелом, закончила свои занятия, и в настоящее время идёт деятельная работа для привед[е]ния Собора в порядок. Брешь в главном куполе закладывается временно досками; изнутри купол заложен досками и войлоком, чтобы холодный воздух не проникал из него в Собор; приступлено к работам по наружному ремонту юго-западного купола, часть листов которого разворочена. Из Собора убраны камень и щебень, завалившие амвон, и приступлено к вставке в рамы зеркальных стёкол...»

³⁹¹ - Священномученик митрополит Вениамин (Казанский, 1873–12.8.1922), Петроградский и Гдовский. Расстрелян по обвинению в сокрытии церковных ценностей. Причислен к лику святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 31.3–4.4.1992 г. Сохранилось письмо митрополита Вениамина прот. Ф.Н. Орнатскому от 5.11.1917, рассказывающее о пребывании Владыки в Кремле во время осады: «Целую неделю под выстрелами я провёл в осаждённом Кремле. Последние двое суток насельники Чудова монастыря спасались в подвале и подземной церкви Святителя Еρμοгена, куда были перенесены и мощи святителя Алексия из Соборного храма. Стену занимаемого мною помещения пробили два снаряда тяжёлой артиллерии, разорвались и произвели большое разрушение. Из своей комнаты я вышел за несколько минут перед этим. Когда был в последних комнатах, всё это произошло, и войти за клобуком и рясой я не мог, так как по коридору двигалось целое облако пыли, мелкого щебня и дыма. Канонада усиливалась, и мы с архиепископом Михаилом Гродненским (помяните имя его) должны были задним ходом удалиться в нижний этаж. Архиепископ с крестом и зажжённой

страстной свечой, я с иконой Божией Матери за ним вышли на галерею и спустились вниз к братии. Это было в среду (2 ноября), по-петроградски около двух часов дня. Две ночи и день прожили мы в келлии одного иеромонаха. Спали не раздеваясь. Ко всенощной и Литургии под выстрелами через двор ходили в подземную церковь. Шла постоянная служба. Братия исповедалась, причащалась Св. Таин; служащие и неслужащие готовились к смерти. Переживали незабываемые часы и минуты. Рвутся снаряды, грохот пулемётов, ружей, падающих зданий, а в подземелье возносится молитва у мощей строителя обители святителя Алексия, которые опять перенесены туда, где они несколько сот лет тому назад и были похоронены, – в подземелье, где страдал и скончался святитель Ермоген, возносится молитва о примирении враждующих между собою братьев, об упокоении всех во дни и ночи во время междоусобной брани убиенных. ... В пятницу осада кончилась» (Всероссийский церковно-общественный вестник. 10.11.1917).

³⁹² - Митрополит Киевский и Экзарх Украины Михаил (Ермаков, 31.6.1862–17.3.1929) – окончив Киевскую Духовную Академию (1887), служил по духовно-учебному ведомству. Хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии (31.1.1899). Епископ Ковенский, викарий Литовской епархии (1899–1903); епископ Омский и Семипалатинский (1903–1905); епископ Гродненский и Брестский (1905–1921, с 1912 г. – архиепископ). 14 февраля 1915 года в самый разгар артиллерийского боя Владыка прибыл в северо-восточное укрепление Гродно и под неприятельскими выстрелами совершил торжественное богослужение, обошёл все укрепления, окропил их святой водой и благословил чудотворной иконой Божией Матери Колческой, после чего обратился к защитникам укреплений с воодушевляющей речью. С 1924 г. митрополит Киевский и Галицкий, Патриарший Экзарх всея Украины. Бескомпромиссный борец с липковщиной и другими расколами. Второй после митрополита Сергия (Страгородского) кандидат на должность заместителя Патриаршего Местоблюстителя, назначенный актом от 6.12.1925 митрополита Петра (Полянского). Вскоре был арестован и лишь

в 1927 г. освобождён. Являлся старейшим по хиротонии (1899) архиереем. Отказался от предложения архиепископа Григория (Яцковского) возглавить Временный Высший Церковный Совет, созданный после кончины свт. Тихона 9.12.1925. Скончался в Киеве.

³⁹³ - Епископ Арсений (Жадановский, 6.3.1874–27.9.1937) (подробнее см. выше)

³⁹⁴ - Преподобный Алексий (Соловьев, 17.1.1846–19.9.1928) – иеросхимонах Зосимовой пустыни. Родился в Москве в приходе Симеона Столпника в семье священника. После окончания Московской Духовной Семинарии (1866) и женитьбы (12.2.1867) на Анне Павловне Смирновой (27.1.1872) рукоположен во диакона (19.2.1867) и назначен в храм Свт. Николая в Толмачах. Рукоположен во иерея (4.6.1895) и определен пресвитером в Большой Успенский собор Кремля. Переехал в Зосимову пустынь (24.10.1898), пострижен игуменом Германом (30.11.1898) с именем Алексий, в честь святителя Алексия, митрополита Московского. Постепенно к старцу Алексию за духовным советом и утешением стали стекаться люди со всех концов России. К нему (как и к отцу Герману) за духовным советом обращалась и преподобномученица Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. Ушёл в затвор (6.6.1916). Участвовал в монашеском съезде в Троице-Сергиевой Лавре (июль 1917), где был избран на Всероссийский Церковный Собор. Именно он, после Литургии в храме Христа Спасителя, вынул из ларца перед образом Владимирской иконы Божией Матери жребий с именем Патриарха – свт. Тихона. Пострижен в схиму (1919) с тем же именем – в честь Алексия, человека Божия. После закрытия Зосимовой пустыни переехал вместе со своим келейником отцом Макарием в дом духовных своих детей в Сергиевом Посаде на улице Дворянской. Там он и скончался. 26.7.1994 одновременно с прославлением преп. Зосимы состоялось перенесение мощей старца Алексия с городского кладбища Сергиева Посада в Зосимову пустынь. Канонизирован на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 13–16.8.2000.

395 - Сказанное невольно вызывает в памяти обстановку в Ипатьевском доме в Екатеринбурге, где произошло цареубийство. Достаточно сказать об известной надписи в полуподвальной комнате на немецком языке (из Гейне), наряду с каббалистической, имеющей символический смысл.

396 - Только 13.11.1917 большевики назначили комиссаром по охране ценностей Кремля художника-авангардиста Казимира Малевича. Уже в первые годы новой власти богатейшая ризница Успенского собора была разграблена. Часть национальных и духовных ценностей была использована для выплат по заключённому 3.3.1918 Брестскому миру с Германией (буквально на вес!).

397 - «...Особенно сильно пострадал,— читаем в газете “Русское слово» 12 ноября 1917 г., — московский кабинет научно-судебной экспертизы, один из лучших кабинетов этого рода во всей Европе по своему оборудованию. Дорогостоящие, редкие аппараты разбиты. Многие совершенно уничтожены и не могут быть восстановлены. Фотографические камеры сломаны или похищены, лаборатории разгромлены. В лабораториях не осталось “неисследованным», кажется, ни одного пузырька. Искали, очевидно, спирт...» Также после занятия Кремля революционными войсками был совершён погром архива Министерства Императорского Двора. В дошедшем до нас документе читаем: «Вот лежит богато изданный, в дорогом позолоченном переплете, коронационный сборник 1896 г., он весь исколот штыками. ... Все портреты Царствовавших Лиц, давно уже снятые со стен и лежавшие в стороне за шкафами, обезображены до неузнаваемости. Часть стен облита чернилами и украшена надписями — есть и прямо заборного характера — посредством обмакнутого в чернила пальца. ... Те документы, на которых строились по всей Руси известные труды И.Е. Забелина по описанию быта русской жизни с древнейших её времен, теперь лежат поруганные и буквально загаженные, т. к. разрушители и грабители в нескольких местах Дворцового архива поустроили отхожие места» (После обстрела

Московского Кремля. Публикация В. Седельникова // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 446, 448).

³⁹⁸ - Андрей Александрович Салов (ок. 1876-?) – член Собора, член Московского окружного суда.

³⁹⁹ - До расстрела Спасской башни Кремлёвские куранты вызванивали мелодию гимна «Коль славен наш Господь в Сионе» (см. комм. 372). Участник артиллерийского расстрела Кремля Н.С. Туляков, орудия которого дислоцировались на Швивой горке, гордился, что он «влепил» снаряд в часы на Спасской башне и те перестали играть «старорежимный» гимн. При ремонте в 1920 г. слесарь Н.В. Беренс, а также художник и музыкант М.М. Черемных, починив часы, «научили» их играть «Интернационал».

⁴⁰⁰ - Вот как описывает свои впечатления от посещения Красной площади в первые пореволюционные дни будущий священник и новомученик отец Сергей Сидоров: «Молчали куранты Спасской башни, у безкрестных могил бились красные Знамена, как далёкий сон, колебался сквозь изморось Василий Блаженный. Ветер гулял на тёмном просторе площади, свистел и ярился в улицах и проездах... Ночью сами собой звонят колокола в Кремле. Говорят, что в тихие ночи кто-то стонет в подземельях. Говорят, огни голубые сияли у Лобного места. У Святых ворот я сижу со странником Иваном Родионовым. Москва умерла, Кремль заперт, молчат часовни, у Иверской какая-то пошлая подпись и тяжёлый железный засов. Странник говорит мне о подвиге последнем, о том, что было откровение ему в молитве, что тогда придёт Господь на землю, когда каждая пядь её освятится Безкровной Жертвой. “Вот теперь начинается освящение. Знаете, сколько святынь разыскивают, чтобы их отдать по музеям, ну а мы их тоже каждый день в другое место уносим. А потом уже два есть среди странников священника, и антиминсы и сосуды имеют и служат по дорогам. Их ждёт мученичество, они это знают. Вот вчера здесь, на Красной площади, в четыре часа заупокойную служили. А сколько знамений, и как это не все ещё видят?!”» (Записки священника Сергея Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В.С. Бобринской. М.:

Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1999. С. 139).

⁴⁰¹ - «...В марте 1918-го, – пишет историк и москвовед В.Ф. Козлов, – начался новый акт трагедии –переезжавшее из Петрограда Советское правительство выбрало Кремль для своей резиденции. Как вспоминают очевидцы, в Москве Совнаркому предложили разместиться в Дворянском женском институте в Запасном дворце у Красных ворот или в зданиях Кремля. По настоянию Я.М. Свердлова было принято решение предоставить для ВЦИК и СНК бывший Сенат. Несомненно, организаторы Октябрьского переворота могли чувствовать себя спокойно лишь за мощными кремлёвскими стенами. Отныне в Кремль можно было попасть лишь по пропуску. Первым делом весной 1918 г. новые хозяева сокрушили памятник Царю-Освободителю Александру II, исполнив волю В.И. Ленина. Тем временем ВЦИК и СНК своими многочисленными службами и охраной, подобно гигантскому спруту, захватывали здания Московского Кремля. В 1919–1920 гг. Потешный дворец был занят автобазой, Малый Николаевский дворец приспособлялся под пулемётные курсы. В интерьерах сбивали Царских орлов, разбирали Троны. Уже в 1918 г. были изгнаны монашеские из древнейших в Москве Чудова и Вознесенского монастырей. В этой акции главную роль играли В.И. Ленин, Я.М. Свердлов и первый комендант Кремля П.Д. Мальков. К третьей годовщине Октября одну из площадей Кремля (у Арсенала) назвали в честь террориста И.П. Каляева, убившего в 1905 г. Великого Князя Сергея Александровича, а древним улицам Кремля было предложено присвоить имена Карла Маркса, III Интернационала, Октябрьской революции, однако от этого тогда воздержались. Весной 1922 г. Кремлёвские храмы подверглись откровенному ограблению со стороны властей: в фонд Помгола изъяли множество риз, богослужебных сосудов, крестов, предметов из серебра и золота весом более 300 пудов, тысячи драгоценных камней. Большой Кремлёвский дворец срочно приспособляли для проведения съездов советов и партии, конгрессов Интернационала. В Золотой палате разместили кухню, в

Грановитой открыли общественную столовую, а на первом этаже Патриарших палат устроили туалет. В Чудовом монастыре было решено объединить все лечебные учреждения Кремля. Обживали Кремль и вожди революции. В Сенате, Потешном дворце и корпусах у Арсенала со своими семьями разместились В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин и другие. Конечно, эти люди и их подручные не могли спокойно смотреть на оставшиеся в Кремле древние символы Российской государственности. Лишь отсутствие средств и твёрдая позиция музейного отдела Наркомпроса РСФСР помешали уже в 1923 г. сбросить с кремлёвских башен Двуглавых орлов. В начале 20-х гг. с Никольской башни был удален образ Казанской Божией Матери, а в середине этого же десятилетия комендатура Кремля снесла четыре часовни, стоявшие по обеим сторонам Спасских и Никольских ворот. В середине 20-х гг. разбирали Царский трон в Андреевском зале Большого Кремлёвского дворца и мраморный иконостас в усыпальнице Великого Князя Сергия Александровича под церковью Святителя Алексия в Чудовом монастыре. Тогда же красноармейцы сломали и частично сожгли иконостас XVIII в. из домово́й церкви Николаевского дворца. С конца 20-х гг. решили перейти от частичных переделок некоторых зданий к коренному переустройству всего Кремля. Никто уже не вспоминал заверения о том, что правительственные учреждения лишь временно разместятся в древнем ансамбле. Летом 1928 г. для расширения Кремлёвского сада была уничтожена небольшая церковь Константина и Елены, находившаяся неподалёку от Спасских ворот. А в 1929 г. ВЦИК принял решение о сносе двух величайших святынь: Чудова монастыря, основанного в XIV в. Московским митрополитом Алексием, и женской Вознесенской обители – усыпальницы Великих Княгинь и Царевен Руси. Но и этого показалось мало. Были снесены две церкви – Благовещения на Житном дворе и стариннейший московский храм – Спаса-на-Бору, приютившийся во двореке Большого Кремлёвского дворца. В конце 1929 г. по распоряжению коменданта Петерсона допуск экскурсантов на территорию Кремля был практически

прекращён. А вскоре исчезли изображения Спасителя над Спасскими воротами, Николая Чудотворца на Никольской башне, Знамения Пресвятой Богородицы и Пресвятой Троицы на Троицких воротах. В 30-е гг. была реконструирована и Красная площадь. В центре красной столицы снесли Воскресенские (Иверские) ворота с часовней и Казанский собор. А в 1961 г. на месте Кавалерского и Гренадерского корпусов поднялось огромное, диссонирующее с обликом древнего ансамбля здание дворца съездов. В довершение ко всему ещё через шесть лет там, где до 1918 г. высился памятник Царю-Освободителю, установили монумент вождю революции. Так великая российская святыня злой волей была превращена в полузакрытый государственный идеологический заповедник со всеми атрибутами нового культа. Даже сейчас, несмотря на демократические реформы и возвращение соборов Русской Православной Церкви, значительная часть Кремля остается недоступной для простых смертных» (Московский журнал. 1992, № 4. С. 30–31).

402 - В 1917 г. возникло Православное Братство ревнителей святынь Московского Кремля, которое совместно с братствами отдельных Московских соборов предпринимало безуспешные попытки охранять народные святыни.

403 - Последнее церковное торжество в Кремле – интронизация Всероссийского Патриарха Тихона – состоялось в Успенском соборе (Доме Пресвятой Богородицы) 21.11.1917. На следующий день архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) сказал: «Не забудем мы этого момента, тех часов, когда утру глубоко подходили мы к священному Кремлю – сердцу России. Не сразу пропустили даже нас – священнослужителей для участия в этом святом торжестве. Под разными предлогами чинили нам всякого рода препятствия» (Церковные ведомости. 1918. № 6. С. 343). Невозможность для верующих в течение почти что пяти месяцев помолиться в чтимых храмах вызвало заявление Собора и представителей православных приходов в совнарком: «Это народное чувство, несомненно, примет ещё более определенное и, может быть, даже резкое выражение, если в дни Страстной и Пасхальной

недель, когда обычно Кремлёвские храмы бывают переполнены народом, доступ в них будет стеснён» (Церковные ведомости. 1918. № 19–20. С. 621–622). Вечером 27.4.1918 помнаркома имуществ республики Е.В. Орановский сообщил Ленину: «Кремль многие считали ограбленным, церкви – осквернёнными. Допустить народ в Пасхальную ночь – лучший способ доказать, что на религиозные чувства мы не посягаем, а, главное, мы настолько сильны, что не боимся на целую ночь сделать Кремль доступным для всех граждан и в то же время покажем сохранность соборов...” (Наука и религия. 1987. № 11. С. 17). Пасхальное богослужение состоялось. «Наступила одна из тревожнейших ночей моей жизни, – вспоминал Орановский. – Меры охраны были приняты самые суровые (службу нёс 1-й Латышский полк. – С .Ф .) [...] Гудели колокола Ивана Великого. Стрелки в оцеплении пускали боевые световые ракеты. Кремль поминутно озарялся голубым сиянием. Всё было усыпано огнями пасхальной иллюминации. Убедившись, что все необходимые меры приняты, я прошёл к дверям Успенского собора к моменту выхода процессии с хоругвями и издали смотрел, как последний раз (это было несомненно) совершался древний «языческий» [sic!] обряд... “Последний раз ходят”, – услышал я знакомый голос Владимира Ильича. Он с некоторыми товарищами тоже пришёл посмотреть на последний выход Пасхального церковного парада [sic!] из Успенского собора. Всё кончается. Кончилась и эта тревожная ночь, и кончилась благополучно...» (Там же. С. 18). Момент окончания этой службы лёг в основу замысла картины П.Д. Корина «Реквием, или Уходящая Русь». Интересно, что портреты к этой, так и не завершённой картине появились благодаря помощи художнику митрополита, а тогда викария Московской епархии, епископа Трифона (в миру князя Б. А. Туркестанова, или Туркишвили), ведшего ту последнюю службу. Есть сведения, что 16.8.1922, по специальному разрешению властей, в Успенском соборе состоялся молебен живоцерковников. После длительного перерыва первый праздничный молебен в честь 400-летия установления Патриаршества на Руси и панихиду по блаженнопочившим Российским Патриархам в Успенском

соборе совершил в присутствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена (бывшего на Пасхальном богослужении 1918 г. и даже изображённого на этюде к картине Корина) митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (13.10.1989). Первую Божественную литургию совершил в Соборе Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (23.9.1990).

404 - Епископ Владивостокский Михаил (Богданов, 9/22.7.1925) – хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии (30.8.1907). Епископ Самарский и Ставропольский (11.7.1914). В эмиграции (1918). Епископ Владивостокский (1919).

405 - Александр Ильич Дутов (1864–7/19.2.1921) – участник первой мировой войны, командир сотни 1-го Оренбургского казачьего полка. После февральского переворота 1917 г. на Общеказачьем съезде в Петрограде избран председателем Союза Казачьих Войск. Оренбургским Войсковым Кругом призван на пост Войскового атамана и произведён в полковники (сент. 1917). После октябрьского переворота 1917 г. создал казачью армию, во главе которой сражался с красными. При власти адмирала А.В. Колчака – Походный атаман всех Сибирских Казачьих Войск; произведён в чин генерала. Под давлением превосходящих сил большевиков отступил в Семиречье, откуда, преодолев в марте 1920 г. труднопроходимый перевал Кара-Сарык, вышел к китайской границе и пересёк её. Казачий отряд был интернирован в г. Суйдун (Восточный Туркестан). Собрал около себя всех ушедших в Китай казаков, атаман старался поддерживать их боевой дух. Смертельно ранен вместе с двумя казаками охраны красным агентом Чанушевым. Скончавшиеся были похоронены в одной могиле.

406 - Генерал П.П. Иванов-Ринов – бывший полицмейстер.

407 - Речь идёт о письме от игумена Иоаннкия, сорботника Патриарха Тихона и митрополита Евсевия (Никольского).

⁴⁰⁸ - Имеется в виду епископ Владивостокский Михаил (Богданов). См. комм. 404.

⁴⁰⁹ - Речь идёт о Послании Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Крутицкого Петра (Полянского) об отношении к обновленчеству от 15/28 июля 1925 г. См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917–1943. Сб. в двух частях. М. 1994. С. 418–421.

⁴¹⁰ - См. далее её письмо митрополиту Антонию (Храповицкому).

⁴¹¹ - Лев Михайлович Карахан (1889–1937) – заместитель народного комиссара иностранных дел советского правительства. Полномочный представитель СССР в Пекине (с 8.8.1923), советский посол в Китае. Подписал 31.5.1924 с представителями Китая два соглашения и семь деклараций. Дуайен дипломатического корпуса в Пекине (апрель 1925). В конце 1925 г. русские эмигранты совершили на него покушение. В декабре 1927 г. китайская сторона разорвала с СССР дипломатические отношения. (См. об этом: Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск. 1999. С. 79–101). Впоследствии заместитель наркома иностранных дел СССР (1927). Полпред СССР в Турции (1934). Репрессирован.

⁴¹² - В самый день начала совместного советско-китайского управления КВЖД 3.10.1924 китайской полицией были арестованы прежний управляющий дорогой Б.В. Остроумов и начальник Земельного отдела Н.Л. Гондатти. Это вызвало не только возмущение русских жителей Харбина. На состоявшемся вечером того же дня совещании консулов США, Франции, Англии и Японии решено было добиваться освобождения арестованных, подозреваемых, как выяснилось, в присвоении средств КВЖД и взяточничестве. Не найдя никаких доказательств, впоследствии их вынуждены были отпустить. «После освобождения из тюрьмы Остроумов участвовал в строительстве железной дороги от Харбина на Хуланчен, а затем – в 1928 г. – уехал в Южную Азию. Н.Л.

Гондатти остался жить в Харбине, играя одно время активную роль в политической жизни белой эмиграции» (Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае. С. 91).

⁴¹³ - Епископ Симон (Виноградов, 1876–24.2.1933) – родился во Владимире в семье священника. Окончил Владимирскую Духовную Семинарию и Казанскую Духовную Академию (1902) со степенью кандидата богословия. Принял мошашеский постриг от рук владыки Антония (Храповицкого) (7.5.1899). Рукоположен в иеродиакона (1899) и иеромонаха (1901). Назначен в Российскую Духовную Миссию в Китае. Возведён в сан архимандрита (1907). Епископ Шанхайский, викарий Пекинской епархии (17.9.1922). Начальник 19-й Миссии (1931). Архиепископ.

⁴¹⁴ - Вместо зачёркнутого «просьбе» – С.Ф.

⁴¹⁵ - Митрополит Пекинский Иннокентий (Фигуровский) скончался 15/28 июня 1931 г.

⁴¹⁶ - По всей вероятности, именно о нём пишет советский дипломат (второй секретарь Посольства СССР в Китае) С.Л. Тихвинский. В октябре 1945 г. он пользовался в Бэйпине (Пекине) услугами «адвоката Рябина», председателя бэйпинского Общества советских граждан, в том числе и при знакомстве с Начальником Российской Духовной Миссии в Китае архиепископом Виктором (Святым) {Тихвинский С.Л. Начальник 20-й Миссии владыка Виктор. Воспоминания Генерального консула СССР в Пекине // История; Российской Духовной Миссии в Китае. Сборник статей. М. 1997. С. 319, 320}.

⁴¹⁷ - Скорее всего имеется в виду архиепископ Мелетий. См. публикуемый нами отрывок из его письма митрополиту Антонию (Храповицкому) 1931 г.

⁴¹⁸ - Имеется в виду епископ Пекинский и Китайский Виктор (Святин, 2.8.1893–18.8.1966) – родился в семье диакона в г. Верхнеуральске Оренбургской губернии. Окончил Оренбургскую Духовную Семинарию и Казанскую Духовную Академию. Ушёл на фронт. Воевал на Кавказе. После развала армии вернулся в Челябинск, где был назначен начальником

Организационного отдела Белой армии в Оренбурге. Штабс-капитан. Тяжело больной тифом был вывезен в Китай. В стенах Китайской Духовной Миссии принял монашеский постриг, был рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. Командирован во Владивосток, в Восточный институт для изучения китайского языка (1921 – окт. 1922). Архимандрит (1929). Хиротонисан во епископа Шанхайского, викария Пекинской епархии (6.11.1932 в Белграде). Епископ Пекинский и Китайский (фев. 1933). Начальник 20-й Миссии (июль 1934). Архиепископ (сентябрь 1938). В 1930-е гг. –председатель Антикоминтерновского союза Северного Китая. Воссоединился с Русской Православной Церковью (1945). Архиепископ Краснодарский и Кубанский (31.5.1956). Митрополит (20.6.1961).

419 - О контактах Е. Литвиновой с представителями Московской Патриархии см. в публикуемом нами письме епископа Нестора митрополиту Антонию от 11.10.1925. Она же, как мы помним, состояла в переписке с состоящим в юрисдикции Московской Патриархии митрополитом Японским Сергием, от которого получила «длинное письмо» перед приездом владыки Нестора.

420 - См. лл. 10–12 данного дела.

421 - Великий Князь Никита Александрович (4.1.1900–12.9.1974) – сын Вел. Кн. Александра Михайловича и Вел. Кн. Ксении Александровны, сестры Императора Николая II. В браке (19.2.1922–1936) с графиней М.И. Воронцовой-Дашковой. В эмиграции в Англии, Франции и Америке. В частично уже цитированной нами в жизнеописании митрополита Нестора записке «Общее политико-стратегическое положение на Дальнем Востоке с русской национально-патриотической точки зрения», составленной в 1929 г. по просьбе европейских монархистов писателем и журналистом, капитаном 2-го ранга Б.П. Апрелевым (1951), читаем: «Тут очень говорят, что во главе Великого Княжества Забайкальского лучше всего было бы иметь Великого Князя НИКИТУ АЛЕКСАНДРОВИЧА и при нём впредь до выработки основных законов Государства иметь Правительство, составленное персонально из наиболее нужных для местных условий деловых людей, то есть главным образом

известных русских специалистов по вопросам финансов, путей сообщения, народного просвещения, внутренних дел и вооруженных сил» (Хоалин А. Государь и Дальняя Россия. М. – Владивосток. 1999. С. 96–97).

⁴²² - Далее приводится текст самого определения. См. опубликованный Указ Архиерейского Синода № 633 – С.Ф.

⁴²³ - Епископ Феофил (Пашковский, 1874–1950), Чикагский. Скончался в сане архиепископа Сан-Францисского и митрополита всей Америки и Канады под запрещением в священнослужении. После смерти митрополита Северо-Американского Платона (Рождественского), «в 1934 году на его место его последователями был избран епископ Феофил, подтвердивший со своим собором самочинную автономию американской церкви, за что 4 января 1935 года все епископы этой церковно-раскольнической ориентации, во главе с Феофилом, Московской Патриархией были объявлены подпавшими одинаковому суду и запрещению с умершим в этом состоянии и отколовшимся от Св. Церкви митрополитом Платоном. В 1935 году последователи митрополита Платона в Америке (феофиловцы) объединились с отколовшимися ранее от Матери-Церкви и состоявшими в запрещении, по определению последней, карловчанами» (Правда о религии в России. М. 1942. С. 279–280).

⁴²⁴ - Митрополит Александр (Немоловский, 1875–1960) – хиротонисан во епископа (17.11.1909). Временно управляющий Алеутской епархией (10.12.1918). Уехал в Константинополь (1921). Архиепископ Брюссельский и Бельгийский в юрисдикции Константинопольской Патриархии (1936). Воссоединился с Московской Патриархией (1945). Митрополит (28.11.1959).

⁴²⁵ - Митрополит Серафим (Лукиянов, 1870–1959) – хиротонисан во епископа Сердобольского, викария Финляндской епархии. Епископ Финляндский и Выборгский (январь 1918). Архиепископ (1920). С 1923 г. не управлял епархией Финляндской и Выборгской, так как не согласился с её переходом в юрисдикцию Патриарха Константинопольского и должен был покинуть Финляндию (1925). Митрополит Евлогий

(Георгиевский) направил его в Лондон на правах своего викария. Перешёл в состав Русской Православной Церкви за границей. Митрополит Западноевропейских русских церквей. В своём послании начала 1942 г. призывал: «Да будет благословен час и день, когда началась великая славная война с III Интернационалом. Да благословит Всевышний великого вождя германского народа, поднявшего меч на врагов Самого Бога». Воссоединился с Московской Патриархией (1945). Патриарший Экзарх Западной Европы в сане митрополита (август 1946 – ноябрь 1949), с февраля 1949 г. – на покое. Вернулся в СССР в 1954 г.

⁴²⁶ - Имеется в виду 1-й Дальневосточный отдел Министерства иностранных дел СССР.

⁴²⁷ - Стандартные обвинения богоборцев, безразлично советских или постсоветских. Как это делается в наши дни видно на примере недавней кампании по дискредитации епископа Екатеринбургского и Верхотурского Никона.

⁴²⁸ - Речь идёт о № 26 за октябрь 1937 г. «Луч Азии» был ежемесячным журналом созданного указом правительства Маньчжудзю 28.12.1934 г. Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурии.

⁴²⁹ - Епископ Никандр (Викторов, 1891–1961), Цицикарский, викарий Харбинский – происходил из семьи протоиерея Ярославской епархии. Окончил Казанскую Духовную Академию (1915). В Маньчжурию прибыл с Белой армией, в которой служил военным священником. Близкий друг атамана Г.М. Семёнова. В годы японской оккупации – главный священник Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурии. Настоятель Никольского кафедрального собора в Харбине (до 1946 г.). Согласно сведениям управляющего Генконсульством СССР в Харбине Малинина, «проводил работу среди верующих с целью привлечения их к поклонению японской богине Аматерасу» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Е. х. 434. Л. 142). Митрополитом Нестором хиротонисан во епископа Цицикарского. Скончался в СССР в сане архиепископа.

430 - [*] (Депортирован в Союз). (Звёздочка вписана пером). Эти отдельно напечатанные слова в круглых скобках подчеркнуты пером и относятся к той части телеграммы, которая помечена звездочкой. Эти слова из подлинной телеграммы епископа Никандра Патриарху Алексию исключены в Совете по делам Русской Православной Церкви (см. следующий документ).

431 - Дата подчеркнута красным карандашом.

432 - См. предыдущий документ.

433 - Имеется в виду Патриарх Алексий.

434 - Дана Ананьевым – старшим инспектором Совета по делам Русской Православной Церкви.

435 - Так, известно, что в дни юбилейных торжеств 1936 г. в Харбине по случаю 20-летия архиерейской хиротонии Владыки церковный староста И.Я. Ласуненко поднёс архиепископу Нестору книгу воспоминаний Владыки «о Камчатке», а отец Нафанаил (Львов) и К.А. Караулов – книгу воспоминаний Владыки «о детстве и юношестве» (Заря. Харбин. 1.11.1936. №296. С. 9; 02.11.1936. №297).